

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2

1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **С. А. Арутюнов**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. М. Дробижева**, **Г. Е. Марков**, **Л. Ф. Моногарова**,
А. П. Окладников, **Д. А. Ольдерогге**, **А. И. Першиц**, **Н. С. Полищук**
(зам. главн. редактора), **Ю. И. Семенов**, **В. К. Соколова**, **С. А. Токарев**,
Д. Д. Тумаркин (зам. главн. редактора), **К. В. Чистов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва В-36, ул. Д. Ульянова, 19.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ТОЛСТОВ

(1907—1976)

Советская этнографическая наука понесла тяжелую утрату. 28 декабря 1976 г. скоропостижно скончался член-корреспондент Академии наук СССР, почетный член Академии наук Узбекской ССР, лауреат Государственной премии, доктор исторических наук, профессор Сергей Павлович Толстов — выдающийся ученый — этнограф, археолог, историк-востоковед.

Сергей Павлович был человеком разносторонних интересов и исключительной эрудиции. Его исследования, основанные на широком использовании данных этнографии, археологии, лингвистики, антропологии, географии и других смежных дисциплин, получили широкое признание не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Научную деятельность Сергей Павлович всегда сочетал с большой и плодотворной работой по подготовке научных кадров историков, археологов, этнографов как для РСФСР, так и для союзных республик, особенно республик Средней Азии. Его учеников и последователей можно встретить во всех этнографических центрах нашей страны.

С именем Сергея Павловича Толстова связано формирование основных направлений и разработка важнейших проблем советской этнографии¹, расширение сферы деятельности и превращение в подлинный центр этнографической науки Института этнографии АН СССР, который он возглавлял почти четверть века. С его именем связано также открытие высокой цивилизации древнего Хорезма и культуры степных полукочевых племен Приаралья.

Образ Сергея Павловича Толстова — замечательного ученого, которого отличали большой научный и организаторский талант, необыкновенная, самоотверженная преданность науке, огромная и разносторонняя эрудиция, постоянный творческий поиск нового, большое человеческое обаяние, навсегда сохранится в памяти его коллег и учеников.

Увлечение этнографией определилось у С. П. Толстова еще с юношеских лет. Поступив в 1923 г. на Физико-математический факультет Московского государственного университета, он стал изучать этнографию, антропологию и первобытную археологию на кафедре антропологии, созданной Д. Н. Анучиным. Во время учебы в университете началась научная деятельность С. П. Толстова как этнографа анучинской школы, последовательного сторонника комплексных методов исследования. Уже в 1925—1927 гг. он участвовал в антропологической комплексной экспедиции МГУ, возглавив ее этнографический отряд. Этнографические исследования сначала велись им среди русского населения Ветлужского края (Горьковская область), затем среди наро-

¹ См.: С. П. Толстов. Этнография и современность. — «Сов. этнография» (далее СЭ), 1946, № 1; *его же*. Советская школа в этнографии. — СЭ, 1947, № 4; *его же*. В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии. — СЭ, 1949, № 1; *его же*. Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР. — СЭ, 1951, № 3; *его же*. Сорок лет советской этнографии. — СЭ, 1957, № 5; *его же*. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии. — СЭ, 1960, № 6.

дов Поволжья и Центрально-Промышленной области — горных и луговых марийцев, различных этнографических групп мордвы и татар, тверских карел. С. П. Толстов участвовал и в археологических работах антропологической комплексной экспедиции МГУ.

В 1927 г. появилось в печати его первое этнографическое исследование — «Русские крестьянские постройки», ставшее важным вкладом в изучение русской материальной культуры. В этой статье С. П. Толстов предложил новую типологию русского народного жилища, основанную на оригинальных, собранных им полевых материалах.

В те же годы, будучи студентом МГУ, Сергей Павлович работал в музеях: с 1926 г. в Московском областном, а с 1929 г. — в Музее народоведения. Он принимал также деятельное участие в организации краеведческого движения в нашей стране — был председателем студенческой секции Центрального Бюро краеведения.

В 1929 г. С. П. Толстов перешел на Историко-этнологический факультет МГУ, который и закончил в 1930 г.

Первая же этнографическая поездка в Хорезм в 1929 г. определила основной круг научных интересов молодого исследователя, сосредоточившихся с этого времени на истории, археологии и этнографии Средней Азии. Воссозданию многовековой истории ее народов он посвятил всю свою жизнь. В 1934 г. С. П. Толстов закончил в Ленинграде аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) по специальности история и археология Средней Азии. По возвращении в Москву он был назначен ученым секретарем, а потом заведующим Московским отделением Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК); в 1937 г. — стал заведующим открывшейся на Историческом факультете МГУ кафедры этнографии. Однако научно-организационная и преподавательская работа не помешала ему развить широкие исследования в Средней Азии. В Музее народов СССР им была создана экспозиция отдела народов Средней Азии. В том же 1937 г. начала свои работы основанная С. П. Толстовым Хорезмская археологическая (впоследствии археолого-этнографическая) экспедиция, которая успешно работает и по сей день.

В первые дни Великой Отечественной войны С. П. Толстов вступил в ряды народного ополчения и вскоре стал офицером артиллерийской разведки. Он участвовал в боях под Ельней и Можайском и во время битвы под Москвой был тяжело ранен. После демобилизации, вернувшись к работе в Академии наук СССР, Сергей Павлович в 1942 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Древний Хорезм». В декабре того же, 1942 г., он был назначен директором Института этнографии АН СССР, получив разрешение организовать Московскую группу. В 1944 г. С. П. Толстов вступил в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

Руководство Институтом Сергей Павлович сочетал с преподавательской работой. Он по-прежнему был заведующим кафедрой этнографии, а в 1943—1945 гг. — и деканом Исторического факультета МГУ. В лекциях по этнографии, которые С. П. Толстов читал в предвоенные и первые послевоенные годы (до 1952 г.), проявились его талант исследователя и педагога, огромная эрудиция. Влияние его личности, постоянное ощущение в общении с ним творческого поиска нового, поиска трудного, но в то же время необыкновенного, романтического и интересного, привлекали к нему молодежь: большинство этнографов среднего поколения — его бывшие ученики; весь коллектив Хорезмской экспедиции — ученики Сергея Павловича, начавшие свой путь в науку под его руководством еще со студенческой скамьи.

С 1949 по 1954 г. С. П. Толстов работу в Институте совмещал с должностью заместителя Главного ученого секретаря Президиума АН СССР. В 1953 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР.

В течение 20 лет — с 1946 по 1966 г. — Сергей Павлович был главным редактором журнала «Советская этнография». В значительной мере благодаря его усилиям на страницах журнала всегда находили отражение наиболее важные и интересные открытия, исследования, теоретические дискуссии в области этнографии и смежных дисциплин.

* * *

Став директором Института этнографии в годы Великой Отечественной войны, С. П. Толстов столкнулся со многими трудностями. Особенно остро встал вопрос о кадрах этнографов — многие сотрудники Института погибли на фронте и в блокированном Ленинграде. Сергей Павлович сосредоточил в Институте квалифицированных специалистов, ученых-этнографов, рассеявшихся в годы войны по разным городам. К концу Великой Отечественной войны подавляющее большинство ведущих ученых-этнографов Москвы и Ленинграда стали сотрудниками Института этнографии АН СССР. К работе в Институте привлекались археологи, географы и специалисты других профессий, участие которых было необходимо в полевых исследованиях и в комплексной разработке новых сложных и актуальных этнографических и смежных с ними проблем.

В первые же послевоенные годы Сергей Павлович возглавил работу над капитальным многотомным изданием «Народы мира». Придавая первостепенное методологическое значение этому изданию, он писал в 1957 г., что коллектив Института понимал всю трудность стоявшей перед ним задачи: «Здесь фактически не было предшественников. Помимо того, что стояла задача создать первый капитальный этнографический труд, построенный на основе марксистско-ленинской методологии, надо было дать труд, отражающий в историческом освещении современное положение, современную культуру, быт и образ жизни всех народов мира. Существующие четыре многотомных издания по общей этнографии — три немецких и одно итальянское — имеют целью отразить отнюдь не современное положение народов, а их „традиционную“ культуру, описываемую, по существу, без временных рамок, по материалам то начала XX в., то середины XIX, то даже конца XVIII в.»².

Подготовка многотомной серии «Народы мира» и разработка других крупных проблем потребовали широкого сбора и накопления новых этнографических материалов, в том числе и по народам СССР, собиравшихся до этого без строгого, единого плана, отдельными этнографами, по интересующим их, подчас довольно узким темам. Результатом такой работы была фрагментарность сведений о многих народах, недостаточность их для обобщений и сопоставлений, множество «белых пятен». Для преодоления этого препятствия в дальнейшем развитии науки по инициативе С. П. Толстова был принят метод проведения полевых исследований путем организации крупных комплексных экспедиций, в задачу которых входило планомерное обследование и сбор этнографических, археологических и антропологических материалов на территории больших историко-культурных регионов и областей. Так, в 1945 г. возобновила свои исследования Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, были вновь организованы Прибалтийская, Памиро-Ферганская (позднее Киргизская) комплексные экспедиции и другие. Экспедиции работали в течение многих лет большими отрядами, в составе которых были и ученые республиканских научных центров. Широкий масштаб полевых исследований, их серьезное планирование стали одной из новых традиций в советской этнографической науке.

² С. П. Толстов. Сорок лет советской этнографии, с. 41—42.

В послевоенные годы возникла необходимость сосредоточить силы этнографов на развитии одного из основных научных направлений — этнографическом изучении современности. С. П. Толстову вместе с ведущими сотрудниками Института (П. И. Кушнер, И. И. Потехин и другие) пришлось приложить много усилий для преодоления еще не изжитого полностью у некоторой части этнографов предубеждения против этой тематики. Как известно, в предвоенные годы существовала тенденция к сужению профиля этнографии, сведению ее к изучению лишь пережитков первобытнообщинного строя. Борьбу с подобного рода тенденциями С. П. Толстов вел постоянно, с самого начала своей научной деятельности, — в статьях и докладах, в повседневной работе с сотрудниками Института. «Советский этнограф», — писал он в 1946 г., — к какой бы национальности он ни принадлежал, прежде всего активный участник культурной жизни и строительства того народа, изучению которого он себя посвятил. Он такой же гражданин советской Родины, как и те, над наследством культуры которых он работает; они вместе строят одну и ту же социалистическую советскую культуру, в какие бы национальные формы она ни выливалась»³. Постепенно новое прогрессивное направление в этнографии укрепилось.

В каждой экспедиции Института работали отряды по изучению быта колхозного крестьянства, началась авторская работа над коллективными монографиями о быте и культуре колхозного крестьянства Таджикистана, Киргизии, Латвии, русского села Вирятино и др. В 1951 г. в Ленинграде состоялось Всесоюзное этнографическое совещание, мобилизовавшее этнографов всех республик на разработку проблем культуры и быта рабочих и колхозников по материалам разных регионов, разных наций, народностей и этнографических групп. И за сравнительно короткий срок — конец 1940-х — 1950-е гг. — был собран обширный материал, обеспечивший освещение нового быта, во всех томах серии «Народы мира», посвященных народам СССР. В то же время сотрудники зарубежных секторов Института, используя разнообразные новейшие источники и установившиеся научные связи с зарубежными учеными, обеспечили введение в соответствующие тома сведений по современному положению, культуре и быту народов Африки, Америки, Австралии и Океании, зарубежных стран Европы и Азии.

Многотомное издание «Народы мира», получившее высокую оценку научной общественности в нашей стране и за рубежом, — одно из крупнейших достижений советской этнографии послевоенных лет — является также своего рода научным памятником С. П. Толстову, его огромной многолетней работе организатора, руководителя авторского коллектива и ответственного редактора этого большого и поистине новаторского труда, при создании которого пришлось заново пересмотреть едва ли не все основные концепции и проблемы мировой этнографической науки.

В дальнейшем С. П. Толстов стремился к углублению работы Института в области этнографии современности, к разработке таких теоретических проблем ее как развитие социалистических наций и народностей. По его инициативе была написана коллективом авторов одна из первых работ об основных направлениях этнических процессов в СССР⁴. Он был сторонником усиления научных связей этнографов с географами и социологами и стал инициатором создания этногеографического подразделения в Институте.

Велика была роль С. П. Толстова и в разработке других, не менее крупных и сложных тем научно-исследовательского плана Института этнографии, связанных с проблемами истории первобытного общества,

³ С. П. Толстов. Этнография и современность, с. 7.

⁴ В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко. Основные направления этнических процессов у народов СССР. — СЭ, 1961, № 4.

этногенеза и этнической истории, истории культуры, религий и др.⁵. В исследованиях по историко-этнографической тематике Сергей Павлович всегда выступал поборником последовательного применения метода историзма, придавая первостепенное значение датировке этнографических явлений. Как уже отмечалось, игнорирование хронологии он считал одним из главных пороков буржуазной этнографической литературы. В докладе на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов в Париже (1960 г.) С. П. Толстов на конкретных примерах показал «насколько зыбки некоторые широко распространенные этнографические „теории“, последователи которых не учитывают элемента абсолютной хронологии и не исследуют (прежде чем делать общеобязательный вывод) историю конкретных бесписьменных народов»⁶. Собственные исследования Сергея Павловича, например, одна из его важнейших теоретических статей — «Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии»⁷, были убедительным примером научной плодотворности применения методов строгого историзма и комплексного анализа с использованием данных истории, археологии, этнографии, антропологии и других наук.

Отдавая много сил и времени научно-организационной работе, Сергей Павлович необычайно плодотворно работал и как ученый-исследователь. Его перу принадлежит более 300 работ, освещающих различные вопросы общей этнографии, истории, археологии и этнографии Средней Азии и многие общие вопросы востоковедения. Крупнейшие из них — широко известные монографии «Древний Хорезм» (1948 г.), «По следам древнехорезмийской цивилизации» (1948 г.), «По древним дельтам Окса и Яксарта» (1962 г.).

С. П. Толстов внес большой вклад в разработку проблемы истории первобытного общества. Он одним из первых в советской науке поставил вопрос о необходимости критического подхода к наследию Моргана, о правомерности уточнения его положений с помощью новых научных данных. Предложенный им в 1946 г. вариант периодизации истории первобытного общества⁸ явился важным шагом в творческом развитии марксистской науки о первобытном обществе. Занимаясь проблемами первобытной истории, С. П. Толстов особое внимание уделял проблеме дуально-родовой организации как первой универсальной формы родового общества, наложившей глубокий отпечаток на все мировоззрение и психологию этого общества.

С 1929 г., на протяжении всего своего творческого пути, Сергей Павлович был неутомимым исследователем Средней Азии и Казахстана, одним из крупнейших знатоков исторического прошлого народов этого региона и древних истоков их многовековой богатой культуры, традиционных форм быта. Наряду с разработкой проблем, непосредственно относящихся к истории и этнографии этих народов, он во многих случаях, опираясь именно на среднеазиатские источники и материалы, вел свои изыскания в области общих проблем этнографии, истории первобытного общества и др. Это обусловило особую значимость и ценность научного вклада С. П. Толстова в среднеазиатскую этнографию, обогащенную его теоретическими концепциями, обобщениями и гипотезами.

Так, ряд общетеоретических положений и выводов, касающихся архаических институтов родового общества — дуальной организации, группового брака, тайных мужских союзов и др. — содержатся в

⁵ См. Т. А. Жданко, Ю. А. Рапопорт, Н. Н. Чебоксаров. Сергей Павлович Толстов (к 60-летию со дня рождения). — СЭ, 1967, № 1, с. 130—138.

⁶ С. П. Толстов. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии, с. 17.

⁷ См. «Вопросы истории», 1961, № 11.

⁸ С. П. Толстов. К вопросу о периодизации истории первобытного общества. — СЭ, 1946, № 1.

«Древнем Хорезме»; значительный вклад в разработку проблемы тотемизма сделан С. П. Толстовым в работе «Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен»⁹; в другой его ранней работе — «Очерки первоначального ислама»¹⁰, были впервые сформулированы основы концепции о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях, получившей дальнейшее развитие в трудах М. Г. Левина, Н. Н. Чебоксарова, Б. В. Андрианова, Я. В. Чеснова и др. Подобных примеров можно было бы привести немало.

Вряд ли существует какая-либо проблема среднеазиатской этнографии, не затронутая в трудах С. П. Толстова. Еще в 1942 г. в Ташкенте, на первой сессии по этногенезу народов Средней Азии, он наметил, на основании исторических и этнографических данных, главные этапы и главные этнические компоненты формирования каждого из народов этого региона и попытался определить те периоды средневековья, когда «этногонический и глоттогонический процесс у данного народа достигает ступени, близкой к завершению, когда становятся ясными его грядущие этнолингвистические результаты»¹¹. В дальнейшем во многих трудах Сергея Павловича нашла отражение более детальная разработка этногенеза некоторых среднеазиатских народов (каракалпаков, туркмен и др.). С. П. Толстов был также ведущим автором вводного очерка «Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана» к среднеазиатским томам серии «Народы мира»¹². Его концепция этногенеза народов данного региона до настоящего времени является основой разработки этой сложной проблемы. Новые открытия в области археологии, лингвистики, палеоантропологии и других смежных наук дают возможность детализировать и углублять ее исследование.

Сергей Павлович положил начало изучению и других кардинальных проблем среднеазиатской этнографии, таких как историческая роль кочевников и полукочевников, их взаимоотношения с земледельческим населением оазисов, особенности общественного строя и культуры степных скотоводческих племен региона в разные исторические периоды, региональные и межрегиональные этнокультурные связи народов Средней Азии, вопросы генезиса различных обычаев и обрядов, история ислама и его среднеазиатская специфика, реликты древних доисламских религий и верований и т. д. Богатство и многогранность содержания работ С. П. Толстова неисчерпаемы, каждая из них вызывает у исследователей захватывающий интерес, становится источником для творческих исканий, новых мыслей и гипотез, новой постановки казалось бы давно решенных вопросов и раскрывает широкие научные горизонты благодаря большой эрудиции автора, его свободной ориентации в историко-этнографических проблемах Передней Азии, Индии и др. стран Востока, в материалах многих смежных наук.

С. П. Толстов всегда подчеркивал особую важность контактов археологии и этнографии, необходимых, по его мнению, при разработке многих аспектов исторических исследований. Им был выделен особый отдел этнографической науки — палеоэтнография¹³, опирающаяся в решении той или иной проблемы как на этнографические, так и на археологические материалы. Вместе с тем С. П. Толстов всегда придавал большое значение использованию этнографических материалов для исторических реконструкций при анализе археологических данных.

⁹ «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10.

¹⁰ СЭ, 1932, № 2.

¹¹ Сб. «Советская этнография», т. VI—VII, М.—Л., 1947, с. 303.

¹² «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1962, с. 38—114.

¹³ С. П. Толстов. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии, с. 12.

В конце 1930-х годов перед советскими историками встала задача создания истории молодых среднеазиатских республик. В это время в центре внимания были проблемы социального строя народов Востока, в частности, спорные вопросы общественного строя народов домусульманской Средней Азии. Именно тогда были организованы крупные археологические экспедиции, задачей которых было получение новых источников для решения этих сложных исторических проблем. Исследования Хорезмской археологической экспедиции стали делом жизни С. П. Толстова и принесли ему мировую славу.

Поразительные впечатления, под воздействием которых оказывается каждый, впервые, да и не только впервые, увидевший в пустыне древний оазис, очень поэтично и в то же время точно были выражены С. П. Толстовым в одной из вводных глав к его книге «Древний Хорезм»: «Повсюду, до горизонта, поднимались среди песков силуэты построек. Казалось, что ты затерян в каком-то заколдованном царстве, в мире миража, ставшего трехмерным и материальным. Но сказку надо было сделать историей. Надо было прочесть книгу мертвого Хорезма»¹⁴. В книге «Древний Хорезм» и были подведены первые итоги четырех довоенных лет работы Хорезмской экспедиции, когда ученые начали проникать в тайны «мертвого Хорезма». В ней, пожалуй, наиболее ярко проявилась творческая индивидуальность С. П. Толстова-исследователя. Книга написана увлеченно, ярко, захватывающе. Несмотря на то, что с момента публикации этой книги прошло почти 30 лет, она поражает свежестью мысли, а некоторые ее положения, основанные, по меркам нынешнего времени, на весьма скудном фактическом материале, прошли испытание временем и позволяют говорить об удивительной научной интуиции С. П. Толстова.

В «Древнем Хорезме» была впервые дана четкая периодизация истории Хорезма от эпохи неолита до средневековья, основанная на использовании данных всех видов исторических источников, в первую очередь археологических. В книге рассмотрена история хорезмийской ирригации — этой основы основ хозяйства и жизни населения Средней Азии. Здесь впервые были собраны и систематизированы новые данные, свидетельствующие о господстве рабовладельческого уклада в Средней Азии в домусульманское время, тезис, который С. П. Толстов пытался обосновать для кочевых и оседлых народов Средней Азии, располагая довольно ограниченным кругом данных и письменных источников.

Самостоятельное значение в этом труде имеет анализ явлений религиозной идеологии. Он вылился во всестороннее и глубокое исследование эволюции средне- и переднеазиатских религий и религиозных течений, начиная с наиболее ранних ее стадий, связанных с дуальной организацией и тотемизмом.

Ряд теоретических положений и гипотез, выдвинутых в этой монографии, послужил отправной точкой для работ многих исследователей. Нет сомнения, что к ней будет обращаться еще не одно поколение ученых.

Реорганизация после войны Хорезмской археологической экспедиции в комплексную археолого-этнографическую была продиктована стремлением использовать этнографические исследования для наиболее полного воссоздания этнической истории и истории культуры тех народов, которые населяют сейчас Хорезмский оазис, и в то же время желанием поставить результаты научных изысканий экспедиции на службу социалистическому строительству.

Во введении к книге «По древним дельтам Окса и Яксарта» С. П. Толстов выделяет три крупные исторические проблемы, стоявшие перед экспедицией: общественный строй земледельческих оазисов Сред-

¹⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, с. 27—28.

ней Азии; история древних русел Амударьи и Сырдарьи — их формирование и заселение человеком, и связанная с ней история хорезмийской ирригации; история кочевников и полукочевников, их взаимоотношений с населением оазисов; историческая роль их в экономической и культурной жизни страны¹⁵. Решение первой из указанных проблем было предложено С. П. Толстовым еще в «Древнем Хорезме», последующие же работы экспедиции по исследованию таких великолепных памятников хорезмийской античности как Топрак-кала и Кой-крылган-кала дали новый фактический материал по общественному строю земледельческих оазисов Средней Азии. В этой связи, в частности, следует назвать находку Топрак-калинского хозяйственного рукописного архива (документы на деревянных дощечках и коже), прочтенного В. А. Лившицем и С. П. Толстовым и дающего новые доводы в пользу рабовладельческой структуры хорезмского общества эпохи античности.

Послевоенные работы Хорезмской экспедиции по инициативе и под руководством С. П. Толстова приняли большой размах и развернулись на новой методической основе. Хорезмская экспедиция стала одной из самых крупных и наиболее современно технически вооруженных археологических экспедиций нашей страны. Участие в ее работах, помимо археологов и этнографов, географов, геоморфологов, почвоведов, антропологов значительно расширило рамки исследований и углубило их. Здесь С. П. Толстовым впервые в мировой археологической практике в специальных целях и в широком масштабе были применены аэрометоды: визуальная авиаразведка, перспективная и плановая аэрофотосъемка, аэрофотограмметрия, археологические авиадесанты для изучения затерянных в песках памятников.

Маршрутные исследования охватили огромные площади пустынь Приаралья и Прикаспия. Назовем лишь некоторые из открытий экспедиции. В послевоенный период широко развернулись работы по изучению первобытных памятников на территории Хорезма. Под руководством Сергея Павловича были проведены комплексные исследования на древних руслах Амударьи и Сырдарьи, где были открыты сотни стоянок эпохи неолита и бронзы.

Наряду с раскопанной С. П. Толстовым неолитической стоянкой Джанбас 4, ставшей своеобразным эталоном для северного степного неолита Средней Азии¹⁶, были обнаружены сотни стоянок этого и более позднего времени¹⁷. В последние годы ведутся раскопки стоянки Джанбас 31, на которой так же, как и на стоянке Джанбас 4, сохранились остатки жилища, превосходный кремневый и костяной инвентарь, керамика.

Большим событием явилось открытие могильников эпохи бронзы Кокча 3¹⁸ и заповедника стоянок эпохи бронзы с сохранившимися остатками домов и ирригационной сетью, датирующейся, как и поселения, второй половиной II тысячелетия до н. э.¹⁹

Огромный интерес специалистов вызвал открытый в низовьях Сырдарьи могильник эпохи поздней бронзы — Северный Тагискен, место захоронения вождей племен. Погребения совершались в мавзолеях, выстроенных из сырцового кирпича и дерева, и сопровождалась богатым погребальным инвентарем, включавшим помимо прекрасной посуды, изделия из золота и бронзы²⁰. Колоссальную работу проделал Сергей Павлович, продолжая начатые до войны исследования по истории и

¹⁵ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 16.

¹⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм, с. 59 сл.

¹⁷ А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма. — «Материалы Хорезмской экспедиции» (далее МХЭ), в. 8, М., 1967.

¹⁸ «Могильник Кокча 3». — МХЭ, в. 5, М., 1967.

¹⁹ М. А. Итина. История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тыс. до н. э.). — «Труды Хорезмской экспедиции» (далее ТХЭ), т. X, М., 1977.

²⁰ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 80 сл.

культуре античного Хорезма. Очень важный для изучения периода становления хорезмийской государственности цикл работ, продолжающийся и сейчас, был начат им на городище Кюзели-гыр (VI—V вв. до н. э.). В Правобережном Хорезме был раскопан храм-мавзолей, связанный с астральными культами — Кой-крылган-кала (IV в. до н. э. — IV в. н. э.).²¹ Мировую известность, благодаря работам С. П. Толстова, приобрели стенные росписи и скульптуры первых веков нашей эры, обнаруженные при раскопках дворца хорезмийских царей на городище Топрак-кала²². В последние годы экспедиция ведет раскопки жилых кварталов на городище и прилегающего к нему так называемого Северного комплекса.

Исследование античных памятников на территории Южного Приаралья — городищ, укреплений, дворцовых и храмовых комплексов, сельских поселений — дало огромный материал по хозяйственной и политической истории, истории общественной организации, культуры, религии Хорезмского государства в VII—VI вв. до н. э. — III—IV вв. н. э.

Большой размах работ экспедиции был, если можно так выразиться, обеспечен и педагогическим талантом С. П. Толстова. Он сумел объединить вокруг себя большое число археологов и этнографов, подготовив из них высококвалифицированных специалистов по разным отраслям археологической и этнографической науки. Ученики Сергея Павловича, а в последнее время и ученики его учеников, работают не только в центральных научных учреждениях, но и во многих научных учреждениях Средней Азии.

На новой методологической основе и с привлечением широкого круга специалистов С. П. Толстовым были задуманы и осуществлены комплексные археолого-геоморфологические исследования древних русел Амударьи и Сырдарьи, значение которых трудно переоценить²³. Они продолжают и поныне и имеют большое научное и практическое значение. Засушливый климат Средней Азии в глубокой древности предопределял зависимость расселения людей на той или иной территории от степени ее обводненности. Изучение древней гидрографической сети и расположенных в зоне ее действия исторических памятников позволили воссоздать историю древнего населения Южного Приаралья от эпохи неолита до позднего средневековья. Развитие ирригационного земледелия в Хорезмском оазисе в значительной мере способствовало превращению Хорезма в античное время в государственное образование с централизованной властью. Широкие исследования древней ирригации дали возможность С. П. Толстову опровергнуть тезис о необратимом усыхании земель древнего орошения Средней Азии. Работы Хорезмской экспедиции показали, что историческая динамика оросительных систем определяется, прежде всего, социальными факторами, а не природными, что упадок искусственного орошения и запустение цветущих оазисов обусловлены социальными и политическими причинами — опустошительными войнами, ростом феодальной раздробленности, феодальными усобицами. Когда общество переживало кризис, природные факторы (размывы и наводнения, смывавшие плотины и дамбы, перемещение сыпучих песков, засоление культурных площадей и т. д.) усугубляли опустошение культурных земель и вызывали перемещение земледельческого населения²⁴. Все эти процессы были зафиксированы не только в ходе археологических раскопок, но и в процессе археолого-этнографи-

²¹ «Кой-крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э.», — ТХЭ, т. V, М., 1967.

²² С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 204 сл. В настоящее время готовится к изданию двухтомник, посвященный раскопкам на Топрак-кале.

²³ См.: «Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения», — МХЭ, в. 3, М., 1960.

²⁴ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 316.

ческих исследований позднесредневековых (туркменских) оросительных систем на оз. Сарыкамыш²⁵, покинутых туркменских поселений XIX в. на Дарьялыке, каракалпакских — в низовьях Сырдарьи²⁶.

Исследование истории древних русел на аллювиальных дельтовых равнинах Амударьи и Сырдарьи, картирование древней ирригационной сети и установление хронологии расположенных в зоне ее действия исторических памятников, позволили С. П. Толстову авторитетно заявить, что земли древнего орошения низовий Амударьи и Сырдарьи площадью около 5 млн. га²⁷ могут быть грандиозным резервом нового освоения. Этот вывод способствовал привлечению Хорезмской экспедиции к решению некоторых задач, непосредственно связанных с решением народнохозяйственных проблем. Так, в последние годы, в связи с проектом переброса части стока вод сибирских рек в бассейн Арала, по заданию «Союзводпроекта» Хорезмская экспедиция вновь обследовала земли древнего орошения и подготовила археолого-геоморфологическую карту с нанесенной на ней древней ирригационной сетью, геоморфологические и археологические характеристики которой должны помочь оптимально использовать для нужд земледелия и животноводства земли, которые будут находиться в зоне действия будущего канала²⁸. Карта-схема древних ирригационных систем Хорезма, создание которой было задумано и осуществлено С. П. Толстовым²⁹, уже давно используется местными ирригаторами при освоении новых территорий: нередко, вместо того, чтобы рыть новые, они расчищают древние каналы и пускают по ним воду. Сейчас, в связи с грандиозными планами освоения новых земель, выдвинутыми на XXV съезде КПСС, перед Хорезмской экспедицией встают серьезные задачи. Можно быть уверенными, что, благодаря большому опыту работ в этом направлении, являющимися прямым результатом научного предвидения и удивительного чувства нового, присущих С. П. Толстову, экспедиция с этими задачами справиться.

История кочевых и полукочевых племен, территория расселения которых граничила с земледельческими оазисами, — третья большая проблема, из поставленных С. П. Толстовым. Работы экспедиции по изучению истории племен, населявших степи к востоку и северо-востоку от Хорезмского оазиса в нижнем течении Сырдарьи, открыли для науки ранее известные лишь по письменным источникам сакские племена, часть которых во II в. до н. э. сыграла важную роль в падении Греко-Бактрийского царства.

Погребальные памятники саков низовьев Сырдарьи, среди которых есть очень ранние, датируемые VII—VI вв. до н. э. (Южный Тагискен и Уйгарак)³⁰, их укрепленные оседлые поселения, характер хозяйства, значительное развитие ремесел показали, что это были отнюдь не кочевники, как принято было считать. По словам С. П. Толстова, это было «общество, далеко продвинувшееся вперед в своем развитии, общество, которое помимо скотоводческого хозяйства имело своеобразные и довольно совершенные формы ирригационного земледелия и развитое ремесло»³¹.

²⁵ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с 264—265.

²⁶ Там же, с. 300—314.

²⁷ Там же, с. 321.

²⁸ Б. В. Андрианов, М. А. Итина, А. С. Кесъ. Земли древнего орошения Юго-Восточного Приаралья: их прошлое и перспективы освоения. — СЭ, 1974, № 5.

²⁹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, карта-схема между с. 46 и 47; *его же*. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, карта-схема в конце книги; *его же*. По древним дельтам Окса и Яксарта, карта-схема в конце книги. См. также: Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.

³⁰ С. П. Толстов, М. А. Итина. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена). — «Сов. археология», 1966, № 2; О. А. Вишневская. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. — ТХЭ, т. VIII, М., 1973.

³¹ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 200.

С. П. Толстов всегда подчеркивал взаимозависимость, и прежде всего экономическую, между населением оазиса и степи. В последние годы этот тезис был подтвержден и материалами Левобережного Хорезма. Более того, сейчас «мирное сосуществование» оседлоземледельческого населения оазиса и подвижного полукочевого населения прилегающей пустыни — носителей культуры степной бронзы, фиксируется уже для конца II тыс. до н. э. — эпохи поздней бронзы (низовья Амударьи, Мургаб).

Как уже говорилось, Хорезмская экспедиция не случайно была задумана С. П. Толстовым как комплексная. Детальное изучение родоплеменного состава, исторических народных традиций и преданий позволило впервые осветить с должной обоснованностью многие проблемы этногенеза каракалпаков, северохорезмских узбеков и туркмен, казахов низовий Аму- и Сырдарьи. Были обнаружены черты общности некоторых этапов их этнической истории и связи их этногенеза со степными племенами, обитавшими в Приаралье в древности и в средневековье. В историко-этнографическом аспекте изучались также и проблемы типов хозяйства, истории общественного строя, материальной и духовной культуры, семейного быта.

Впервые были исследованы особенности комплексного земледельческо-скотоводческо-рыболовческого хозяйства полукочевого населения дельтовых областей, истоки которого столь ярко прослеживаются на археологическом материале.

Еще сравнительно недавно население Средней Азии традиционно делилось на земледельцев и кочевников, и существование третьего этнографического компонента — полуседлого населения, совершенно не учитывалось. А между тем к хозяйственно-культурному типу полуседлых земледельцев и скотоводов принадлежит большинство туркмен, каракалпаки, узбеки-аралы и часть присырдарьинских казахов. Они селились на окраинах оазисов и в низовьях или дельтах крупных рек, занимаясь нерегулярным поливным и каирным земледелием в сочетании с пустынным пастбищным скотоводством, а зачастую и рыболовством³².

Таким образом, исследования этнографов с привлечением данных археологии показали, что на территории расселения этих племен комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство существовало с древнейших времен. Такая традиционность в экономике, естественно, не могла не сказаться на характере общественной организации, духовной культуре, на всей этнической истории этих племен.

Интереснейшие данные, касающиеся глубоких корней современной архитектуры и строительной техники народов Средней Азии, дает комплексное археолого-этнографическое изучение жилища. Это относится как к строительной технике — применение сырцового кирпича, пахсы (битая глина), сооружение каркасных построек из дерева и камыша, обмазанных глиной, так и к планировке жилищ. Указанные строительные материалы и приемы известны здесь с эпохи неолита; что же касается планировки жилищ, то два ее широко распространенных типа прослеживаются на материалах сельских усадеб с VII—VIII вв. и до наших дней³³. Такая устойчивость планировки сельских жилищ во времени дает этнографам и археологам блестящую возможность для исследования эволюции форм общественной организации, большесемейной общины в частности³⁴, а сходство сельских жилищ узбеков, туркмен и каракалпаков — еще одно свидетельство сложных путей их этногенеза.

³² Т. А. Жданко. Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана. — СЭ, 1961, № 2, с. 55—58.

³³ Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, с. 80—85; там же литература вопроса.

³⁴ Е. Е. Неразик. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки. М., 1976.

Специальные циклы исследований экспедиции были посвящены изучению реликтов доисламских верований, древних семейных обычаев и обрядов, своими корнями уходящих в глубокую древность³⁵. Во многих случаях удалось обнаружить явные пережитки зороастризма — религии, проявление которой в погребальном обряде четко зафиксировано археологически на территории Хорезма³⁶. В последнее время удалось провести исследование древней музыкальной культуры Хорезма. В основу его был положен, с одной стороны, иконографический материал, добытый в процессе раскопок, с другой — современные среднеазиатские музыкальные инструменты и инструментальные ансамбли³⁷.

Большой круг исторических проблем, находящихся в центре внимания С. П. Толстова, широкие хронологические и территориальные рамки исследований, их комплексный метод, дали возможность углубленно заняться этногенезом и этнической историей народов Средней Азии. Помимо специальных работ, посвященных этой проблеме («Аральский узел этногонического процесса», «Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии» (1947 г.), «Огузы, печенеги, море Даукара» (1950 г.), «К вопросу о происхождении каракалпакского народа» (1947 г.) и др., этногенезу уделяется большое внимание во всех его археологических работах. Основные заключения С. П. Толстова о древнейших и средневековых этапах этногенеза народов Средней Азии прочно вошли в науку, хотя, разумеется, каждое новое археологическое, историческое и этнографическое открытие вносит уточнения в разработку этой проблемы.

Научная деятельность С. П. Толстова получила заслуженно высокую оценку в нашей стране и за ее пределами. Он удостоен нескольких правительственных наград. В 1948 г. за научный труд «Древний Хорезм», ему была присуждена Государственная премия первой степени. Сергей Павлович был удостоен званий заслуженного деятеля науки и техники Узбекской ССР, заслуженного деятеля науки Таджикской ССР, заслуженного деятеля науки Каракалпакской АССР. В 1956 г. его избрали почетным членом Академии наук Узбекской ССР. В связи с 250-летием Академии наук он был награжден орденом Дружбы Народов, что как нельзя более соответствовало его заслугам в создании истории народов Средней Азии, в изучении этногенеза, этнической истории и культуры народов нашей многонациональной Родины. Многие его труды переведены на среднеазиатские, ряд трудов — на иностранные языки. Полные переводы книги «По следам древнехорезмийской цивилизации» вышли в ГДР, Польше, Венгрии, Чехословакии, сокращенный перевод — во Франции, пересказ — в Японии. С. П. Толстов читал лекции о своих археологических исследованиях в Лондонском, Оксфордском и Кембриджском университетах, в Париже и в Риме.

Признанием выдающихся научных заслуг С. П. Толстова было избрание его членом-корреспондентом АН ГДР, почетным членом Итальянского института Среднего и Дальнего Востока, Парижского азиатского и антропологического обществ, Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии, археологического департамента Индии, членом-корреспондентом школы Восточных и Африканских исследований Лондонского университета.

Коллектив Института этнографии, сотрудники, коллеги, друзья и ученики Сергея Павловича Толстова навсегда сохраняют светлую память об этом замечательном человеке — коммунисте, патриоте, ученом и педагоге, ставшем одним из основоположников советской этнографической науки.

Т. А. Жданко, М. А. Итина

³⁵ Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

³⁶ Ю. А. Рапопорт. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.

³⁷ Р. Л. Садоков. Музыкальная культура древнего Хорезма, М., 1970.

Ю. И. Семенов

ОБ ИЗНАЧАЛЬНОЙ ФОРМЕ ПЕРВОБИТНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Положение исторического материализма о том, что в основе общества лежит система производственных, социально-экономических отношений, в равной степени справедливо по отношению ко всем общественно-экономическим формациям, включая и первобытнообщинную¹. Поэтому понятно, какое огромное значение для изучения истории первобытного общества имеет разработка теории его социально-экономической структуры.

Долгое время сколько-нибудь плодотворная работа в этой области была невозможной в связи с отсутствием достаточного количества добротного фактического материала. В настоящее время, когда в рамках этнографической науки оформилась дисциплина, специализирующаяся на исследовании экономических отношений первобытного и протоклассового обществ,— экономическая антропология или этноэкономика², разработка теории первобытной экономики стала не только возможной, но и насущно необходимой. Выполнение этой задачи стало потребностью развития самой науки.

Непревзойденным образцом теории социально-экономической структуры конкретной общественно-экономической формации является созданная К. Марксом политическая экономия капитализма. Теории экономики³ других общественно-экономических формаций не могут не отличаться от теории капиталистической экономики. И это понятно. Их объектами являются иные системы производственных отношений, качественно отличные от капиталистической. Но при всем отличии они должны быть сходными с экономической теорией, созданной гением Маркса, по крайней мере, в одном отношении. Подобно тому как теория капиталистической экономики, созданная К. Марксом, является воспроизведением внутренней объективной логики эволюции капиталистической системы производственных отношений, теория любой экономики должна представлять собой воспроизведение объективной необходимости соответствующей системы социально-экономических отношений. Относится, разумеется, это и к теории первобытной экономики. Разработка последней с необходимостью предполагает выделение основных этапов эволюции первобытных производственных отношений и раскрытие внутреннего механизма перехода от одного этапа к другому.

Следует сразу же подчеркнуть, что проблема эволюции первобытной экономики относится к числу наименее разработанных в этноэкономической литературе. Современные зарубежные исследователи, как правило,

¹ Подробнее об этом см. Ю. И. Семенов. О специфике первобытных производственных (социально-экономических) отношений.— «Сов. этнография», 1976, № 4.

² Об истории и современном состоянии этой дисциплины см. Ю. И. Семенов. Теоретические проблемы «экономической антропологии».— Сб. «Этнологические исследования за рубежом». М., 1973.

³ Термин «экономика» имеет несколько смыслов. В данном случае под экономикой понимается система производственных отношений, образующая фундамент общества.

вообще отказываются ставить вопрос о стадиях эволюции первобытных производственных отношений. Они в основном ограничиваются выделением и описанием различных их форм, нередко при этом подчеркивая, что данные формы нельзя рассматривать как стадии развития⁴. Исследователей, стоявших на позициях марксизма, всегда характеризовало стремление подойти к первобытной экономике исторически. Однако, обращаясь к первобытным производственным отношениям, они чаще всего изображали их эволюцию только как процесс разложения первобытного коллективизма. При этом нередко упускалось из вида, что сам первобытный коллективизм не оставался неизменным и что изменения, которым он подвергался, не могут быть охарактеризованы просто как его разложение. В течение длительного периода времени первобытный коллективизм не разлагался, не вытеснялся и не заменялся качественно иными отношениями, а развивался, менял формы, переходил с одной ступени развития на другую. И вполне понятно, что теория первобытной экономики должна прежде всего быть воспроизведением объективной логики развития первобытного коллективизма.

Когда ставится задача создания схемы эволюции того или иного явления, особую важность приобретает вопрос о начальном, исходном ее моменте. Без правильного ответа на него невозможно создание претендующей на соответствие с действительностью схемы развития. Вопрос об исходной форме первобытных производственных отношений или, что то же самое, о начальной стадии эволюции первобытного коллективизма крайне сложен.

Сложность эта в первую очередь связана с тем, что этнографии не известен ни один народ, экономические отношения у которого находились бы на самой первой стадии. Все без исключения первобытно-общинные социальные организмы, с которыми имеет дело этнография, далеко ушли от исходного состояния, не говоря уже о том, что все они подверглись воздействию со стороны более развитых народов. Последнее обстоятельство тоже не могло не сказаться, причем иногда весьма существенно, на их экономике.

Таким образом, начальную стадию развития первобытной экономики нельзя наблюдать воочию. Ее можно только восстановить, реконструировать, основываясь на материалах, почерпнутых из наблюдений над народами, экономика которых в большей или меньшей степени отдалена от исходной.

Вполне понятно, что исследователь, поставивший своей задачей восстановить первоначальную форму первобытной экономики, должен прежде всего обратиться к данным, относящимся к народам, находящимся на возможно низкой стадии эволюции первобытного общества, в первую очередь к низшим охотникам и собирателям. Однако материалы, которыми располагает этнография об экономических отношениях в социальных организмах низших охотников и собирателей, носят большей частью отрывочный и фрагментарный характер. Это чаще всего отдельные места в описаниях путешественников и трудах этнографов. Из них можно понять, что в обществе этих народов господствовали коллективистические отношения. Но определить конкретную их форму зачастую представляется совершенно невозможным. Суждения наблюдателей, к сожалению, обычно носят самый общий характер.

Однако являясь трудной, задача реконструкции первоначальной формы первобытных производственных отношений не представляется совершенно невозможной.

Одна из важных особенностей эволюции первобытных коллективистических отношений заключается в том, что возникновение новой их фор-

⁴ «Primitive, archaic and modern economies. Essays of K. Polanyi», N. Y., 1968, p. 155, 156.

мы не означало полного исчезновения старой. Оно означало лишь сужение сферы действия старых форм коллективизма. Но последние долго еще продолжали существовать наряду с новыми, причем совершенно не обязательно лишь в виде пережитка. Как отмечают исследователи, в первобытных социальных организациях обычно одновременно действовало несколько разных систем распределения продуктов⁵.

В одно и то же время и внутри одного и того же круга лиц одни продукты распределялись по одним нормам, а другие — по другим. В одно и то же время одни и те же продукты распределялись между одними лицами по одним нормам, а между другими — по другим⁶. И наконец, в разное время и в разных условиях продукты могли распределяться между одними и теми же людьми по разным нормам. Иными словами, в одном и том же конкретном первобытном обществе нормы распределения могли быть различными в зависимости от того, какие именно продукты, между кем, в какое время и в каких условиях распределялись.

В одном и том же обществе сосуществовали различные формы не только распределения, но и обмена. Как отмечают многие исследователи, во многих первобытных обществах наличествовали обособленные друг от друга сферы циркуляции материальных благ, в каждой из которых действовали разные принципы распределения и обмена⁷.

Длительное сохранение старых социально-экономических отношений после возникновения новых открывает реальную возможность реконструкции последовательных стадий эволюции первобытной экономики. Но вполне понятно, что эта реконструкция будет истинной лишь при условии, если мы сможем правильно установить, какие именно из сосуществующих форм социально-экономических отношений являются более архаичными, а какие — новыми. Неверный ответ на этот вопрос неизбежно привел бы к созданию такой схемы эволюции, которая расходилась бы с действительностью.

Этнографические данные позволяют выявить некоторые объективные критерии различия между более и менее архаичными производственными отношениями.

Как уже неоднократно отмечалось в этноэкономической литературе, главным объектом собственности и распределения в первобытном обществе была пища. Именно объективная необходимость в нейтрализации влияния случайностей при добычании пищи в условиях, когда весь или почти весь общественный продукт является жизнеобеспечивающим, когда избыточной продукт отсутствует или мал, вызвала к жизни первобытный коллективизм, породила коллективистическую собственность и уравнильное распределение. Поэтому именно в сфере распределения пищи дольше всего сохранялись самые архаичные формы распределения. Даже у тех племен, у которых возникло имущественное неравенство и зачаточные формы эксплуатации человека человеком, нередко в сфере распределения пищи продолжали в значительной степени действовать нормы уравнильного распределения. В качестве примера можно указать на толова-тутуни Калифорнии, у которых отчетливо выраженное имущественное неравенство и долговое рабство существовали бок о бок с уравнильным распределением охотничьей добычи⁸.

⁵ D. Damas. Central Eskimo systems of food sharing.— «Ethnology», v. 11, № 3, 1972.

⁶ См., например, об этом: M. D. Sahlins. On the sociology of primitive exchange.— «The relevance of models for social anthropology». London, 1968, p. 149—158, 186—200.

⁷ См.: C. Du Bois. The wealth concept as an integrative factor in Tolowa-Tututni culture.— «Essays in anthropology». Berkley, 1936; P. Bohannan. Some principles of exchange and investment among Tiv.— «American Anthropologist», v. 57, № 1, 1955; R. F. Salisbury. From steel to stone: economic consequence of a technological change in New Guinea. Melbourne, 1962, p. 39—41; F. Firth. Primitive Polynesian economy. London, 1965, p. 340—344.

⁸ C. Du Bois. Указ. раб., с. 51.

У большинства народов, уже перешедших к земледелию и скотоводству, обычно продолжали сохраняться в качестве дополнительных занятий охота и собирательство. И если в новых областях деятельности утверждались новые формы производственных отношений, то в старых нередко продолжали сохраняться прежние, более примитивные. И вероятность сохранения в области распределения, например продуктов охоты, старых норм в таком обществе была тем большей, чем меньшую роль играли эти продукты в жизни общества. При этом у земледельческих народов иногда сохранялись в области распределения продуктов охоты такие нормы, которые исчезли у племен, продолжавших развиваться без выхода за пределы присваивающего хозяйства. И эти нормы могли не только сохраняться, но даже распространяться на иные продукты. Это позволяет привлекать для реконструкции начальной формы производственных отношений материалы по народам не только с присваивающим, но и производящим хозяйством.

Но наибольшие шансы на восстановление исходного пункта развития первобытной экономики дает очень своеобразное явление, которое можно было бы охарактеризовать как обратимость эволюции производственных отношений.

Прогресс первобытных производственных отношений теснейшим образом связан с увеличением объема производимого продукта, который в свою очередь является в конечном счете показателем уровня развития производительных сил. Самая архаичная, первоначальная форма производственных отношений соответствовала такому уровню развития производительных сил, когда создавался исключительно лишь жизнеобеспечивающий продукт. С появлением более или менее регулярного избыточного продукта возникла новая форма социально-экономических отношений. Дальнейший рост избыточного продукта имел своим результатом появление еще более прогрессивных форм.

Но в условиях присваивающего хозяйства объем созданного продукта зависел не только от степени совершенства средств труда и опыта производителей, но и от различного рода природных факторов, не поддающихся контролю человека. Эти факторы могли приводить как к возрастанию, так и уменьшению объема добываемого продукта. Такие колебания нередко носили чисто случайный характер. Но они могли также происходить более или менее систематически, что имело место тогда, когда эти колебания были обусловлены периодическими изменениями природных условий, в частности сменой сезонов года.

Вполне понятно, что иногда объем продукта уменьшался настолько, что он весь превращался исключительно лишь в жизнеобеспечивающий. И в первобытных обществах, в которых сокращение объема продукта происходило не от случая к случаю, а периодически, причем нередко в таких масштабах, что весь он становился жизнеобеспечивающим, нередко вырабатывалась такая форма обеспечения существования членов общества (а тем самым и самого общества), как обратимость производственных отношений. Когда весь продукт становился жизнеобеспечивающим, господствовавшие в нормальных условиях производственные отношения на время отходили на задний план, а взамен их выдвигались на первый план более архаичные формы, которые в предшествующее время либо совсем не проявлялись, либо играли второстепенную роль.

Наиболее изученным из такого рода обществ является эскимосское.

Отдельные группы эскимосов значительно отличались друг от друга уровнем социально-экономического развития. В одних группах создавался сравнительно большой избыточный продукт, что имело своим следствием возникновение довольно значительного имущественного неравенства. Таковы многие эскимосы Аляски. В других группах избыточный продукт был сравнительно невелик. Соответственно в них почти безраздельно господствовали коллективистические отношения. Таковы многие

эскимосы Канады (нетсилик, иглулик, медные, карибу), а также эскимосы Гренландии, прежде всего полярные. Именно материалы о формах распределения пищи в этих группах представляют наибольшую ценность для решения поставленной задачи. Обратимость экономических отношений по мере сокращения объема продукта бросается у них в глаза. Так, например, канадский этнограф Д. Дамас, выявив существование у центральных эскимосов (медных, нетсилик, иглулик) трех разных систем распределения мяса, писал, что «взятые вместе эти различные системы образуют перекрывающую и взаимосвязанную сеть распределения, которая обеспечивает страхование против капризов охоты и служит средством компенсации разного искусства охотников. При этом дедеж мяса являлся наиболее полным, когда охотничья добыча едва покрывает текущие нужды или ниже их»⁹.

Согласно утверждению подавляющего большинства исследователей, во всех эскимосских группах существовало то, что они именуют личной, индивидуальной или даже частной собственностью. Причем многие из них заявляют, что в собственности отдельных лиц или семей находилась пища. Особенно характерны в этом отношении сведения Д. Дженнесса о медных эскимосах. У них родственные элементарные семьи не только бродят в поисках добычи вместе, но иногда даже живут в одном помещении. Однако при этом не только орудия и утварь, но и запасы пищи, принадлежащие каждой из семей, хранятся отдельно, какими бы близкими ни были родственные узы¹⁰. И в дальнейшем изложении Д. Дженнесс подчеркивает неоднократно, что пища у медных эскимосов является семейной собственностью. И прежде всего это относится к пище, запасаемой на зиму. Как утверждает исследователь, взять пищу из чужого зимнего склада считается серьезным преступлением¹¹. О существовании у различных групп эскимосов семейной собственности на пищу вообще, зимние склады пищи прежде всего, пишут многие исследователи¹².

Однако те же авторы сообщают, что когда наступает голодная пора, все ограничения снимаются и пища становится общей собственностью. Каждый получает полное право взять из склада любой семьи пищу, в которой нуждается. Общей собственностью становится и любое животное, убитое в это время. Каждый получает право взять часть добычи, совершенно независимо от того, участвовал он в охоте или не участвовал¹³.

Но если у большинства эскимосских групп такого рода отношения носили экстраординарный характер, то у некоторых они были повседневным явлением. Так, например, согласно сообщению К. Расмуссена, еще в начале XX в. они чуть ли не господствовали в сфере распределения пищи у одной из групп эскимосов нетсилик. «Люди одного и того же селения,— писал он об уткиликьялингмиют,— живут совместно летом и зимой в состоянии такого резко выраженного коммунизма, что у них не существует даже дележа охотничьей добычи. Все мясо поедается сов-

⁹ D. Damas. Указ. паб., с. 227.

¹⁰ D. Jenness. The life of the Copper Eskimos.— «Report of the Canadian arctic expeditions 1913—1918», v. 12. Ottawa, 1922, p. 85.

¹¹ Там же, с. 90.

¹² H. Rink. Tales and tradition of the Eskimo: with sketch of their habits, religion, language and other peculiarities. Edinburgh and London, 1875, p. 29; K. Birket-Smith. The Caribou Eskimos. Material and social life and their cultural position. I.— «Report of the fifth Thule expedition 1921—1924» (далее — RTE), v. 5. Copenhagen, 1929, p. 143; K. Rasmussen. The Netsilik Eskimos. Social life and spiritual culture.— RTE, v. 8, № 1—2, Copenhagen, 1931; p. 147, 173; E. M. Weyer. The Eskimos. Their environment and folkways. Hamden, Conn, 1962, p. 184, 185.

¹³ H. Rink. Указ. паб., с. 28, 29, 31; D. Jenness. Указ. паб., с. 90; K. Birket-Smith. The Eskimos. London, 1936; p. 149; *его же*. The Caribou Eskimos, p. 263; E. M. Weyer. Указ. паб., с. 186.

местно столь быстро, сколь это возможно, хотя мужчины и женщины едят раздельно»¹⁴.

К выводу о том, что описанные отношения являются самыми архаичными из всех существующих у эскимосов, пришел в своей работе, посвященной общественному строю этого народа, советский этнограф Л. А. Файнберг. Он же обратил внимание на автоматическое восстановление этих архаичных норм во время голода¹⁵. На наш взгляд, описанные отношения являются не только самыми архаичными у эскимосов, но и вообще самой древней, исходной формой первобытных производственных отношений.

На самом раннем этапе эволюции первобытной экономики данные отношения были единственно существующими в первобытных социальных организмах. А это означало, что в сфере их действия находилась не только пища, но и весь вообще общественный продукт. Суть этих отношений заключалась в том, что все продукты труда, и прежде всего пищи, находились не только в полной собственности, но и в безраздельном распоряжении коллектива. Общественным продуктом мог распоряжаться только коллектив в целом, но ни один из его членов отдельно. Каждый член коллектива имел право на долю продукта, но она не поступала в ни в его собственность, ни в его распоряжение. Он не мог использовать ее для какой-либо иной цели, кроме непосредственного физического потребления. Иначе говоря, он мог потреблять ее и только. И вследствие этого процесс распределения пищи был теснейшим образом связан с процессом потребления.

Наглядным воплощением основной особенности этих отношений — перехода пищи только в потребление индивида, в его желудок, но не в его собственность и даже распоряжение — был способ распределения и одновременно потребления пищи, бытовавший у целого ряда эскимосских групп. Большой кусок мяса шел по кругу. Каждый мужчина отрезал от него такую порцию, которую мог взять в рот, и передавал следующему, который проделывал то же самое. К тому времени, когда кусок возвращался к тому же человеку, последний успевал прожевать и проглотить первую порцию и отрезал вторую. И таким образом кусок циркулировал до тех пор, пока его не съедали. Подобным же образом шел по кругу и сосуд с супом. Каждый делал глоток и передавал следующему. Такой метод распределения наблюдался как у центральных, так и полярных эскимосов¹⁶.

У эвенков было зафиксировано такого же рода распределение особого блюда, представляющего собой кашу из размельченного лосиного мяса. «Котел, — описывает А. Миддендорф, сам принимавший участие в трапезе, — обошел весь кружок, каждый брал полную ложку и передавал котел соседу. Опять соблюдалось высшее приличие с спокойным ожиданием очереди»¹⁷. То же самое наблюдалось и после охоты на медведя¹⁸.

Сходные порядки существовали у бушменов. У них большой кусок также переходил от одного присутствующего к другому и каждый при этом брал для себя весьма умеренную долю. Если пищи было мало, то брали ровно столько, сколько можно было проглотить за один прием¹⁹.

¹⁴ K. Rasmussen. The Netsilik Eskimos, p. 483.

¹⁵ Л. А. Файнберг. Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964, с. 117—120.

¹⁶ T. Mathiassen. Material culture of the Iglulik Eskimos.— RTE, v. 6, № 1, Copenhagen, 1928, p. 901; «Peter Freichen's book of Eskimo». Cleveland, N. Y., 1961, p. 138.

¹⁷ А. Миддендорф. Путешествие на Север и Восток Сибири, ч. II. Север и Восток Сибири в естественноисторическом отношении. СПб., 1869, с. 714.

¹⁸ Личное сообщение В. А. Туголукова.

¹⁹ L. Marshall. Sharing, talking and giving: relief of social tension among Kung Bushmen.— «Africa», v. 31, № 3, 1961, p. 235.

В связи со сказанным выше нельзя не вспомнить, что в русском языке слово «кусок» происходит от глаголов «кусать», «откусывать».

В этом же способе распределения находила яркое выражение и еще одна важнейшая особенность данных отношений — обеспечение доступа к пище всех членов коллектива. Ни один член коллектива не мог удовлетворять свою потребность за счет подавления потребностей других его членов. Пока пища имелась — доступ к ней был открыт для всех.

Если у названных выше народов описанный способ распределения наблюдался в повседневной жизни, то у папуасов сиане он сохранялся лишь в качестве своеобразного ритуала. Когда у них человек устраивал церемонию, во время которой вареная свинина распределялась между членами своего рода, то мясо при этом не делилось на порции между присутствующими. Свиная туша переходила поочередно от одного участника церемонии к другому, и каждый из них при этом откусывал один кусок. Туша передавалась по кругу до тех пор, пока мясо не кончалось. Важно отметить, что такого рода распределение в отличие от других форм раздачи не накладывало на получателей мяса никаких обязательств. Они не обязаны были отплачивать тем же ²⁰.

В силу неотделимости процесса распределения от процесса потребления все, что еще не потреблено, продолжает находиться в полной собственности и распоряжении всего коллектива. Поэтому каждый член коллектива имеет равное с остальными право на долю еще не потребленного продукта. Он может взять часть его, но с таким расчетом, чтобы это не лишило остальных членов коллектива возможности удовлетворить свои потребности.

Теперь, когда сущность данных отношений в основном вскрыта, встает вопрос об их обозначении. Понятие «первобытнообщинные отношения» является самым общим, охватывающим как данные отношения, так и многие другие, включая отношения личной собственности. Понятие первобытного коллективизма, которое мы использовали, является слишком неопределенным и расплывчатым.

Первобытный социальный организм, в котором господствовали описанные выше социально-экономические отношения, с полным правом может быть назван первобытной коммуной. Соответственно отношения, лежащие в его основе, могут быть охарактеризованы как первобытно-коммунистические, или коммуналистические. Коммуналистической может быть названа собственность. Соответственно коммуналистическими могут быть названы и являющиеся проявлением этой собственности уравнительные отношения распределения.

Однако первобытной коммуной с полным правом может быть назван социальный организм не только точно такого типа, но и вообще всякий, в котором безраздельно господствует общественная собственность на весь продукт. Как свидетельствуют данные этнографии, существует несколько разных форм коммуналистической собственности и соответственно несколько видов уравнительного, или коммуналистического, распределения.

Одна из особенностей описанной выше первоначальной формы коммуналистических отношений заключается в том, что при распределении продуктов, находящихся в полной собственности коллектива, ни один из его членов не получает своей доли от кого-то. Он просто берет ее из массы продукта, находящегося в собственности и распоряжении коллектива в целом. Поэтому такого рода отношения коммуналистического (уравнительного) распределения можно было бы назвать *разборными*. В соответствии с этим данную форму коммуналистической собственности можно было бы именовать *разборно-коммуналистической*

²⁰ R. F. Salisbury. Указ. раб., с. 102.

собственностью, а данные социально-экономические отношения — *разборно-коммуналистическими*.

В пользу положения о том, что разборно-коммуналистические отношения были первоначальной, исходной формой коммуналистических отношений, а тем самым и первобытнообщинных вообще, говорят данные не только этнографии. В нашей книге «Происхождение брака и семьи» в числе других тем была рассмотрена проблема генезиса социально-экономических отношений. Не повторяя сказанного в ней, подчеркнем только, что материалы приматологии, этологии, археологии и палеоантропологии, вместе взятые, свидетельствуют о том, что процесс становления производственных отношений мог завершиться только возникновением разборно-коммуналистических связей²¹.

Трудно сказать, когда именно окончательно завершился процесс становления разборно-коммуналистических отношений. Но есть все основания полагать, что это произошло еще в эпоху первобытного человеческого стада. Во всяком случае, на наш взгляд, не может быть сомнения в том, что сменившая на грани раннего и позднего палеолита первобытное стадо первобытная община была уже подлинной коммуной. На самом раннем этапе ее развития разборно-коммуналистические отношения господствовали в ней безраздельно.

Из всех известных народов разборно-коммуналистические отношения в наибольшей степени сохранились у эскимосов Канады и Гренландии. Помимо уже приведенных выше свидетельств, имеется и много других.

Обычная добыча в нормальных условиях в большинстве эскимосских групп не подлежала разбору. Она распределялась по иным правилам. Однако добыча, которая выделялась своими размерами, редкостью или другими особенностями, поступала непосредственно в общую собственность. Так, например, когда убивалось особо крупное животное, каждый мог прийти и взять свою долю, никого не спрашивая²². У некоторых групп эскимосов так же обстоит дело с первой в сезоне крупной добычей охотника, а также первой в жизни добычей юноши²³.

Если совместное потребление всей пищи в течение целого года всем селением, описанное К. Расмуссеном у уткиликьялингмиют, было редким явлением, то значительно более широкое распространение у центральных эскимосов имел обычай, согласно которому в летнее время пища для целого поселка готовилась поочередно замужними женщинами. Когда женщина, очередь которой подошла, кончала готовить, ее муж становился рядом с очагом и кричал, созывая всех жителей селения. При этом еда не распределялась между семьями. Все мужчины селения садились в круг. Другой круг образовывали женщины и дети. В каждом из этих двух кругов от одного человека к другому шел большой кусок мяса и сосуд с супом. Каждый из сидящих отрезал себе небольшой кусок, проглатывал ложку супа и передавал следующему²⁴.

Сходные порядки мы находим у веддов Шри Ланка, у которых замужние женщины тоже нередко поочередно готовили пищу для всей общины²⁵.

Разборные отношения были зафиксированы у аборигенов Австралии. Когда австралиец племени нариньери убивал эму, то птицу ощипывали, жарили, а затем в месте, обязательно находившемся за пределами лагеря, разрезали на множество частей, удобных для потребления.

²¹ См. Ю. И. Семенов. Происхождение брака и семьи. М., 1974, с. 94—110.

²² H. Rink. Указ. раб., с. 29; K. Birket-Smith. The Eskimos, p. 149; E. M. Weyer. Указ. раб., с. 176, 186.

²³ H. Rink. Указ. раб., с. 29; K. Rasmussen. Intellectual culture of the Copper Eskimo.— RTE, v. 9, Copenhagen, 1932, p. 37, 43; E. M. Weyer. Указ. раб., с. 183.

²⁴ F. Boas. The Central Eskimo.— «Sixth annual report of the Bureau of Ethnology to 1884—85». Washington, 1888, p. 577—588.

²⁵ C. S. Seligman and B. Z. Seligman. The Veddas. Cambridge, 1911, p. 86.

После окончания данной операции все куски приносились в лагерь, где они и поедались мужчинами, женщинами и детьми²⁶.

У племени шепара все члены локальной группы рано утром покидали лагерь в поисках пищи. Когда ее было добыто достаточно, все отправлялись к ближайшему источнику, где и занимались приготовлением. Когда пища была готова, мужчины, женщины и дети совместно поедали ее. Пищу между всеми присутствующими распределяли старики²⁷. Последнее обстоятельство, на первый взгляд, казалось бы, говорит о том, что мы имеем здесь дело не с разбором, а с иной формой распределения. Ведь люди не брали пищу сами, а им ее давали. Однако о тех или иных отношениях распределения следует, прежде всего, судить не по внешнему проявлению, а по их внутренней сущности. Одна и та же внутренняя сущность может проявиться в разных внешних формах. В данном случае, хотя люди и не сами брали долю пищи, а получали ее, она переходила в потребление индивидов, но не в их распоряжение. Об этом говорит и тот факт, что все оставшееся несъеденным относилось женщинами в лагерь, в то время как мужчины снова отправлялись на охоту²⁸.

У племени мукьяравайнт охотники, убив кенгуру, прежде всего готовили его, а затем ели часть мяса. И только после этого наступал черед иным формам распределения²⁹.

Как уже отмечалось, при разборе процесс распределения был теснейшим образом связан с процессом потребления. Получив свою долю, люди ее тотчас же потребляли. Поэтому пищевые продукты, которые не принято было потреблять в сыром виде, перед разбором должны были подвергаться соответствующей обработке. В разбор поступала только готовая к употреблению пища. И в этой связи нельзя не отметить, что у многих австралийских племен, у которых отмечено существование только таких форм распределения, которые не предполагали предварительного превращения продуктов в готовую пищу, добыча тем не менее перед распределением подвергалась кулинарной обработке³⁰. На наш взгляд, это обыкновение следует рассматривать как пережиток разборных отношений.

Очень интересно сообщение Т. Уиффена об уитото Бразилии. У них мужчины одного рода вместе с женами живут обычно в одном (единственном в селении) доме. Род возглавляется вождем, очаг которого является одновременно и родовым. Как пишет Т. Уиффен, «на племенном (т. е. родовом.— Ю. С.) костре, или костре вождя, стоит племенной (родовой) горшок с пищей, который открыт для всех, так как все пополняют его, по крайней мере все неженатые воины должны так делать. Этот горшок никуда не убирается и огонь под ним никогда не гаснет»³¹.

Существование обычая подобного рода отмечено у людей, живущих в другой части света и в совершенно иных условиях — хантов Васюганской тундры. По словам очевидца, посреди их селения пылал общий огонь, на котором стоял котел с кипящей водой. И каждый имел полное право взять долю варившейся в котле рыбы, кем бы она ни была добыта³². Интересно, что таким образом распределялась исключительно лишь вареная рыба, т. е. такая, которая могла быть использована исключительно лишь для еды и никакой другой цели. Здесь в наглядной

²⁶ A. W. Howitt. Native tribes of South-East Australia. London, 1904, p. 763.

²⁷ A. W. Howitt. Указ. раб., с. 767.

²⁸ Там же, с. 767.

²⁹ Там же, с. 764.

³⁰ A. W. Howitt. Указ. раб., с. 756, 758, 759, 762—765.

³¹ T. Whiffen. The North-West Amazon. London, 1914.

³² К. Очерки Васюганской тундры. Тундра, лес; реки, быт остяков.— «Тобольские губернские ведомости», 1858, № 11.

форме проявлялась одна из основных особенностей разборно-коммуналистических отношений — неотделимость распределения от потребления, переход пищи только в потребление, но не в собственность и распоряжение индивида.

Сходный обычай существовал у манси. У них бедняки могли беспрепятственно брать рыбу, причем опять-таки только для еды. У них же охотник, нуждавшийся в пище, мог взять ее из чужого запаса, и при этом возмещать взятое он был не обязан³³.

Обычай, сходный с последним, отмечен у якутов. У них путник, нуждавшийся в пище, имел право безвозмездно взять ее в отсутствие хозяина³⁴. У эвенков повсеместно любой охотник, нуждавшийся в пище, мог без малейшего опасения взять половину, а при необходимости и все мясо зверя, попавшего в чужую ловушку. Он лишь был обязан оставить на месте шкуру и голову животного³⁵.

Но у эвенков разборные отношения существовали и в значительно более явственной форме. Когда, например, приаянские эвенки убивали нерпу, то каждый брал столько мяса, сколько ему нужно было для пропитания³⁶. Когда у них же охотник убивал много каменных баранов, то каждый из соседей мог взять столько мяса, сколько мог унести³⁷. У тех же самых приаянских эвенков потребление рыбы во время промысла, который велся артельно, было совершенно свободным: «каждый ест, сколько хочет, из общего улова»³⁸.

«Сушеная рыба, являющаяся главной пищей гиляков, — сообщает Л. Я. Штернберг, — рассматривается почти как общая собственность, и всякий, у кого вышла, берет ее у соседей без всяких возражений. Во всяком случае, никто не голодает, пока хоть у кого-нибудь из сородичей есть запасы»³⁹. Важно подчеркнуть, что все это говорится о народе, у которого, как сообщает Л. Я. Штернберг, даже внутри больших семей, ведущих общее хозяйство, отдельные их члены являлись самостоятельными собственниками различного рода движимого имущества и у которого кража считалась величайшим грехом, покрывавшим человека позором⁴⁰.

У юкагиров к человеку, запасшему много рыбы, приходили без приглашения все остальные члены его группы, причем они нередко питались у него в течение всей зимы⁴¹. Вероятно, остатки разборно-коммуналистических отношений существовали у нанайцев. Во всяком случае, И. А. Лопатин, описывая их общественные отношения, утверждал, что у этого народа «заготовленные пищевые продукты, как и жилище, считаются общими для всего стойбища, подобно воздуху и воде»⁴².

Во всех приведенных выше случаях мы имели дело с разбором продуктов охоты и рыболовства. Однако имеются примеры в сущности такого же распределения и продуктов собирательства. У индейцев номлаки (Калифорния) основную часть пищи составляли жолуди. Как сообщает В. Гольдшмидт, жолуди, собранные всеми семьями селения,

³³ К. Носилова. Юридические обычаи маньчжур. — «Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее», вып. III. М., 1888, с. 68.

³⁴ П. Р-в. От Калыма до Якутска. — «Сибирь», 1885, № 7.

³⁵ А. Миддендорф. Указ. раб., с. 713.

³⁶ Э. К. Пекарский и В. П. Цветков. Очерки быта приаянских тунгусов. — «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. II, вып. 1, СПб., 1913, с. 54, 55.

³⁷ Там же, с. 62.

³⁸ Там же, с. 43.

³⁹ Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933, с. 40.

⁴⁰ Там же, с. 12, 14.

⁴¹ Доктор Кибер. Замечания о некоторых предметах естественной истории, учиненные в Нижне-Колымске и окрестностях оного в 1821 году. — «Сибирский вестник», 1823, ч. 2, с. 133, 134.

⁴² И. А. Лопатин. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования. Владивосток, 1922, с. 19.

хранились в общем складе. И из этого общего запаса каждая семья по мере надобности брала столько, сколько ей нужно было для удовлетворения своих текущих нужд. Вождь, под контролем которого находился склад, не выдавал жолуди. Он лишь следил за тем, чтобы каждая семья брала не больше, чем ей нужно для пропитания⁴³.

У полинезийцев мы сталкиваемся с разбором и продуктов земледелия. На о. Пасхи, например, каждый человек имел право войти в огород близкого родственника и без всякого разрешения взять там столько продуктов, сколько необходимо для удовлетворения нормальных нужд его семьи в пищу, однако не больше⁴⁴.

Отдельные пережитки разборно-коммуналистических отношений в области распределения пищи встречаются и у народов, находившихся на стадии классового общества. Так, например, в некоторых местах Архангельской губернии еще в XIX в. не считалось воровством, если человек брал на чужом огороде овощи для еды⁴⁵. Подобного же рода обычай был зафиксирован в XIX в. в станице Темижбековской на Северном Кавказе. Там не считалось грехом сорвать арбуз на чужой бахче, срезать кочан капусты, вырыть ведро картофеля, вырвать несколько редок или бураков на чужом огороде, вытрясти рыбу из чужой мережи с рыбой, но при одном непременном условии: взятое должно быть использовано только для еды, но не для продажи⁴⁶. О том, что такого рода обычай имел в прошлом довольно широкое распространение, достаточно красноречиво свидетельствует «Устав о земских делах», в котором говорится, что «аще неции в винограды, или в сады входят в чужие, аще вьязши токмо внидоша, неповинни суть»⁴⁷.

Как уже отмечалось, основную массу жизнеобеспечивающего продукта составляла пища. Разборно-коммуналистические отношения и возникли прежде всего как отношения собственности на пищу и распределение пищи. Однако на той стадии, когда они были единственно существующими социально-экономическими отношениями, они неизбежно распространялись на все вещи вообще, не исключая ни предметов потребления, ни средств производства. Ведь совершенно очевидно, когда вся пища была полной и безраздельной собственностью коллектива, то тем самым полной собственностью коллектива были и орудия, которые использовались для добывания пищи, и средства труда, при помощи которых эти орудия изготовлялись, и вообще все продукты труда без исключения.

Вещи, находившиеся в разборно-коммуналистической собственности, не могли переходить ни в собственность, ни даже в распоряжение индивидов. Единственным собственником и распорядителем оставался коллектив в целом, а отдельные его члены могли лишь потреблять вещи, пользоваться ими. В силу того, что вещи находились в полной собственности и полном распоряжении коллектива, право пользоваться каждой из них имел любой член общества. Но если вещь была предназначена для индивидуального, а не коллективного пользования, то в каждый данный момент реализовать это право, т. е. физически потреблять ее, мог только один человек. В применении к таким условиям распределение было не чем иным, как реализацией отдельными членами коллектива

⁴³ W. Goldschmidt. *Nomlaki ethnography*.— «University of California publications in American archaeology and ethnology», v. 42. Berkeley and Los Angeles, 1951, p. 324.

⁴⁴ E. N. Ferdon. *Easter Island exchange systems*.— «Southwestern journal of anthropology», v. 14, № 2, 1958, p. 145, 146.

⁴⁵ П. Е. Ефименко. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Книга первая.— «Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1867 и 1868 гг.», вып. 3, Архангельск, 1869, с. 278.

⁴⁶ Е. П. Передельский. Станица Темижбековская и песни, поющиеся в ней.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 3, Тифлис, 1883, с. 21, 22.

⁴⁷ П. Е. Ефименко. Указ. раб., с. 278, 279.

за их права пользоваться вещами, находящимися в полной собственности коллектива.

И здесь мы сталкиваемся с различием в распределении вещей и пищи, вытекающим из различия между физическим потреблением вещей и физическим потреблением пищи. Данную порцию пищи можно было потребить только раз. Съеденная пища переставала существовать и тем самым выпадала из последующего распределения. Иными словами, право на каждую конкретную долю пищи могло быть реализовано только один раз. В отличие от пищи каждой конкретной вещью можно было пользоваться неоднократно в течение более или менее длительного времени. Поэтому неоднократный характер могло носить и распределение вещи. Право на потребление вещи могло быть реализовано в каждый конкретный момент только одним лицом. Пока он пользовался вещью, права всех остальных членов коллектива на эту вещь носили лишь потенциальный характер. Но как только он переставал пользоваться вещью, любой член коллектива мог реализовать это свое право.

У всех народов, известных этнографии, господствовали иные формы коммуналистической собственности на вещи. Однако наряду с последними у некоторых из них в какой-то степени продолжала существовать и разборно-коммуналистическая собственность. И среди таких народов в первую очередь могут быть названы эскимосы.

Как пишут все без исключения исследователи, все вещи личного пользования (одежда, орудия, оружие, утварь и т. п.) находились у эскимосов в индивидуальной собственности. Человек мог распоряжаться принадлежащими ему вещами, в частности дарить, обменивать, передавать по наследству. К. Биркет-Смит в своей работе об эскимосах карибу особо подчеркивает, что право индивидуальной собственности у них уважалось и строго соблюдалось⁴⁸. Однако буквально тут же он сообщает, что когда у них собственник сам не пользовался вещью, то его права на нее носили весьма ограниченный характер⁴⁹. Так, например, охотничьи загороди, капканы и рыболовные приспособления, которыми не пользовались хозяева, могли свободно использовать все желающие, и люди, считавшиеся собственниками, не могли этому воспрепятствовать⁵⁰.

Если у эскимосов карибу человек терял или портил полученную взаймы вещь, то он совершенно не обязан был компенсировать урон, нанесенный владельцу. И объяснялось это просто. Когда человек давал вещь в пользование другому, то тем самым он фактически признавал, что не нуждается в ней. В результате он во многом терял право на нее⁵¹. Буквально то же самое сообщают исследователи и о других группах эскимосов⁵².

У эскимосов Гренландии человек, уже имевший палатку и умяк, не мог наследовать ни один из этих предметов. Обосновывалось это правило тем, что ни один человек не может одновременно пользоваться более чем одной такой вещью⁵³. И наконец, как сообщает Г. Ринк, если у западногренландских эскимосов человек имел больше одежды, чем обычно, то общественное мнение заставляло его отдавать излишнюю в пользование другим людям⁵⁴.

У австралийцев йир-йоронт, как и у подавляющего большинства народов первобытного общества, вещи непрерывно переходили из рук

⁴⁸ K. Birket-Smith. The Caribou Eskimos..., p. 263.

⁴⁹ Там же, с. 263, 264.

⁵⁰ Там же; см. также K. Birket-Smith. The Eskimos, p. 149.

⁵¹ K. Birket-Smith. The Caribou Eskimos..., p. 264.

⁵² H. Rink. Указ. раб., с. 29; D. Jenness. Указ. раб., с. 89; E. M. Weyer. Указ. раб., с. 194.

⁵³ K. Birket-Smith. The Eskimos..., с. 149.

⁵⁴ H. Rink. Указ. раб., с. 29.

в руки. И в числе других способов их перехода от одного лица к другому Л. Шарп называет «апроприацию», определяя последнюю как такое взятие вещи без разрешения владельца, которое не представляет собой кражу, является законным⁵⁵. Остатки разборно-коммуналистической собственности на вещи были описаны у тех же самых папуасов сиане, у которых существовали пережитки разбора пищи. Как сообщает Р. Салисбери, индивидуальная собственность существовала у сиане в четком и оформленном виде. Право собственности у них столь уважалось, что, например, муж не мог войти в огород жены без ее разрешения. В противном случае он мог быть сочтен за вора. Кража у сиане считалась оскорблением личности владельца, и последний имел право подвергнуть вора физическому наказанию⁵⁶.

И в то же время если собственник сам не пользовался принадлежащей ему вещью, то пожелать ею воспользоваться мог любой член рода. И собственник не мог ему отказать. И это не все. Как сообщает Р. Салисбери, когда человек становился владельцем нового орудия, то им пользовались все члены рода, что приводило к быстрому износу. Новую одежду человек носил лишь несколько дней, а затем ею пользовались другие члены рода поочередно⁵⁷. И все эти обычаи ни в коем случае нельзя рассматривать как новообразование. Они находились в резком противоречии с уже начавшимся у сиане процессом имущественной дифференциации.

Выше, когда речь шла о разборе пищи, нами уже упоминались полинезийцы о. Пасхи. Но так же, как и у сиане, разборно-коммуналистическая собственность не ограничивалась у них только пищей. Она распространялась и на вещи. Интереснейший материал по этому вопросу содержится в статье Э. Фердона «Системы обмена на о. Пасхи». Одну из выделенных им «систем обмена» он именует «кража-торговля»⁵⁸. В действительности здесь нет ни кражи, ни торговли, ни обмена вообще. Суть описанной формы экономических отношений заключалась в том, что каждый человек, принадлежащий к определенной родственной группе, имел право без спроса и разрешения взять любую вещь, принадлежавшую любому другому члену этой же родственной группы. Он мог войти в дом родственника и взять все, что ему заблагорассудится. Единственное ограничение — перед уходом он должен показать взятую вещь ее бывшему хозяину. Он мог взять вещь из кармана родственника, из его сумки, снять с его тела⁵⁹.

Такого рода форма распределения находилась в резком противоречии с господствовавшими в обществе островитян Пасхи экономическими отношениями. В частности она препятствовала развитию имущественной дифференциации. И как средство нейтрализации описанной формы распределения возникло обыкновение хранить самое ценное имущество в пещерах, тайна существования которых тщательно оберегалась от всех окружающих⁶⁰. Как сообщал еще Лаперуз, туземцы о. Пасхи хранили в секретных тайниках провизию, утварь, вообще все имущество, которым владел человек⁶¹.

Нельзя в этой связи не упомянуть, что обыкновение хранить в тайниках самую ценную часть имущества существовало и у других народов, находившихся на той же стадии эволюции. Так, например, у папуасов капауку (Западный Ириан) состоятельные люди прятали свои

⁵⁵ L. Sharp. Ritual life and economics of the Yir-Yoront of Cape York peninsula.— «Oceania», v. 5, № 1, 1934, p. 38.

⁵⁶ R. F. Salisbury. Указ. раб., с. 63.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ E. N. Ferdon. Указ. раб., с. 144—146.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, с. 146.

⁶¹ Там же.

богатства в секретных пещерах⁶². Существование подобного рода тайников отмечено у дагомейцев⁶³.

Приведенные выше факты, на наш взгляд, дают достаточное основание для вывода, что самой ранней, первоначальной, исходной формой первобытнообщинных отношений вообще, коммуналистических в частности, были разборно-коммуналистические отношения. Разборно-коммуналистической была собственность как на средства производства, так и на средства потребления. Разборными были отношения распределения. Однако разборно-коммуналистические отношения безраздельно господствовали лишь на самом раннем этапе эволюции первобытной коммуны. С появлением избыточного продукта наряду с ним возникли новые отношения, которые постепенно оттеснили разборно-коммуналистические на задний план и стали господствующими. Но проблема эволюции коммуналистических отношений выходит за рамки данной статьи. Это предмет другой работы.

ON THE INITIAL FORM OF PRIMITIVE SOCIAL-ECONOMIC RELATIONS

The origination of a scientific theory of primitive economy is an important task of contemporary research. Such a theory must, first of all, represent a reconstruction of the objective logic underlying the evolution of the system of production relations in primitive society. Hence the particular importance of uncovering the original, initial form of these relations. On the strength of present-day amassed factual scientific knowledge the conclusion is reached that in the early stages of the evolution of primitive society there was a complete predominance of a type of social-economic relations that the author proposes to term *communalistic*. Under these relations a group's aggregate produce was the property of the group as a whole; this became manifested by its being distributed among all of the group's members, whether they had or hadn't taken part in its production. In the initial form of communalistic relations the product created within the social organism was not only completely owned by the group as a whole but also completely and indivisibly at its disposal. Each member of the group had right to a share of the product but he did not acquire it as his property or have it at his disposal; he could only physically consume it. Under this form of economic relations no member of a group received his share from anyone. He simply *took* it from the mass of the product belonging to the group. Hence such relations of distribution may be termed *taking* relations, and these social-economic relations as a whole — *take-communalistic* relations. Examples of taking relations are given: among many peoples living in the stage of primitive society (Australian Aborigines, Bushmen, Eskimos, Veddas, Papuans, Evenks, etc.) they existed side by side with social-economic relations of later origin.

⁶² L. Pospisil. Kapauku popuan economy.— «Yale university publications in anthropology», № 67, New Haven, 1963, p. 311.

⁶³ M. J. Herscovits. Dahotmey: An ancient West African kingdom, v. 1, N. Y., 1938, p. 81.

В. А. Шнирельман

РОЛЬ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В ПЕРИФЕРИЙНЫХ ОБЩЕСТВАХ

(НА ПРИМЕРЕ ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ
СИБИРИ И АМЕРИКИ)

В настоящее время мнение о революционизирующей роли появления домашних животных и скотоводства в человеческой культуре является общепризнанным. Вместе с тем конкретная картина тех изменений, которые связаны с этими процессами, далеко не ясна. Из первичных очагов происхождения скотоводства имеется лишь довольно фрагментарная археологическая информация, которая, кроме всего прочего, допускает неоднозначное толкование. С другой стороны, гораздо более полные данные, известные этнографам, относятся к позднему периоду, когда названные процессы протекали в условиях сильного влияния со стороны высокоразвитых обществ. Поэтому порой бывает трудно выделить общие закономерности и отделить их от специфических, обусловленных развитием товарно-денежных отношений. Вряд ли на этом основании нужно полностью отвергать этнографические данные для решения поставленной задачи. Конечно, их использование в этом качестве требует особой осторожности и известных оговорок. Как бы то ни было, изучение распространения оленеводства в Старом Свете и домашних животных, завезенных испанцами, в Новом дает в руки исследователей интереснейшие материалы, позволяющие представить себе конкретную картину трансформации местных культур, заимствовавших домашних животных.

Проблема возникновения оленеводства уже давно привлекает внимание ученых, причем до сих пор однозначного решения ее выработать не удалось¹. По сей день ведется полемика между сторонниками автохтонного происхождения оленеводства на Крайнем Севере² и теми, кто выводит оленеводство из единого Саяно-Алтайского центра³. К сожалению, характер имеющихся источников не позволяет сделать окончательные заключения о происхождении оленеводства. Вместе с тем следует отметить, что гипотеза, согласно которой оленеводство возникло впервые у древних самодийцев в Саяно-Алтайском центре⁴, звучит в

¹ Историю изучения проблемы см.: *С. И. Вайнштейн*. Историческая этнография тувинцев. М., 1972, с. 99—102; *G. Nellemann*. Theories on reindeer nomadism.—«Folk», v. 3, 1961, p. 91—101; *L. Vajda*. Untersuchungen zur Geschichte der Hirtenkulturen. Wiesbaden, 1968, S. 55—79.

² *И. С. Вдовин*. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973, с. 242; *Л. П. Хлобыстин*, *Г. Н. Грачева*. Появление оленеводства в тундровой зоне Европы, Западной и Средней Сибири.—В сб. «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. Тезисы докладов». М., 1974, с. 83, 84; *Н. Н. Диков*. Основные проблемы археологического изучения северо-востока СССР.—«Вопросы истории», 1975, № 10, с. 52.

³ *Л. В. Хомич*. Ненцы. М.—Л., 1966, с. 52, 53; *Г. М. Василевич*. Эвенки. Л., 1969, с. 78—80; *С. И. Вайнштейн*. Указ. раб., с. 88 сл.

⁴ *С. И. Вайнштейн*. Указ. раб.

настоящее время наиболее убедительно. Изображения Большой Боярской писаницы свидетельствуют о том, что уже в I тысячелетии до н. э. у скотоводов Южной Сибири имелись домашние олени. Есть бесспорные доказательства использования оленей на рубеже нашей эры в качестве транспортных животных⁵. Будучи однажды одомашнен, олень сравнительно быстро мог проникнуть на север. С этой точки зрения заслуживает большого внимания соображение Б. О. Долгих относительно того, что оленеводство появилось первоначально лишь у части самодийцев, а к остальным проникло позднее⁶. С передвижением самодийцев в таежные районы оленеводство полностью вытеснило разведение других животных (овец, крупный рогатый скот, лошадей), менее приспособленных к новой природной обстановке. С другой стороны, оно не смогло стать основным источником существования таежных народов, поскольку содержание стад оленей, достаточно крупных, чтобы удовлетворить потребности людей в пище, в тайге практически невозможно⁷. В связи с этим самодийцам, проникшим в тайгу, пришлось изменить формы хозяйства и перейти к охоте и рыболовству как основным источникам пропитания. У самодийцев оленей заимствовали кеты, видимо, тунгусы и ряд других таежных народов. Они добывали оленей путем насильственного захвата у соседей, получали их в качестве брачного выкупа, а также в процессе обмена. Кроме того, оленеводство распространялось в ходе проникновения оленеводов в новые районы и ассимиляции их местным населением⁸.

В процессе распространения оленеводства характер его менялся, включая его методы и приемы, а также формы использования оленей⁹. При этом главным мотивом изменений в тайге являлось стремление приспособить оленеводство к охотничье-рыболовческому быту. Поэтому сплошь и рядом отмечается сходство характера оленеводства у самодийских народов и у тех охотников-рыболовов, к которым оно попало от самодийцев. Повсюду доминирование охотничье-рыболовческого уклада стимулировало главным образом транспортное использование оленей¹⁰. Транспортное оленеводство развивалось от выючного к верховому и позже к упряжному, появившемуся в Северо-Западной Сибири в значительной степени под влиянием собачьих упряжек. О сложности процесса развития оленеводства в Сибири говорит пример селькупов, которые, перейдя к охоте и рыболовству, постепенно утратили навыки выючно-транспортного оленеводства, а позже заимствовали упряжное

⁵ Л. Р. Кызласов. Древнейшее свидетельство об оленеводстве.— «Сов. этнография», 1952, № 2, с. 39—49.

⁶ Б. О. Долгих. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970.

⁷ Для этого стада более чем в 100 голов должны были быть нормой (A. Leeds. Reindeer herding and chukchi social institutions.— In: «Man, culture and animals». Washington, 1965, p. 91—96), тогда как на деле стада лесных ненцев и энцев редко достигают таких размеров. См.: В. И. Васильев. Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение.— «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. 37. М., 1962, с. 68; Л. В. Хомич. Некоторые особенности хозяйства и культуры лесных ненцев.— В сб.: «Охотники, рыболовы, собиратели». Л., 1972, с. 201.

⁸ Г. М. Василевич. Заселение тунгусами тайги и лесотундры между Леной и Енисеем.— В сб. «Вопросы языка и фольклора народностей Севера». Якутск, 1972, с. 201; И. С. Вдовин. Указ. раб., с. 60, 61.

⁹ Подробно см.: А. Н. Максимов. Происхождение оленеводства.— «Ученые записки Ин-та истории Российской ассоциации научно-исследовательских ин-тов общественных наук», 1929, т. 3, с. 3—32; Г. М. Василевич, М. Г. Левин. Типы оленеводства и их происхождение.— «Сов. этнография», 1951, № 1, с. 63—87; В. И. Васильев. Указ. раб., с. 67—75; С. И. Вайнштейн. Указ. раб., с. 106—125 и др.

¹⁰ Л. В. Хомич. Ненцы, с. 51; Б. О. Долгих. Указ. раб., с. 133; Г. М. Василевич. Эвенки, с. 74—77; И. Н. Гемуев, Г. И. Пелих. Селькупское оленеводство.— «Сов. этнография», 1974, № 3, с. 89, 90; Е. А. Алексеенко. Кеты. Л., 1967, с. 65; И. С. Вдовин. Очерки истории и этнографии чукчей. М.—Л., 1965, с. 14—16; И. С. Вдовин. Очерки этнической истории коряков, с. 74 и др.

оленоводство у лесных ненцев¹¹. Возможно, еще более древней формой использования оленя являются олени-манщики; они присутствуют у всех без исключения оленных народов. Иногда считают, что олень-манщик появился у охотников в ходе автохтонного развития. Однако не менее вероятно, что он мог распространиться среди охотничьих культур далеко за пределы первичного очага доместикации подобно тому, как лошадь, используемая для охоты, широко распространилась в Новом Свете. В связи с этим уместно отметить, что охотники на карибу в Северной Америке не знали оленя-манщика.

На мясо домашних оленей таежные народы Сибири забивали крайне редко и далеко не везде, а лишь там, где ощущалась нехватка мяса в связи с отсутствием диких оленей. При этом резали телят, старых и больных оленей, а также бесплодных самок¹². Любопытная зависимость использования домашних оленей на мясо от их роли в хозяйстве выявляется у эвенков. Так, эвенки-орочоны, которые охотились верхом на оленях, забивали домашних оленей на мясо лишь в качестве исключения, тогда как пешие эвенки устраивали осенью специальные забой домашних оленей. Однако в остальных случаях и они старались пользоваться по возможности мясом диких оленей, поскольку олень служил им важным выючным животным¹³. Чем меньшую роль в хозяйстве играло оленеводство, тем меньше человек заботился о домашних оленях. Исследователи отмечают, что у кетов, селькупов и пеших эвенков уход за оленями сводился к минимуму¹⁴. В. И. Васильев объясняет это тем, что пешие охотники и рыболовы не смогли совместить развитие оленеводства со своими основными занятиями. Поэтому они практиковали вольный выпас оленей летом, в результате чего порой терялось до 90% поголовья¹⁵. Наоборот, эвенки-орочоны заботились о своих оленях круглый год. Это было связано как с использованием оленей для верховой езды, так, видимо, и с тем, что, как отмечала Г. М. Василевич, до освоения оленя орочоны были знакомы с ездой на коне¹⁶.

Таким образом, у таежных народов оленеводство имело лишь подсобное значение в хозяйстве, поскольку крупнотабунное оленеводство здесь было невозможно, а совмещать занятия оленеводством с охотой и рыболовством было трудно. При этом оленеводство находилось на крайне низком уровне и не требовало сколько-нибудь сложных методов обращения с домашними животными, что облегчало их заимствование охотникам и рыболовам.

По-особому шло развитие в тундре, где на протяжении XVIII в. совершился переход к крупнотабунному оленеводству, ставшему основным источником существования как исконных оленеводов-ненцев, так и тех народов, которые, видимо, незадолго до этого переняли домашних животных (чукчи, коряки). Синхронность этого процесса на значительно удаленных друг от друга территориях говорит о какой-то единой причине, внешней для отмеченных народов; ее еще предстоит изучить. Возможно, этому способствовало изменение климатических условий¹⁷, а может быть, и процессы, стимулированные русской колонизацией¹⁸. Как бы то ни было, лишь при крупнотабунном оленеводстве олень смог

¹¹ Ср. В. И. Васильев. Указ. раб., с. 75; И. Н. Гемуев, Г. И. Пелих. Указ. раб., с. 83—95.

¹² Л. В. Хомич. Ненцы, с. 58; И. С. Вдовин. Очерки этнической истории коряков, с. 26, 27 и др.

¹³ Г. М. Василевич. Эвенки, с. 74, 75.

¹⁴ Е. А. Алексеев. Кеты, с. 66, 67; Г. М. Василевич. Эвенки, с. 75.

¹⁵ В. И. Васильев. Указ. раб., с. 72, 75.

¹⁶ Г. М. Василевич. Эвенки, с. 74—78.

¹⁷ А. Leeds. Указ. раб., с. 98.

¹⁸ И. С. Вдовин. Очерки истории и этнографии чукчей, с. 19—21; Л. В. Хомич. Ненцы, с. 51; «Общественный строй у народов Северной Сибири XVII — начала XX в.». М., 1970, с. 46—54. По мнению И. И. Крупника, специально изучавшего этот вопрос,

стать основным источником пропитания. Специальный анализ показывает, что в этих условиях даже самое мелкое стадо должно насчитывать не менее 70—100 животных, поскольку оно обязательно должно включать как животных, используемых в пищу, так и ту часть, без которой невозможно воспроизводство стада. Последняя должна быть относительно большой, так как состав стада сильно колеблется из-за эпидемий, превратностей погоды, грабежей и нападений хищников, одичания отдельных оленей и т. д. У чукчей, например, стада оленей насчитывали от нескольких сотен до нескольких тысяч голов¹⁹.

Куда бы ни проникало оленеводство, везде оно становилось важным фактором социального развития, везде оно влекло за собой возникновение имущественного неравенства и эксплуатации. Значительно увеличивая мобильность населения, оно сразу же создавало преимущества оленным охотникам по отношению к безоленным, влияя порой даже на направление хозяйства. Так, например, богатые оленеводы у эвенков и ненцев постепенно перешли главным образом к оленеводству, тогда как беднота жила преимущественно рыболовством²⁰. Особенно далеко отношения имущественного и социального неравенства зашли у тех народов, для которых оленеводство стало основным занятием.

Население тайги знало два вида собственности на оленей: семейную и индивидуальную²¹. Основная часть стада находилась в семейной собственности, которой распоряжался глава семьи и которая так или иначе разделялась между сыновьями и воспитанниками после его смерти. Наследование осуществлялось только по мужской линии, однако при жизни отца дочь могла получить от него несколько оленей в подарок. Их она приводила в семью мужа в качестве приданного, но после ее смерти они неизменно возвращались к ее родственникам по отцовской линии. Новорожденный ребенок получал оленей (обычно самку) в подарок от отцовских родственников. Приплод от этих оленей оставался в его индивидуальной собственности. Причем судьба этих оленей весьма симптоматична. Как и у многих других охотников и рыболовов, у населения тайги сохранялся порядок, в силу которого личные вещи человека не наследовались, а частью уничтожались на его могиле, частью погребались вместе с ним. Аналогичным путем транспортные и верховые индивидуальные олени забивались на могиле владельца. Любопытный обычай встречен у кетов, которые забивали на могиле одного-двух оленей, а остальных принадлежавших умершему оленей, если таковые имелись, отпускали в тайгу. Правда, в виде исключения из-за крайней малочисленности оленьих стад остальных оленей могли оставить в общесемейном стаде²².

Если у тасежных народов преобладала семейная собственность на стада, то у тундровых наблюдалось быстрое становление частной индивидуальной собственности на оленей²³. Правда, и здесь она не всегда была абсолютной. Как сообщает Б. О. Долгих, еще в начале XX в. у нганасан и энцев отцовские родичи внимательно следили за тем, чтобы при наследовании олени не уходили из пределов рода²⁴. Таким образом, и здесь «право частной собственности имело иногда еще несколько ограниченный характер и в известной степени регулировалось родом

крупнотабунное оленеводство своим возникновением обязано одновременному действию социальных и экологических факторов. См. *И. И. Крупник*. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев.— «Сов. этнография», 1976, № 2, с. 63, 64.

¹⁹ *A. Leeds*. Указ. раб., с. 91—96.

²⁰ «Общественный строй у народов Северной Сибири...», с. 67.

²¹ *Л. В. Хомич*. Ненцы, с. 174; *Е. А. Алексеев*. Кеты, с. 73; *Г. М. Василевич*. Эвенки, с. 155; *И. Н. Гемцев*, *Г. И. Пелих*. Указ. раб., с. 91.

²² *Е. А. Алексеев*. Кеты, с. 73.

²³ *И. С. Вдовин*. Очерки истории и этнографии чукчей, с. 81—100; *В. В. Антропова*. Культура и быт коряков. Л., 1971, с. 89—93.

²⁴ «Общественный строй у народов Северной Сибири...», с. 92, 93.

или племенем»²⁵. Даже у чукчей в период расцвета крупнотабунного оленеводства отношения семейной и индивидуальной собственности на оленей порой тесно переплетались²⁶, что, однако, не мешало возникновению эксплуатации богатыми оленеводами своих более бедных сородичей.

Олени имели важное значение для развития социальных связей. Путем дарений и обмена оленями укреплялись контакты между родичами и друзьями, а также возникали отношения господства и подчинения. Олени составляли основную часть брачного выкупа, платы за кровь. В ходе этих актов устанавливался личный престиж владельца стада. Определенную престижную роль играли и жертвоприношения домашних оленей, получившие широкое распространение с развитием крупнотабунного оленеводства. Главное жертвоприношение у чукчей совершалось в конце лета — начале осени. Как отмечают исследователи, при всей религиозной окраске таких жертвоприношений они имели большой хозяйственный и социальный смысл. Во-первых, таким путем уменьшалось чрезмерно разросшееся стадо перед трудным зимним сезоном; во-вторых, создавалась возможность для заготовки пищевых запасов, а также шкур для производства обуви и обмена; наконец, в-третьих, в результате жертвоприношений значительно поднимался престиж богатых владельцев стад, которые забивали более 100 животных и раздавали мясо множеству приглашенных²⁷. В течение всего года оленеводы приносили более мелкие жертвы различным духам с целью добиться их поддержки в сложных жизненных ситуациях. При этом оленей съедали все присутствующие при исполнении обряда²⁸. Все эти жертвоприношения помимо религиозной играли важную социальную роль: устанавливали определенные социальные отношения между всеми их участниками.

Другим последствием возникновения крупнотабунного оленеводства явилось развитие широкого обмена между оленеводами и оседлыми охотниками на морского зверя. При этом олени были важнейшим средством обмена. Лишь с их помощью кочевые оленеводы могли получать продукты морского промысла и другие товары²⁹. Конечно, обмен оленями возник задолго до XVIII в., однако раньше он не достигал такого размаха.

Любопытна эволюция роли оленей в ритуале народов Сибири. У таежных народов наибольшее распространение получил забой личных транспортных оленей на могиле их владельца. Однако постепенно происходила интеграция домашних оленей в обряды, связанные с промысловым культом, на чем следует остановиться подробнее. У всех охотников почитались животные, служившие основными объектами охоты (медведь, олень, лось и др.). Все охотники верили в возрождение убитых животных, вследствие чего их кости и черепа не разрубались и не выбрасывались, а зарывались в особых местах или хранились. В основе этого обряда лежало стремление обеспечить себя пищей и в будущем³⁰. При этом эвенки, например, считали, что душа взрослых животных находится в

²⁵ Там же, с. 93.

²⁶ И. С. Архинцев. Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства. — «Сибирский этнографический сборник», II («Труды Ин-та этнографии АН СССР», далее — ТИЭ, т. 35). М., 1957, с. 54.

²⁷ А. Leeds. Указ. раб., с. 122, 123; В. Г. Кузнецова. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей. — «Сибирский этнографический сборник», II (ТИЭ, 1957, т. 35), с. 264.

²⁸ Л. В. Хомич. Ненцы, с. 195—207.

²⁹ И. С. Вдовин. Исторические особенности формирования общественного разделения труда у народов северо-востока Сибири. — В сб.: «Социальная история народов Азии». М., 1975; см. также другие его работы.

³⁰ Е. А. Алексеенко. Кеты, с. 175; Г. М. Василевич. Эвенки, с. 220.

подшейном волосе, а молодых — в челюстях³¹. У ряда народов были специальные места, где приносили в жертву туши животных с целью обеспечить удачную охоту. В таких местах обычно можно было встретить массу костей и черепов³². Вместе с тем известны и жертвоприношения домашних животных, посвященные началу охотничьего сезона³³. Жертвенные места обычно ассоциировались с духами-хозяевами охотничьих угодий, но постепенно они стали связываться и с культом предков. Народы тундры особенно широко приносили в жертву домашних оленей по самым разным поводам.

Таким образом, распространение оленеводства значительно видоизменило культуру охотничье-рыболовческого населения Сибири³⁴, однако наиболее глубоко эти изменения затронули оленеводов тундры, когда они перешли к крупнотабунному оленеводству.

В Северной Америке распространение животных (мелкого и крупного рогатого скота и лошадей), завезенных испанцами в XVI в., шло двумя путями и привело к сложению двух различных типов хозяйства. Индейцы юга (команчи, кайова, юта), которые были главным образом охотниками и собирателями, заимствовали лошадей, что позволило им интенсифицировать охоту. В этом качестве лошади распространились далеко на север; в результате сложился особый культурно-хозяйственный тип охотников на бизонов³⁵.

Навахи, которые за несколько столетий до появления испанцев переняли у индейцев пуэбло земледельческие навыки, заимствовали у испанцев всех основных животных и постепенно перешли к отгонному скотоводству, сочетая его с земледелием³⁶. Первоначально главными путями получения домашних животных были обмен и грабеж.

У навахов скотоводство возникло в XVII—XVIII вв., причем его становление началось в 70—80-х годах XVII в., когда, с одной стороны, набеги навахов и апачей с целью захвата скота усилились в связи с крайней нестабильностью их хозяйства в условиях засухи и эпидемий, а с другой стороны, захват скота был облегчен тем, что в период восстановления индейцев пуэбло в 1680 г. масса скота оказалась без присмотра. Развитию скотоводства способствовала ассимиляция навахов индейцами пуэбло после подавления восстания, когда многие из последних бежали от преследований со стороны испанцев³⁷. Вместе с домашними животными навахи переняли и испанские методы обращения с ними, с которыми они познакомились частично непосредственно через испанцев, а частично косвенным путем через индейцев пуэбло. Интересно, что апачи, в не меньшей степени занимавшиеся угоном скота у испанцев, в дорезервационный период заимствовали только лошадей, которые облегчили им охоту на бизонов и набеги. Одну из главных причин того, что апачи не стали скотоводами, подобными навахам, ученые видят в том, что их большая зависимость от охотничьего быта не благоприятствовала созданию культурных и социальных предпосылок для этого³⁸.

³¹ Г. М. Василевич. Эвенки, с. 220.

³² См., например: И. С. Вдовин. Жертвенные места коряков и их историко-этнографическое значение.— «Сборник Музея антропологии и этнографии». Л., 1971, т. 27, с. 275 сл.; Л. В. Хомич. Некоторые особенности хозяйства..., с. 208, 209.

³³ Л. В. Хомич. Некоторые особенности хозяйства..., с. 210, 211.

³⁴ «Общественный строй у народов Северной Сибири...», с. 72, 90.

³⁵ См. подробнее: Ю. П. Аверкиева. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970.

³⁶ R. M. Underhill. The Navajos. Norman, 1956, p. 33; E. H. Spicer. Cycles of conquest. Tucson, 1962, p. 546.

³⁷ R. M. Underhill. Указ. паб., с. 41—43; E. Z. Vogt. Navaho.— In: «Perspectives in American Indian culture change». Chicago, 1961, p. 296.

³⁸ E. H. Spicer. Указ. паб., с. 547; P. Kunstadter. Southern Athabaskan herding patterns and contrasting social institutions.— In: «Man, culture and animals», 1965, p. 67—83.

Становление скотоводческого хозяйства происходило у навахов постепенно на протяжении XVIII в. Судя по испанским документам, в 1785 г. на 3500 навахов приходилось всего 1100 лошадей, 700 овец и 40 голов крупного рогатого скота. К середине XIX в. овцы исчислялись уже сотнями тысяч, а лошади десятками тысяч³⁹. Главными мясными животными у навахов были овцы и в меньшей степени козы. В настоящее время они разводят на мясо также и свиней, которые попали к ним гораздо позже, чем другие животные⁴⁰. Преобладание у навахов мелкого рогатого скота над крупным было обусловлено следующими факторами: 1) в засушливых районах расселения навахов овцеводство преобладало и у испанцев, тогда как разведение крупного рогатого скота получило большее распространение южнее; 2) овцеводство — менее сложный вид животноводства, чем разведение крупного рогатого скота (последнее требует относительно высокого уровня развития земледелия, способного снабжать крупный рогатый скот соломой), и перейти к нему легче; 3) одновременное разведение овец и коров составляет известную трудность на ранней стадии развития скотоводства, так как это две разных скотоводческих системы; 4) заимствование овец было облегчено тем, что испанцы выгоняли их на дальние пастбища, где они были более уязвимы для грабительских набегов, чем коровы, которых пасли у поселков; 5) запрещая коневодство, испанцы позволяли держать овец индейцам пуэбло.

Главным видом хозяйства у навахов было земледелие. Однако основным богатством они считали скот и в особенности овец⁴¹. За годы существования скотоводческого уклада у навахов количественный состав их стад сильно колебался, равно как и соотношение между отдельными видами домашних животных (в особенности между овцами и лошадьми). Навахи знали два типа скотоводства: придомное (животных выгоняли на пастбище два раза в день не далее чем на 1—2 мили от поселка) и отгонное (стадо удалялось от поселка более чем на 10 миль)⁴². Уход за мелким рогатым скотом и его выпас осуществлялся, как правило, детьми и женщинами; мужчины в этом участвовали реже. Зато на мужчин падала забота о крупном рогатом скоте и лошадях; мужчины составляли и главную рабочую силу в земледелии. В особо важные периоды (окоп, стрижка овец, их купание, расчистка пастбища из-под снега и т. д.) к скотоводческим работам привлекались все члены общины. Поскольку общинное стадо состояло из животных, принадлежащих разным семьям, его пасли по очереди представители всех семей. Летом, когда приходила пора выгонять животных на дальние пастбища, с ними уходили отдельные семьи или их представители. Позже к этой группе присоединялась основная часть общины, тогда как несколько семей обязательно оставались в поселке, чтобы охранять поля и имущество ушедших общинников⁴³. Если овцы обеспечивали себя кормом зимой, то для коров навахам необходимо было заготавливать сено⁴⁴, что делалось, однако, крайне редко⁴⁵. Лошадей, как правило, отпускали на вольный выпас, вследствие чего они сильно тощали, и даже лучшие из них сильно уступали европейским стандартам⁴⁶.

³⁹ K. Luomala. Navaho life of yesterday and today. Berkeley, 1938, p. 56.

⁴⁰ J. F. Downs. Animal husbandry in Navajo society and culture. Berkeley and Los Angeles, 1964, p. 12—14, 30.

⁴¹ C. Kluckhohn, D. Leighton. The Navaho. Cambridge, 1948, p. 7, 20; G. Witherspoon. Sheep in Navajo culture and social organization.—«American Anthropologist», v. 75, 1973, p. 1443.

⁴² P. Kunstadter. Указ. паб., с. 81.

⁴³ G. A. Reichard. Social life of the Navajo indians. N. Y., 1928, p. 51, 52, 54; K. Luomala, Указ. паб., с. 60, 61; C. Kluckhohn, D. Leighton, Указ. паб., с. 31—46; J. F. Downs. Указ. паб., с. 12—14, 23—25, 31—37; G. Witherspoon. Указ. паб., с. 1443.

⁴⁴ J. F. Downs. Указ. паб., с. 41.

⁴⁵ K. Luomala. Указ. паб., с. 61.

⁴⁶ G. A. Reichard. Navaho religion. Princeton, 1974, p. 142.

Уже в первой половине XIX в. продукты скотоводства составляли значительную долю пищевого рациона навахов, причем основную животноводческую продукцию давало овцеводство. Когда навахи забивали овцу, то в пищу шло практически все, а шкура продавалась. Навахи считали, что овцы наиболее прочно гарантируют их от голода и бедности, и отождествляли их с символом материнства, символом жизни⁴⁷. Коз использовали примерно для тех же целей, что и овец, но гораздо реже. Крупный рогатый скот выращивали для продажи и почти никогда не забивали на мясо. Лошадь служила транспортным животным, применялась для пастьбы стад. Лошади повысили боеспособность навахов и облегчили им грабительские набеги⁴⁸. Все без исключения домашние животные были важным предметом обмена и торговли, ими также платили за некоторые услуги, они же составляли основу брачного выкупа (как правило, овцы и лошади)⁴⁹. В свете описанного становится ясно, почему лошади и овцы играли в культуре навахов роль престижных животных. Престиж как общины, так и отдельных их членов был тесно связан с количеством и качеством принадлежавших им животных. Лишь искусный и опытный скотовод пользовался высоким авторитетом у окружающих, лишь он имел шансы стать главой общины. Подмечено, что наиболее влиятельные общинники имели и наиболее крупные стада. В то же время общество чутко реагировало на колебания состава стада у отдельных своих членов. Богач, потерявший стадо, терял вместе с ним и весь свой авторитет⁵⁰. Стремление к овладению скотом и к его разведению являлось одним из важнейших факторов, определявших поведение наваха. Весьма любопытна подмеченная учеными тенденция, в силу которой богатые навахи стремились к миру, обеспечивавшему безопасность их стад, тогда как бедные (в основном молодежь) желали войны в целях захвата домашних животных⁵¹.

Прежде чем перейти к анализу отношений собственности у навахов, необходимо остановиться на вопросе о ее субъекте. Вопрос этот весьма сложен, ибо уже в общинах XIX в. соседские связи так тесно переплетались с кровнородственными, что не всегда были различимы⁵². Действительно, из работ американских авторов далеко не всегда понятно, о каких общинах идет речь, соседских или большесемейных. Там, где это удастся установить, оказывается, что в дорезервационный период у навахов имелись и соседские общины, состоявшие из больших материнских семей, и общины, возникшие на базе одной такой семьи. В любом случае хозяйство, распределение и потребление продукции были общими⁵³. Лучшее всего известны отношения собственности на скот, сложившиеся внутри большесемейных общин. Право собственности на мелкий рогатый скот принадлежало как женщинам, так и мужчинам. Все же основная его часть находилась в руках женщин. Зато мужчины обладали правом собственности на лошадей и крупный рогатый скот. Весь мелкий рогатый скот общины выпасался в одном стаде, которое состояло из животных, принадлежавших не только лицам, живущим в общине в данный момент, но порой и тем, кто надолго ее покинул⁵⁴. Описывая общество навахов начала XX в., Г. Рейхард указывала, что стадо большой мате-

⁴⁷ G. Witherspoon. Указ. раб., с. 1441, 1442.

⁴⁸ C. Kluckhohn, D. Leighton. Указ. раб., 6, 7; J. F. Downs. Указ. раб., с. 12, 23, 30—42.

⁴⁹ Примеры см: G. A. Reichard. Social life..., p. 134, 139—141.

⁵⁰ E. Z. Vogt. Указ. раб., с. 306; G. Witherspoon. Указ. раб., с. 1443, 1444.

⁵¹ E. Z. Vogt. Указ. раб., с. 306.

⁵² Ю. П. Аверкиева. Соотношение родовой и сельской общины у индейцев Северной Америки.— VII МКАЭН. Доклады советской делегации». М., 1964, с. 5.

⁵³ E. Z. Vogt. Указ. раб., с. 303, 304; P. Kunstadler. Указ. раб., с. 73—75.

⁵⁴ M. Shepardson, B. Hammond. Navajo inheritance pattern: random or regular? — «Ethnology», v. 5, № 1, 1966, p. 90.

ринской семьи включало часто не только животных, принадлежавших матери, ее сестрам и братьям и ее мужу, но и животных, принадлежавших членам другого рода (ее отцу и его братьям)⁵⁵.

Человек становился собственником еще ребенком, получая животных в подарок от материнских родственников⁵⁶. Этот порядок сохранялся у навахов весьма долго, ибо и в первой половине XX в. считалось, что мужчина в первую очередь обязан заботиться о своих племянниках, а не о детях⁵⁷. Лишь к середине XX в. получение сыновьями животных от отца стало обычным явлением⁵⁸.

Большая роль помощи материнских родственников в возникновении индивидуальной собственности на скот, выплате выкупа за невесту, организации дорогостоящих церемоний, а также участие всех членов большесемейной общины в выпасе общинного стада и уходе за ним — все это обусловило право общины ограничивать свободу отдельных ее членов в использовании своих животных. По данным дорезервационного периода, все общинники должны были участвовать в снабжении общины мясом и другими продуктами скотоводства. Продать свое животное можно было только с разрешения общины⁵⁹. Те же отношения зафиксированы и для начала XX в., когда мать могла забрать для забоя животных, принадлежавших любому члену семьи. При этом она следила за тем, чтобы количество овец распределялось между общинниками, насколько возможно, поровну⁶⁰. К. Клакхохн и Д. Лейтон отмечали, что продукты скотоводства в первой половине XX в. использовались для нужд большесемейной общины в обычное время частично, а в случае крайней необходимости и полностью⁶¹. Те же ограничения в распоряжении мелким рогатым скотом, которые накладывались на отдельных владельцев общиной, отмечены и для середины XX в.⁶². Любопытно, что, по свидетельству Г. Уизерспун, они сейчас характерны не только для большесемейных общин, но и для соседских общин, состоящих из нескольких больших материнских семей⁶³.

В меньшей мере обычаи коллективизма отразились на праве собственности на лошадей и крупный рогатый скот. Составляя частную собственность, лошади теоретически могли свободно отчуждаться или забиваться владельцами. Однако на практике, желая обменять лошадь, мужчина всегда советовался с общиной⁶⁴. В то же время со смертью хозяина его верховые лошади забивались на его могиле⁶⁵. Еще ярче частновладельческий аспект выражался в праве собственности на крупный рогатый скот, ибо навахи стали разводить его позже, чем овец и лошадей, и у них это в гораздо большей степени было связано с развитием товарно-денежных отношений. Поскольку коров держали исключительно для продажи, а доход от них целиком принадлежал продавцу, среди молодых навахов в последние годы все сильнее чувствуется стремление к разведению крупного рогатого скота в ущерб мелкому. Против этого выступают женщины и некоторые традиционно настроенные мужчины, справедливо считающие, что упадок овцеводства может самым серьезным образом сказаться на общественных отношениях, которые во многом основыва-

⁵⁵ G. A. Reichard. Social life..., p. 51, 89.

⁵⁶ M. Shepardson, B. Hammond. Указ. раб., с. 90; R. M. Underhill. Указ. раб., с. 60.

⁵⁷ K. Luomala. Указ. раб., с. 62.

⁵⁸ J. F. Downs. Указ. раб., с. 73.

⁵⁹ M. Shepardson, B. Hammond. Указ. раб., с. 90; P. Kunstadter. Указ. раб., с. 76.

⁶⁰ G. A. Reichard. Social life..., p. 52.

⁶¹ C. Kluckhohn, D. Leighton. Указ. раб., с. 59, 60.

⁶² J. F. Downs. Указ. раб., с. 62—65.

⁶³ G. Witherspoon. Указ. раб., с. 1445.

⁶⁴ M. Shepardson, B. Hammond. Указ. раб., с. 90; G. A. Reichard. Social life..., p. 52, 53; C. Kluckhohn, D. Leighton. Указ. раб., с. 60; J. F. Downs. Указ. раб., с. 65.

⁶⁵ P. Kunstadter. Указ. раб., с. 77; M. Shepardson, B. Hammond. Указ. раб., с. 90; G. A. Reichard. Social life..., p. 143, 157.

ются на превосходстве женщин в экономике, связанном с их ролью в овцеводстве⁶⁶.

По традиционному порядку наследования у атапасков личное имущество владельца уничтожалось в случае его смерти. Этот порядок, несомненно, господствовал первоначально и у южных атапасков (навахов и апачей)⁶⁷. Не исключено, что самых первых домашних животных в соответствии с этим обычаем забивали на могиле владельца. Однако с развитием скотоводства этот порядок неминуемо должен был измениться. В дорезервационный период он действовал уже в довольно ограниченных рамках, применяясь к личным вещам и верховым лошадям. Основная масса скота передавалась по наследству⁶⁸. Порядок наследования у навахов уже в то время был весьма разнообразным, но в нем все же преобладала тенденция к передаче домашних животных по наследству материнским родственникам⁶⁹. Именно в этом смысле надо понимать замечание Г. Рейхард, что большесемейная община стремилась не выпускать из рук собственность отдельных своих членов⁷⁰. Действительно, если мужчина и уводил свое стадо в общину жены, то лишь на время, ибо после его смерти стадо вновь возвращалось к его материнским родичам. Описанный порядок наследования впоследствии сильно изменился; постепенно совершился переход к наследованию от отца к детям⁷¹.

Наличие скотоводческого уклада в хозяйстве навахов весьма мало отразилось на их религиозных представлениях и ритуале, если не считать того, что мясо домашних животных стало важной церемониальной пищей. Зато дикие животные (олень, лось, антилопа, горный баран и др.), на которых охотились в далеком прошлом, наделялись сверхъестественной силой и играли существенную роль в различных ритуалах и представлениях. В то же время домашних животных, которые во многом зависели от человека, навахи никакими сверхъестественными способностями не наделяли⁷².

Совершенно иначе последствия европейской колонизации сказались в степных районах Северной Америки, где обитали охотники и собиратели, а в долинах рек земледельцы, в хозяйстве которых большую роль играла охота. Все они в начале лета и осенью занимались земледелием или собирательством, а в остальное время вели бродячий образ жизни, связанный с охотой на бизонов⁷³. Прямые или косвенные контакты с европейцами вызвали к жизни целый ряд взаимосвязанных процессов (политических, экономических, демографических и др.), которые повлекли за собой вытеснение индейцев с насиженных мест и завоевание ими степей, где охотничий аспект хозяйства должен был неизбежно усилиться. Этому способствовало распространение лошадей. Итогом явилось возникновение особого хозяйственно-культурного типа конных охотников, причем «номады Нового Света не стали скотоводами в том смысле, в котором ими были номады Старого Света»⁷⁴. Главный стержень их жизни составляла охота на бизонов, которая лежала в основе сезонного хозяйственного цикла⁷⁵. Вместе с тем уже само наличие домашних животных вело к появлению ряда скотоводческих элементов в хозяйстве, поскольку лошади требовали какого-то, хотя бы минимального ухода. В отдельных местах появились вторичные оча-

⁶⁶ J. F. Downs. Указ. паб., с. 64, 65.

⁶⁷ G. A. Reichard. Social life..., p. 157.

⁶⁸ M. Shepardson, B. Hammond. Указ. паб., с. 88.

⁶⁹ Там же, с. 90—95.

⁷⁰ G. A. Reichard. Social life..., p. 94.

⁷¹ C. Kluckhohn, D. Leighton. Указ. паб., с. 60; B. Heile. Property concepts of the Navaho indians. Washington, 1954, p. 51.

⁷² G. A. Reichard. Navaho religion..., p. 142, 143; P. Kunstadter. Указ. паб., с. 70.

⁷³ J. C. Ewers. The horse in the Blackfoot Indian Culture. Washington, 1955, p. 152.

⁷⁴ P. Holder. The hoe and the horse on the plains. Lincoln, 1970, p. 67.

⁷⁵ Ю. П. Аверкиева. Указ. паб., с. 29—36.

ги распространения лошадей. Однако быстрое размножение лошадей в них и разрастание стад даже до нежелательных размеров, что заставляло индейцев избавляться от них путем обмена, надо связывать скорее с особо благоприятными природными условиями, нежели со скотоводческим искусством местных племен. Для основной массы индейцев прерий главным источником пополнения табунов оставались торговля и грабеж⁷⁶. Лошадь служила в хозяйстве индейцев главным образом средством охоты, транспорта и предметом торговли. При этом она могла быть использована только индивидуально. Это, несомненно, явилось основой того, что лошадь с самого начала, как подчеркивает Ю. П. Аверкиева, стала индивидуальной собственностью индейца⁷⁷. Поэтому лошади долгое время не передавались по наследству, а убивались на могиле владельца. В дальнейшем этот обряд принимал все более символический характер, лошади же разбирались родичами и друзьями в соответствии с представлением об общности родовой и общинной собственности. Еще позже, в XIX в., начал формироваться новый порядок, в соответствии с которым лошади после смерти отца переходили к старшему сыну⁷⁸.

Играя важную роль в хозяйстве, лошади стали реальным богатством, обладание которым не только гарантировало безбедное существование, но и создавало высокий авторитет их владельцу. На этой основе развитие товарно-денежных отношений стимулировало возникновение имущественного неравенства и эксплуатации рядовых общинников богачами⁷⁹. Правда, система эта была довольно неустойчивой, поскольку состав стада был подвержен значительным колебаниям вследствие вражеских набегов, превратностей погоды и эпизоотий, а в соответствии с ними колебался и социальный престиж владельца⁸⁰. Тем не менее уже само наличие такой системы сильно отличало описываемые племена от простых охотников и собирателей, что дает основание говорить о социальном перевороте, к которому привело распространение лошадей у индейцев Северной Америки.

Наличие лошадей повлияло на религиозную систему индейцев степей, что породило иную ситуацию, чем наблюдалась у навахов. Потребность в лечении животных привела к возникновению союза знахарей-ветеринаров, наделенных, по мнению индейцев, сверхъестественными силами и способных с помощью магии повлиять на табуны лошадей. Сами лошади также считались источником магических сил. На возникновение культа лошади известное влияние мог оказать широко распространенный в прериях культ бизона, которого почитали как покровителя охоты, плодородия и т. д. Особенно почитался череп бизона как средоточие его магической силы⁸¹.

В Южной Америке процессы, аналогичные описанным выше, к сожалению, изучены гораздо хуже. Однако уже известные факты свидетельствуют о том, что североамериканская картина в значительной мере может служить эталоном. Действительно, и в Южной Америке хорошо вычленяются две основные модели распространения домашних животных. Охотники и отсталые земледельцы Патагонии восприняли только лошадей и превратились в конных охотников и грабителей. При этом наличие лошадей оказало сильное влияние на социальную структуру и политическую организацию местных народов; значительно усилились процессы социальной дифференциации. К разведению лошадей эти народы не переш-

⁷⁶ Ю. П. Аверкиева. Указ. раб., с. 13—25; F. Haines. Indians of the Great Basin and Plateau. N. Y., 1970, p. 46—55.

⁷⁷ Ю. П. Аверкиева. Указ. раб., с. 27.

⁷⁸ Там же, с. 27—29.

⁷⁹ Там же, с. 46 сл.

⁸⁰ Там же, с. 53.

⁸¹ Там же, с. 149, 150, 158—162; J. C. Ewers. Указ. раб., с. 317.

ли; главным средством пополнения табунов был грабеж⁸². Скотоводство среди индейцев Южной Америки развилось только у гоахи́ро, обитавших в засушливом прибрежном районе Колумбии. Они заимствовали у испанцев крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, ослов, свиней и кур. При этом владельцы крупных стад почти полностью забросили земледелие, предпочитая получать его продукты в обмен на скот. Мясо и молоко стали основной пищей гоахи́ро, важным компонентом которой остались также и земледельческие продукты. Молоко они получали от коров, а мясо от коз и овец. Животные, кроме того, широко использовались в торговле, для выплаты различных штрафов и в качестве брачного выкупа (особенно крупный рогатый скот). Крупный рогатый скот стал у гоахи́ро мерой стоимости и показателем социального престижа. После перехода к скотоводству у гоахи́ро продолжал доминировать принцип родства по женской линии. Связи родичей по материнской линии оставались наиболее крепкими из всех социальных связей, причем материнско-родовая община ассоциировалась с крупным рогатым скотом. Собственность на скот возникла с раннего детства из подарков, сделанных ребенку материю или бабушкой. Костяк стада молодой семьи составляли животные, подаренные невесте ее материнскими родичами, которые считали своим долгом заботиться о благополучии молодых. Жених также получал животных от своих материнских родичей. После смерти стадо покойного обычно делилось между его родственниками по материнской линии, причем перед разделом множество крупного рогатого скота забивалось на могиле⁸³.

* * *

Приведенные материалы свидетельствуют о большой зависимости экономики доклассовых обществ от природной среды. При передвижении населения в новые природные условия, которые не позволяли вести хозяйство по-прежнему, его характер менялся, причем порой за счет понижения роли производящей экономики и повышения роли присваивающей. Поэтому факт происхождения домашних животных из немногих центров ничуть не противоречит тому, что у разных народов в разной экологической и исторической обстановке скотоводство развивалось по-разному. Распространение домашних животных также шло по-разному в зависимости от хозяйственной ориентации обществ-реципиентов. Выделяются две основные модели. В первом случае домашние животные попадают в общества, знакомые с земледелием, что приводит к возникновению скотоводческого уклада, который при благоприятных условиях может значительно потеснить земледелие. При этом, как правильно замечает Д. Даунс, заимствуются не просто домашние животные, а целая система скотоводства⁸⁴, приспосабливаемая к местной экологии. Возникновение хозяйства, в котором скотоводство играет ведущую роль, становится возможным лишь при наличии относительно крупных стад. Во втором случае домашние животные распространяются в общества охотников, что происходит довольно своеобразно. Охотники заимствуют в первую очередь тех животных, которые могут быть использованы в условиях охотничьего быта, не нарушая его, т. е. транспортных животных. При этом возможности охотничьего хозяйства значительно расширяются, позволяя парцеллизацию труда и обуславливая все вытекающие отсюда социальные по-

⁸² J. H. Steward, L. C. Faron. Native peoples of South America. N. Y., 1959, p. 377—380, 408—413, 421.

⁸³ J. M. Armstrong, A. Métraux. The Goajiro.— In: «Handbook of South American Indians», v. 4. Washington, 1948, p. 369—381; J. H. Steward, L. C. Faron. Указ. раб., с. 359; J. Wilbert. Survivors of Eldorado. N. Y., 1972, p. 175—202.

⁸⁴ J. F. Downs. Указ. раб., с. 2.

следствия. Все же это хозяйство остается по существу охотничьим, ибо совершающиеся сезонные передвижения имеют своей целью создание наиболее выгодных условий для охоты, а не поиск подходящих пастбищ для домашних животных, которые находятся на вольном выпасе. Правда, при благоприятном стечении обстоятельств (наличие хороших пастбищ, отсутствие вражеской угрозы, полное или почти полное исчезновение основных видов дичи, что ведет к кризису охоты) эти охотники могут постепенно перейти к скотоводству.

Широкое распространение домашних животных связано с их практическим использованием. Правда, известны случаи, когда индейцы держали первых попавших к ним лошадей в качестве предмета роскоши, чтобы произвести впечатление на соседей⁸⁵. Однако глубокая интеграция их в местные культуры произошла лишь тогда, когда индейцы научились ездить верхом и использовать лошадей под выюк. Этнографические данные показывают, что степень заботы о домашних животных находится в прямой зависимости от их роли в хозяйстве. С другой стороны, между степенью заботы и социальной ролью домашних животных полной корреляции не наблюдается.

Куда бы и каким бы образом не попадали домашние животные, их наличие везде до известного предела ускоряло социальное развитие, порождая социальную и имущественную дифференциацию. Если скотоводы обладали несколькими видами животных, то социальная ценность последних в глазах их владельцев различалась, причем далеко не всегда она совпадала с их хозяйственной ценностью в узком смысле. В то же время отмечаемая везде непрочность богатства, основанного на владении домашними животными, тормозила возникновение сколько-нибудь жестко стратифицированной общественной структуры при доминировании скотоводческого уклада, что отмечается многими исследователями.

Во всех обществах, куда попадали домашние животные, они становились важным средством обмена, основой всевозможных выплат, что играло роль важного фактора в укреплении и развитии социальных связей между различными членами общества.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что у всех описанных народов домашние животные были частной собственностью, правда, нередко в той или иной мере ограниченной общинно-родовыми порядками. При этом в индивидуальную собственность попадали прежде всего животные индивидуального пользования, т. е. транспортные животные. Они, как и вообще индивидуальная собственность, первоначально не наследовались, а забивались на могиле владельца. Впоследствии эти животные стали первыми переходить от отца к сыну, сначала по завещанию, а потом и по наследству. Наоборот, частновладельческий аспект, связанный с животными, которых разводили ради получения продуктов скотоводства, имел более ограниченную сферу действия. На этих животных и их продукцию в определенных ситуациях претендовал довольно широкий круг материнских или отцовских родственников, что в известной мере было оправдано обычаями родовой взаимопомощи и имело много общего с теми порядками, которые отмечаются у классических кочевников⁸⁶. Наследование таких животных долгое время осуществлялось традиционным путем (по материнской линии в Америке и по отцовской в Сибири).

Интеграция домашних животных в местные культовые системы происходила по-разному, причем основой их ритуальной ценности являлась их высокая хозяйственная и/или престижная роль. Представляя исклю-

⁸⁵ F. Haines. Указ. раб., с. 52, 53.

⁸⁶ С. М. Абрамзон. Категории семейно-групповой, семейной и индивидуальной собственности у кочевников (казахи, киргизы, алтайцы, тувинцы, монголы).— «IX МКАЭН. Доклады советской делегации». М., 1973.

чительную важность для местного населения, домашние животные в глазах аборигенов имели не меньшее значение для всевозможных духов и потусторонних сил. Такие представления проявлялись в захоронениях домашних животных с владельцами, а также в различных жертвоприношениях, которые, кроме того, несли известную социальную нагрузку. Появление домашних животных у населения Сибири и степных районов Северной Америки привело к возникновению своеобразных религиозных систем, в которых тесным образом переплетались элементы промысловых и скотоводческих культов. Напротив, у навахов такой системы не возникло, что составляет особую проблему, заслуживающую специального анализа. Возможно, определенную роль в этом сыграли особенности религиозного комплекса навахов, который в силу специфики исторического пути, пройденного ими, оказался мало восприимчив к внешним влияниям.

Приведенный выше анализ позволяет вскрыть устойчивые тенденции, связанные с процессом распространения отдельных элементов культуры и с интеграцией их в культурные системы обществ-реципиентов. Полученные выводы могут быть использованы для реконструкции процесса распространения производящего хозяйства из первичных очагов во вторичные, а, таким образом, открывают реальные возможности для успешного взаимодействия этнографов с археологами при создании такого рода реконструкций.

THE ROLE OF DOMESTICATED ANIMALS IN PERIPHERAL SOCIETIES

(SIBERIAN AND AMERICAN TRADITIONAL SOCIETIES TAKEN AS EXAMPLES)

An attempt is made in the paper to reveal the process by which domesticated animals penetrated into the economy of peoples hitherto unacquainted with animal husbandry and to show the consequences of this process. With this view data on the beginnings of reindeer breeding among Siberian peoples are analysed, as well as those on the spreading of some European domestic animals among American aborigines. The main criterion for adopting domestic animals is their economic use. However, while their utilization by agricultural peoples is extremely varied (ranging from food to transport purposes), those peoples who mainly depend upon hunting and fishing only use animals for transportation. In both cases, the introduction of domestic animals leads to changes in the character of social linkages, to a reappraisal of the former system of values, and is sometimes reflected in ideological (religious) concepts.

В. А. Попов

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ СИСТЕМ ТЕРМИНОВ РОДСТВА: ТИПЫ КРОУ И ОМАХА

Разработка типологии систем терминов родства (СТР) и исследование исторического соотношения типов систем является одной из важных проблем этнографии. В последние годы типологические исследования стали одним из основных направлений в изучении систем родства. Создаются новые и совершенствуются старые методики структурного анализа терминологии родства, исследуются механизмы трансформации СТР различных типов. Тем не менее еще многие аспекты этой проблемы остаются неясными и требуют дальнейших изысканий. В этой связи большое значение имеет определение места систем типов кроу и омаха в исторической типологии СТР.

Большинство существующих классификаций СТР базируется на двух основных принципах, выделенных Л. Г. Морганом:

- 1) слияние/разграничение прямой и боковых линий родства;
- 2) слияние/разграничение линий отца и матери.

За основу своих типологий почти все исследователи брали группировки терминов родства для обозначения родственников первого восходящего (+1п) и нулевого (0п) поколений, в которых реализуются оба принципа. В +1п выделяются следующие типы слияния и разграничения ¹:

$$\begin{array}{ll}
 \text{I } [P_m = D_m P P_m = D_m P P_j]; & [P_j = D_j P P_j = D_j P P_m] \\
 \text{II } P_m \neq D_m P P_m \neq D_m P P_j; & P_j \neq D_j P P_j \neq D_j P P_m \\
 \text{III } [P_m = D_m P P_m] \neq D_m P P_j; & [P_j = D_j P P_j] \neq D_j P P_m \\
 \text{IV } P_m \neq [D_m P P_m = D_m P P_j]; & P_j \neq [D_j P P_j = D_j P P_m]
 \end{array}$$

У разных авторов эти четыре типа СТР имеют различные названия. Соотношение этих наименований в наиболее распространенных типологиях может быть представлена в виде таблицы ².

Типы СТР	Морган	Лоун	Риверс	Кирхгоф
I	Малайский	Генерационный	Гавайский	С
II	—	Бифуркативно- коллатеральный	Родственный	А
III	Турано-ганованский	Бифуркативно- слившийся	Клановый	В
IV	Арийский (описательный)	Линейный	Семейный	Д

¹ Здесь и далее для записи отношений родства используется система буквенных индексов, предложенная Ю. И. Левиным (см. Ю. И. Левин. Об описании системы терминов родства. — «Сов. этнография», 1970, № 4, с. 18, 19); Р — родитель, Д — дитя, Э — это; м, ж — детерминативы пола.

² См. М. В. Крюков. Система родства китайцев. М., 1972, с. 39.

Дж. П. Мёрдок усовершенствовал предложенную Л. Спиром³ типологию СТР на основании группировок родственников Оп, т. е. кузенов и сиблингов эго⁴. В Оп выделяются следующие варианты слияния и разграничения⁵:

I	$[\times = \parallel = \wedge]$	— гавайский;
II	$\times \neq \parallel \neq \wedge$	— суданский, мурнинский ⁶ ;
III	$[\times = \parallel] \neq \wedge$	— эскимосский;
IV	$\times \neq [\parallel = \wedge]$	— ирокезский, кроу, омаха ⁷ .

Типологии Г. Доул⁸ и М. В. Крюкова⁹ отражают комбинации группировок родственников в двух поколениях (+Ip и Оп). Так, М. В. Крюков объединил традиционную типологию, опирающуюся на +Ip, с типологией Дж. П. Мёрдока (на базе Оп), и предложил свои названия для типов:

+Ip	Оп	М. В. Крюков
I	I	— гавайский (малайский)
II	II	— арабский
III	IV	— ирокезский (австралийский)
IV	III	— английский

Историческая типология М. В. Крюкова уже получила признание в советской этнографической литературе, но названия для типов, на наш взгляд, не совсем удачны, потому что каждый тип привязан к определенному этносу. Уместно напомнить, что сначала арабский тип носил название китайского¹⁰. При описании трансформации СТР китайцев¹¹ автор заменил название, что, по-видимому, сделано из опасения создать путаницу, поскольку СТР китайцев эволюционировала от австралийского типа к китайскому (арабскому). Однако у исследователя СТР арабов или англичан вполне реально могут возникнуть аналогичные затруднения. Более правомерным представляется такой принцип создания терминологии для наименования типов СТР, который бы основывался на структурных признаках, характерных для каждого конкретного типа. Так как все четыре типа СТР выделяются по двум структурообразующим признакам, то именно эти два признака, имеющие наибольшую таксономическую ценность, и должны стать названиями для типов СТР.

Если обозначить разграничение родственников по прямой и боковым линиям термином «линейность»¹², а разграничение родственников по этцовской и материнской линиям назвать «бифуркацией»¹³, то с по-

³ L. Spier. The distribution of kinship systems in North America.— «University of Washington. Publications in anthropology», 1925, v. 1, № 2.

⁴ G. P. Murdock. Social structure. N. Y., 1949.

⁵ $\times$ — перекрестные кузены (кросскузены) — дети сестры отца и брата матери (ДДЖРРм=ДДмРРж); $\parallel$ — параллельные кузены (ортокузены) — дети брата отца и сестры матери (ДДмРРм=ДДЖРРж); $\wedge$ — сиблинги — братья и сестры эго (ДмР=ДжР).

⁶ В мурнинском типе матрилтеральные и патрилатеральные кросскузены называются различными терминами (ДДЖРРм $\neq$ ДДмРРж).

⁷ Кроме того, Мёрдок выделял бурятский тип, в котором [ДДЖРРм=ДДмРРм] $\neq$ [ДДЖРРж=ДДмРРж] $\neq$ ДР.

⁸ G. Dole. The development of patterns of kinship nomenclature. Ann Arbor, 1957.

⁹ М. В. Крюков. Указ. раб., с. 39, 40.

¹⁰ М. В. Крюков. Типы систем родства и их историческое соотношение.— «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. I. М., 1968, с. 371.

¹¹ М. В. Крюков. Система родства китайцев.

¹² Именно в этом значении термин «линейность» употребляет М. В. Крюков. См. его кн. «Система родства китайцев», с. 107, 111, 126; *его же*. Эволюция систем родства: механизм трансформации. М., 1973, с. 4.

¹³ Бифуркация (от лат. сл. bifurcatio — раздвоение, разветвление) — биологический термин. В этнографию этот термин введен Р. Лоуи. Применяется в советской этнографической литературе (см., например, Л. В. Маркова. Трансформация южнославянской системы родства и ее соотношение с семейно-родственной структурой. М., 1973, с. 8).

мощью этих терминов можно описать все основные типы СТР, указывая одновременно на главный структурообразующий признак каждого типа. Для иллюстрации воспользуемся весьма удачной схемой, предложенной М. В. Крюковым¹⁴ (см. рис. 1).

Поскольку характерным признаком типа I (ирокезского) является бифуркация, то его можно назвать бифуркативным типом, соответственно III (арабский) тип — бифуркативно-линейным и IV (английский) тип — линейным. II тип (гавайский) игнорирует оба признака, и его невозможно определить исходя из них. Но особенностью СТР данного типа является разграничение родственников по поколениям, поэтому II тип может быть назван поколенным (генерационным).

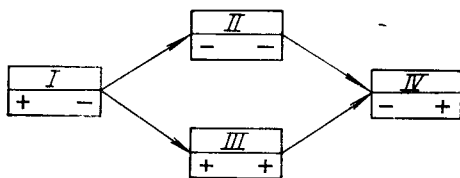

Рис. 1

Для всякого сопоставления необходима основная единица соотношения или конкретный критерий оценки — эталон, от которого отталкиваются при описании и характеристике явления в плане его типологической специфики. Следует отметить, что при любом сравнении двух СТР всегда присутствует такая система-эталон (чаще всего это та СТР, которой пользуется исследователь)¹⁵. Наиболее логичным и научно обоснованным эталоном (метаязыком) является код Ю. И. Левина¹⁶, в символах которого возможно описать любую СТР, избежав основного противоречия в описании номенклатуры терминов родства, когда термины одной системы описываются в терминах другой¹⁷. В основе кода — генеалогическая матрица, отражающая биологические отношения родства.

Исходя из того, что типы СТР — это «научная абстракция, конструируемая на основании определенных принципов сочетания существенных признаков»¹⁸, т. е. идеальная модель, построенная исследователем¹⁹, отдельный тип СТР можно рассматривать в качестве эталона (причем этот эталон уже другого уровня относительно кода Левина). Тогда и общую типологию СТР, представляющую собой ряд типов, которые находятся между собой в строго определенных отношениях, отражающих историческое развитие СТР, также возможно рассматривать в качестве эталона. Соотнесение конкретной СТР с определенным типом почти всегда в некоторой степени условно и произвольно, ибо не существует такой системы, которая бы абсолютно по всем параметрам совпадала бы с типом-эталонном. Чтобы указать место данной СТР в общей типологии СТР, необходимо выяснить все структурообразующие признаки системы, установить их иерархию и, выделив главные, соотнести их с теми признаками, на основании которых сконструированы типы-эталон.

* * *

Обратимся к системам кроу и омаха. Особенность этих СТР состоит в специфической классификации перекрестных кузенов и их потомков. По группировке родственников Оп системы кроу и омаха являются би-

¹⁴ М. В. Крюков. Система родства китайцев, с. 65. Знаками «плюс» и «минус» обозначается наличие или отсутствие бифуркации и линейности.

¹⁵ Н. М. Гиренко. Система терминов родства и система социальных категорий. — «Сов. этнография», 1974, № 6, с. 45.

¹⁶ См. М. А. Членов. Формальные методы изучения систем родства в современной американской этнографии. — «Этнологические исследования за рубежом». М., 1973, с. 168.

¹⁷ С. А. Токарев. К вопросу о методике изучения терминологии родства. — «Вестн. МГУ, историко-филологическая серия», 1958, № 4, с. 189—194.

¹⁸ М. В. Крюков. Система родства китайцев, с. 222.

¹⁹ Там же; М. В. Крюков. Эволюция систем родства..., с. 1.

фуркативными: сиблинги и параллельные кузены называются одним термином, а перекрестные кузены определяются особыми терминами ($\times \neq || = \wedge$) ²⁰. Основное отличие от других бифуркативных СТР состоит в том, что перекрестные кузены не имеют специальных терминов, поскольку эта категория родственников относится к смежным поколениям: либо к восходящим ($\geq +1p$), либо к нисходящим ($\leq -1p$) — и оформляется в терминах этих поколений. Это явление называется

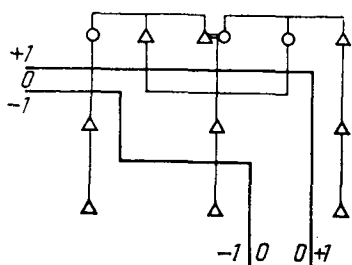

Рис. 2. Тип омаха

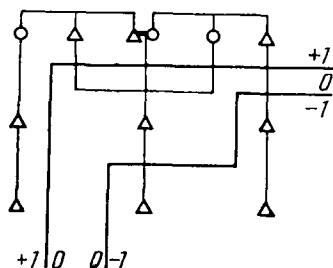

Рис. 3. Тип кроу

поколенным скашиванием (skewing). В системах омаха матрилатеральные перекрестные кузены и их потомки считаются родственниками восходящих поколений ($D^{>1}D_mPP_{\text{ж}} \geq +1$), патрилатеральные перекрестные кузены и их потомки относятся к нисходящим поколениям ($D^{>1}D_{\text{ж}}PP_m \leq -1$) (см. рис. 2). В системах кроу наоборот: $D^{>1}D_mPP_{\text{ж}} \leq -1$, $D^{>1}D_{\text{ж}}PP_m \geq +1$ (см. рис. 3).

Термины «кроу» и «омаха» были предложены американским этнографом Л. Спиром, который в 1925 г. опубликовал сводку новейших материалов по системам родства индейцев Северной Америки и свел все эти системы в несколько типов, выделенных на основе группировок Ол. Каждый тип был назван этнонимом того племени, у которого впервые были обнаружены характерные черты данного типа ²¹. Кроу и омаха — это два племени североамериканских индейцев, относящихся по языку к семье хока-сиу. Омаха в буквальном переводе означает «люди, живущие вверх по течению» (up stream peoples). Они обитали в XIX в. в долине р. Миссури. Племя кроу названо так по их тотему — вороне (англ. crow). Самоназвание кроу — апсароки, они жили на территории современных штатов Монтана и Вайоминг ²². Тщательное описание СТР омаха оставил Дж. Дорсей ²³, СТР кроу изучал Р. Лоуи ²⁴.

Типы кроу и омаха являются однопорядковыми. По существу главное различие между ними состоит в характере поколенного скоса, направление которого зависит от филиации. Системы кроу встречаются преимущественно в матрилинейных обществах, системы омаха — в патрилинейных. По подсчетам Р. Мак-Кинли, 85,7% всех СТР кроу коррелируют с матрилинейным счетом родства, 89% всех СТР омаха — с патрилинейной филиацией ²⁵.

²⁰ В некоторых системах кроу и омаха в Оп наблюдаются бифуркативно-линейные черты ($\times \neq || \neq \wedge$).

²¹ L. Spier. Указ. раб.

²² L. H. Morgan. Systems of consanguinity and affinity of human family. Washington, 1871, p. 178, 185, 284—285.

²³ J. O. Dorsey. Omaha sociology. Washington, 1884.

²⁴ R. H. Lowie. Social life of the Crow Indians. — «American Museum of Natural History», 1912, v. 9, № 2; его же. The Crow Indians. N. Y., 1935.

²⁵ R. McKinley. A critique of the reflectionist theory of kinship terminology; The Crow-Omaha case. — «Man», 1971, v. 6, № 2, p. 231.

Поскольку системы кроу и омаха взаимно противоположны по структуре, являясь как бы зеркальным отражением друг друга²⁶ (см. рис. 2, 3), в специальной литературе их принято объединять в один тип кроу—омаха. У. Шапиро предлагал называть этот тип «помо» на том основании, что СТР кроу и омаха зафиксированы у различных групп калифорнийских индейцев помо²⁷. Однако это предложение не получило поддержки.

Проблема СТР кроу и омаха, под которой обычно понимается проблема социальной обусловленности поколенного скашивания и записности направления скоса от филиации, вот уже в течение многих десятилетий составляет предмет непрекращающихся дискуссий. К. Леви-Стросс считает, что это одна из тех проблем, которые затрудняют движение вперед²⁸, а американские этнографы говорят: «Объясните системы кроу—омаха, и остальные системы покажутся простыми»²⁹.

Начало изучению СТР типов кроу и омаха, как и вообще всех СТР, было положено работой Л. Г. Моргана «Системы родства и свойства человеческой семьи». В своем обзоре ганованской номенклатуры терминов родства у североамериканских индейцев он впервые обратил внимание на то, что у ряда алгонкинских и сиу племен перекрестные кузены считаются родственниками смежных поколений. Морган не дал никакого объяснения такому смещению поколений, лишь только описал и отметил, что этой особенностью данные системы отличаются от ирокезской—типичной турано-ганованской СТР³⁰. Долгое время такие системы считались аномальными, и при упоминании о них обычно употреблялись характеристики типа «странные», «атипичные», «экзотичные» и, как правило, связывались только лишь с некоторыми племенами индейцев Северной Америки. Однако в конце XIX—начале XX в. подобные системы были обнаружены у многих народов в разных частях света, а после работ Р. Лоуи³¹ и Л. Спира³² стало ясно, что системы кроу и омаха—особые типы систем родства, нуждающиеся в объяснении.

Всех исследователей проблемы кроу и омаха можно довольно четко разделить на две категории: этнологов и этнолингвистов. Первые занимались преимущественно изысканием тех условий и факторов, которые определили происхождение поколенного скоса в этих СТР³³.

²⁶ В естественных науках аналогичные явления называются киральностью. Этот термин, на наш взгляд, удобен для обозначения идентичных по своей сущности этнографических явлений, имеющих в то же время взаимно противоположные симметричные формы внешнего проявления.

²⁷ W. Shapiro. On the classification of bifurcate merging systems.—«Anthropologica», 1966, v. 8, № 1, p. 147, 148.

²⁸ C. Lévi-Strauss. The future of kinship studies.—«Proceedings of the Royal Anthropological Institute», 1965, p. 18.

²⁹ I. R. Buchler, H. A. Selby. Kinship and social organisation. An Introduction to theory and method. N. Y., 1968, p. 276.

³⁰ L. H. Morgan. Указ. раб., с. 179, 188, 189, 191, 197, 198, 217, 262.

³¹ R. H. Lowie. Culture and ethnology. N. Y., 1917; *его же*. The Omaha and Crow kinship terminologies.—«Verhandlungen des 24 Internationalen Amerikanisten-Kongresses». Hamburg, 1930.

³² L. Spier. Указ. раб.

³³ J. Kohler. Zur Urgeschichte der Ehe.—«Zeitschrift für Vergleichende Rechtswissenschaft», 1897, № 12; см. рецензию Э. Дюркгейма на книгу П. Кёлера в «Année sociologique», 1898, № 1; L. A. White. A Problem in kinship terminology.—«American Anthropologist», 1939, v. 41, № 4; R. Lane, B. Lane. On the development of Dakota-Iroquois and Crow-Omaha kinship terminologies.—«South-Western Journal of Anthropology», 1959, v. 15, № 3; D. B. Eyde, P. M. Postal. Avunculocality and incest: the development of unilateral cross-cousin marriage and Crow-Omaha kinship systems.—«American Anthropologist», 1961, v. 63, № 4; C. F. Moore. Oblique and asymmetrical cross-cousin marriage and Crow-Omaha terminology.—«American Anthropologist», 1963, v. 65, № 2; C. Lévi-Strauss. Les structures élémentaires de parenté. Paris, 1949; R. McKinley. Указ. раб.; *его же*. Why do Crow and Omaha kinship terminologies exist? A sociology of knowledge interpretation.—

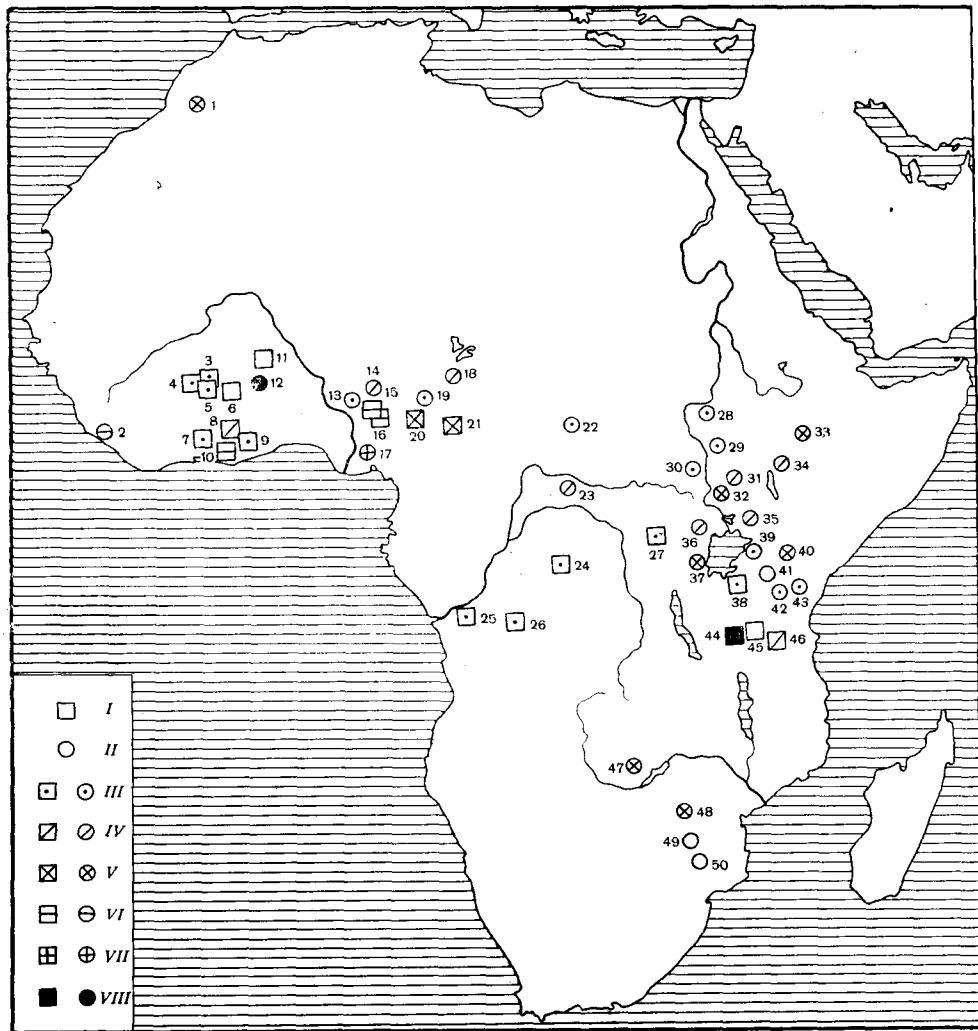

Рис. 4. Варианты систем терминов родства типов кроу и омаха у народов Африки. Типы: I — кроу, II — омаха; варианты: III — бифуркативный, IV — бифуркативно — бифуркативно-линейный, V — бифуркативно-линейный, VI — бифуркативно-поколенный, VII — поколенный, VIII — бифуркативно-линейно-поколенный (условные обозначения на последующих картах — те же)

Вторые в основном изучали внутренний механизм и особенности структуры СТР кроу и омаха, используя методы формального анализа

«Мат», 1971, в. 6, № 3; А. М. Золотарев. Из истории ранних форм группового брака.— «Уч. записки исторического факультета Моск. обл. пед. ин-та», т. 2, 1940; Д. А. Ольдерогге. Кольцевая связь родов или трехродовой союз.— «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», в. 1, 1946; его же. Основные черты развития систем родства.— «Сов. этнография», 1960, № 6; его же. Система родства баконго в XVII в.— «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 52, 1959; его же. Система нкита (взаимоотношения родов у нкунду).— «Тр. Ин-та этнографии АН СССР», т. 54, 1960; Н. В. Бикбулатов. Система родства башкир. М., 1964; Н. А. Бутинов. Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968; В. М. Мисюгин. Об отношении австралийских брачных классов к турано-ганованской системе терминов родства.— «Основные проблемы африканистики». М., 1973; Н. М. Гиренко. Традиционная социальная организация ньямвези (основные тенденции доколониального развития). Автореферат канд. дис. Л., 1975.

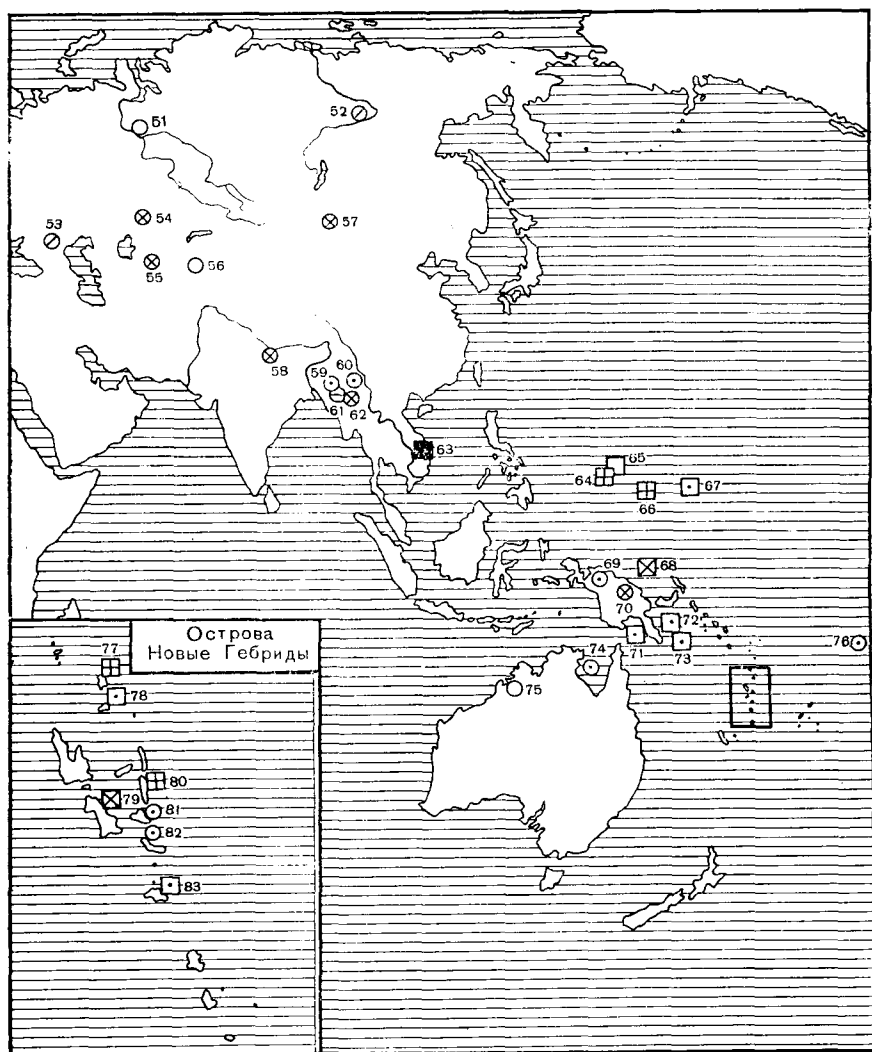

Рис. 5. Варианты систем терминов родства типов кроу и омаха у народов Азии, Австралии и Океании

структурной лингвистики³⁴. Обзор всех концепций и гипотез образования СТР типов кроу и омаха выходит за рамки данной статьи³⁵. Для нас сейчас представляют интерес лишь те работы, которые связаны с типологией этих СТР. Впервые на различия между некоторыми си-

³⁴ W. H. Goodenough. Componential analysis and the study of meaning.—«Language», 1956, v. 52, № 1; F. G. Lounsbury. A formal account of the Crow-Omaha-type kinship terminologies.—«Explorations in Cultural Anthropology». N. Y., 1964; E. A. Hammett. An algorithm for Crow-Omaha solutions.—«American Anthropologist», 1965, v. 67, № 5, pt. 2; I. R. Buchler. Measuring the development of kinship terminologies: scalogram and transformational account of Crow-type systems.—«American Anthropologist», 1964, v. 66, № 4; его же. Measuring the development of kinship terminology: scalogram and transformational account of Omaha-type systems.—«Bijdragen tot de taal-, land-, en volkenkunde», 1969, deel 122; К. И. Вавра. Семантический анализ терминов родства угорских языков.—«Сов. финноугроведение», 1966, № 3.

³⁵ Историографии проблемы кроу—омаха посвящена небольшая статья Р. Мак-Кинли (см. прим. 25).

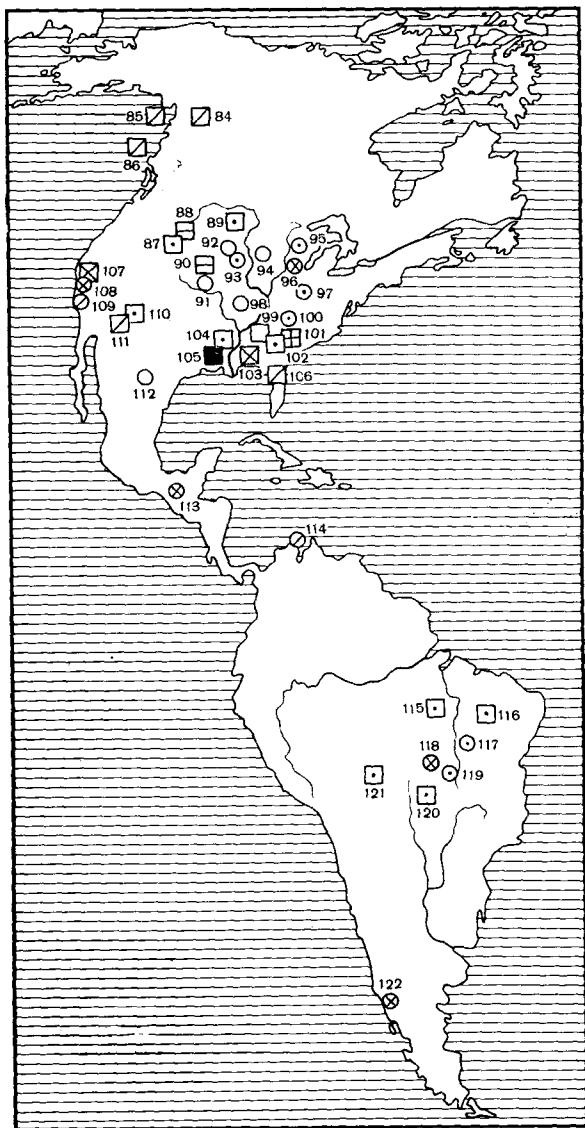

Рис. 6. Варианты систем терминов родства типов кроу и омаха у народов Америки

группируются по бифуркативной модели $[Рж = ДжРРж] \neq ДжРРм$. К этому варианту (1) относятся СТР следующих народов⁴⁰:

³⁶ F. Eggan. Historical changes in the Choctaw kinship systems.— «American Anthropologist», 1937, v. 29, № 1, p. 37.

³⁷ F. H. Lounsbury. Указ. раб., с. 360—379.

³⁸ I. R. Buchler. Measuring the development of kinship terminology: scalogram and transformational account of Crow-type systems, p. 769—772.

³⁹ I. R. Buchler. Measuring the development of kinship terminology: scalogram and transformational account of Omaha-type systems, p. 44, 45.

⁴⁰ Типологизация систем кроу—омаха произведена в основном на базе данных Дж. Мёрдока (см. его «World ethnographic sample».— «American Anthropologist», 1957, v. 59; его же. Kin terms patterns and their distribution.— «Ethnology», 1970, v. 9) и отражает состояние на середину XX в. Данные Дж. Мёрдока даются без ссылок. Ссылка делается только в том случае, если материал взят из другого источника. Картографирование вариантов типов кроу и омаха осуществлено автором настоящей статьи.

стемами кроу обратил внимание Ф. Эгган³⁶, который выделил шесть подтипов этих систем, различающихся терминологическим оформлением патрилateralных перекрестных кузенов. Например, в СТР индейцев кроу: $ДмДжРРм = Рм$, $ДжДжРРм = ДжРРм$, $ДдмДжРРм = ДР$, $ДджДжРРм = Рм/ДжРРм$, а в СТР криков — $ДмДжРРмм = Рм$, $ДжДжРР = РжРм$, $ДдджРРм = Рм/ДжРРм$ и т. д. Подобные же микро-типологии создали Ф. Лаунсбери³⁷ с помощью сформулированных им трех правил превращения (скашивания, слияния и полусиблингов) и А. Р. Баклер, применивший шкалограммный метод Л. Гуттмана и правила превращения Ф. Лаунсбери. Ф. Лаунсбери выделил четыре подтипа СТР типа кроу и омаха, а Баклер сгруппировал 41 систему кроу в 16 шкальных типов³⁸, а 14 систем омаха — в 7 шкальных типов³⁹. Однако все они ограничились лишь констатацией различий, не сделав даже попытки дать объяснение этому явлению, в то время как отличия в группировке родственников +1п и 0п имеют принципиальное значение для исторической типологии СТР.

В большинстве из всех известных систем кроу и омаха родственники +1п

группируются по бифуркативной модели $[Рм = ДмРРм] \neq ДмРРж$;

$[Рж = ДжРРж] \neq ДжРРм$. К этому варианту (1) относятся СТР следующие

Кроу: лоби (3)⁴¹, бирифор (4), дьян (5), аброн (7)⁴², аквamu (9)⁴³, ачем (9), монго (24), конго (25), пенде (26), сукума (38), понapeанцы (67), моту (71), тробрианцы (72), фосселцы (73), мота (78), эфате (83), кроу (87), мандан (89), хидатса (89), чироки (102), чоктавы (104), холи (110), акома (110), зуни (110), апинайе (115), тимбира (116), бороро (120), сирионо (121);

Омаха: игбира (13), кадара (19), банда (22), амба (27), луо (28), нуэр (29), бари (30), джолуд (39), джагга (42), теита (43), тхадо (59), сема (59), аймоль (59), качин (60), хакачин (60), муйу (69), австралийцы о. Грут-Айленд (74), токелауанцы (76), амбрим (81), эпи (82), омаха (93), ото (93), фокс (95), меномини (95), майами (97), шауни (100), шеренте (117), сев. каяпо (119).

В некоторых системах (вариант II) группировка родственников +1п характеризуется бифуркативно-линейными особенностями ($R_m \neq D_m R R_m \neq D_m R R_j$; $R_j \neq D_j R R_j \neq D_j R R_m$):

Кроу: чамба-дака (20)⁴⁴, чамба-лекон (21), манус (68), сеньянг (79), крики (103), ваппо (107), юж. помо (107).

Омаха: гурате (33), хайя (37), кикуйю (40), тонга (47), шона-зезуру (48), казахи (54), узбеки-конграт (55), халха-монголы (57), шерпы (58), ренгма (62), ао (62), лхота (62), пурум (62), арапеш (70), квом (70), виннебаго (96), потаватоми (96), винтун (108), патвин (108), вост. помо (108), шаванте (118), цельтали (119), арауканы (122).

В трех системах типа омаха бифуркативно-линейные черты наблюдаются не только в +1п, но и в 0п (шлэх-семлал (1), ланго (32), ангами (62)).

Покоренные особенности в +1п ($[R_m = D_m R R_m = D_m R R_j]$; $[R_j = D_j R R_j = D_j R R_m]$) имеют системы варианта III:

Кроу: трукцы (66), банксыцы⁴⁵ (77), пентекост⁴⁶ (80), ючи (101).

Омаха: игбо⁴⁷ (17).

В отдельных системах (вариант IV) сочетаются бифуркативные особенности с бифуркативно-линейными:

Кроу: ашанти (8), лугуру (46), хайда (86), тимукуа (106), семинолы⁴⁸ (106), хано (111).

Омаха: гбари (14), матакам (18), нгбанди (23), ачолли (31), консо⁴⁹ (34), ньюро (36), якуты (52), калмыки (53), мивок (109), гоахиро (114).

Системы каска (84), тлинкитов (85) (тип кроу) и доробо (35) (тип омаха) имеют в +1п бифуркативные, а в 0п — бифуркативно-линейные черты.

Ряд систем (вариант V) обладает одновременно бифуркативными и поколенными особенностями:

Кроу: фанти⁵⁰ (10), лонгуда⁵¹ (15), ндоро (16), япцы (64), арикара (88), пау-ни (90).

⁴¹ Цифры в скобках означают номер на карте.

⁴² F. G. Lounsbury. Указ. раб., с. 367.

⁴³ M. Mead. Twi relationship systems.— «Journal of the Royal Anthropological Institute», 1937, v. 67.

⁴⁴ C. K. Meek. Tribal studies in Northern Nigeria. London, 1931, v. I, p. 402, 403.

⁴⁵ R. B. Lane. A reconsideration of Malayo-Polynesian social organisation.— «American Anthropologist», 1961, v. 63, № 4, p. 712.

⁴⁶ I. R. Buchler. Measuring the development of kinship terminology: scalogram and transformational account of Crow-type systems, p. 770.

⁴⁷ E. W. Ardener. The kinship terminology of a group of Southern Ibo.— «Africa», 1954, v. 24, № 2, p. 92—94.

⁴⁸ F. G. Lounsbury. A formal account of the Crow-Omaha-type kinship terminologies, p. 375.

⁴⁹ C. R. Hallpike. The Konso of Ethiopia. Oxford, 1972, p. 344.

⁵⁰ D. B. Kronenfeld. Fanti kinship: the structure of terminology and behavior.— «American Anthropologist», 1973, v. 75, № 5, p. 1579.

⁵¹ C. K. Meek. Указ. раб., с. 344, 345.

Омаха: вай⁵² (2), лакхер (61).

Системы мбугве (44), мнон гар (63), натчез (105) (тип кроу) и конкомба (12) (тип омаха) характеризуются сочетанием бифуркативно-линейных и поколенных черт (вариант VI).

Назовем каждый из выделенных вариантов соответственно: I— бифуркативным, II— бифуркативно-линейным, III— поколенным, IV— бифуркативно — бифуркативно-линейным, V — бифуркативно — поколенным, VI— бифуркативно-линейно — поколенным.

Остальные системы, относящиеся к типам кроу и омаха, не представляется возможным классифицировать, так как в литературе отсутствуют данные, необходимые для бесспорного отнесения их к какому-либо варианту. Таковыми являются СТР следующих народов:

Кроу: ловилии⁵³ (6), гурма (11), иракв (45), улианцы⁵⁴ (65), чикасавы⁵⁵ (99), лагуна⁵⁶ (110).

Омаха: масан (41), сога (46), ндау⁵⁷ (49), чоппи⁵⁸ (50), ханты⁵⁹ (51), киргизы (56), ворора⁶⁰ (75), вунамбал⁶¹ (75), нгаринджин⁶² (75), канзас⁶³ (91), понка⁶⁴ (92), айова⁶⁵ (94), осэджи⁶⁶ (98), кикапу⁶⁷ (112).

Некоторые исследователи относят СТР древних германцев⁶⁸ и римлян к системам типа омаха⁶⁹. Однако Э. Буш отрицает наличие черт типа омаха в СТР римлян⁷⁰.

* * *

В развитии систем родства следует, по-видимому, различать две стадии⁷¹: стадию первичных систем родства, характерных для обществ первичной (доклассовой) формации и представленных вариантами СТР бифуркативного типа, и стадию вторичных систем родства, свойственных

⁵² Условно, так как данные источника, на который ссылается Дж. Мёрдок (*F. Ronaefeldt. Die Heiratssitten der Vai.*— «Zeitschrift für Ethnologie», 1935, № 67), не дают оснований отнести СТР вай к типу омаха. Другие авторы (*M. Delafosse. Les Vai.*— «L'Anthropologie», 1899, № 10; *M. C. McCulloch. The peoples of Sierra-Leone Protectorate. London, 1950; C. E. King, E. O. Fahnbulleh. The kinship system of the Vai people of Liberia, Africa.*— «Sociology and Social Research», 1957, v. 41, № 6) приводят терминологию, в которой также отсутствуют признаки системы омаха. Остальная литература оказалась недоступной.

⁵³ *J. K. Goody. The social organisation of the LoWiili. London, 1956, p. 68.*

⁵⁴ *I. R. Buchler. Measuring the development of kinship terminology: scalogram and transformational account of Crow-type systems, p. 770.*

⁵⁵ *L. Spier. Указ. раб., с. 74.*

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ *F. G. Lounsbury. Указ. раб., с. 374.*

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ *К. И. Ваэра. Указ. раб.*

⁶⁰ *P. Lucich. The development of Omaha kinship terminologies in the three australian aboriginal tribes. Canberra, 1968.*

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ *L. Spier. Указ. раб., с. 73.*

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ *F. G. Lounsbury. A formal account of the Crow-Omaha-type kinship terminologies, p. 375.*

⁶⁹ *Д. А. Ольдерогге. Система родства баконго в XVII в., с. 16; F. G. Lounsbury. The structure of the Latin kinship system and its relation to Roman social organisation.— «Труды VII МКАЭН», М., 1964, т. 4, с. 261.*

⁷⁰ *A. C. Bush. Latin kinship extentions: an interpretation of the data.— «Ethnology», 1971, v. 10, № 4, p. 429.*

⁷¹ На необходимость выделения двух стадий в развитии систем родства в нашей литературе указывал Д. А. Ольдерогге. См. *Д. А. Ольдерогге. Некоторые вопросы изучения систем родства.— «Сов. этнография», 1958, № 1, с. 7; его же. Основные черты развития систем родства.— «Сов. этнография», 1960, № 6, с. 29.*

обществам вторичной (классовой) формации и являющихся результатом эволюции первичных систем. Причем развитие вторичных систем родства проходит через два этапа, первый из которых соответствует начальным (докапиталистическим) формам вторичной формации. Этому этапу соответствуют СТР поколенного и бифуркативно-линейного типов, а второму этапу — СТР линейного типа. Обе выделенные стадии возможно также сопоставить с двумя эпохами, на которые разделил историю развития систем родства М. В. Крюков. Первая из них характеризуется полностью классификационными системами бифуркативного типа, вторая объединяет частично классификационные системы, к которым относятся остальные три типа СТР⁷².

Таким образом, принимая во внимание историческую последовательность бифуркативного, бифуркативно-линейного, поколенного и линейного типов СТР, а также учитывая, что сочетания структурных признаков различных типов в смежных поколениях одной СТР дают возможность считать их промежуточными, т. е. рассматривать их в качестве переходных стадий развития от одного типа к другому⁷³, представляется возможным высказать предположение о следующей стадийной последовательности развития вариантов систем типов кроу и омаха: бифуркативный→поколенный; бифуркативный→бифуркативно—бифуркативно-линейный→бифуркативно-линейный; бифуркативно-линейный→поколенный.

Следовательно, все СТР типов кроу и омаха представляют собой различные состояния этих систем, которые предложенная типология вариантов классифицирует как ряд стадий эволюции, так как основные признаки СТР типов кроу и омаха не исчезают с трансформацией бифуркативной структуры в сторону поколенной и бифуркативно-линейной моделей. Черты этих систем пропадают на следующей стадии эволюции при трансформации поколенного и бифуркативно-линейного типов в линейный. Во всяком случае, Дж. Мёрдок не зафиксировал ни одной СТР, в которой бы комбинировались особенности линейного типа с признаками систем кроу и омаха.

Не касаясь проблемы образования СТР типов кроу и омаха, можно высказать предположение относительно сохранения особенностей этих типов на первом этапе вторичной стадии развития систем родства. По-видимому, возможны два альтернативных объяснения этому явлению. Либо это пережитки предшествующей стадии развития данных систем, которые сохранились в силу инертности и стадийной гетерогенности систем родства, что соответствует положению В. И. Ленина о том, что при рассмотрении любого общественного явления в процессе его развития в нем всегда фиксируются «остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего»⁷⁴. Либо произошла эволюция функций и терминологии типов кроу и омаха уже отражают другие социальные явления, отличные от тех, которые были в момент их генезиса. И хотя терминология в основном та же, ее содержание изменилось, т. е. она представляет собой комбинацию старых элементов, приобретших новое качество.

Более вероятным представляется первое объяснение, но в отдельных случаях не исключена возможность проявления второго. Так, вполне вероятно, что взаимоотношения между братом матери и детьми его сестры могли принять форму отношений наследования в условиях большесемейной общины, что явилось следствием семантического пере-

⁷² М. В. Крюков. Система родства китайцев, с. 270.

⁷³ G. Dole. Generation kinship nomenclature as an adaptation to endogamy.— «South-Western Journal of Anthropology», 1969, v. 25, № 2, p. 105—123; М. В. Крюков. Эволюция систем родства: механизм трансформации, с. 1.

⁷⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 181.

осмысления терминологии. Тогда нельзя не согласиться с М. Мид и Ч. Миком, которые объясняли черты системы кроу в СТР акваму⁷⁵, лонгуда и чамба⁷⁶ действием матрилинейной системы наследования: ДмДжРРм — наследник Рм и после смерти Рм занимает его социальное положение, поэтому его называют тем же термином, что и Рм, а ДжДжРРм соответственно приравнивают к Рж. И как следствие этого — запрещение кросскузенного брака с ДДжРРм у чамба-лекон⁷⁷. Эта же мысль подтверждается и выводами Д. А. Ольдерогге о системе нкита у племен нкунду. Он установил, что система нкита дала новое обоснование преимущественному положению ДДжРРм⁷⁸.

В качестве примера к первому из двух предложенных объяснений укажем на СТР ашанти, в которой наблюдается тенденция к исчезновению признаков систему кроу. Матрилатеральные перекрестные кузены (ДДмРРж) уже не входят в одну группу с детьми эго (Д), а считаются родственниками 0 поколения. Патрилатеральный перекрестный кузен (ДмДжРРм) называется термином агуа (Рм) только в том случае, если ему хотят оказать уважение⁷⁹.

Как известно, типология не только способ представления систематизированного материала, но и один из инструментов научного познания, способствующий пониманию сущности явлений. Процесс создания типологии влияет на раскрытие их содержания и дает более углубленное представление о явлении, что позволяет наметить дальнейшие пути исследования. Предложенная здесь типология вариантов систем терминов родства типов кроу и омаха имеет непосредственное отношение и к проблеме образования этих систем, поскольку без учета характера различий между вариантами — стадийного порядка — невозможно исследовать их социальную обусловленность.

TO A HISTORICAL TYPOLOGY OF KINSHIP TERM SYSTEMS: THE CROW AND OMAHA TYPES

An attempt is made to determine the place held by the Crow and the Omaha types in the historical typology of systems of kinship terms. Attention is centred upon structural differences between individual systems within each of these types. The author groups all these differences into six variants and advances the view that they should be considered as stages in the development of the Crow and Omaha systems. All the variants are mapped. Two suppositions are made to explain the preservation of the peculiarities of the Crow and Omaha systems in the earliest phase of the secondary stage in the evolution of kinship systems. The author regards it as the more probable explanation that certain features of these systems survive from the preceding stage of development in the course of evolution. However, another possibility should not be dismissed, namely that in the course of evolution the terminology of the Crow and Omaha types acquires a novel content and, in fact, represents a combination of the same elements but possessing a new quality.

The author also emphasizes that to attach the names of types within the general typology of kinship term systems to particular ethnoses is unwarranted. This is especially true since these types are identified on the base of two structure-forming characteristics: bifurcation and linearity. Taking this into consideration the author proposes that the types should be named by terms denoting these characteristics.

⁷⁵ М. Mead. Указ. раб., с. 299.

⁷⁶ С. К. Meek. Указ. раб., с. 596.

⁷⁷ Там же, с. 381.

⁷⁸ Д. А. Ольдерогге. Система нкита, с. 190—192.

⁷⁹ М. Fortes. Kinship and marriage among the Ashanti.— «African Systems of Kinship and Marriage». London, 1950, p. 271.

М. В. Крюков

КЛАНОВЫЕ ОБЩЕСТВА КИТАЙЦЕВ-ИММИГРАНТОВ НА КУБЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

(К ПРОБЛЕМЕ СТРУКТУРЫ И ФУНКЦИЙ ТРАДИЦИОННЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ИНОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ)

Одним из основных средств противодействия неблагоприятным условиям, в которых, как правило, оказывались различные иммигрантские группы в странах Нового Света, было стремление переселенцев объединиться для защиты своих насущных прав и интересов. Создание более или менее замкнутых общин на этнической основе явилось важным фактором, препятствовавшим ассимиляции иммигрантов. Изучение конкретных форм существования этих общин представляет значительный интерес для понимания традиционной социальной организации переселенцев (известно, что именно в небольших группах, оторванных от основного этнического массива, зачастую дольше сохраняются пережиточные формы традиционной культуры). С другой стороны, в иной этнокультурной среде неизбежна определенная трансформация первоначальных социальных институтов, их приспособление к новым условиям.

Проследить этот процесс можно, в частности, на примере истории китайской иммигрантской общины на Кубе¹.

Первые партии китайских кули попали на Кубу в 1847 г.² Вплоть до конца 1870-х годов на остров ввозили исключительно рабочих, законтрактованных для работ на сахарных плантациях сроком на 8 лет. После заключения в 1877 г. между Китаем и Испанией специальной конвенции начался период «свободной эмиграции» китайцев на Кубу³. Анализ переписей населения Кубы показывает, что в XX в. максимальная численность китайских иммигрантов на острове приходится на 30-е годы (около 30 тыс. чел.)⁴. При этом существенно, что почти 80% китайцев, проживавших на Кубе в 1942 г., приехали в страну в течение 10 лет — с 1917 по 1926 г.⁵, когда было временно отменено запрещение иммиграции, введенное в 1902 г.⁶

¹ Материалом для статьи послужили преимущественно данные газет на китайском языке, выходивших на Кубе и хранящихся сейчас в Национальной библиотеке им. Х. Марти в Гаване: «Хуавэнь жибао» (издавалась с 1914 по 1961 г., с 1917 г. переименована в «Хуавэнь шанбао»; ниже цитируется как ХВШБ); «Миньшэн жибао» (1922—1961 гг., цит. — МШЖБ); «Каймин гунбао» (основана в 1923 г., цит. — КМГБ). Считаю своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность сотруднику Национальной библиотеки А. Кастро и коллегам-этнографам Р. Лопесу Вальдесу, Х. Вонг и А. Гевара Куско за помощь и содействие в работе над данной темой во время моего пребывания в Гаване в 1972—1973 гг.

² J. Pérez de la Riva. Documentos para la historia de las gentes sin historia: el tráfico de culies chinos. — «Revista de la Biblioteca Nacional J. Martí», Año VI, 1964, № 2; H. B. Morse. The International relations of the Chinese Empire. London, 1923, v. 2, p. 165.

³ G. Tejeiro. Historia ilustrada de la colonia china en Cuba. La Habana, 1947, p. 16.

⁴ «Problemas de la nueva Cuba». N. Y., 1935, p. 38.

⁵ Пань Чу-цзи. Люй гу хуацяо жэньши тунци (Статистические данные о китайских иммигрантах на Кубе). Гавана, 1942, с. 13, 14 (на кит. яз.).

⁶ G. Tejeiro. Указ. раб., с. 19.

Первые китайские иммигрантские организации возникают на Кубе в конце 60-х годов прошлого века⁷. Легализация свободного въезда в страну и предоставление китайцам права пользоваться защитой со стороны консульства способствовали появлению таких организаций не только в Гаване, но и в других городах⁸. По данным, приводимым Юй Чжи-цюанем, к началу 90-х годов на острове существовало уже 39 китайских иммигрантских обществ, созданных в 27 городах (в том числе 9 в Гаване)⁹. О структуре и организационных принципах этих обществ известно очень немногое. Так, сообщается, что общество «Дацин хуэйгуань», созданное в г. Сагуа-ла-Гранде, ставило своей целью борьбу за поддержку маньчжурской династии. Несколько обществ объединяли выходцев из различных провинций юга Китая; в Гаване функционировало общество «Фучао тан», членами которого были уроженцы Фуцзяни и Чаочжоу, а также «Гуанфучао шэ», объединяющее фуцзяньцев, чаочжоусцев и гуандунцев. В г. Карденас существовало общество «Гуанфу тан», состоявшее из уроженцев Гуандуна и Фуцзяни.

Немногочисленные и разрозненные данные о китайских обществах 1860—1890-х годов позволяют все же говорить о том, что их структура и организационные принципы были несовершенными и не позволяли удовлетворительно решать проблему объединения китайских иммигрантов перед лицом трудностей, с которыми им пришлось столкнуться на Кубе.

Так, важнейшим идеологическим фактором, способствовавшим сплочению членов ранних китайских организаций на Кубе, был культ Гуань-гуна, покровителя торговли и богатства. В этом смысле весьма характерен следующий факт, сообщаемый А. Чуфатом. Члены одного из таких обществ должны были перед изображением Гуань-гуна давать клятву в том, что они не станут продавать свои товары по заниженным ценам, чтобы перехватывать покупателей у своих товарищей по обществу. Тем не менее один владелец магазина был уличен в нарушении клятвы. Когда с него потребовали объяснений, он ответил, что Гуань-гун — божество сухопутное и поэтому нет оснований опасаться его кары на острове, затерянном в океане¹⁰.

Несмотря на явно анекдотический характер этого сообщения, оно убедительно свидетельствует, что идеологические узы, связывавшие членов ранних китайских обществ на Кубе, были очень непрочными. Поэтому уже в последнем десятилетии XIX в. в структуре китайских иммигрантских организаций происходят изменения. Многие общества распускаются. На смену им создаются новые. Меняются организационные основы обществ и принципы членства в них¹¹.

Жизненность вновь создававшихся обществ (подавляющее большинство их продолжает функционировать до сих пор) объяснялась прежде всего тем, что их организационные основы (принципы членства) в большей степени соответствовали традиционным для Китая типам социальных связей.

Одной из своеобразных черт социальной организации китайцев является длительное сохранение и активное функционирование социальных ячеек общества, основанных на узах родства. Истоки такого рода организации, называемой по-китайски цзунцзу или цзу (иногда — цзя цзу), уходят в глубокую древность. По своим важнейшим признакам она может быть отнесена к клану (группа родственных семей, сохраняющих определенное хозяйственное и идеологическое единство, внешним выра-

⁷ А. Chuffat. Apunto historico de los chinos en Cuba. La Habana, 1927, p. 18.

⁸ Там же, с. 91.

⁹ МШЖБ, 11—12.IX.1942.

¹⁰ А. Chuffat. Указ. раб.

¹¹ ХВШБ, 2.II.1917.

Таблица 1

Численность наиболее значительных групп китайцев-однофамильцев на Кубе в 1942 г.*

Фамилия	Численность	% от общей численности общины	Фамилия	Численность	% от общей численности общины
Хуан	1706	9,17	Гуань	265	1,43
Ли	1704	9,16	Чжэн	237	1,28
Чэнь	1644	8,89	Цзэн	218	1,18
Линь	757	4,09	Ян	191	1,02
Лю	712	3,85	Ло	188	1,01
У (1)	650	3,51	Цай	183	0,99
Лян	620	3,35	Е	180	0,97
У (2)	539	2,96	Се	162	0,88
Юй	453	2,45	Ван	161	0,87
Чжан	441	2,38	Су	161	0,87
Чжоу	434	2,34	Ляо	149	0,80
Цзян	416	2,25	Цао	147	0,79
Чжу	414	2,24	Ма	144	0,77
Чжао	409	2,21	Дэн	134	0,73
Хэ	401	2,16	Люй	133	0,72
Лэй	374	2,02	Пань	127	0,69
Фэн	349	1,89	Фан	126	0,68
Тань	348	1,88	Чжэнь	111	0,60
Чжун	331	1,79	Сюй	110	0,58
Ху	308	1,61	Цэнь	105	0,57
Гуан	292	1,58	Гао	104	0,56

* Данные взяты из: Пань Чу-цзи. Указ. раб., с. 9, 10.

Таблица 2

Клановые общества китайцев-иммигрантов на Кубе

Общество	Фамилии	Относительная численность членов общества, % ко всей общине	Год создания
Лунган цзунгунсо	Лю, Гуань, Чжан, Чжао	9,87	1900
Хуан цзянся тан	Хуан	9,17	1914
Ли лунси цзунгунсо	Ли	9,16	1909
Чэнь инчуань тан	Чэнь	8,89	1921
Аньдин тан	Ху, Лян, У, Чэн	7,82	1923
Чжидэ тан	У, Чжоу, Цай, Вэн	6,84	1920
Шоюань тан	Лэй, Фан, Гуан	5,49	?
Линь сихэ тан	Линь	4,09	1915
Чжаолунь гунсо	Тань, Сюй, Се, Жуань	3,34	1923
Юй фэнцай тан	Юй	2,45	1923
Цзян аньлэ тан	Цзян	2,25	1915?
Чжу пэйго тан	Чжу	2,24	1912
Сань тан	Цзян, Ли, Хэ	2,16	1922
Чжун инчуань тан	Чжун	1,79	1921
Ян цинбай тан	Ян	1,02	?
Е наньян тан	Е	0,97	1956

жением которого является общее наименование членов цзунцу — фамилия).

Исследователи неоднократно отмечали, что клановая организация, являвшаяся в феодальном китайском обществе основой его социальной структуры, в XX в. сохранилась преимущественно в Южном Китае, главным образом на территории провинций Фуцзянь и Гуандун. Если вспомнить, что исторически китайская иммиграция связана прежде всего именно с этими районами, то становится понятной та исключительная роль, которую играла организация типа цзунцу в жизни переселенцев.

Как неоднократно отмечалось исследователями, китайская иммиграция в XX в. часто определялась узами родства. Эмигрант отправлялся

туда, где уже обосновались его родственники. Это гарантировало ему наиболее благоприятные условия для устройства на новом месте.

Показательно, что в 1917 г., после опубликования декрета № 1707 о разрешении иммиграции на Кубу, китайское консульство в Гаване перевело декрет на китайский язык, издало его отдельной брошюрой и рекомендовало каждому китайцу-иммигранту приобрести текст декрета и «разослать его своим родственникам в Китае»¹².

Представление об узах родства как наиболее прочной и надежной основе для консолидации группы послужило основой для создания самой значительной категории китайских иммигрантских организаций на Кубе — клановых обществ.

Большинство клановых обществ на Кубе создавалось по принципу принадлежности всех их членов к одной фамилии. Как показывают статистические данные, собранные китайским консульством в 1942 г., среди иммигрантов на Кубе были представлены в то время 153 фамилии. Численность китайцев, носивших одну и ту же фамилию, очень сильно варьировала (табл. 1).

Начиная с первого десятилетия XX в., на Кубе было создано около 20 клановых обществ китайских иммигрантов. Их можно разделить на две группы. Первую из них составляют общества, объединяющие однофамильцев; вторую — общества, членами каждого из которых являются представители нескольких фамилий. При этом к первой группе относятся общества, имеющие наибольшие контингенты однофамильцев; ко второй — те, которые, объединяя сравнительно малочисленные фамилии, в общей сложности достигают значительного представительства своих членов (см. табл. 2).

Образование большинства клановых обществ относится к двум первым десятилетиям XX в. Тем не менее новые общества возникали и в более позднее время. Здесь следует отметить три тенденции.

Во-первых, образовывались общества, члены которых до этого вообще не были объединены по клановому признаку (в качестве примера можно привести общество «Е наньян тан»).

Во-вторых, представители одной фамилии, ранее входившие в какое-либо общество наряду с другими, теперь обособлялись. Так, в 50-х годах образовалось общество «Хуши гунсо» (ранее китайцы по фамилии Ху были членами «Аньдин тан» вместе с Лян, У и Чэн); через несколько лет «Хуши гунсо», впрочем, было распущено и Ху вернулись в общество «Аньдин тан».

Наконец, в-третьих, некоторые общества однофамильцев делились. Происходило это главным образом по политическим мотивам. Так, в частности, в начале 30-х годов часть иммигрантов по фамилии Хуан вышла из общества «Хуан цзянь тан» и создала самостоятельную организацию «Хуан юньшань тан».

Иногда к обществам, включающим несколько фамилий, присоединялись представители какой-то новой фамилии, ранее не имевшей своей клановой организации. Примером такого рода может быть вступление в 1958 г. китайцев по фамилии Жуань в общество «Чжаолунь гунсо», которое до этого объединяло фамилии Тань, Сюй и Се¹³.

Все клановые общества, о которых выше шла речь, были созданы и функционировали в Гаване. Однако в число их членов входили также и иммигранты, проживавшие в других городах Кубы. При этом в наиболее крупных городах создавались филиалы обществ. Так, «Лунган цзунгунсо» имело свои филиалы в Сантьяго, Камагуэе и Санта-Кларе; «Ли лунси цзунгунсо» — в Камагуэе и Санта-Кларе; «Сань тан» — в

¹² ХВШБ, 6.XI.1917.

¹³ КМГБ, 11.VI.1958.

Сантьяго. В остальных городах, где проживали члены того или иного общества, из их числа избирались «представители». В 1940 г. общество «Лунган цзунгунсо» имело своих представителей в 52 городах; «Хуан цзянся тан» — в 44 и т. д.

Одной из характерных черт клановых обществ было то, что организации, объединявшие представителей одних и тех же фамилий и носившие одинаковые названия, существовали не только на Кубе, но и во многих других странах. Поэтому постепенно начала проявляться тенденция к налаживанию связей между соответствующими обществами разных стран и созданию международных клановых организаций.

Наиболее ярким примером этого является, по-видимому, общество «Лунган цзунгунсо» — первая из созданных на Кубе организаций такого типа. Общества, объединяющие Лю, Гуань, Чжан и Чжао, появились в Новом Свете в конце 70-х годов прошлого века. С тех пор число их непрерывно росло и к началу 50-х годов нашего столетия достигло почти полусотни. В 1946 г. была создана панамериканская организация обществ «Лунган цзунгунсо» (с 1955 г. она начала издавать свой собственный печатный орган «Лунган цзикань»). Вскоре было принято решение проводить один раз в три года съезды всех обществ «Лунган цзунгунсо», существующих в различных странах Азии, Океании и Америки. Пятый съезд этих обществ проходил в Гаване в августе 1958 г. На нем присутствовали представители обществ «Лунган цзунгунсо» США, Канады, Мексики, Перу и Кубы, а также 20 местных филиалов (в том числе из Сингапура, Гонконга и Австралии). На съезде обсуждался вопрос об укреплении связей с иммигрантами в странах Азии, о создании паназиатской организации обществ «Лунган гунсо» и на этой основе — Всемирной организации этих обществ¹⁴. Штаб-квартирой Всемирной организации обществ «Лунган цзунгунсо» впоследствии стал Гонконг. Избирая своих функционеров на очередной срок, гаванское общество «Лунган цзунгунсо» включало в их число и специального представителя во Всемирной организации¹⁵.

Идеологической основой создания «клановых» обществ было представление о родственных узах, связывающих их членов. Вот как обосновывалась эта идея в одном из официальных документов общества «Лунган цзунгунсо»:

«Что больше всего ценится на свете? Жизнь. Чего более всего на свете бывает жалко человеку? Имущества. Но усилий одного человека бывает недостаточно для того, чтобы защитить свою жизнь и свое имущество. Поэтому он вынужден использовать для этой цели силу коллектива. Так возникает мысль об организации общества.

На заре истории люди не имели городов и оружия для самообороны, они кочевали в поисках воды и пастбищ. У них не было общественных организаций. Но постепенно численность населения росла, а опасность в виде стихийных бедствий и угрозы со стороны соседей заставляла их думать о средствах защиты. С этой целью возник клан. Общество и клан — вот орудия защиты жизни и имущества человека.

В странах Европы и Америки создано большое количество обществ, и это отнюдь не случайно... Со временем и наши соотечественники поняли значение обществ. Но если в странах Европы и Америки общественные организации отнюдь не новость, то клановые организации европейцам неизвестны. Такого рода организации свойственны лишь китайцам. Это значит, что у нас есть дополнительный шанс защитить свою жизнь и свое имущество»¹⁶.

¹⁴ КМГБ, 23.VIII.1958.

¹⁵ КМГБ, 30.XII.1972.

¹⁶ ХВШБ, 20.II.1937.

Символом единства членов кланового общества был его «первопредок» — то или иное историческое лицо, которому по традиции приписывалась заслуга основания соответствующего клана. Культ героя-первопредка стал в клановых обществах важнейшим идеологическим началом, цементирующим сплоченность их членов. Почитание основателя конкретного клана пришло на смену культу Гуань-гуна, покровителя вообще всех эмигрантов.

В помещении кланового общества, как правило, имелось изображение «первопредка», ему ежегодно приносились жертвы, что считалось одним из наиболее важных мероприятий в программе деятельности каждого из таких обществ.

Вот как описывает очевидец празднование дня рождения основателя клана Чэнь в обществе «Чэнь инчуань тан» в 1935 г.:

«В торжественно убранном зале внимание привлекает большое белое полотнище, на котором выведены слова „Торжества по случаю дня рождения первопредка Тайцю-гуна“ на китайском и испанском языках; по обе стороны от него портреты нашего предка и его супруги, а также китайский и кубинский государственные флаги. В десять часов утра началась церемония принесения жертв перед портретом предка. Президент общества Чэнь Жун-вэнь, руководивший ритуалом, просит всех встать. Звучит торжественная мелодия. Приносящий жертвы занимает свое место, рядом с ним его помощник. Оба трижды кланяются портретам предка и его супруги, затем зажигают ароматические свечи, ставят на специальный столик вино, мясо и фрукты, а затем снова трижды кланяются...»¹⁷.

Среди «первопредков» фигурируют деятели самых различных эпох в истории Китая. Так, основоположником клана Линь считался некто Би Гань, родственник последнего правителя династии Инь (XI в. до н. э.)¹⁸; общество «Ли лунси цзунгунсо» почитало в качестве своего предка-покровителя древнекитайского философа Лао-цзы¹⁹; основателем клана Лян считался один из учеников Конфуция²⁰; члены общества «Хуан цзянся тан» считали своим «первопредком» некоего Хуан Сяна, чиновника времен Восточной Ханьской династии (I—II вв. н. э.)²¹; общество «Чжу пэйго тан» имело предка-покровителя в лице конфуцианского ученого эпохи Сун (XII в.) Чжу Си²²; основоположником клана Юй, члены которого входили в общество «Юй фэнцай тан», считался чиновник Юй Цзин, прославившийся подавлением восстания чжуан в Южном Китае (XII в.)²³, и т. д.

Название кланового общества состояло, как правило, из фамилии первопредка и наименования того округа (по дореспубликанскому административному делению), откуда он был родом. Так, основоположник клана Хуан был уроженцем округа Цзянся («Хуан цзянся тан»), клана Ли — Лунси («Ли лунси цзунгунсо»), клана Чжу — Пэйго («Чжу пэйго тан») и т. д.

В ряде случаев к фамилии «первопредка» добавлялось двусложное слово, обозначающее его наиболее выдающееся свойство или черту характера — «Ян цинбай тан» (цинбай — «простота и скромность»), «Лян чжунся тан» (чжунся — «верность и почтительность к старшим»), и т. д.

¹⁷ ХВШБ, 18.XI.1935.

¹⁸ ХВШБ, 25.I.1917.

¹⁹ ХВШБ, 6.V.1933.

²⁰ КМГБ, 31.I.1949.

²¹ *Хуан Чжи-цян*. Хай вай хуанцзунгуаньтань гайкуан (Общие сведения о клановых обществах Хуан за рубежом). Гонконг, 1970, с. 3 (на кит. яз.).

²² КМГБ, 13.IX.1931.

²³ ХВШБ, 19.III.1937.

С представлением о конкретном «первопредке» — основоположнике клана связано и возникновение клановых обществ, представляющих несколько фамилий. В данном случае объединение этих фамилий основывалось на реальном или легендарном факте сотрудничества «первопредков» при их жизни. Например, право членства в обществе «Чжидэ тан» имели китайцы, носившие фамилии У, Чжоу, Цай, Вэн. Считалось, что соответствующие кланы были созданы сыновьями У-вана, первого правителя династии Чжоу (XI в. до н. э.): один из них наследовал престол отца, другие же основали царства У, Цай и Вэн, названия которых позднее стали фамилиями²⁴.

Аналогичным образом объясняется происхождение общества «Лунган цзунгунсо» (фамилии Лю, Гуань, Чжан, Чжао). Согласно исторической традиции, в смутное время после падения династии Хань (III в. н. э.) три друга Лю Бэй, Гуань Юй, Чжан Фэй дали в персиковом саду клятву верности и союза:

«Мы, Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй, хотя и не одного рода, но клянемся быть братьями, дабы, соединив свои сердца и свои силы, помогать друг другу в трудностях и поддерживать друг друга в опасностях, послужить государству и принести мир простому народу... Царь Небо и царица Земля, будьте свидетелями нашей клятвы, и если один из нас изменит своему долгу, пусть небо и люди покарают его!»²⁵. Позднее к кланам Лю, Гуань и Чжан был присоединен еще один — Чжао. «Объединение четырех фамилий Лю, Гуань, Чжан и Чжао восходит к клятве в персиковом саду, — утверждает в одном из документов общества «Лунган цзунгунсо». — Целью этого союза была борьба против жестокости и несправедливости, а достигалась эта цель посредством взаимной помощи и выручки. На протяжении двух тысяч лет представители четырех фамилий были братьями и помнили о заветах своих предков, следовали их установлениям»²⁶.

Клановые общества имели такую же сложную внутреннюю структуру, как и обычные кланы. Китайский клан делился обычно на несколько сегментов (тан), которые в свою очередь включали более мелкие подразделения (фан)²⁷. Стремление воссоздать подобную иерархию прослеживается и в клановых обществах на Кубе: большинство из них делилось на объединения более мелкого масштаба (гунсо или люйсо), а те — на фан. Например, общество «Хуан цзянся тан» включало в 30-х годах около двух десятков люйсо. В обществах, объединявших представителей нескольких фамилий, создавались подразделения по принципу членства однофамильцев. Так, в составе общества «Аньдин тан» (Ху, Лян, У, Чэн) существовало подразделение «Лян чжунся тан», членами которого были иммигранты по фамилии Лян; в «Чжаолунь гунсо» (Тань, Сюй, Се, Жуань) — «Таньцзя гунсо», объединявшее только Тань, и т. д.

В ряде клановых обществ существовали сегменты, членами которых были однофамильцы — уроженцы одной деревни. В качестве примера можно привести объединение выходцев из дер. Синьцунь (уезда Тайшань) пров. Гаундун, носивших фамилию Ли. Они образовали подразделение общества «Ли лунси цзунгунсо», называвшееся первоначально «Ли синьцунь люйсо». В начале 50-х годов на Кубе насчитывалось несколько сот уроженцев этой деревни, носивших фамилию Ли. Поэтому было принято решение организационно укрепить связи между ними, создав в рамках кланового общества «Ли лунси цзунгунсо» дочернее общество «Ли синьцунь цзычжисо»²⁸.

²⁴ ХВШБ, 5.VI.1950.

²⁵ *Ло Гуань-чжун*. Троецарствие. М., 1954, т. I, с. 19.

²⁶ ХВШБ, 20.III.1917.

²⁷ *Hu Hsien Chin*. The common descent group in China and its functions. N. Y., 1948.

²⁸ КМГБ, 3.I.1952.

Анализируя структуру клановых обществ китайских иммигрантов на Кубе, необходимо иметь в виду принципиальное различие в объективных условиях, необходимых для восстановления и функционирования клановой организации в иммигрантской среде, которые сложились в странах Юго-Восточной Азии и в странах Нового Света.

Сам характер эмигрантского движения китайцев в страны Юго-Восточной Азии был таков, что создавал благоприятные возможности для воссоздания в новой обстановке традиционных форм социально-бытового уклада. Суть организации кланового типа заключается в иерархичности соподчинения входящих в нее ячеек. Цзунцзу может нормально функционировать, лишь непрерывно ветвясь и создавая новые боковые линии родства. Это возможно только в условиях нормального самовоспроизводства иммигрантской общины.

В тех странах Юго-Восточной Азии, где существовало нормальное соотношение численности иммигрантов по признаку пола, такие условия для функционирования цзунцзу были налицо. Иное дело страны Нового Света.

Организаторы контрактации китайских кули во второй половине XIX в. хорошо понимали необходимость обеспечить удовлетворительную пропорцию между мужчинами и женщинами, вывозимыми на Кубу, что, в частности, специально предписывалось королевским рескриптом. 1854 г.²⁹ Однако сам характер контрактации был серьезным препятствием для достижения этого. В результате в 1861 г. среди 34 834 китайцев, находившихся на Кубе, было всего лишь 57 женщин³⁰. Абсолютное преобладание мужчин среди китайских иммигрантов характерно для всех стран Латинской Америки и США в XIX в. В Соединенных Штатах, например, с 1860 по 1910 г. женщины составляли от 3,6 до 6,5% китайского населения, и лишь позднее доля их начинается значительно увеличиваться, достигнув в 1960 г. 42,9%³¹.

Таблица 3

Соотношение полов в китайских общинах на Кубе *

Провинция	Всего мужчин	Всего женщин	Мужчины, %	Женщины, %
Гавана	6 268	269	95,9	4,1
Ориенте	1 798	57	97,0	3,0
Камагуэй	1 322	81	94,3	5,7
Санта-Клара	1 273	43	96,7	3,3
Матансас	471	17	96,5	3,5
Пинар-дель-Рио	218	17	92,8	7,2
Всего	11 834	584	95,1	4,9

* Таблица составлена по: «República de Cuba. Censos de población, vivienda y electoral. Enero 28 de 1953». La Habana, 1955, p. 81, 82.

На Кубе в 30-х годах доля женщин среди китайского населения составляла 5%, что совпадало с соответствующим положением в Перу в 1940 г.³² По данным переписи 1953 г., соотношение полов в китайской общине заметно варьировало в пределах отдельных провинций, в целом по стране оставаясь на прежнем уровне (см. табл. 3).

²⁹ P. C. Campbell. Chinese coolie emigration to countries within the British Empire. London, 1923, p. 111.

³⁰ A. L. Valverde. Estudios jurídicos e históricos. La Habana, 1918, p. 43.

³¹ S. Kung. Chinese in American life. Seattle, 1962, p. 33.

³² A. J. Kwong. The Chinese in Peru.—«Colloquium on overseas Chinese». N. Y., 1958, p. 48.

По данным на 1961 г., из общего числа 9735 китайских иммигрантов лишь 1068 (т. е. менее 11%) были женаты на кубинках. Если учесть, что дети от смешанных браков, как правило, считают себя кубинцами и порывают с китайской средой, то станет понятным, почему китайская община на Кубе могла увеличиваться исключительно за счет новых переселенцев. Начиная с 1930-х годов, когда приток новых иммигрантов практически прекратился, она оказалась обреченной на естественное старение.

Совершенно очевидно, что в рамках китайской общины на Кубе, лишенной возможности к самовоспроизводству, клановая организация не могла существовать в тех же формах, которые были характерны для нее как в самом Китае, так и, например, в Сингапуре, Таиланде или Камбодже.

Эта особенность была совершенно правильно отмечена С. Р. Лайгер, которая приходит к выводу, что «для структуры общины-клана в Китае характерным было членение по вертикали (связь поколений, связь потомков и предков), между тем как община китайских эмигрантов создавалась как организация горизонтальной интеграции, объединявшей преимущественно и главным образом людей одного поколения»³³.

Все сказанное выше объясняет нам, почему китайские иммигрантские общества на Кубе, которые рассматривались своими членами как построенные на принципах цзунцзу, в действительности лишь по форме имитировали те прототипы, которые в иных условиях могли функционировать как жизнеспособные организмы.

Для объяснения того, почему эмигранты-однофамильцы, не связанные узами реального родства, могут объединиться в одном клановом обществе, была выдвинута идея о том, что первоначально их предки были родственниками, и поэтому сейчас задача заключается лишь в восстановлении утраченных родственных связей. «За последние 70 лет,— писали в 1917 г. организаторы общества «Линь сихэ тан»,— члены нашего клана начали селиться на Кубе. На родине каждое ответвление клана Линь жило совместно на одной территории, и родственные отношения между его членами фиксировались в генеалогических книгах. Трудно сказать, сколько нас в общей сложности оказалось далеко от родных мест, но, встречаясь между собой, мы по-прежнему ощущаем узы родственной близости»³⁴. «Поддерживать отношения между всеми семьями братьев по клану, живущих на Кубе, и, следуя заветам предков, помогать друг другу и поддерживать в беде»— так формулируются цели создания общества «Чжидэ тан»³⁵ и т. д.

Взаимопомощь родственников, воссоединившихся благодаря созданию кланового общества, рассматривалась, таким образом, в качестве главной обязанности всех его членов.

Материальной основой такой взаимопомощи был общий фонд, создаваемый главным образом за счет членских взносов. Регулярная регистрация членов общества и контроль за уплатой ими взносов составляли одну из важнейших функций правления, избравшегося в соответствии с уставом ежегодно³⁶. Общий фонд пополнялся также за счет добровольных пожертвований состоятельных членов общества³⁷. Уставы многих обществ предусматривали, что в случае «непредвиденных обстоятельств» брат по клану может рассчитывать на единовременное без-

³³ С. Р. Лайгер. К вопросу о связях китайской эмиграции с Китаем (вторая половина XIX — начало XX в.).— В кн.: «История и культура Китая». М., 1974, с. 395.

³⁴ ХВШБ, 25.I.1917.

³⁵ ХВШБ, 3.VI.1950.

³⁶ Вступительный взнос составлял обычно 5 сентаво, ежемесячный — 3 сентаво (КМГБ, 2.II.1936).

³⁷ Имена наиболее щедрых жертвователей заносились в мемориальный список, вывешивавшийся в помещении правления общества.

возмездное вспомоществование в размере до 300 песо; для организации похорон члена общества выделялось обычно 20 песо³⁸. На средства общего фонда нанимался адвокат для ведения дела члена общества, привлеченного к уголовной ответственности, а также врач, оказывавший члена общества бесплатную медицинскую помощь.

Стремясь способствовать сплочению своих членов, ряд крупных клановых обществ («Хуан цзянь тан», «Чжу пэйго тан» и др.) выдвигает в 30-х годах идею «совместного проживания». Общество приобретало многоквартирное здание, в котором размещалось правление, а также читальня, медицинский пункт, клуб и т. д. В этом же здании должны были жить и все члены данного общества. Расходы по переезду на новое место жительства оплачивало правление. Сосредоточение всех членов общества под одной крышей должно было способствовать их сплочению и консолидации³⁹.

Укреплению единства членов клановых обществ было призвано служить и создание специальных участков на китайском кладбище в Гаване, разграниченных по принципу принадлежности к той или иной фамилии. Ежегодные праздники поминовения усопших родственников были мощным средством поддержания идеи общности происхождения всех членов кланового общества. Именно эта ритуальная сторона их деятельности оказалась наиболее устойчивой традицией.

Любопытно, что необходимость поддерживать в порядке могилы однофамильцев рассматривалась иногда в качестве побудительного мотива создания соответствующего кланового общества. Это относится, в частности, к «Е наньян тан». Несмотря на то что на Кубе было довольно значительное число иммигрантов, носивших фамилию Е, самостоятельного общества, которое объединяло бы их, долгое время не существовало. Но вот в 1953 г. несколькими китайцам, посетившим кладбище, бросилось в глаза, что большинство могил, принадлежащих членам клановых обществ, находится в хорошем состоянии и исключение составляет только прах их однофамильцев. Были собраны средства и погребения членов клана Е были приведены в порядок. Но без соответствующего общества казалось невозможным регулярно выполнять церемонии поминовения погребенных. Поэтому и началась работа по созданию общества «Е наньян тан», которая успешно завершилась в 1956 г.⁴⁰

Говоря о функциях клановых обществ китайских иммигрантов на Кубе, следует подчеркнуть два существенных момента.

Во-первых, будучи важной интегрирующей силой, способствовавшей объединению иммигрантов для противодействия неблагоприятным условиям среды обитания, существование клановых обществ во многом поддерживало формирование классового самосознания членов общины.

В китайской прессе, публиковавшейся на Кубе, нередко можно встретить утверждения о том, что социальная дифференциация в среде китайских иммигрантов здесь была выражена слабее, чем в других странах. На Кубе нет таких крупных богачей, как, например, Хуан Чжун-хань или Лу Ю в Малайе, писала газета «Хуавэнь шанбао» в 1917 г.⁴¹ Между

³⁸ КМГБ, 2.II.1936.

³⁹ *Хуан Чжу-бинь*. Дуййюу хуан цзянь тан фачжань танъу чжи шанцюэ (Предложения об усовершенствовании деятельности общества «Хуан цзянь тан»). — КМГБ, 18.I.1936.

⁴⁰ МШЖБ, 27.III.1956. Аналогичное явление имело место, в частности, в Камбодже. Здесь вплоть до конца 1950-х годов практически не было клановых иммигрантских обществ. В 1959 г. муниципальные власти Пномпеня приняли решение перенести на другое место четыре китайских кладбища, после чего группы однофамильцев стали создавать клановые пантеоны, а затем и общества, основанные на клановом принципе (W. E. Willmot. The Chinese in Cambodia. Vancouver, 1967, p. 86).

⁴¹ ХВШБ, 3.II.1917.

тем уже в первые десятилетия XX в. на Кубе появляются крупные предприниматели — владельцы магазинов, банкиры. Одной из наиболее типичных в этом отношении фигур был коммерсант Хуан Гуань-е, попавший на Кубу в самом начале века и вскоре создавший большое дело. Он был одним из организаторов общества «Хуан цзянся тан» и газеты «Каймин гунбао»⁴². Что же касается Чэнь Син-мэя, владельца универсама «Ваньбаохуа» на улице Сан-Рафаэль в Гаване, то даже кубинцы называли его миллионером⁴³. Наряду с деятелями этого типа в китайской общине на Кубе постоянно существовала прослойка, которой угрожало полное разорение, что усугублялось последствиями экономического кризиса в стране. Проблема безработицы и китайских нищих, просящих подаяние на улицах Гаваны и тем самым «позорящих доброе имя китайского иммигранта», — одна из основных тем передовых статей в китайских газетах 30—40-х годов.

Клановые общества, пропагандировавшие идею «братства» всех китайцев-однофамильцев, маскировали социальную дифференциацию в среде иммигрантов, и неудивительно поэтому, что первые рабочие организации среди китайского населения Кубы появились в 20-х годах не в Гаване, а на периферии, в провинции Ориенте главным образом. Именно там в 1929 г. коммунист Хуан Тао-бай (Хосе Вонг) начал издавать нелегальную рабочую газету «Гуннун хушэн», разоблачавшую стремление лидеров китайской общины «воспрепятствовать сплочению трудящихся китайцев-иммигрантов на классовой основе»⁴⁴.

Необходимо подчеркнуть также и другую особенность функционирования клановых обществ китайских иммигрантов на Кубе. Объединение однофамильцев в клановых обществах имело свою оборотную сторону: чем крепче были узы, связывавшие членов одного кланового общества между собой, тем более отчетливо противопоставлялись они другим членам общины.

В этой связи уместно напомнить, что в китайской общине в Бангкоке в конце 40-х годов развернулась дискуссия о целесообразности существования иммигрантских обществ, основанных на регионально-земляческом принципе. Многие молодые китайцы-иммигранты подчеркивали, что узкий регионализм мешает формированию представлений об общности целей и нужд общины в целом⁴⁵.

Критика молодого поколения китайской общины в Таиланде была направлена против землячества прежде всего потому, что именно региональные связи составляли там основу субструктур общины (в Таиланде проживают китайцы из нескольких южных провинций Китая). На Кубе, где важнейшим принципом сегментации общины была принадлежность к клановой организации, на первом плане закономерно оказалась проблема отношения к объединениям на клановой основе.

Особую остроту вопрос о клановой организации и о соотношении кланового и национального самосознания приобрел на Кубе в конце 30-х годов.

В документах ряда обществ в этот период неоднократно подчеркивалась мысль о том, что клановая организация представляет собой низовую ячейку современного китайского общества. С этой точки зрения создание и укрепление клановых обществ рассматривается как шаг на пути к укреплению китайской государственности. Один из видных деятелей китайской общины писал, например, следующее: «Государство представляет собой совокупность провинций. Провинция состоит из уездов. Уезд включает в себя несколько волостей. А волость или деревня

⁴² МШЖБ, 10.II.1937.

⁴³ КМГБ, 5.X.1949.

⁴⁴ ХВШБ, 26.VIII.1933.

⁴⁵ G. W. Skinner. Leadership and power in the Chinese community of Thailand. Ithaca, 1958, p. 114, 115.

потому может быть волостью или деревней, что основу их составляет цзунцзу. Если мы поймем это, то будет ясно, что цзунцзу является важнейшей ячейкой нашего государства. А раз это так, то объединение и консолидация членов цзунцзу совершенно необходимы»⁴⁶.

Постоянно указывается также на то, что кланы исконно присущи китайскому образу жизни, соответствуют историческим традициям китайцев. «Тот факт, что в Китае существует клановая организация, не есть результат чего-то искусственно привнесенного. Она возникает естественно. Вначале — одна семья, но через несколько лет, с увеличением количества ее членов, малая семья превращается в большую семью — клановую самоуправляющуюся организацию. Всех членов клана связывает кровное родство. Поэтому в любом мероприятии, будь то взаимная помощь в случае бедствия, женитьбы или похорон, принимают участие все члены клана, начиная с близких родственников и кончая дальними. Поэтому мы и говорим, что клановая организация совершенно несомненно является результатом естественного развития»⁴⁷.

Сторонники другой точки зрения утверждали, что клан (цзунцзу) и нация (гоцзу) соотносятся между собой как два принципа организации общества — вертикальный и горизонтальный. Особенность социального строя Китая состоит в преобладании первого принципа. «Если попытаться предельно лаконично сформулировать источник всех бед Китая, то он заключается в том, что для китайца превыше всего — представление о его клане», — писал в 1940 г. один из деятелей китайской общины на Кубе⁴⁸.

Дискуссии, связанные с проблемой клановой организации в Китае и целесообразностью сохранения клановых обществ в рамках иммигрантских общин за его пределами, отражали объективные противоречия, существовавшие внутри этих общин. Однако тот факт, что вплоть до 50-х годов на Кубе продолжали появляться новые клановые объединения китайцев, свидетельствует о преобладании традиционных форм социальных связей в среде иммигрантов.

Китайская община в том виде, как она существовала на Кубе на протяжении первой половины XX в., представляет собой, таким образом, достаточно сложную структуру, отдельные элементы и уровни которой составляли в своей совокупности некую динамическую равнодействующую различных по своему характеру факторов. Решая в целом задачу консолидации китайских иммигрантов и в известной мере препятствуя процессу их ассимиляции, община достигала этого средствами, которые определялись уровнем этнического развития китайцев в целом. Преобладание традиционных социальных связей, вступавших в противоречие с объединением группы на чисто этнической основе, являлось следствием недостаточного уровня этнической консолидации китайцев в рассматриваемое время. Это не позволяет согласиться с выводом К. Фитцджеральда о том, что китайцы за рубежом представляют собой «в высшей степени единообразный и сплоченный этнос, являющийся, несмотря на то что он разделен морями и границами, одним народом с общим культурным населением»⁴⁹.

⁴⁶ КМГБ, 8.I.1937.

⁴⁷ ХВШБ, 27.I.1937.

⁴⁸ ХВШБ, 3.VII.1940.

⁴⁹ C. P. Fitzgerald. The third China. Canberra, 1965, p. 82.

**CLAN SOCIETIES OF CHINESE IMMIGRANTS IN CUBA
IN THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY:
TOWARDS THE PROBLEM OF THE STRUCTURE AND FUNCTIONS OF
TRADITIONAL SOCIAL INSTITUTIONS IN ETHNICALLY
ALIEN ENVIRONMENTS**

Characteristic of the structure of immigrant communities severed from their main ethnic area (and usually living under unfavourable conditions) is a resurrection of traditional social institutions: some of these emerge anew in the new environment, and that in a peculiar, transformed shape. In the case of Chinese communities in the countries of North and Latin America, imitative clan-type organizations are typical. The structure and functions of such associations are dealt with in the paper, the Chinese community in Cuba of the late 19th and the first half of the 20th century being cited as an example.

It is demonstrated by materials from the Chinese press published in Cuba during this period that such «clan» organizations uniting compatriots bearing the same surname served not only as a consolidating but, at the same time, as a desintegrating factor. The predominance among Chinese immigrants of clan self-identification as against an all-national self-consciousness is evidence that the process of the formation of the Chinese nation was not yet completed in the early 20th century.

Г. Батнасан

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕХОДА К ОСЕДЛОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ В МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ*

Актуальность проблемы перехода кочевых народов к оседлости обусловлена выдвинутыми жизнью задачами, от решения которых в значительной степени зависит дальнейший прогресс в общественном развитии страны, где еще существует кочевой образ жизни¹.

Эта проблема не раз привлекала к себе внимание этнографов, экономистов, историков, философов и других исследователей².

Начиная с 1950-х годов международные организации — ООН, МОТ, ФАО, ЮНЕСКО³, а также прогрессивные ученые многих стран стали изучать положение современных кочевников и искать пути его улучшения.

Советские ученые внесли большой вклад в разработку с марксистско-ленинских позиций вопросов, связанных с историей, культурой, хозяйством и бытом кочевников. История кочевой жизни, особенности культуры и быта кочевников, закономерности и перспективы развития их экономики и культуры, пути решения проблемы оседлости — все это нашло освещение в трудах С. М. Абрамзона, С. И. Вайнштейна, Г. Ф. Дахшлейгера, Т. А. Жданко, С. И. Ильсова, Л. П. Лашука, Г. Е. Маркова, П. В. Погорельского, Л. П. Потапова, С. Е. Толыбекова, А. М. Хазанова, Н. Н. Чебоксарова и других.

* * *

Еще в период неолита в ряде районов Евразии возникло комплексное оседлое производящее земледельческо-скотоводческое хозяйство. В конце II — начале I тысячелетия до н. э. на его базе в некоторых

* Настоящая статья написана на основании исследования автором форм и особенностей кочевой и оседлой жизни животноводов МНР. Материалы собирались в течение 1967—1974 гг.

¹ Т. А. Жданко. Некоторые аспекты исследования номадизма на современном этапе. Доклад на VIII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1968, с. 2.

² См.: В. В. Грайворонский. Преобразование кочевого образа жизни в МНР. — «Народы Азии и Африки», 1972, № 4; Н. Жагварал. Аратство и аратское хозяйство. Улан-Батор, 1974; У. Нямдорж. Философские и социологические закономерности развития оседлости у монголов. — «Studia historica», t. IX, fasc. 1—12, Улан-Батор, 1971; Г. Батнасан. Некоторые вопросы кочевания и перехода к оседлости членов сельскохозяйственного объединения (на примере сомона Тарят Ара-Хангайского, сомона Улдзийт Баян-Хонгорского и сомона Дзун-Баян-Улан Увэр-Хангайского аймаков). — «Studia ethnographica», t. 4, fasc. 7—9, Улан-Батор, 1972 (на монг. яз.).

³ Т. А. Жданко. Указ. раб., с. 9.

горно-степных районах произошел переход отдельных племен к кочевому скотоводству⁴.

Г. Е. Марков и С. И. Вайнштейн считают, что переход к кочевой жизни был вызван ландшафтно-климатическими изменениями, развитием производительных сил общества, социально-экономическими особенностями, политическими и культурными условиями⁵.

До победы Монгольской народной революции монголы были типичными кочевниками. К их экстенсивно-кочевому хозяйству приспособлялись и от него зависели семейно-бытовой уклад, нравы, обычаи⁶. Однако кочевые народы никогда в течение всего своего исторического развития не были изолированы. Они находились в тесных экономических и культурных контактах с соседними оседлыми племенами. Более того, как это отметил еще К. Маркс, в одном и том же этносе наблюдалось определенное «общее соотношение между оседлостью одной части... и продолжающимся кочевничеством другой части»⁷. Процесс оседания монгольских кочевников наблюдался во все исторические эпохи либо как массовое явление, либо как отход от кочевых родов отдельных групп населения, начинавших заниматься земледелием. Этот процесс отмечен и у других кочевников Евразии⁸.

Массовый переход к оседлому образу жизни может идти двумя путями. Первый — насильственное вытеснение кочевников и полукочевников с освоенных ими пастбищных территорий при сохранении частной собственности на средства производства и углублении имущественного неравенства, юридической и фактической национальной дискриминации. Так идет этот процесс в капиталистических странах. Второй путь — добровольное оседание — возможен при установлении национального и социального равенства, развитой экономике, при целенаправленной материальной и идеологической помощи государства. Необходимы также психологическая подготовленность масс к переходу на оседлость, их активное участие в ломке архаических форм собственности и хозяйства⁹. Этот путь характерен для социалистических стран.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла такой путь кочевавшим ранее народам Казахстана, Киргизии, Туркмении, Узбекистана, Тувы. Одновременно с добровольным кооперированием единоличных хозяйств была решена проблема перехода кочевников к оседлому образу жизни.

В результате победы народной революции были созданы благоприятные экономические и идеологические условия для решения проблемы оседания и в Монголии. Монгольская народно-революционная партия наметила реальную программу постепенного и планомерного осуществления перехода на оседлость в течение определенного периода.

⁴ С. И. Вайнштейн. Проблемы происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1973, с. 9; Г. Е. Марков. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии. — «Сов. этнография», 1973, № 1, с. 107; А. М. Хазанов. Характерные черты кочевых обществ евразийских степей. Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1973, с. 2.

⁵ Г. Е. Марков. Указ. раб., с. 109—111; С. И. Вайнштейн. Историческая этнография тувинцев. М., 1972, с. 57—77.

⁶ С. М. Абрамзон. Влияние перехода к оседлому образу жизни на преобразование социального строя, семейно-бытового уклада и культуры прежних кочевников и полукочевников (на примере казахов и киргизов). — «Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана». Л., 1973, с. 235.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, с. 214.

⁸ П. В. Погорельский. Оседание кочевников и развитие животноводства. — «Труды экспедиции по изучению земельных фондов КазССР», вып. 8. Алма-Ата, 1949, с. 143.

⁹ Г. Ф. Дахилейгер. Оседание и традиционные социальные институты бывших кочевников. Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1973.

Первым этапом ее реализации явилось кооперирование единоличных аратских хозяйств. К концу 50-х годов были достигнуты определенные успехи в развитии экономики, социальных отношений, культуры, повысился жизненный уровень трудящихся. Благодаря бескорыстной помощи братских социалистических стран, особенно Советского Союза, Монгольская Народная Республика приступила к завершению строительства материально-технической базы социализма. В это время и начался переход животноводов к оседлому образу жизни. Выдвижение этой задачи — закономерное и объективное явление в процессе прогрессивного развития страны. Решение ее имеет большое теоретическое и практическое значение, так как опыт Монголии может быть использован и другими странами, где сохраняется еще кочевое и полукочевое животноводство.

Известный монгольский ученый Н. Жагварал пишет, что перевод сотен тысяч аратских хозяйств на оседлость не является самоцелью. Решение этой проблемы даст возможность более широко внедрить в сельское хозяйство механизацию, достижения науки и передового опыта, резко увеличить производство продуктов, укрепить сельскохозяйственные объединения (далее — СХО) и на этой основе поднять материальный уровень жизни аратов¹⁰.

Советский ученый В. В. Грайворонский прослеживает два основных пути оседания кочевников в МНР¹¹. Первый предусматривает переход от традиционных форм хозяйственной деятельности, в частности кочевого животноводства или оленеводства, к новым — земледелию, работе в промышленности, на строительстве, на транспорте и т. д. Такой путь обычно требует относительно коротких сроков. Второй путь основан на преобразовании, модернизации и интенсификации кочевого животноводства при сохранении традиционного вида хозяйства.

В настоящее время в МНР пастбищно-кочевой образ жизни характерен для более чем 50% аратов. Монгольские исследователи по-разному определяют понятие «кочевание». Одни считают его формой производства в пастбищно-кочевом животноводстве¹², другие — формой труда в животноводстве¹³; некоторые рассматривают его как метод правильного использования ресурсов земли¹⁴; ряд ученых полагает, что это единственно возможный способ эффективного использования пастбищ.

Типологизацией монгольских кочевков занимались советские и монгольские ученые. Так, А. Д. Симукон выделил следующие шесть типов: хангайский, степной, западномонгольский, убур-хангайский, восточный и гобийский¹⁵. Н. И. Денисов считал, что в соответствии с традиционным делением страны на хангайскую, степную и гобийскую зоны существует всего три типа кочевков¹⁶. Однако если А. Д. Симукон в своей слишком дробной классификации обычную смену пастбищ, характерную для ограниченных местностей, отнес к кочевкам, то Н. И. Денисов не учел специфику кочевков в степях Восточной Монголии. Н. Жагварал на основе тщательного изучения характерных особенностей и традиций экономики Монголии, ее природных условий, смены пастбищ в различ-

¹⁰ Н. Жагварал. Как решается в Монголии проблема оседлости. — «Проблемы мира и социализма», 1961, № 8, с. 50.

¹¹ В. В. Грайворонский. Указ. раб., с. 28.

¹² Г. Сухбаатар. Хозяйство хунну. — «Изв. АН МНР», Улан-Батор, 1974, № 4, с. 23 (на монг. яз.).

¹³ Ч. Сэрээтэр. Из истории народного хозяйства МНР. — «Научные труды», вып. 1 (7), Улан-Батор, 1974, с. 198 (на монг. яз.).

¹⁴ Б. Мягмаржав. Основные вопросы кочевков животноводов. Улан-Батор, 1974, с. 14 (на монг. яз.).

¹⁵ А. Д. Симукон. Монгольские кочевки. — «Современная Монголия», 1934, № 4.

¹⁶ Н. И. Денисов. Животноводство Монгольской Народной Республики. Улан-Батор, 1946, с. 34.

ных районах страны пришел к выводу, что существует пять типов кочевков: хэнтэйский, хангайский, гобийский, западный и восточный¹⁷.

Кочевки монгольских аратов, методы разведения скота — все это характеризует особенности скотоводческого хозяйства¹⁸. Вся материальная культура скотоводов в силу традиции приспособлена к кочевкам. Однако, поскольку араты кочуют небольшими группами, состоящими из нескольких семей, такой образ жизни затрудняет внедрение в их среду новых элементов культуры, формирование социалистических черт в быту членов СХО¹⁹.

В то же время кочевки играют и положительную роль, так как они позволяют круглый год пасти скот на пастбищах и при сравнительно небольших затратах труда получать значительную продукцию. Обе эти противоположные тенденции постоянно действуют в процессе перехода животноводов к оседлому образу жизни.

Смена стоянок во время кочевки в хангайской зоне называется *нутаг сэлгэх* (selgegu) (досл. «отойти в сторону»), в степной — *товших* (tobšigu) (досл. «сменить кочевье»)²⁰. Эти названия и соответствующие им способы кочевков сохранились и сейчас.

В СССР известны три основных типа кочевков: 1) меридиональный (с севера на юг и обратно); 2) вертикальный (из долин в горы, на альпийские луга); 3) вокруг пастбищ и водных источников (в полупустынных и пустынных районах)²¹.

Для типологизации кочевков в МНР, как и в других регионах земного шара помимо географических условий важным представляется учет способов кочевания и снаряжения аратов, их образа жизни, географического размещения предприятий по обработке сельскохозяйственного сырья.

Как показывают полевые исследования, направление кочевков скотоводов в отдельных районах МНР зависит от расположения гор и источников, особенностей почв, величины осадков, температуры воздуха, метеорологических условий и травостоя. В каждой местности преобладают определенные направления кочевков.

Наиболее характерны для монголов кочевки с северо-востока на юго-запад или с северо-запада на юго-восток, т. е. в меридиональном направлении; это кочевки хангайской или смешанной зоны, большинство скотоводов степной зоны в летний период пасут скот в хангайской, а в зимний — в степной зонах.

В степях Восточной Монголии, в котловине Больших озер, в районе Монгольской Алтая население кочует с запада на восток, т. е. в широтном направлении.

Классическая форма монгольских кочевков в зависимости от их протяженности делится на два типа: близкие и дальние. В горной и лесостепной зоне (Хангае, например) кочуют на близкое расстояние, в долине Больших озер кочевки относительно дальние; еще более продолжительны они в Гобийской зоне. СХО в МНР распределены по пяти поясам: около 60 отнесены к высокогорной зоне, свыше 40 — к лесостепной, 60 — к степной зонам, 40 — к котловине Больших озер, около 40 — к гобийской зоне. Всего в стране насчитывается 259 СХО и 45 госхозов. В среднем на одно СХО ныне приходится 452 тыс. га земельных

¹⁷ Н. Жавгарал. Аратство и аратское хозяйство, с. 132.

¹⁸ Г. Батнасан. Современная кочевка членов сельскохозяйственного объединения. — «Некоторые проблемы истории сельского хозяйства МНР». Улан-Батор, 1976 (на монг. яз.).

¹⁹ Н. Жавгарал. К вопросу о системе ведения животноводства в МНР. — «Изв. АН МНР», 1975, № 2, с. 20 (на монг. яз.).

²⁰ Г. Батнасан. Современная кочевка членов сельскохозяйственного объединения. с. 124.

²¹ К. А. Акишев. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне Древнего Казахстана. — В кн. «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, с. 37.

угодий и 69 тыс. голов общественного скота, а на один животноводческий и земледельческий госхоз — 11 тыс. га посевных площадей и 36 тыс. голов скота²².

Помимо упомянутых выше кочевков классической формы, в СХО всех пяти поясов используется и кочевка облегченного типа²³, позволяющая перейти к полuosедлому образу жизни.

Около 190 СХО уже совершают только короткие и сверхкороткие кочевки. Примерно 60 СХО кочуют на дальние и сверхдальние расстояния.

Анализируя кочевки членов объединения в Хангае и Хэнтэе в течение четырех сезонов, мы установили, что в горных районах животноводы кочуют два раза в год на расстояния 3—5 км. Такие кочевки характерны для полuosедлого образа жизни. В некоторых степных и гобийских районах кочевка на расстояние 10 км считается ближней. В Восточной степи, в котловине Больших озер, в Гобийском поясе кочуют иногда на далекие расстояния в 100—300 км. Такая форма кочевков присуща 60 СХО.

Для того чтобы определить характер современных кочевков, мы разделили животноводов — членов СХО на две основные группы: разводящих крупный рогатый скот и разводящих мелкий рогатый скот. Ниже в обобщенном виде приводятся некоторые данные, собранные во время полевых исследований в Восточном и Ара-Хангайском аймаках.

Животноводы, разводящие мелкий рогатый скот, объединяются в группы по несколько человек и довольно часто меняют места стоянок, поскольку их отары намного более многочисленны, чем стада крупного рогатого скота. Например, чабан первой бригады из сомона Цаган-Обо Восточного аймака Аюуш, 54 лет, вместе с женой и сыном отвечают за выпас более 1800 овец. Он 11 раз в году меняет пастбища, перевоза при этом с собой загоны для скота, и 10 раз ходит в отгон. Общая протяженность его кочевков составляет 142 км, на одной стоянке он находится от 5 до 60 суток.

Другим примером организации кочевков животноводов на востоке страны может послужить сурь²⁴ Р. Цагандамдина²⁵. Р. Цагандамдин пасет овец, совершая в общей сложности 21 кочевку в год, 10 из них он делает вместе со всей семьей, жильем и имуществом, а 11 раз уходит один в отгон со скотом. Уже эти примеры показывают, что в настоящее время в характере кочевков произошли изменения. Если раньше животноводы кочевали круглый год вместе с семьей, с жильем и хозяйством, то сейчас около половины кочевков в году приходится на отгон.

В Хангае выделяются кочевки скотоводов, выпасающих крупный рогатый скот. Хангайские скотоводы в настоящее время переходят к полукочевому образу жизни, что проявляется в организации животноводческих сурей и ферм, характере и форме поселков сельского типа. Так, работники ферм сомона Их-Тамир в летнее время ставят свои юрты в одном месте.

Хотя кочевки у всех скотоводов, занимающихся разведением крупного рогатого скота, имеют много общих черт, в различных районах у них есть и свои особенности. Для сравнения с упомянутыми выше фермами сомона Их-Тамир Ара-Хангайского аймака можно взять кочевки скотоводов, занимающихся разведением крупного рогатого скота

²² Ю. Цеденбал. Отчет Центрального Комитета МНРП XVII съезду Монгольской народно-революционной партии. Улан-Батор, 1976, с. 25.

²³ Под кочевкой облегченного типа автор понимает кочевку на небольшое расстояние, в которую скотовод берет с собой лишь самые необходимые вещи, оставляя имущество на месте с кем-либо из взрослых членов семьи.

²⁴ Сурь — первичная форма производственного объединения животноводов Монголии.

²⁵ Г. Батнасан. Некоторые вопросы кочевания и перехода к оседлости..., с. 124.

в степной зоне Восточной Монголии. На основе сочетания опыта и методов работы аратов-скотоводов и рекомендаций специалистов в сомоне Цаган-Обо Восточного аймака составлен график кочевков животноводов, которые меняют пастбища в зависимости от состояния погоды.

Появление на зимниках электричества, строительство хозяйственных и культурно-бытовых объектов, жилых домов — все это убедительно свидетельствует о том, что в жизни аратов произошли коренные изменения и возникли стационарные точки, вокруг которых происходит оседание кочевников. Переход к оседлости, в частности, можно уже наблюдать на примере 11 ферм по разведению крупного рогатого скота СХО «Галуут» в сомоне Цаган-Обо Восточного аймака. Эти фермы в течение года совершают всего лишь две небольшие кочевки (2—8 км) между зимниками, расположенными в местностях Жавхлант, Салхит и Элст, и летними пастбищами в долине р. Баян-гол.

В местах, где расположены отдельные животноводческие сури и фермы, совместными силами строятся красные уголки, детские ясли и сады, культурно-бытовые объекты, что дает аратам возможность культурно проводить свой досуг, а также способствует преодолению их традиционной разобщенности. При создании таких культурно-бытовых центров учитываются перспективы их развития: наличие поблизости загонов для скота, источников воды, возможности заготовки сена и кормов, особенности различных видов хозяйственной деятельности, которой занимаются жители этого района. Обязательно выбирают наиболее плотно населенные места (зимники, летники) и точно устанавливаются места зимовок, а также продолжительность стоянок кочевников. Сходные процессы отмечены К. А. Акишевым на территории Казахстана²⁶.

В связи с этим отпадает необходимость в кочевках на большие расстояния. Главным естественным фактором, определившим возникновение кочевого скотоводства как специфической формы хозяйства и постоянные маршруты перекочевков, является периодичность потребления скотом скудной растительности, неравномерно распределенной на огромных пространствах степей, полупустынь и пустынь, и сезонное чередование травостоя. В соответствии с состоянием травостоя в том или ином районе, а также временем года кочевник вынужден периодически менять места стоянок, переходить с уже истощенных пастбищ на еще неиспользованные²⁷. Поэтому араты вместе со своими семьями и стадами в течение всего года вынуждены были постоянно передвигаться.

Итак, можно сделать вывод, что направление кочевков зависело в первую очередь от природных особенностей данного района, а затем уже от его социально-экономического развития. Направления кочевков в горно-лесных районах с богатой растительностью и хорошими пастбищами прослеживаются более четко по сравнению с кочевками в степной и пустынной зонах.

Монгольская народно-революционная партия и правительство МНР уделяют большое внимание укреплению материальной базы сельского хозяйства в целях интенсификации сельскохозяйственного производства. Прежде всего это укрепление кормовой базы, заготовка сена и обводнение пастбищ.

За годы пятой пятилетки в укрепление материально-технической базы сельского хозяйства государством было вложено в 1,4 раза больше средств, чем в предыдущей пятилетке. Были построены и сданы в эксплуатацию крупный биокOMBинат, 7 госхозов, 10 механизированных молочных ферм, 16,6 тыс. животноводческих помещений на 7,1 млн. голов мелкого и 0,6 млн. голов крупного рогатого скота. Было также построено 7 тыс. водопойных пунктов для дополнительного обводнения

²⁶ К. А. Акишев. Указ. раб., с. 31.

²⁷ Я. Цэвэл. Кочевки. — «Современная Монголия», 1933, № 1, с. 28.

более 14 млн. га пастбищ, а также воздвигнуты 3 крупных и 44 малых оросительных системы инженерного типа в ряде районов²⁸.

С полной победой социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве МНР материальное благосостояние и культурный уровень членов СХО стали расти быстрыми темпами. Этому способствует и непрерывный процесс перехода к оседлости. С начала 60-х годов этот процесс стал более интенсивным, что связано с распространением отгонного метода животноводства. Одновременно начались поиски путей перевода на оседлость всех животноводов. При этом учитывается, что кочевники вынуждены приспособливаться к оседлому населению²⁹.

До 1959 г. переход к оседлости проходил неорганизованно. В декабре 1959 г. состоялся IV пленум ЦК МНРП, определивший задачи дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления СХО. В настоящее время процесс оседания предполагает, с одной стороны, переход животноводов к оседлому быту, а с другой — развитие оседлого способа ведения животноводства.

Характер процесса оседания изменяется в зависимости от этапов социалистического преобразования сельского хозяйства. Он включает в себя такие взаимосвязанные и взаимообусловленные моменты, как пребывание на одном месте, кочевка «облегченного» типа³⁰, использование пастбищ как основной кормовой базы и отгон скота.

Различия в степени и темпах процесса оседания скотоводов в разных районах страны проявляются, во-первых, в оснащенности оседлых поселений точками культурного и бытового обслуживания; во-вторых в появлении наряду с центральными пунктами оседания — усадьбами СХО — зачатков перехода к оседлости в местах размещения животноводческих ферм и сурей. Оба фактора определяются организационными и финансовыми возможностями СХО.

В большинстве СХО страны животноводство в настоящее время сочетается с земледелием, в результате чего возник новый тип хозяйства. Партия и правительство стремятся развивать и местную промышленность, основанную на обработке продуктов земледелия, животноводства и птицеводства. В связи с этим в последнее время на местах наблюдается усиление специализации животноводства и появление отраслей промышленности, рассчитанных на устойчивое его развитие.

Перед большинством СХО и госхозов встают такие важные вопросы, как специализация основного производства, развитие тех его отраслей, которые в наибольшей степени соответствуют конкретным экономическим условиям данной зоны, создание для их дальнейшего развития прочного и устойчивого фундамента. Правильный выбор и развитие наиболее выгодных отраслей хозяйства поможет решить проблему оседлости на базе современного уровня экономического и культурного развития общества.

В каждом СХО существуют основные и подсобные отрасли хозяйства. Для того чтобы выбрать самые выгодные из них, еще более повысить эффективность производства и специализировать его, необходимо: 1) обеспечить условия, при которых все отрасли соответствовали бы данным природно-экономическим условиям; 2) нацелить СХО на развитие лишь наиболее подходящих отраслей хозяйства; 3) упорядочить видовую структуру стада; 4) развивать животноводство в сочетании с земледелием; 5) четко установить направление специализации хозяйства; 6) усовершенствовать основные приемы и методы ведения животноводства.

²⁸ Ю. Цеденбал. Указ. раб., с. 24.

²⁹ В. А. Пуляркин. Номадизм в современном мире. — «Изв. АН СССР. Сер. геогр.», 1971, № 5, с. 30.

³⁰ В. А. Пуляркин. Указ. раб., с. 30.

Пастбищно-кочевое скотоводство в Монголии удачно сочетается с отгонно-пастбищным, более прогрессивным способом ведения животноводства, отвечающим новым социальным условиям. Многовековой народный опыт и данные современной науки, дополняя друг друга, содействуют постепенному и успешному внедрению этого способа в экономику страны.

Относительно того, что такое отгонное животноводство, до сих пор нет единого мнения: одни авторы относят его к оседлому типу хозяйства; другие считают одной из разновидностей кочевого животноводства; некоторые полагают, что это новый метод ведения животноводства; ряд ученых утверждает, что в основу отгонного метода положен многовековой опыт скотоводов, творчески используемый в настоящее время. Отгонное животноводство создает благоприятные условия для перехода населения к оседлости и обеспечивает возможности проведения первых шагов в этом направлении. Отгон — один из старых традиционных прогрессивных методов ведения животноводства, который позволяет, с одной стороны, облегчить труд скотоводов, а с другой — получить хороший нагул скота. При переходе к оседлости в принципе возможны два пути развития: 1) переход к стойловому содержанию скота и 2) совершенствование методов использования пастбищ как основного кормового источника. В зависимости от таких факторов, как природно-климатические условия данной местности, состояние кормовой базы животноводства, характер хозяйства, традиции, уровень социально-экономического развития, на протяжении определенного периода в рамках одного госхоза или сельскохозяйственного объединения могут одновременно существовать различные формы и кочевания, и оседлости. В этот период в той или иной мере будут сохраняться кочевой, полукочевой, полuosедлый и оседлый образы жизни.

Наши наблюдения и собранные материалы позволяют выявить различия в образе жизни скотоводов, занимающихся разведением крупного и мелкого рогатого скота. Для первых характерен полuosедлый образ жизни, у вторых преобладает пастбищно-кочевая форма ведения хозяйства, сочетающаяся с отгонно-пастбищной. Сейчас большинство скотоводов МНР занимается разведением мелкого рогатого скота. Они, как правило, сочетают «облегченные» кочевки с отгонным методом выпаса скота, который получает все большее распространение. «Облегченные» кочевки являются одним из путей перевода на оседлость аратов — членов СХО.

Центральные усадьбы госхозов и СХО становятся все более урбанизированными. Это административные, хозяйственные и культурные центры в сельской местности; их задача — обеспечить все потребности населения, перешедшего на оседлый образ жизни.

Учитывая то, что в городах МНР в настоящее время проживает около 700 тыс. чел., можно сказать, что образ жизни монгольских трудящихся коренным образом изменился; 47,5% населения полностью перешли к оседлому образу жизни. Процесс перехода скотоводов к оседлому образу жизни приобрел совершенно новые черты: обогащается традиционная материальная культура, распространяются новые социалистические формы культуры.

В домашнем хозяйстве стали широко использоваться электрические приборы (стиральные машины, пылесосы, холодильники, телевизоры и др.) и различного рода мебель, изготовленная за рубежом, а также юрты, все части которой — жердь, стены, хаалга (дверь), кошма изготавливаются на промышленных предприятиях МНР.

Сельское население использует наряду с традиционными мебелью и домашней утварью предметы домашнего обихода промышленного производства, что улучшает жизненные условия аратов, содействует развитию культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме.

В настоящее время монголы носят как национальную одежду из шерсти и кожи, так и одежду европейского покроя. В городе быстрее распространяется современная мода.

Как в городе, так и в сельской местности в пищу входят колбасы, мясные и рыбные консервы, различные овощи, промышленные мучные изделия, вырабатываемые пищевой промышленностью, ассортимент которых постоянно увеличивается. Пищевая промышленность МНР выпускает разные полуфабрикаты и готовые продукты, что облегчает домашний труд женщин. Городское и сельское население все более широко использует велосипеды, мотоциклы, легковые автомобили. Внедрение в жизнь и быт аратов городской культуры ведет к дальнейшему росту материального благосостояния народа.

Таким образом, общая тенденция развития повседневного производственного и домашнего быта скотоводов заключается в снижении удельного веса специфически кочевых его компонентов и нарастании таких элементов культуры поведения, которые более характерны для оседлого образа жизни, ведут к нему или сопряжены с ним.

Процесс оседания скотоводов оказывает в целом положительное влияние на общее развитие сельского хозяйства. Осуществляя перевод тружеников сельского хозяйства на оседлость, необходимо учитывать деление страны на три зоны — западную, центральную и восточную, а каждую из них на три подзоны — лесостепную, степную и гобийскую (полупустынную). Только с учетом этих факторов можно окончательно решить проблему перехода на оседлость членов СХО, что приведет к полному изживанию отрицательного влияния кочевой специфики на быт, окончательному приобщению трудящихся скотоводов к благам и ценностям оседлого образа жизни.

CERTAIN FEATURES OF THE TRANSITION TO A SEDENTARY WAY OF LIFE IN THE MONGOLIAN PEOPLE'S REPUBLIC

The paper deals with certain features characterizing the transition of nomads to a sedentary way of life in the Mongolian People's Republic. The author distinguishes several types of nomadism according to geographical zones, with corresponding types of transition to sedentary life. He dwells upon both favorable and unfavorable features of nomadism and then shows how some of the former can be made use of in the development of modern animal husbandry.

The paper takes into consideration all those innovations in the life of sheep and cattle breeders that have accompanied the completion of co-operation and the intensive process of urbanization in the steppes.

Я. С. Смирнова

НЕКОТОРЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ОТХОДА ОТ ОБЫЧАЕВ ИЗБЕГАНИЯ У КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

У кабардинцев, как и у других адыгов, очень ярко выражен характерный для традиционного семейного и общественного быта народов Северного Кавказа комплекс обычаев избегания. Возможно даже, что в прошлом именно адыги, а среди них более всего кабардинцы, были своего рода эпицентром распространения этих обычаев у некавказских по языковой принадлежности коренных народов региона¹. В настоящее время о распространении традиций избегания говорить не приходится — в советскую эпоху они стали постепенно изживаться. Однако полевые наблюдения позволяют заключить, что и сейчас у кабардинцев избегание выражено несколько сильнее, чем у соседних неадыгских народов, в частности балкарцев, и даже у некоторых других адыгов, во всяком случае у черкесов и абазин. Последнее скорее всего объясняется тем обстоятельством, что, тогда как черкесы и абазинцы, будучи расселены менее компактно и тесно соседя с русскими, оказались в значительной степени втянутыми в процессы культурно-бытовых взаимодействий, кабардинцы образуют крупный этнический массив и поэтому несколько меньше подвержены таким воздействиям.

Тем более интересны сравнительные данные о том, как далеко зашел процесс изживания обычаев избегания у кабардинцев и балкарцев. Эти данные, полученные в процессе этносоциологического исследования² и выраженные в количественных показателях, и рассматриваются в настоящем сообщении.

Примененная в данном случае схема этносоциологического исследования включает несколько десятков вопросов, охватывающих различные аспекты всех основных принятых у кабардинцев и балкарцев видов избегания — свадебного скрывания, избегания между мужем и женой, родителями и детьми, одним из супругов и родственниками другого. При отборе вопросов мы руководствовались общими сведениями об избегании у народов Северного Кавказа, полученными в результате полевых наблюдений и из литературных источников³.

¹ Имеются в виду следующие народы: осетины, балкарцы, карачаевцы, ногайцы. См.: Я. С. Смирнова. Свадьба без новобрачных (к вопросу о генезисе и функциях свадебного скрывания у народов Северного Кавказа). — «Сов. этнография», 1976, № 1, с. 136—145.

² Исследование проводилось в 1973—74 годах Кабардино-Балкарским научно-исследовательским институтом истории, филологии и экономики (КБНИИ) по вопроснику, разработанному В. К. Гардановым, А. Е. Тер-Саркисянц и нами совместно с сотрудниками этого института. Выборка представительна по обследованным народам в целом. Приведенные в таблицах и в тексте статистические данные хранятся в архиве КБНИИ. Автор пользуется случаем выразить признательность Г. Х. Мамбетову, М. Г. Кумахову и Б. Б. Хубиеву за любезное содействие в работе.

³ Основная литература «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв.» (Составление, редакция переводов, введение и вступительные

Отношение к обычаям избегания
(% к числу опрошенных) *

	Следует соблюдать		Следует соблюдать частично		Не следует соблюдать	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Кабардинцы	15,0	23,2	8,8	6,4	71,7	64,5
Балкарцы	20,0	30,8	7,4	6,6	67,9	55,5

* Неопределенные ответы при машинной обработке не учитывались.

Таблица 2

Отношение к типам свадебной обрядности
(% к числу опрошенных)

	Традиционная		Полутрадиционная		Новая	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Кабардинцы	24,4	23,7	56,3	65,0	16,1	7,1
Балкарцы	23,6	24,9	51,3	61,8	21,9	11,5

Современное отношение кабардинцев и балкарцев к избеганию в целом показано в таблице 1. Из нее видно, что большинство не только городского, но и сельского населения — более половины балкарцев и приблизительно две трети кабардинцев — осуждают весь комплекс обычаев избегания. То, что балкарцы осуждают избегание несколько реже, чем кабардинцы, несомненно, объясняется меньшим распространением среди них этих неудобных в быту, а подчас и унижительных обычаев. Интересно также, что в социально-профессиональных группах сельского населения,

Таблица 3

Появление жениха и невесты вдвоем в
общественных местах
(% к числу опрошенных семейных)

Возраст	Кабардинцы		Балкарцы	
	Город	Село	Город	Село
20—24	77,8	72,1	75,0	45,4
25—29	70,7	35,1	73,2	68,1
30—39	65,7	37,9	72,0	38,1
40—49	50,0	19,0	66,7	38,8
50—59	44,7	15,7	46,7	30,3
60 и выше	10,4	22,4	31,6	20,9
В среднем	60,0	29,9	63,9	33,4

принадлежность к которым связана с более высоким уровнем образования, избегание несколько чаще осуждается женщинами, чем мужчинами (например, среди руководителей и специалистов высшего звена соответственно 87,5 и 67,1% у кабардинцев и 71,4 и 69,3% у балкарцев). В городах, например, у балкарцев, женщины независимо от социально-профессиональной принадлежности также осуждают избегание несколько чаще мужчин (соответственно 70,3 и 65,6%). Это, очевидно, свидетельствует о том, что с ростом культурного уровня женщины страдают от обычаев избегания в большей степени, нежели мужчины.

Примерно так же обстоит дело с отношением к отдельным видам избегания, в частности к свадебному скрыванию, являющемуся в то же время неперменной составной частью традиционной свадьбы. В таблице 2

статьи к текстам В. К. Гарданова). Нальчик, 1974, с. 65, 222, 263, 297, 343, 382, 440, 498, 516, 517, 573, 596, 613; М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961, с. 53 сл., 75 сл.; Я. С. Смирнова. Обычаи избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху.— «Сов. этнография», 1961, № 2; А. А. Исламов. Обычаи избегания (avoidance) у чеченцев и ингушей (к вопросу о пережитках материнско-родового строя).— «Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы» т. I, в. I.— «Научный атензм». Грозный, 1972.

выделены три типа свадьбы: традиционная, которой присущ весь комплекс обычаев скрывания; полутрадиционная, в которой сохраняются лишь такие его ослабленные элементы, как разные застолья для старших и младших участников торжества; и новая, в которой отсутствует какое бы то ни было скрывание. Как видно, только около четвертой части всех кабардинцев и балкарцев высказываются за сохранение старинной традиции. Подавляющее же большинство стоит за более или менее пол-

Таблица 4

Появление супругов в общественных местах
(% к числу опрошенных семейных)

	Бывают вместе в гостях		Бывают вместе в клубе	
	Город	Село	Город	Село
Кабардинцы	94,6	79,5	84,4	45,5
Балкарцы	93,2	82,9	81,8	54,8

ный отказ от нее. Причем, городское население настроено по отношению к новой свадьбе приблизительно вдвое радикальнее, чем сельское, балкарцы — решительнее, чем кабардинцы. Разработка данных по полу и возрасту показала, что женщины, как правило, склонны к отказу от свадебного скрывания чаще мужчин, молодежь — чаще людей среднего возраста. Так, в группе сельских жительниц в возрасте 20—24 лет за новую свадьбу высказалось 15,4% кабардинок и 27,2% балкарок, тогда как в возрастной группе 50—59 лет — соответственно 2,7 и 4,3%.

Таким образом, перед нами существенные сдвиги в ценностных ориентациях, которые не могли не повести к определенным изменениям в традиционных формах деятельности. Правда, предпочтение нередко опережает реальность. В частности, пока что у кабардинцев и балкарцев — сельских жителей приблизительно только треть женихов и невест появляется вдвоем в общественных местах (таблица 3). Но зато отчетливо видна тенденция развития: горожане придерживаются старинного запрета вдвое реже, чем сельские жители, сельская молодежь — заметно реже, чем люди постарше. В то же время зависимость от возрастной категории неоднозначна. Хотя, как правило, поведение тем менее связано традицией, чем моложе человек; в некоторых случаях как, например, у балкарцев — сельских жителей, чаще других позволяют себе пренебречь традицией молодые люди в возрасте 25—29 лет.

Очень далеко зашел отказ от избегания между супругами. Из его многочисленных проявлений (запреты находиться днем в одном помещении дома, показываться рядом при старших родственниках или посторонних, называть друг друга по имени, есть за одним столом, появляться вместе в общественных местах и т. п.) приведем данные по трем последним. У кабардинцев 58,2% горожан и 37,2% сельских жителей, 47,9% горожанок и 20% сельских жительниц называют другого супруга по имени; для балкарцев эти показатели соответственно несколько выше, а для балкарок — ниже. Едят с мужем или женой за одним столом у кабардинцев около 60% горожан и 46% сельских жителей, а у балкарцев соответственно 71 и 60%. Обыкновенно не показываться с мужем или женой в общественных местах практически исчезает, хотя в сельской местности еще около половины супругов не ходят вдвоем в кино или в клуб (таблица 4). Этнокультурное различие в этом случае по существу отсутствует; значительно заметнее различия социально-профессиональные. Анализ соответствующих данных показал, что, например, у сельских жителей — кабардинцев работники неквалифицированного труда бывают вместе с женами в клубе приблизительно вдвое реже, чем руководители и специалисты высшего звена. Не менее существенны различия возрастные. Если раньше особенно неприличным считалось появление в общест-

венных местах молодых супругов, то теперь этого ограничения по привычке придерживаются главным образом люди среднего и пожилого возраста. Например, в возрастной группе 20—24 лет у кабардинцев бывают с женой или мужем в клубе 84,7% горожан и 61,2% сельских жителей, а в возрастной группе 60 лет и выше соответственно только 77,8% и 12%; у балкарцев — в первом случае 75 и 88,3%, во втором — только 48,1 и 22,1%. Немалое значение в возникновении этого возрастного различия видимо, имеет и то обстоятельство, что молодые женщины, чей уровень образования выше, а круг интересов шире, чем у большинства пожилых, теперь не мирятся с традиционным уклонением мужей от совместного проведения досуга за пределами дома и так или иначе ломают отживший обычай.

Избегание между матерью и детьми стало уходить в прошлое уже сравнительно давно, с ускорившимся после Крестьянской реформы распадом большесемейной организации. Теперь быстро отмирает также и избегание между отцом и детьми. Как видно из таблицы 5, у кабардинцев от 30 до 40%, а у балкарцев от 40 до 50% отцов берут детей на руки

Т а б л и ц а 5

Отход от избегания между отцом и детьми
(% к числу опрошенных семейных)

	Берут детей на руки при старших родственниках		Берут детей на руки при посторонних		Появляются с детьми в общественных местах	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Кабардинцы	39,8	28,7	40,7	33,9	42,2	32,2
Балкарцы	49,8	40,0	40,4	42,3	50,4	42,4

при старших родственниках или посторонних или же появляются с ними в общественных местах. Интересны также данные разработки по возрастам. Для балкарцев количественные показатели всех трех рассматриваемых здесь проявлений избегания могут быть графически представлены в виде почти прямой линии, плавно понижающейся от младших возрастов к старшим; доля первых в среднем вдвое больше, чем доля вторых. Для кабардинцев этот график — ломаная линия, значительно повышающаяся к молодым людям постарше или к людям среднего возраста и резко падающая в старших возрастах. По-видимому, так сказывается сила традиции, которой пожилые отцы придерживаются по привычке, а самые молодые — из-за боязни насмешек. Зависимость этого вида избегания от социально-профессиональной принадлежности у кабардинцев сильнее, чем у балкарцев. Так, в городской среде специалисты высшего звена — кабардинцы придерживаются традиции приблизительно в два, а балкарцы в полтора раза реже, нежели работники неквалифицированного труда.

Несколько медленнее отмирает избегание между женой и старшими родственниками мужа. Это и понятно: в данном случае его непосредственным объектом являются те самые пожилые люди и старики, из-за которых удерживаются рассматриваемые нами традиции. Известная часть их восприняла бы отказ от избегания как неуважение или даже сознательное желание нанести им обиду, другая часть — как нарушение привычных правил вежливости, которым они сами должны были следовать в молодости. Считаюсь со всем этим, молодые невестки еще нередко в течение того или иного времени избегают своих старших свойственников, хотя и здесь хорошо видны общие контуры процесса постепенного изживания старых традиций. Количественная характеристика этого процесса представлена в таблице 6, показывающей, что в городах уже больше половины, а в сельской местности около половины невесток отказались от

Таблица 6

Избегание между невесткой и свойственниками
(% к числу опрошенных семейных)

	Не разговаривала и не разговаривает со свекровью		Не разговаривала или не разговаривает со свекром		Не разговаривала или не разговаривает со старшими деверями	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Кабардинцы	41,7	64,4	44,7	60,8	36,6	60,4
Балкарцы	47,8	57,4	46,4	59,3	46,9	46,2

	Не встречалась или не встречается со свекровью		Не встречалась или не встречается со свекром		Не встречалась или не встречается со старшими деверями	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Кабардинцы	38,7	61,8	43,6	60,6	33,2	56,7
Балкарцы	47,8	45,8	45,4	51,8	44,0	38,3

Таблица 7

Сроки избегания между невесткой и свойственниками у сельского населения
(% к числу опрошенных семейных)

	Не разговаривала или не разговаривает со свекровью			Не разговаривала или не разговаривает со свекром		
	До месяца	До года	Свыше года	До месяца	До года	Свыше года
Кабардинцы	37,0	14,4	7,1	25,2	17,3	15,3
Балкарцы	30,0	23,8	2,4	29,7	25,4	4,9

прежних запретов. Очень существенно также, что и в тех случаях, когда избегание соблюдается, основная масса женщин лишь очень недолго отдает дань традиции — по большей части до одного месяца, значительно реже до года и совсем редко дольше (таблица 7). Показательна динамика поведения по возрастным группам: в сельской местности невестки — кабардинки и балкарки в возрасте 20—24 лет придерживались или придерживаются запрета некоторое время разговаривать со свекром почти вдвое реже, чем женщины 60 лет и старше. Не менее велико различие в поведении и по социально-профессиональным группам. У того же сельского населения невестки — кабардинки из числа руководителей и специалистов высшего звена не разговаривают со свекром более чем вдвое, а балкарки почти вдвое реже, чем невестки из числа работников некалифицированного труда. Неудивительно, что при таких обстоятельствах практический прекратил свое существование старинный обычай делать отдельный вход в каждое помещение сельского дома, чтобы невестка имела возможность не сталкиваться со старшими родственниками мужа. У кабардинцев сейчас 92%, а у балкарцев 94% домов имеют только один вход.

По тем же причинам, что и в предыдущем случае, несколько замедлено изживание обычаев избегания между мужем и старшими родственниками жены. Однако и здесь картина совсем не единообразна, варьируясь в зависимости от самых различных обстоятельств. Прежде всего, как это видно из таблицы 8, распространенность избегания зависит от этнокультурной традиции, у кабардинцев заметно более сильной, чем у балкарцев. Эта разница особенно велика, превышая в ряде случаев 100%, среди сельского населения. Далее, если избегание невесткой свекра и свекрови распространено приблизительно одинаково, то зять избегает тестя несколько реже, чем тещу; эта очень интересная в историко-этнографиче-

Избегание между зятем и свойственниками
(% к числу опрошенных семейных)

	Не разговаривал или не разговаривает с тещей		Не разговаривал или не разговаривает с тестем		Не разговаривал или не разговаривает со старшими шурьями	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Кабардинцы	53,8	67,2	51,8	66,2	45,1	63,5
Балкарцы	45,6	33,5	42,4	33,4	44,8	23,8

	Не встречался или не встречается с тещей		Не встречался или не встречается с тестем		Не встречался или не встречается со старшим шурьями	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Кабардинцы	53,0	67,1	51,8	65,8	44,9	63,0
Балкарцы	46,0	32,0	42,4	32,8	44,8	25,1

Таблица 9

Сроки избегания между зятем и свойственниками у сельского населения
(% к числу опрошенных семейных)

	Не разговаривал или не разговаривает с тещей			Не разговаривал или не разговаривает с тестем		
	До месяца	До года	Свыше года	До месяца	До года	Свыше года
Кабардинцы	20,8	25,7	15,8	19,1	25,5	17,6
Балкарцы	15,7	8,4	3,8	18,3	9,1	3,5

Таблица 10

Зять и старшие свойственники едят за одним столом
(% к числу опрошенных семейных)

	С тещей		С тестем		С другими старшими свойственниками	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Кабардинцы	53,2	43,0	58,4	43,8	69,9	62,5
Балкарцы	60,8	64,1	64,0	66,5	78,4	80,6

ском отношении традиция до сих пор была выявлена на Северном Кавказе только у чеченцев. Сроки избегания зятем тещи и тестя невелики, как правило, в полтора—два раза меньше сроков избегания между женой и старшими родственниками мужа (таблица 9). Наблюдается также тенденция к более свободному общению со старшими свойственниками, что хорошо видно на примере изживания старого запрета есть с ними за одним столом (таблица 10). Существенно, что и в этом случае прослеживается уже отмечавшаяся ранее закономерность: как показывает анализ данных по социально-профессиональной принадлежности, различие в величине количественных показателей у отдельных социально-профессиональных групп намного больше, чем различие в величине этих показателей у кабардинцев и балкарцев. Так, в среде сельского населения у кабардинцев едят за одним столом с тещей около 65% руководителей и специалистов высшего звена и 31% работников неквалифицированного труда, а у балкарцев соответственно 69 и 55%.

Подведем некоторые итоги. Полученные количественные показатели многое говорят не только об отходе от избегания, но и о тенденциях этого процесса. У балкарцев он в целом более интенсивен, чем у кабардин-

цев. О причинах этого уже говорилось: в прошлом избегание было выражено у кабардинцев сильнее, а этнокультурная традиция обладает своей инерцией. В городской среде этот процесс, как правило, идет значительно активнее. Это также понятно: сказываются и более высокий культурный уровень горожан, и большая интенсивность в их среде прогрессивных межнациональных контактов. Как правило, традиции избегания младшим возрастным группам свойственны заметно меньше, чем старшим, но бывает и так, что самые младшие группы из-за боязни насмешек следуют им чаще, чем средние. Что касается различных социально-профессиональных групп, то процесс изживания обычаев избегания значительно дальше продвинулся в тех из них, принадлежность к которым связана с более высоким образовательным уровнем и большей степенью урбанизированности (как правило, высшее и среднее специальное образование получают в городах). Очевидно, что дальнейший рост народного образования, а следовательно и культурного уровня, и интенсивные процессы урбанизации в сельских районах, не говоря уже о естественном движении возрастных групп, в ближайшее же время еще более расширят и ускорят отход от избегания во всех слоях населения.

Н. Г. Волкова

БАЦБИЙЦЫ ГРУЗИИ

(ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Летом 1972 г. отряд этнографов работал в тушинских селах Ахметского района Грузинской ССР¹. Целью этой работы было ознакомление с бытом бацбийцев (или цова-тушин) — небольшим народом, ближайшие этнические «родственники» которого — вайнахи — живут на Северном Кавказе. Понять, что побудило группу вайнахов давно уйти в горы Грузии и каким образом это происходило, довольно сложно. Дело в том, что у бацбийцев, как и у многих других народов Северного Кавказа, в прошлом не имевших письменности, нет письменной истории. Ее заменяют предания, до сих пор бережно хранимые в народе.

По одним из них, предки бацбийцев жили в горах Цовата (верховья Тушинской Алазани в Восточной Грузии. — *Н. В.*), а еще раньше — в Ингушетии. Они были христиане и, чтобы не принимать мусульманской религии, ушли в горы Грузии. В других преданиях говорится, что в Ингушетии было очень плохо с землей, и поэтому предки бацбийцев решили искать новые места для поселения. Местность, откуда они ушли, называется Ваби (Ваппи).

О переселении бацбийцев с Северного Кавказа свидетельствуют и предания грузин-тушин, живущих в том же Земо-Алвани. «Цовцы (бацбийцы), — говорят тушины, — считают себя тушинами, а на самом деле они кисти² и их язык родствен кистинскому. Сейчас цовцы часть тушин, но они пришли с другой стороны, с запада, из страны Гилга (галгай — самоназвание ингушей. — *Н. В.*). Когда шах Аббас хотел всех сделать мусульманами, то галга переселились в горы Грузии». Такого же рода предания сохранились и среди переселенцев из Чечни, живущих с середины XIX в. в соседнем с Земо-Алвани сел. Джоколо. «Бацай, — говорят они, — это горные люди, включающие два народа. Первый — чагма-тушины — это грузины. Второй — это галгай. Прежде в горах Грузии жили только чагма-тушины. Бацай убежали из страны Галгай, когда в Галгай пришло мусульманство».

Таковы факты, приводимые историческими преданиями. Но насколько они верны? Исключительная близость бацбийского и ингушского языков³ достаточно убедительно свидетельствует о том, что Ингушетия — прародина бацбийцев. Это же подтверждает и еще один факт. До сих пор в горах Ингушетии по р. Армхи (Джерахское ущелье) местность вокруг сел. Эрзи известна под названием Ваби, Ваппи (Фаппи). По представлениям ингушей, здесь живет одна из локальных групп их народа, известная под именем ваппий (фаппий). Именно часть этих ваппий, как рассказывают ингушские предания, записанные мною в 1971 г., некогда переселилась в горы Грузии. Причиной их ухода было малоземелье.

¹ В отряд входили Г. А. Сергеева, Н. Г. Волкова (Москва) и Г. Н. Джавахишвили (Тбилиси). Наблюдения и полевые материалы, собранные автором в 1972 г. во время работы в Земо-Алвани, положены в основу данного сообщения.

² Грузинское название чеченцев и ингушей.

³ См. Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. М., 1953.

Более сложной, а подчас и невозможной, представляется датировка событий, излагаемых историческими преданиями. Последние в качестве основной причины переселения части ингушей в Грузию выдвигают насильственную исламизацию горского населения Северного Кавказа, причем связывают это с походами шаха Аббаса I. Поскольку его походы происходили преимущественно в течение первой четверти XVII в., то (если основываться на фактах исторических преданий) переселение бацбийцев в горы Тушети приходится на первую четверть XVII в. Однако как известно, Персия не совершала походов на Северный Кавказ⁴, но в течение всего XVII в. ее войска неоднократно разоряли Кахети (в 1614, 1616, 1625, 1626 и др. гг.), на что население отвечало восстаниями. Так, к 1659 г. относится одно из таких восстаний против персов (в нем приняли участие тушины, пшавы и хевсуры), закончившееся победой грузин при Бахтриони.

Эти факты заставляют усомниться в хронологии переселения бацбийцев из Ингушетии (первая четверть XVII в.), указываемой в бацбийских исторических преданиях. Можно предполагать, что сюжет о походах шаха Аббаса I и насильственной исламизации был включен в эти предания уже тогда, когда бацбийцы жили в горах Восточной Грузии. То, что они к началу XVII в. жили в горной Тушети, подтверждает следующее. В документе 1589—1590 гг. русскому посольству князя Звенигородского рекомендуется идти в Грузию таким маршрутом: на Метцкие гребни, на Шихово племя, на Амалееву землю, на Батцкие гребни (т. е. горы). «А владеет тою Батцкою землею, — сообщается в этом документе, — государь их Александр (т. е. царь Кахети Александр. — *Н. В.*)»⁵. Судя по приведенным ориентирам (Метцкие гребни, т. е. Митхо, Малхиста), в документе указан путь по Аргуну, выведивший в Пирикитскую Тушети. Другое название того же источника — Батцкие гребни, Батцкая земля — А. Н. Генко сопоставляет с этническим именем бацбийцев⁶. Если принять эту точку зрения, то в последней четверти XVI в. бацбийцы уже жили в горах Тушети. Лингвисты определяют давность обитания бацбийцев в Грузии следующим моментом: в бацбийском языке сохранились некоторые общевайнахские черты, характерные для языка-основы до его разделения на чеченский и ингушский⁷. Наконец, давность поселения в Грузии бацбийцев доказывается их двуязычием (все население владеет грузинским языком), о котором еще в XVIII в. писал И. -А. Гюльденштедт⁸, а также в ряде случаев утратой родного бацбийского языка, множеством заимствований из грузинского языка и всесторонним влиянием грузинской культуры на бацбийскую.

Те же бацбийские исторические предания рассказывают, что, оказавшись в горах Тушети, бацбийцы первоначально обосновались в сел. Чонтио (левобережье Пирикитской Алазани). Позднее, уйдя в верховья Тушинской Алазани, они длительное время продолжали поддерживать связи с Чонтио, где хоронили своих умерших сородичей. Жителям Чонтио полагалось встречать похоронную процессию бацбийцев. Лишь после крупного горного обвала, затруднившего общение бацбийских селений с Чонтио, бацбийцы стали хоронить своих покойников в Царо.

Со временем в котловине Цовата появились большие селения: Индурта, Сагирта, Этельта, а также небольшие поселки Надирта и Мозарта.

⁴ В 1651 и 1653 гг. были совершены два похода к Сунженскому острогу с целью уничтожения этого форпоста Москвы, не затронувшие Ингушети.

⁵ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. I. М., 1889, с. 128.

⁶ См. А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей. — «Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР», т. V. Л., 1930, с. 683, 697, 699.

⁷ См. Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963, с. 70, 92, 93.

⁸ J.-A. Güldenstädt. Reisen durch Russland und in Caucasischen Gebürge, T. II. SPb., 1791, S. 377.

Все они упоминаются И. -А. Гюльденштедтом в его описании Тушети⁹. В каждом бацбийском селе жила одна фамилия с ее ответвлениями. В Сагирте — Антауридзе с их ветвью Игошвили, в Этельте — Букураули с ветвью Чрелашвили и т. п. Кроме бацбийцев в их селах жили пришельцы, принимавшиеся по обычаю покровительства (*шедзмовеба*) широко известного, в частности, в Тушети и Хевсурети. Исторические предания, например, считают Муштараули и Кавтаришвили выходцами из Дагестана, присоединившимися к бацбийской фамилии Туркошвили. Узгераули, в прошлом хевсуры, были приняты Баихондзе.

Основатель такой принимавшейся по обычаю *шедзмовеба* фамилии обычно был человек, совершивший кровную месть и вынужденный бежать с родины. Со временем эти беглые могли жениться на местных женщинах и через 2—3 года принимались какой-либо местной фамилией в ее состав. Прием происходил в Цовата около святилища Самеба (св. Троица) во время праздника Самеба, в котором принимали участие все жители селения. При этом выполнялся следующий обряд. Беглец, закалывал быка, в храмовых котлах варилось пиво; затем происходило общее пиршество. С этого момента пришелец считался членом бацбийской фамилии, которая ему покровительствовала. Беглые, жившие в селе и не вошедшие в состав местных фамилий, по нормам адата могли быть изгнаны из села.

Уже в XVI в. царь Кахети Леван дал разрешение тушинам иметь зимние пастбища на Алванском поле. Эти хозяйственные связи с равниной в 1830-х годах после разрушения в результате обвала Этельты завершились переселением бацбийцев в Алвани. Здесь возникли небольшие, однофамильные поселения Гургалчала, Пхакалкуре, Цицалкуре и др. Однако связь с родиной в горах Тушети поддерживалась бацбийцами не только благодаря ежегодному отгону туда скота на летние пастбища, но и проведением в Цовата различных традиционных праздников.

Хозяйство бацбийцев до революции имело преимущественно скотоводческое направление: малоземелье и суровый климат не позволяли в горах заниматься земледелием. На небольших участках они сеяли пшеницу, ячмень, рожь. Однако зерна не хватало, и бацбийцы покупали его у тушин (чагинцев и гомецарцев), которые имели значительно больше пахотной земли. Садоводством бацбийцы в горах не занимались, а из огородных культур знали только картофель. До революции они в значительных размерах занимались овцеводством; разводили также крупный рогатый скот, лошадей, из домашней птицы — кур и гусей. Бацбийцы не держали свиней, но, по сообщению Гюльденштедта, употребляли в пищу свинину¹⁰.

Летние пастбища бацбийцев для крупного рогатого скота находились в местности Тбатани (в 50 км от Земо-Алвани). Овец летом перегоняли в горы, где они паслись с середины июня до середины августа. Затем отары перегонялись на Алванское поле. Здесь они находились до середины октября, а позднее переходили в Ширакскую степь или реже — в урочище Самух. В этих местах отары находились всю зиму, а к началу лета вновь возвращались в горы на летние пастбища. Значительно реже бацбийцы перегоняли скот в Кизлярские степи, путь в которые пролегал через Чечню по ущелью р. Аргун.

Из ремесел у бацбийцев было развито изготовление цветных войлоков (*набади*). Вязанье обуви у бацбийцев в отличие от тушин не было распространено.

Хозяйственные связи цовцев были многообразны и распространялись не только на Кавказе, но и за его пределами. Территориальная близость Цовата с другими обществами Тушети (особенно с Парсмой и с Гомеца-

⁹ J.-A. *Göldenstädt*. Указ. раб., с. 376, 377.

¹⁰ Там же, с. 378.

ри) определила контакты с населением этих обществ не только в хозяйственном, но и в политическом плане. Известны случаи участия бацбийцев вместе с тушинами в войне против аварского владетеля Омар-хана. Существовали также брачные контакты с Тушети (особенно с обществом Чагма, откуда брались женщины и куда отдавались бацбийки).

Равнина Кахети служила бацбийцам местом торговли с грузинами-кахетинцами и азербайджанцами. С первыми они (как и другие тушины) обменивали продукты животноводства (мясо, сыр, шерсть, домотканые сукна) на хлеб, вино, различные предметы кустарного производства и т. п. С азербайджанцами шерсть обменивали на соль. В Кахети бацбийцы приобретали медную посуду. Медные котлы больших размеров, использовавшиеся для варки ритуального пива, мастера-отходники (дагестанцы) изготовляли на месте в бацбийских селениях. Для этого бацбийцы из Кахети привозили листы меди, из которых и делались котлы. В Телави у дагестанских мастеров бацбийцы покупали женские украшения. Значительные хозяйственные связи существовали у цовцев с Дагестаном. Дагестанцы приходили в Цовата с торговыми целями. Они продавали ворсовые бурки, нефть, применявшуюся для освещения, войлоки, медные кувшины. Путь дагестанских торговцев проходил через Кварели, Шилду, Сабуэ.

В Цовата из Дагестана приходили не только торговцы, но и мастера-строители. Преимущественно это были дидойцы, строившие каменные дома и башни. Как рассказывают бацбийцы, прежде за такие строительные работы платили скотом (коровами). Торговые связи бацбийцев осуществлялись также с Чечней, откуда привозили в Цовата керосин, деревянную посуду, приводили лошадей.

Наши представления о материальной культуре бацбийцев до их переселения в Алвани основываются преимущественно на информации, получаемой от лиц старшего поколения, жителей этого селения, и кратких свидетельствах авторов XIX в. Последние отмечали, что бацбийцы по обычаю горцев строили себе четырехугольные каменные дома с башнями¹¹. Сохранившиеся в 1940-х годах развалины в сел. Царо напоминали небольшой городок, дома которого, построенные из аспидных каменных плит, располагались вплотную друг к другу и не имели приусадебных участков. Окна в таких домах были сделаны в виде небольших отверстий типа бойниц¹². Так же были застроены и другие бацбийские селения. В них, как и в тушинских селах, имелись оборонительные башни¹³, где скрывались во время набегов врагов жители селения вместе со скотом. Каждой такой башней владело несколько фамилий. Например, фамилия Баихондзе в Индурте владела башней совместно с отделившимися от нее фамилиями. Башни, возводившиеся из местного камня без цементного раствора, сильно сужались кверху и имели четыре-пять этажей. Покрытием служили сланцевые плиты. Башни, как и жилые дома, строили дидойцы, а также сами бацбийцы. Хорошими строителями башен считались чеченцы из Майсты. До революции, живя зимой в Алвани, бацбийцы строили каменные дома по типу традиционных домов Восточной Грузии.

С 1924 г. начинается история современного сел. Земо-Алвани, часть жителей которого составляют бацбийцы. Селение это возникло из мелких поселений, располагавшихся до 1924 г. на склонах соседних гор. В каждом поселении жила группа родственных фамилий. Дома в Земо-Алвани строились каменные. Были выстроены средняя школа, клуб, проведены электричество, водопровод.

Еще меньше сведений имеется об одежде бацбийцев в прошлом. Сейчас они носят обычный городской костюм и не сохранили никаких элемен-

¹¹ И. Цискаров. Картина Тушетии. — Газ. «Кавказ», 1846, № 50.

¹² Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков..., с. 62.

¹³ Бацбийцы называют башни грузинским словом *цихе* и не знают общенахского названия *блѳу, влѳу*.

тов традиционного костюма. Лишь женщины старшего поколения носят длинное традиционного черного цвета платье и платок, а многие мужчины — тушинскую шапочку. По свидетельству Гюльденштедта, в 1770-х годах одежда цова-тушин была грузинского типа. «Мужчины и женщины, — пишет он, — одеваются по-грузинки. Женщины не носят кистинского головного убора в форме рога¹⁴, а надевают на голову грузинский головной убор в виде платка. Мужчины носят короткую бородку и бреют голову как черкесы»¹⁵. Фотографии бацбийцев конца XIX — начала XX в. подтверждают тушинский характер их традиционного костюма. Так, женщины носили на платье тушинский нагрудник (*убе парага*), обшитый бисером и монетами. Одинаковы были также женский головной убор с ободком (*кучура*), длинное из домотканой шерсти платье темных цветов. Бацбийский и тушинский мужские костюмы не различались.

Круг брачных связей бацбийцев ограничивался бацбийскими и тушинскими семьями. Однако члены бацбийских фамилий, происходивших от одного предка, а также принятые по обычаю покровительства, не имели права вступать между собой в брачные связи. В течение месяца после свадьбы бацбийские женщины, по обычаю, должны были прикрывать свое лицо. В продолжение года невестка одевала черное платье и черное покрывало (*мандили*), концом которого она и закрывала свое лицо. Как и среди многих других народов Кавказа, у бацбийцев до недавнего времени был распространен обычай избегания. Невестка около года не говорила со свекром и около месяца со свекровью. Некоторое время невестка не имела права говорить с братьями мужа. По окончании срока «молчания» свекровь делала невестке подарок, и тогда последняя имела право начать с ней разговаривать. Свекор через год также делал невестке подарок: нож, кольцо или деньги. Свекровь передавала невестке этот подарок с братом или сестрой ее мужа. Через два-три дня невестка подносила своему свекру вино со словами пожелания, при этом по обычаю свекор говорил: «Я тебе это купил и ты должна начать говорить». Прежде на людях бацбийская женщина никогда не говорила с мужем, имя которого ею также никогда не произносилось¹⁶.

Общественная жизнь бацбийцев в XIX в. во многом еще регламентировалась нормами обычного права. Кровная месть («кровь за кровь») давно ушла из быта цова-тушин. Однако в предреволюционные годы был распространен обычай выкупа за кровь. Платой служили медные котлы и соль. Не выплативший необходимой суммы «кровник» должен был уйти из села вместе со всей семьей, так как до исполнения ему 60 лет он подвергался опасности. Цова-тушинские адаты за уголовные преступления определяли различную меру наказания: за отсечение руки полагалась цена в «полкрови», равная стоимости 120 коров, за глаз — то же, за зуб — 3 коровы; за похищение женщины силой можно было убить похитителя и не понести наказания. Высшим наказанием по адату считалось изгнание преступника из общины и отлучение его от участия в народных праздниках. Когда бацбийцы уходили воевать, то каждый воин оставлял на специальной площадке белый камешек. По возвращении они разбирали свои камешки. Оставшиеся камни указывали, таким образом, на число погибших в бою. В память погибшего, по обычаю, каждому жителю бацбийского селения полагалось положить камень, из которых постепенно вырастал довольно высокий курган.

У бацбийцев, как и у тушин, был распространен обычай побратимства (*дзмобилоба*) с хевсурами, кистинами, дидойцами. По обычаю двое

¹⁴ Гюльденштедт имеет в виду ингушский женский головной убор в виде рога, встречающийся ему в Ингушетии. Этот своеобразный головной убор, называемый «курхарс», неоднократно фиксировался в позднесредневековых склепах Ингушетии.

¹⁵ J.-A. Güldenstädt. Указ. раб., с. 378.

¹⁶ См. также Г. А. Сергеева. Об обычае избегания у народов Грузии. — «Полевые исследования Ин-та этнографии АН СССР. 1974». М., 1975, с. 145.

«братаящихся» должны были совершить обряд братания. Будущие побратимы выпивали молоко, в которое соскребалось с монеты немного серебра (*пицверцхли*), и давали клятву. Полагалось пить из одной деревянной чаши. Другая форма пицверцхли — когда в чашу с молоком каждый из будущих братьев капал немного крови из порезанного пальца. Известен был и другой обряд побратимства. Если у будущих побратимов были живы матери, то каждый из них приходил к матери другого и прикладывался к ее груди. При этом присутствовали соседи и вся семья. После обряда происходило угощение. Частым, но не обязательным, был обмен оружием и конями в полной сбруе между побратимами.

Вполне понятно, что длительная жизнь бацбийцев в Грузии во многом определила своеобразие их этнического развития. Еще Гюльденштедт в 1770-х годах писал, что в селениях Царо, Сагирта, Этельта, Индурта «говорят на кистинском с примесью грузинских слов, а также легко говорят по-грузински»¹⁷. Таким образом, в XVIII в. для бацбийцев было характерно двуязычие и лексические заимствования из грузинского языка.

Помимо грузинского часть цовских мужчин знала азербайджанский язык. Необходимость владения в прошлом азербайджанским языком в целях более тесных хозяйственных связей с другими народами приводила к тому, что некоторые бацбийцы, как и грузины-тушины, отдавали своих сыновей на один год в семью своих кунаков азербайджанцев. Помимо грузинского и азербайджанского некоторые бацбийцы знали русский язык. «Мне представили,— пишет Г. Радде,— 12 тушинских мальчиков (из Цовского общества), приехавших на каникулы к своим родителям. Они бойко говорили по-русски»¹⁸.

Процессы развития двуязычия и проникновения в бацбийский язык грузинской лексики протекали параллельно. Из грузинского языка в него вошли слова из самых различных областей хозяйства и культуры: названия металлов, одежды и жилища, полевых и огородных культур, плодов, меры длины, веса, времени, социальная и общественно-политическая терминология. Однако изменения в бацбийском языке не ограничивались только лексикой. Возникли также грамматические и фонетические особенности, свойственные грузинскому языку. Но несмотря на все сказанное, бацбийский язык и сейчас сохраняет черты, характерные для нахской группы языков¹⁹. Сохраняется также определенный лексический слой, связывающий бацбийский язык с нахскими языками, причем названия некоторых предметов и явлений сосуществуют в грузинской и нахской форме. У бацбийцев и сейчас сохраняется древнее общенахское приветствие «марш ихвалоһ. Деле маршолһон», т. е. «тебе бог (даст) мир, покой». Собственные имена бацбийцев в основном грузинские; фамилии конструируются также по-грузински. Это было характерно уже для 70-х годов XVIII в., о чем говорит приводимый Гюльденштедтом список бацбийских имен²⁰.

По переписи 1926 г. бацбийцы называли себя грузинами. Родным языком их был записан цова-тушинский. Организация среди цова-тушин школы на грузинском языке, широкое употребление последнего в культурной и экономической жизни бацбийцев постепенно сокращает сферу применения бесписьменного бацбийского языка, который остается в основном языком внутрисемейного общения. Сейчас в бацбийской семье говорят преимущественно по-грузински, редко по-бацбийски. Большинство молодежи плохо знает бацбийский язык и говорит только по-грузински.

¹⁷ J.-A. Güldenstädt. Указ. раб., с. 377.

¹⁸ Г. Радде. Хевсурия и хевсуры.— «Зап. Кавказского отдела РГО», т. XI, вып. 2. Тифлис, 1881, с. 315.

¹⁹ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, с. 9—13.

²⁰ J.-A. Güldenstädt. Указ. раб., с. 377, 378.

Г. С. Островский

СЦЕНОГРАФИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕАТРА

Историография русского народного, или фольклорного¹, театра очень обширна. Изучение и тщательная историческая реконструкция театрализованных форм народной обрядности, народной драмы, театра Петрушки, марионеток, вертепа, балаганов, народных гуляний и т. п. имеют давнюю и прочную традицию; эта область народного творчества всегда служила предметом исследований этнографов, фольклористов, историков литературы и театра. Между тем в этой богатой и разнообразной литературе обнаруживается один пробел: почти совершенно не исследовано художественное оформление (сценография) фольклорного театра. Насколько нам известно, и в специальных трудах, посвященных истории русского театрально-декорационного искусства, по этому вопросу нельзя найти ничего, кроме нескольких общих и беглых замечаний. Если устная литературная традиция фольклорного театра фиксировалась в записях, а театрально-зрелищная — в описаниях, отчасти в рисунках и фотографиях, то живописно-изобразительная исчезла почти без следа вместе с отжившими формами этого театра.

И все же это не означает, что всякая попытка реконструкции обречена на полную неудачу. Мы располагаем рядом литературных и мемуарных свидетельств, позволяющих воссоздать не только общий характер художественного оформления народных зрелищ, но и некоторые конкретные подробности. Имеются также изобразительные материалы — картины русских художников второй половины XIX — начала XX в. Очевидно, нельзя переоценивать степень исторической достоверности этого рода источников, уровень его информативности: картина не документ, а художественное произведение. Но ошибкой было бы и недооценивать такой источник информации. Творческий метод художников-реалистов предполагает достоверность образов, ситуаций, всей бытовой среды, в которой живут и действуют их герои. Как бы мастерски ни были сделаны описания, они не заменят изображения, дающего художественную целостность предмета. Отнюдь не претендуя на исчерпывающий анализ всех источников, настоящая статья преследует задачу не столько исследования, сколько постановки вопроса о фольклорной сценографии.

Проблематика ее может представить интерес в нескольких аспектах. Во-первых, поскольку народный театр, обряды и другие явления быта и творчества народных масс, несущие к тому же большую и ценную этническую информацию, входят в сферу этнографической науки, то все их качества и стороны должны изучаться не изолированно, а комплексно. Во-вторых, сценография фольклорного театра — составная часть такого крупного, интересного и еще малоизученного явления художествен-

¹ Предпочтительнее, на наш взгляд, пользоваться термином «фольклорный театр», ибо в понятие «народный театр» нередко включаются и «театры для народа», и любительские, полупрофессиональные, точнее, самодеятельные в современном смысле кружки и студии рабочих, крестьян, служащих, получившие широкое распространение во второй половине XIX — начале XX в.

ной и бытовой культуры XVIII — начала XX в., как русский городской изобразительный фольклор². Это искусство проявилось в живописной вывеске, графическом и живописном лубке, примитивном, так называемом купеческом, или мещанском, портрете, росписях трактиров, панно для фотоателье, наконец, в сценографии фольклорного театра, бытовавшего не только в крестьянской, но и в солдатской, посадской, ремесленной, рабочей среде. Свобода (хотя и относительная), с одной стороны от официальной идеологии и догм «ученого», профессионального искусства, а с другой — от патриархальной, очень медленно эволюционировавшей традиционности крестьянского, по преимуществу утилитарного декоративно-прикладного искусства, свежести и непосредственности мироощущения, стихийный реализм, жизнерадостность, любовь к ярким и нарядным краскам, специфическая условность и выразительность изобразительного языка, основанного на эстетических категориях художественного примитива, — вот определяющие черты искусства этого рода, ставшего формой творчества широких городских масс.

Интересно было бы представить себе тип художника фольклорного театра. Искусство театра синтетическое, но в фольклорном театре «разделения труда» не было. Актер, режиссер, декоратор, бутафор, как правило, соединялись в одном лице. Обращаться к услугам художников бродячие кукольники и раешники не имели ни возможности, ни потребности. Когда же таковые возникали, например, надо было расписать куклу, ширму или раешный ящик, создать декорации и афиши для балаганов, то прибегали к помощи местного вывесочника или, как тогда говорили, «вывесочного живописца», маляра-альфрейщика, мастера из лубочной литопечати, крепостного художника, отпущенного помещиком на оброк, одним словом, одного из тех полусамочуек-полупрофессионалов, художников-разночинцев, которых выдвигало из своей среды так называемое мещанское сословие и которые создавали этот своеобразный пласт русской демократической культуры. Известный в свое время балаганный режиссер и антрепренер конца XIX — начала XX в. А. Я. Алексеев-Яковлев на вопрос, кто делал плакаты и афиши для петербургских балаганов, отвечал: «Петербургские литографы, большие знатоки цветной печати. Иногда соперничали с ними петербургские мастера фигурных вывесок, опытные по части привлечения внимания публики. Особенно отличался изящный, умелый мастер Андреев, изготовлявший эскизы живописных повествовательных плакатов, специалист по вывескам для Апраксина рынка»³.

Сценография фольклорного театра, если говорить об оригинальных памятниках, сейчас практически не существует. Она и вообще была весьма скудной, поскольку сама импровизационно-вариативная природа фольклорного театра и сфера его бытования обуславливали элементарность театрально-декорационных форм. «Особенностью народного театра, — писал П. Берков, — было почти полное отсутствие декораций. Если они и появлялись, то это было уже в конце XIX, начале XX в., и то в очень схематичной форме. Многое здесь зависело от случайных обстоятельств при постановке: наличия особого помещения, средств у актеров, возможности обставить помещение и т. п.»⁴. Очень точное объяснение этому дает Д. Лихачев, указывающий, что «Лодка», например, это «драма, разыгрываемая для исполнителей, а не для зрителей. Зрителям, в сущности, ее неинтересно смотреть, зато исполнителям — интересно, и в народной драме „Лодка“ их много»⁵.

² См. Г. Островский. О природе русского городского изобразительного фольклора. — «Сов. этнография», 1974, № 1.

³ А. Я. Алексеев-Яковлев. Русские народные гуляния. Л. — М., 1948, с. 117.

⁴ «Русская народная драма XVII—XX вв.» (см. П. Берков. Вступительная статья). М., 1953, с. 38.

⁵ Д. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2-е. Л., 1971, с. 251.

Но и то, что было, отнюдь не рассчитывалось на длительное пользование и хранение. Балаганные декорации и афиши, как правило, делались на один сезон; декорации и костюмы народной драмы — для одной-двух постановок. Петрушка, куклы, шарманки, ящики райка и другие атрибуты также вряд ли бытовали долго. То, что еще кое-где сохранилось, например расписные шарманки конца XIX — начала XX в., — уже продукт фабричного производства и к изобразительному фольклору имеет отдаленное отношение. Таким образом, в качестве основных выступают, так сказать, вторичные источники — литературные и мемуарные свидетельства, изобразительные материалы.

В театре Петрушки роль художника сводилась почти исключительно к изготовлению кукол⁶. Собрание музея Государственного Центрального театра кукол и другие музейные коллекции дают достаточно полное представление о народных куклах. Исполненные зачастую грубо и примитивно, они всегда предельно выразительны. Подчеркивая и утрируя какую-либо одну черту, авторы придавали куклам прямолинейную, одностороннюю, но сочную лубочную характерность. Мастера-кукольники должны были строго соблюдать принцип театральной маски, рассчитывая при этом на моментальное узнавание и на восприятие ее с расстояния.

Что касается других изобразительных элементов, то они были сведены к минимуму. Долгое время петрушечники пользовались так называемым «фартуком» — примитивной ширмой, представляющей собой фартук, привязанный к поясу и поднимаемый во время представления над головой. Такой «фартук» мы видим на известном рисунке А. Олеария, относящемся к первой половине XVII в.⁷ Позже появились раздвижные ширмы типа «домик», но и они декорировались далеко не всегда. Во всяком случае, на картинах В. Перова «Петрушка» (1860-е годы, частное собрание в Чехословакии) и Л. Соломаткина «Петрушка» (1878, Гос. Русский музей) такого декора нет.

Лубочная природа сценографии фольклорного театра в тех или иных модификациях проступает и в народной драме, и в балаганах, и райке. Как уже отмечалось, декораций в народной драме, как правило, не было⁸, и основную нагрузку несли театральные костюмы. На тесную связь их с искусством лубка указывал П. Берков: «Сохранившиеся данные свидетельствуют с несомненностью, что народные лубочные картинки, а также обложки лубочных романов о разбойниках подсказывали актерам из народа, как следует одевать царя Максимилиана или разбойников „Лодки“»⁹.

Раек, этот своеобразный вид фольклорного театра, «в одинаковой мере относится и к народному изобразительному искусству, и к народному театру»¹⁰. Во время представления здесь демонстрировались лубочные картинки, сопровождаемые рифмованными пояснениями. Раешники использовали как уже имевшиеся станковые лубочные листы, широко распространенные в народе, так и специально изготавливаемые для них панорамы — длинные полосы из склеенных картинок, перема-

⁶ Археологические находки свидетельствуют, что в XV в. куклы были керамические, и уже позднее материалами для них стали служить дерево, папье-маше, картон, тряпье. См. М. Г. Рабинович. К истории скоморошских игр на Руси. — «Культура Средневековой Руси». М., 1974, с. 53—56.

⁷ А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с. 18, 19.

⁸ Впрочем, так было не везде. Исследователи казачьего народного театра отмечают довольно развитую сценографию: «Оформлялся спектакль красочно, с большой фантазией. При разыгрывании драмы „Ермак“ на сцену ставили ярко раскрашенный казачий струг, нос и борта которого были украшены богатой резьбой. С помощью невидимой для зрителя веревки струг вместе с казаками двигался по сцене» (Л. Новак, Н. Фрадкина. «Казачий курень». Ростов-на-Дону, 1973).

⁹ П. Берков. Указ. раб., с. 38.

¹⁰ Там же, с. 20.

тываемые с одного вала на другой. «Раек представляет собой,— писал В. Перетц,— продукт взаимодействия театра марионеток и лубочных картин, сохранивший остатки скоморошных фарсов»¹¹.

Раешный ящик непременно венчала фигурка паяца. Таких паяцев мы видим и на лубках, изображающих раешников¹², и на рисунках художников XIX в.¹³, и на картине К. Маковского «Народное гуляние на Адмиралтейской площади в Петербурге» (Государственный Русский музей и Государственная Третьяковская галерея). А на картине Л. Соломаткина «На ярмарке» (1878, Киевский музей русского искусства) виден и орнаментальный узор, покрывающий стенки ящика.

Значительно больше материалов, как литературных, так и изобразительных, по истории балаганов. Яркое народное искусство балаганов привлекало многих литераторов, и в их произведениях мы находим драгоценные и достоверные свидетельства очевидцев. Известно, например, что Л. Толстой в 1880-х годах охотно посещал народные представления, устраиваемые в Москве на Девичьем поле, и там его поражали балаганные афиши¹⁴. Подробное описание их содержится и в книге В. Гиляровского «Трущобные люди»: «Девичье поле заперестрело каруселями, палатками с игрушками, дешевыми лакомствами. Посредине в ряд выросла целая фаланга высоких, длинных дощатых балаганов с ужасающими вывесками: на одной громадный удав пожирал оленя, на другой негры-людоеды завтракали толстым европейцем в клетчатых брюках, на третьей какой-то богатырь гигантским мечом отсекал головы у мирно стоявших черкесов. Богатырь был изображен на белом коне. Внизу красовалась подпись: „Еруслан богатырь и Людмила прекрасная“»¹⁵.

И еще одно литературное свидетельство о тех же балаганах на Девичьем поле. В рассказе «Наполеон», действие которого относится к 1870—1880-м годам, И. Шмелев так описывает декорации балаганного представления: «На полотне были намазаны корабли, стрелявшие огнем пушки, бушующее море, откуда высывывали морды зеленые крокодилы и огненные змеи; стояла красная крепость на горе, усыпанная солдатами, и перед ней, скрестив руки,— человек в сером сюртуке и в шляпе с пером»¹⁶.

То, что многим современникам представлялось курьезом, на самом деле было по-своему целостным и завершенным явлением — стилистической фольклорной сценографии. Очевидно, надо делать поправку на ту «балаганщину» в дурном смысле слова, которая особенно интенсивно стала проникать в народный театр в конце XIX — начале XX в., но в основе этой сценографии лежали эстетические категории художественного примитива, городского изобразительного фольклора, а более конкретно — графического и живописного лубка. Именно от лубка шла простодушная наивность этих декораций и афиш, яркость насыщенного локального цвета, смелость изобразительных гипербола, органическое сочетание жизненных реалий и фантастического неправдоподобия народной сказки. Стилистика лубка определила характер фольклорной сценографии и наиболее непосредственно проявилась в балаганной живописи.

В отличие от других форм народного театра в балаганах художнику отводилась немалая роль. «Балаганы имели свою „сценографию“, — пишет один из современных авторов. — Наивная и яркая, она была сродни вывескам над входом в чайную или духан, которые писали самоучки.

¹¹ В. Перетц. Кукольный театр на Руси. СПб., 1895, с. 81.

¹² См. альбом «Русский народный лубок». М., 1937, л. 69.

¹³ Один из них воспроизведен в книге: Ю. Дмитриев. Русский цирк. М., 1953.

¹⁴ А. Опульский. Дом Л. Н. Толстого в Москве. М., 1967, с. 13.

¹⁵ В. Гиляровский. Собр. соч. в 4-х томах. М., 1967, т. 2, с. 50, 51.

¹⁶ И. Шмелев. Повести и рассказы. М., 1966, с. 339.

На афишах любили изображать „актрис“ на одно лицо, с черными бровями, в пышных юбках со складками, неподвижными, как жесть.

Внутри балагана была сцена с нарядным занавесом, на сцене рисованные декорации, изображающие пруды, рощи, чащи, заколдованные замки. Художники балаганов не часто гнались за точным воспроизведением натуры (тем более, если натура — волшебный дворец). Фанерные скалы были нарисованы примитивно, зато они могли раскрываться, из расщелины появлялся бумажный розовый куст, бил фонтан или вылезала фея в сверкании бенгальских огней и облаке пудры¹⁷.

В конце XIX — начале XX в. эта сценическая лубочность вытесняется из столиц в провинциальную глубинку: петербургские и московские балаганы и народные театры приобретают характер профессиональных зрелищно-коммерческих предприятий. Крупнейший антрепренер петербургских балаганов и гуляний того времени А. Лейферт оставил такое описание: «Наружное украшение балаганов состояло из расписных полотен, прикрепленных к подъезду, который таким образом принимал вид архитектурной постройки в русском стиле. На подъезде же красовалась надпись с фамилией владельца или названием театра. Над подъездом помещались большого размера плакаты с названием пьесы и изображением некоторых сцен. Плакаты и надписи также размещались на задней и передней стенках балаганов и на подъезде второй линии. Всюду по стенам были расклеены большие афиши»¹⁸. Представление о внешнем виде петербургских балаганов на Марсовом поле во время народных гуляний на масленице дает макет, тщательно выполненный упоминавшимся выше А. Я. Алексеевым-Яковлевым и хранящийся ныне в музее при Ленинградском цирке.

Антрепризы А. Лейферта и других подобных ему уже трудно отнести к фольклорному театру. Они широко использовали его приемы, отчасти образительную стилистику, но там работало немало профессионалов — режиссеров, актеров, литераторов, театральных декораторов. Столичные и многие провинциальные балаганы того времени были оснащены бутафорией и богатыми костюмами, приспособлениями для различных сценических, звуковых, световых эффектов, люками, блоками, шкивами и т. п.

Возвращаясь к собственно фольклорному театру, остановимся на образительном материале — картинах русских художников второй половины XIX — начала XX в.

Фрагменты лубочно-балаганной живописи видны на картинах А. Волкова «Балаганы на Марсовом поле» (1869) и А. Попова «Балаганы в Туле на святой неделе» (1868, Государственная Третьяковская галерея). Еще больше их на широко известной картине К. Маковского «Народное гуляние во время масленицы на Адмиралтейской площади в Петербурге», существующей в двух вариантах (Государственный Русский музей и Государственная Третьяковская галерея). Крупные размеры полотен позволяют в деталях рассмотреть изображенные на них балаганные панно и афиши, яркие, броские, поражающие воображение публики.

Народные гуляния и балаганы были излюбленным мотивом творчества выдающегося русского художника Б. Кустодиева. Его картины «Масленица» (1916, Государственный Русский музей; 1919, Художественный музей БССР в Минске; 1919, квартира-музей И. Бродского в Ленинграде), «Балаганы» (1918, Государственный Русский музей), «Карусель» (1920, квартира-музей И. Бродского в Ленинграде), «Зима. Масленичное гуляние» (1921, частное собрание в Ленинграде), «Портрет Ф. Шаляпина» (1922, Гос. Русский музей) и другие — это ценный источник

¹⁷ И. У. «Чертановский театрик». — «Декоративное искусство СССР», 1975, № 12, с. 43.

¹⁸ А. Лейферт. Балаганы. Пг., 1922, с. 31, 32.

для реконструкции образного строя фольклорной сценографии, передающий сам дух этого жизнерадостного и красочного вида народного искусства.

Сценография фольклорного театра не была искусством жизненного правдоподобия, и к ней нельзя подходить с критериями профессиональной театрально-декорационной живописи. Как и все народное искусство, фольклорный театр и его сценография были искусством мечты о ярком, необычном, далеком от тягостной повседневности, мечты, выражаемой порой неуклюже и неумело, но всегда искренно, талантливо, с широким народным размахом.

Фольклорный театр и его сценография оставили глубокий след в истории русского профессионального театра, театрально-декорационной живописи. Интерес к нему особенно возрос в начале XX в. Подлинно народная основа искусства петрушечников и балаганщиков, яркая, праздничная зрелищность, специфическая театральная условность, противостоящая натуралистическому бытописательству, — вот что привлекало Е. Вахтангова, В. Мейерхольда, А. Таирова и других выдающихся режиссеров, увидевших в этом средство кардинального обновления современного им театра. Для художников, работавших в театре, как и для многих живописцев первых десятилетий XX в., характерно горячее увлечение крестьянским и, пожалуй, в первую очередь, городским изобразительным фольклором, такими его видами, как вывеска, лубок, расписные подносы, игрушки и т. д.

Увлеченность фольклорной сценографией проявлялась в различных аспектах. Так, например, А. Бенуа, оформлявший в 1911 г. балет И. Стравинского «Петрушка», отталкивался в его живописно-изобразительном решении от упоминавшейся выше картины К. Маковского. В то же время художнику, хорошо знавшему петербургские гуляния и балаганы, удалось добиться лубочности без нарочитой обнаженности художественного приема. Его товарищ по «Миру Искусства» М. Добужинский также пережил искреннюю влюбленность в стихию театрального фольклора, переосмысленную, однако, в несколько ироническом плане. Это отразилось в поставленных им в 1907—1908 гг. пьесах А. Ремизова «Бесовские действия над неким мужем» в театре В. Комиссаржевской и «Петрушки» П. Потемкина в театре В. Мейерхольда «Лукоморье». Тонкая ироничность, жизнерадостная и вместе с тем грустная прощанием с уходящей Русью, окрашивает произведения Б. Кустодиева. Одно из лучших среди них — декорации к пьесе Е. Замятина «Блоха» (по мотивам «Левши» Н. Лескова, 1925). «Все происходит как бы в балагане, изображенном на лубочной народной картинке, — рассказывал художник о своей работе, — все яркое, пестрое, ситцевое, „тульское“, и „Питер“, и сама „Тула“, и „Англия“. Отсюда и „особо роскошный“ „дворец Царя“, „игрушечная“ Тула, и ненашенская, диковинная Англия, весьма смахивающая на Англию, как ее изображали в балаганах на народных гуляниях»¹⁹.

Широкий спектр фольклорных влияний (от ярмарочных балаганов и каруселей до лубка и расписных прялок) пронизывает творчество и таких живописцев, как Н. Сапунов и С. Судейкин. Первый из них был соавтором В. Мейерхольда, поставившего в 1906 г. «Балаганчик» А. Блока, а второй оформлял «Петрушку» И. Стравинского (1924). Фольклорная сценография, привлекавшая художников принципом откровенной театрализации жизни, игры, мистификации, определила образный строй и таких станковых произведений этих живописцев, как «Масленичное гуляние» (1910-е годы, частное собрание в Ленинграде), серия лубков «Масленичные герои» (Государственный Русский музей) и «Петрушка»

¹⁹ «Блоха». Сборник статей. Л., 1927, с. 20.

(1915, частное собрание в Москве) С. Судейкина, «Трапеза» (1912) Н. Сапунова.

В этих работах звучат трагические интонации художников, искавших в фольклоре спасения от мещанской пошлости. Для М. Ларионова, Н. Гончаровой, А. Шевченко и других молодых живописцев художественный примитив становится знаменем их порой анархического, но страстного и искреннего, хотя и не всегда верно ориентированного, протеста против буржуазно-дворянской культуры. Провозгласив вывеску и лубок высшими проявлениями национальной культуры, они естественно должны были прийти и к сценографии фольклорного театра. Стилистику и приемы ее использовали М. Ларионов, создавший в 1915 г. эскизы к постановке балета С. Прокофьева «Шут», и Н. Гончарова, выполнившая в 1914 г. декорации к опере Н. Римского-Корсакова «Золотой петушок». Интересные опыты возрождения народной драмы «Царь Максимилиан» были предприняты в 1911 г.: московский спектакль оформлял В. Татлин, петербургский — А. Шевченко. И наконец, фольклорно-изобразительные реминисценции в расширительном толковании органично вошли в трагедию «Владимир Маяковский», поставленную в 1913 г. с участием художников П. Филонова, И. Школьника, О. Розановой.

Настоящее сообщение не преследовало цели исчерпать вопрос о сценографии русского фольклорного театра. Надо полагать, что дальнейшие изыскания принесут новые сведения. Наша задача скромнее: обобщить некоторые материалы, напомнить о фольклорной сценографии и необходимости восполнения этого пробела в системе знаний о народном творчестве.

Т. А. Трофимова

ЧЕРЕПА ИЗ СКЛЕПА КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА БЛИЗ ГОРОДИЩА ДЖЕТЫ-АСАР 2

В 1946 г. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, которой руководил С. П. Толстов, во время авиаразведок в Кармакчинском районе Казахской ССР обнаружила комплекс памятников в средней части одного из староречий Сырдарьи — Кувандарьи. По-казахски этот комплекс называют «Джеты-асар», что означает «Семь городищ». Дальнейшими исследованиями было установлено, что городищ этих гораздо больше, а раскопки на городищах Алтын-асар и Джеты-асар 9 выявили четкий культурный комплекс, датирующийся по С. П. Толстову серединой I тысячелетия до н. э. — VI—VII вв. н. э. и резко отличающийся по принципам планировки, архитектуре и облику материальной культуры от синхронных памятников, исследованных Хорезмской экспедицией в низовьях Сырдарьи¹. Все это дало основание рассматривать джеты-асарские городища как единый этнокультурный комплекс и выделить в низовьях Сырдарьи особую, джеты-асарскую, культуру.

В 1948—1951 гг. были получены первые краниологические материалы из курганных групп, раскопанных Ю. А. Рапопортом близ городища Алтын-асар. Эти курганы содержали захоронения в ямах и подземных склепах и датировались IV—V вв.²

Несмотря на малочисленность серии, изучение ее позволило нам предположить наличие в ней мезокранного (или долихокранного) европеоидного типа с высоким и узким лицевым скелетом и незначительной монголоидной примесью³.

В 1973 г. отряд Хорезмской экспедиции под руководством Л. М. Левиной продолжил работы по изучению Джеты-асарского комплекса памятников. Раскопки проводились на городище Джеты-асар 2. В 300—400 м к востоку от него было вскрыто несколько склепов, имеющих по одной камере со сводчатым перекрытием и арочным входом⁴.

В центре камеры подземного склепа № 1 было вскрыто захоронение (по-видимому, семейное) молодых женщины и мужчины, пожилого мужчины и ребенка. В склепе найдены и остатки одежды. Погребение было нарушено: женский скелет лежал ничком, кисть правой руки и голова отрезаны (череп находился в стороне), кости скелетов мужчин были разбросаны.

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, с. 348; *его же*. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, с. 125, сл.; *его же*. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 186 (там же библиография).

² С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.—«Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции» (далее — ТХЭ), т. II, М., 1958, с. 243—252.

³ Т. А. Трофимова. Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей. I. Краниологические материалы из Алтын-асарских курганных групп.—ТХЭ, т. II, М., 1958, с. 647—649.

⁴ Л. М. Левина. Работы в Джеты-асарском урочище.—«Археологические открытия 1973 года». М., 1974, с. 471.

Черпа из захоронений вблизи городища Асар 2 и сравнительные данные

Признаки	Джеты-асар 2				Алтын-асарские курганные группы				Калалы-Гыр 1																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																												
	II—III вв.				IV—V вв.				II—III вв.																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																												
	мужские		женские	№ 3	мужские	женские	мужские	женские	мужские	женские	предел вариаций	предел вариаций																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																									
	№ 1	№ 2											х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2	х	№ 1	№ 2

Признаки	Джеты-асар 2				Алтын-асарские курганные группы				Калалы-Гыр 1					
	II—III вв.				IV—V вв.				II—III вв.					
	мужские		женские		мужские		женские		мужские		женские			
	№ 1	№ 2	х	№ 3	мужские	женские	мужские	женские	х	п	предел вариация	х	п	предел вариация
51a. Ширина орбиты (d) 52. 51. Орбитный указатель (mf) 53. Высота носа 54. Ширина носа 54 : 55. Носовой указатель Дакриальная высота Дакриальная ширина Дакриальный указатель Симотическая высота Симотическая ширина Симотический указатель 32. Угол профиля лба (n—m) Угол профиля лба (g—m) 72. Общий лицевой угол 74. Угол альвеолярной части 75(1). Угол выступания носа Напереносье (1—6) Глубина клыковых ямок (0—4) Глубина левой клыковой ямки (в мм) Передняя носовая ость (1—5) Антропный край грушевидно-го отверстия (в %)	44,2 86,7 57 24,6 43,2 13,5 19,5 69,2 3,8 7,5 50,7 73,7 67 92 92 36 4 — 4,0 4 4,0	40,2 86,7 52 25,4 48,8 16,2 23,2 69,8 6,2 10,5 59,4 78 74 83 81 38 3 — 7,0! 5! Ant.	40,7 86,7 54,5 25,0 46,0 14,8 21,3 69,3 5,0 9,0 54,9 75,5 70,5 87,5 86,5 37 3,5 — 5,5 4,5 100,0	39,6 79,4 51,0 25,2 49,4 15,0 18,1 — 82,9! 4,0 9,0 44,4 76 77 83 80 28? 2 — 5,0 3 Ant.	— — 55? 24 43,6 — — — — — — — — — — — — — 3 5,9 3 Ant.	— — 54 24 44,4 — — — 4,0 14,2 28,2 — — — — — — — 2 3,2 3 Ant.	— — 49 24 49,0 — — — — — — — 79 68 85 75 — 3 4 8,4! 1? Ant.	41 — 50 27 54,0 12,4 21,5 57,7 4,6 10,2 45,4 84? 76? 87? 74? 21? 2 1 1,2 1 —	39,4 79,6 54,1 26,3 48,7 12,31 21,59 57,3 5,19 10,07 51,9 85,8 79,1 86,4 76,9 27,8 3,26 3,30 4,93 3,23 78,3	10 24 23 23 23 12 12 12 16 16 16 21 21 19 19 13 31 23 19 13 18	37,6 81,5 51,8 24,9 48,3 13,06 21,02 62,8 4,36 8,87 50,3 86,6 81,9 87,3 78,2 25,5 — — — — 3,67 93,3	10 15 15 15 15 12 12 12 14 14 14 14 14 13 10 8 — — — — 9 14	36—40? 74,4—91,4 15 23—27 42,1—56,3 11,2—16,7 18,0—26,2 45,8—77,7 2,6—5,5 5,8—13,8 39,3—71,4 79—92 72—87 82—92 68—87 15—33 — — — — 2—5 —	

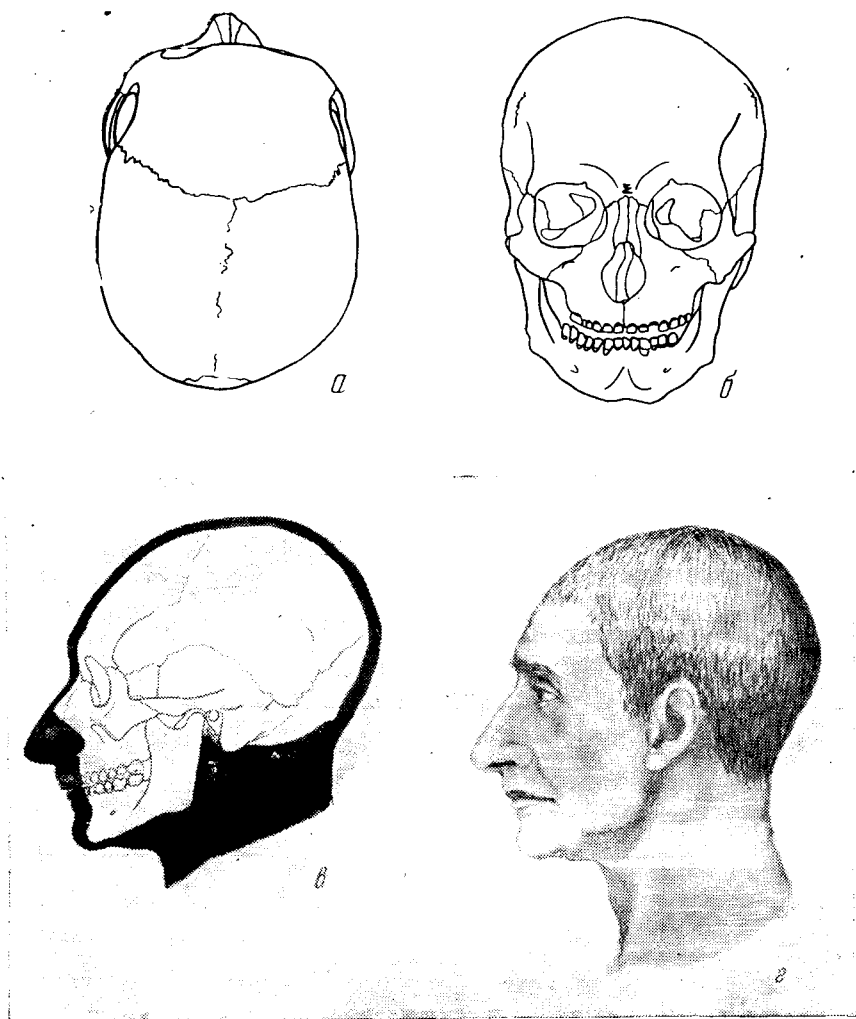

Рис. 1. Череп пожилого мужчины: а, б — обводы, в, г — графическая реконструкция. Обводы и графическая реконструкция всех черепов из склепа курганного могильника вблизи Джеты-асар 2 сделаны (по методу М. М. Герасимова) Г. В. Лебединской, за что я ей очень благодарна

Это погребение Л. М. Левина датирует I—II вв. н. э. (возможно, даже рубежом нашей эры), т. е. более ранним временем, чем исследованные нами ранее черепа из алтын-асарских погребений.

Анализ показал, что черепа из склепа № 1 весьма своеобразны.

Мужской череп № 1 (пожилого мужчины) характеризуется средними размерами продольного (184 мм) и поперечного (136 мм) диаметров, малым — высотного (128 мм), долихокранностью (черепной указатель 73,9), очень покатым лбом (67° от глабеллы и 73° от назиона), выше среднего развитым надпереносьем, средними размерами верхней высоты лица (70 мм) и скулового диаметра (130 мм) при среднем верхнелицевом указателе (53,8). Лицевой скелет ортогнатный (92°). Характерен для черепа высокий, узкий, сильно выступающий с горбинкой нос (угол 36° , носовой указатель 43,2), высокие орбиты как по абсолютным размерам, так и по указателям. Углы горизонтальной профилировки очень малые (зигомаксиллярный угол на нижней границе средних — $125,6^\circ$), глубина клыковой ямки небольшая (4 мм). Анализ основных признаков черепа не только позволяет считать его принадлежащим

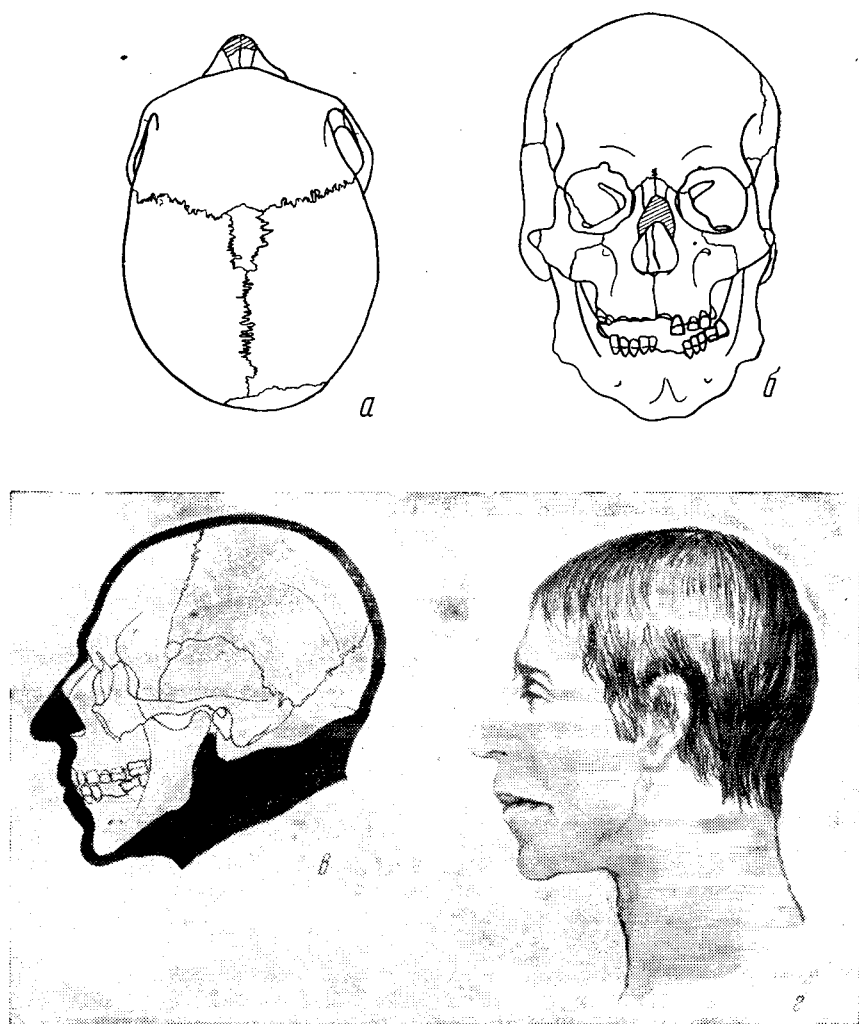

Рис. 2. Череп молодого мужчины: а, б — обводы, в, г — графическая реконструкция

человеку европеоидной расы, но и относящимся, возможно, к хорасанскому типу современного населения (по Ошанину) или, иначе говоря, к длинноголовым «арменоидам»⁵ (см. таблицу и рис. 1).

Мужской череп № 2 (молодого мужчины) при среднем продольном (181 мм) и малом поперечном (133 мм) диаметре очень высокий (141 мм), и хотя по черепному указателю (73,5) он напоминает череп № 1, они резко различаются по высотно-продольному и высотно-поперечному указателям (очень большим у черепа № 2). Лоб второго черепа по углу от глабеллы характеризуется средней величиной (74°), а от назиона, как и у первого черепа, — малой (78°). Надпереносье развито средне. При средних величинах основных размеров лицевого скелета (73 мм — верхняя высота лица и 127 мм — скуловая ширина), лежащих вблизи нижних границ вариаций этих признаков у калалы-гырских черепов, верхнелицевой указатель черепа № 2 относится к большим величинам этого признака (указатель 57,5 мм). Лицевые углы значитель-

⁵ Л. В. Ошанин. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. 1. Ереван, 1957. Характеристика абсолютных величин дается по методике: В. П. Алексеев, Г. Ф. Дебец. Краниометрия. М., 1964.

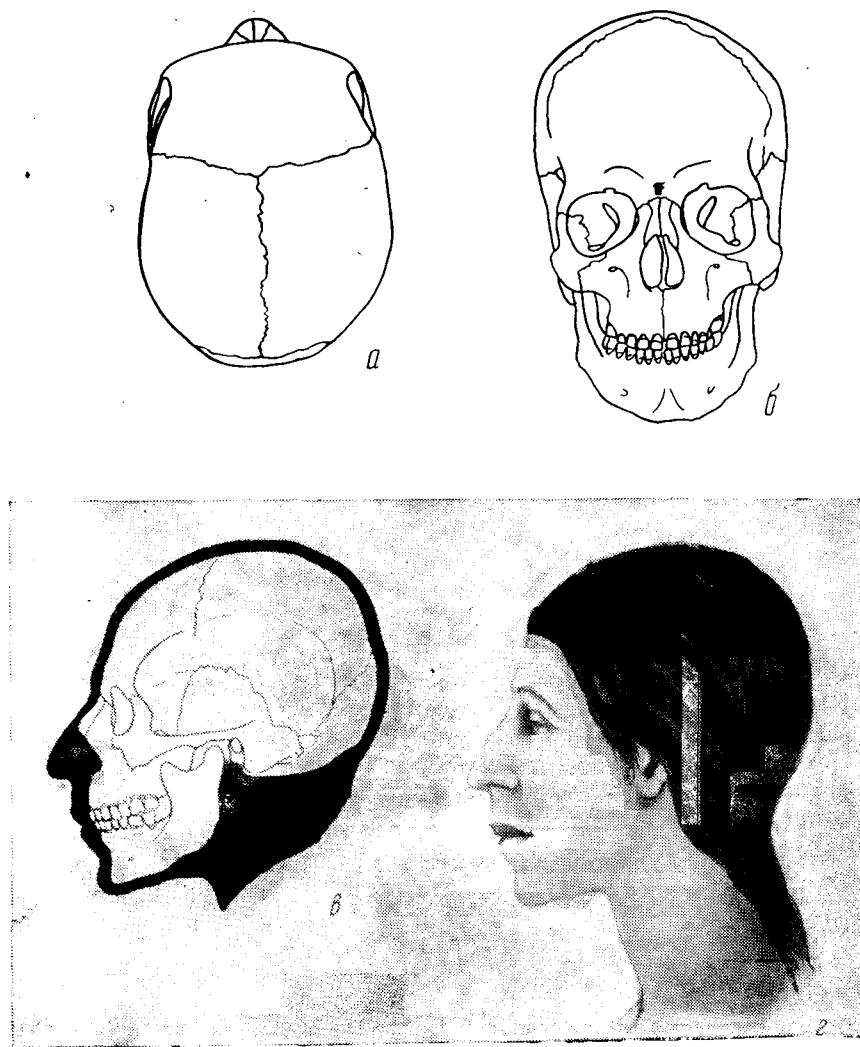

Рис. 3. Женский череп: а, б — обводы, в, г — графическая реконструкция

но меньше. Их можно считать мезогнатными (общий лицевой угол 83°). Нос более низкий (52 мм), по ширине (25,4 мм) близок к носу черепа № 1, но носовой указатель гораздо выше (48,8). Выступление носа сильное (38°), орбиты высокие, как и у первого черепа, назомаллярный угол несколько более высокий (136°), зигомаксиллярный еще меньше, чем у первого черепа ($122,4^\circ$), клыковая ямка очень глубокая — 7 мм. Череп свропеоидный, его можно отнести к восточносредиземноморскому антропологическому типу⁶ (рис. 2).

Женский череп (№ 3) представляет особый интерес. По масштабу, определенному для женских черепов (В. П. Алексеев, Г. Ф. Дебец), он характеризуется средними размерами продольного (173 мм) и поперечного диаметров (133 мм) и очень большим высотным (137 мм), долхокраанностью (76,9), покатым лбом (77° от глабеллы и 76° от назиона); надпереносье развито ниже среднего. Лицо очень высокое (76,1 мм) и очень узкое (скуловой диаметр 116 мм), лицевой указатель необычно вы-

⁶ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972, с. 294, 298, 299.

сок (65,5), угол лица средний (83°); высота носа (51,0), его ширина (25,2) и носовой указатель (49,4) близки к величинам мужского черепа № 2 при большом угле выступания носа (28°). Однако орбиты в противоположность мужским черепам невысокие (за счет их большой ширины — 42,2 мм от *mf* и 39,6 мм от *d*, средние по абсолютной высоте — 33,5 мм, малые — по указателю). Орбитный указатель от *mf* равен всего лишь 79,4. По горизонтальным углам женский череп отличается от мужских большей величиной назомялярного угла (138,6° — абсолютно малый) при меньшей величине зигомаксиллярного (121,0° — очень малый), глубина клыковой ямки значительная (5 мм). Женский череп, бесспорно, ярко выраженной европеоидной формы; долихокрания, очень узкое и высокое лицо и другие особенности позволяют отнести его к восточно-средиземноморскому типу, так же как и мужской череп № 2 (рис. 3). Вместе с тем следует обратить внимание на то, что нос с горбинкой женского черепа напоминает по форме нос мужского черепа № 1.

Рост женщины после измерения длинных костей по формуле Мануврие определяется в 158,8 см, по Пирсону 158,1 см, т. е. выше среднего, по Дебецу 160,0 см, т. е. как высокий. Рост первого мужчины по Мануврие 161,8, по Пирсону 161,2, по Дебецу 159,7 см (иными словами, ниже среднего); второго — по Мануврие 164,9 см (средний). Следует, однако, иметь в виду, что анатомический порядок мужских костяков нарушен и их нельзя с уверенностью отнести к черепам № 1 или № 2⁷.

Если обобщить некоторые данные и вычислить средние величины черепного и верхнелицевого указателей для всех трех черепов⁸, то выявляются антропологические комплексы, уже давно зафиксированные в более ранние эпохи — позднего неолита, энеолита и бронзы — в прикопетагской полосе Южной Туркмении⁹. Надо, однако, отметить, что черепной указатель у древнего населения Южной Туркмении был несколько ниже¹⁰. Западнее, на территории Передней Азии, с V—II тысячелетий до н. э. известен ряд серий черепов, отличающихся теми же основными особенностями. Это серии из Сялка V—IV тысячелетий до н. э.¹¹ и Тепе-Гиссара III тысячелетия до н. э.¹², из древнего Шумера III тысячелетия до н. э.¹³, Ал-Убеида IV тысячелетия до н. э. и Ура II тысячелетия до н. э.¹⁴, а также небольшая серия (всего четыре черепа) IV периода (1200—700 гг. до н. э.) из Алишара. Последняя серия

⁷ Приношу благодарность Ю. А. Дурново за измерение длинных костей и статистическую обработку материала. Формула Г. Ф. Дебеца для вычисления роста приведена им в работе: Г. Ф. Дебец, Ю. А. Дурново. Физическое развитие людей эпохи энеолита в Южной Туркмении. — «Сов. этнография», 1971, № 1, с. 26. Рубрикация длины тела (рост) взята по Мартину.

⁸ Черепной указатель — 74,7 (3), лицевой — 58,9 (3).

⁹ J. G. Sergi. Description of some skulls from the North Kurgan, Anau. — In: R. Pospelly. Explorations in Turkestan, v. II. Washington, 1908; Л. В. Ошанин. Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен. — Изв. Академии наук Туркменской ССР, 4, 1952; Л. В. Ошанин, В. Я. Зезенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953; В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. Указ. раб., с. 37—70.

¹⁰ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. Указ. раб. Средние величины черепного указателя мужских черепов неолита и раннего энеолита Южной Туркмении — 71,0, лицевого — 55,4 (табл. 3, с. 38, 39). Те же признаки для мужских черепов энеолита и эпохи бронзы: черепной указатель — 70,0 (49 черепов), лицевой — 55,1 (48 черепов), см. табл. 4, с. 52, 53; для женских — черепной указатель 71,7 (45 черепов), лицевой — 56,6 (42 черепа), см. табл. 5, с. 54, 55.

¹¹ H. Vallois. Les ossements humains de Sialk. — In: R. Ghirschman. Fouilles de Sialk. Près de Kashan 1933, 1934, 1937, v. II. Paris, 1939.

¹² W. M. Krogman. Racial types from Tepe-Hissar, Iran, from the late fifth to the early second millenium B. C. — Verhandlingen der Koninklijke Nederlandsche Academie von wetenschappen. «Afdeling natuurkunde», Tweede sectie deel 34, № 2, Amsterdam, 1940.

¹³ D. Buxton and T. Rice. Report on the human remains found at Kish. — «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain», v. 61, 1931, p. 57—119.

¹⁴ A. Keith. Report of the human remains. — In: H. Hall and C. Wooley. Ur excavations, v. I, Al-Ubaid, Cemetery. Oxford, 1927, p. 214—240.

отличается от перечисленных значительно большей грацильностью; хотя черепной указатель очень низкий (71,0), лицевой относится к средним величинам (52,1) при малых размерах высоты лица (66,5) и скулового диаметра (127,7 мм). Не исключено, что характеристика серии по средним данным не представлена из-за ее малочисленности. Однако черепа эти близки по своей морфологии черепам периода Алишар I (1500 г. до н. э.) и дают хетский тип. Обе серии из Алишара сходны с черепами железного века Армении (по Бунаку), тогда как серию черепов периодов Алишар II и III Кругман относит к бадарийцам, отмечая более низкое и широкое лицо и некоторые другие признаки¹⁵.

Рис. 4. Тип долихоцефальной европеоидной расы. Персы района Мешхеда (по Ошанину)

Мужской череп IV периода из Алишара обнаруживает большое сходство с мужским черепом № 1 из Джеты-асар 2 (рис. 5), а также с серией из Самтаврского могильника Грузии¹⁶ и серией сакских черепов V—I вв. до н. э. с Юго-Восточного Памира¹⁷.

В северной части Туркмении и в Каракалпакской АССР проникновение восточносредиземноморского типа в среду других расовых компонентов фиксируется уже во второй половине II тысячелетия до н. э. (могильник Кокча 3)¹⁸. Позднее в оссуарных захоронениях Хорезмского оазиса в крепости Калалы-Гыр 1 найдены черепа II—III вв. н. э., сходные по ряду признаков с черепами средиземноморского типа¹⁹. Этот же расовый тип встречен в низовьях Амударьи в погребениях воз-

¹⁵ W. M. Krogman. The cranial types from Alisar Hüyük and their relations to other racial types, ancient and modern, of Europe and Western Asia.— In: E. F. Schmidt. The Alishar Hüyük, seasons of 1928—1929, pt. 2, Chicago, 1933.

¹⁶ М. Г. Абдушелишвили. К палеоантропологии Самтаврского могильника. Тбилиси, 1964.

¹⁷ В. В. Гинзбург. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии.— «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XI, 1950; *его же*. Антропологическая характеристика саков Южного Памира.— «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. 80, 1960; В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. Указ. раб., с. 130—140.

¹⁸ Т. А. Трофимова. Черепа из могильника тазабагыбской культуры Кокча-3.— «Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции» (далее — МХЭ), вып. 5, М., 1961, с. 97 сл.

¹⁹ Т. А. Трофимова. Краниологические материалы из античных крепостей Калалы-гыр 1 и 2.— МХЭ, т. II, М., 1958, с. 543—630; *ее же*. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии.— МХЭ, вып. 2, М., 1959, с. 30—79.

ле городища Миздахкан в III и V вв. н. э.²⁰ В низовьях Сырдарьи женский череп из ограды 4д мавзолея 4 некрополя Северного Тагискена (IX—VIII вв. до н. э.) может быть отнесен к европеоидному восточно-средиземноморскому типу²¹.

Антропологический состав населения, погребенного в оссуариях крепости Калалы-гыр 1, был смешанным, включавшим наряду с европеоидными и монголоидные элементы²².

При сравнении средних величин двух джеты-асарских мужских черепов и серии мужских черепов из погребений в оссуариях Калалы-гыр 1 обнаруживаются существенные различия по ряду признаков, но из-за малочисленности асарской группы достоверность различий неубедительна; надо также отметить, что ряд черепов калалы-гырской серии несет следы затылочно-теменной деформации. Остановимся на средних величинах некоторых признаков. Калалы-гырские черепа характеризуются значительно бóльшим черепным указателем (79,9), немного большей высотой лицевого скелета при значительно большем скуловом диаметре, что образует несколько меньший лицевой указатель. Существенные различия отмечаются в горизонтальных профилировках лица. Лицо значительно более уплощенное, дакриальный и симотический указатели гораздо ниже, угол выступления носовых костей меньше, клыковая ямка менее глубокая. Все признаки лицевого скелета указывают на монголоидную примесь в этой серии (см. таблицу).

Следует отметить, что некоторые признаки джеты-асарских черепов выходят за предел вариаций ряда признаков черепов из крепости Калалы-гыр 1. Так, мужской череп № 1 из погребения возле Джеты-асар 2 отличается более низкой высотой мозговой коробки, значительно более покатым лбом, более ортогнатным лицом, выступанием носа, равным верхней границе калалы-гырских черепов. Мужской череп № 2 характеризуется меньшим черепным указателем, меньшей шириной орбиты (от дакриона), большей дакриальной высотой и сильнее выступающим носом. Величина скулового диаметра и зигомаксиллярного угла находится на нижней границе предела вариаций калалы-гырской серии.

Женский череп из Джеты-асар по целому ряду признаков также выходит за предел вариаций калалы-гырской серии: ширина основания черепа меньше, длина основания лица и указатель его выступления больше, угол профиля лица от глабеллы значительно меньше, верхняя высота лица и лицевой указатель больше при гораздо меньшей величине скулового диаметра, дакриальный указатель выше, хотя угол носовых костей лежит в пределах вариаций этого признака у калалы-гырских черепов.

Итак, у двух черепов из Джеты-асар 2 — мужского № 1 и женского — лоб более покатый, чем у калалы-гырских; у двух мужских черепов сильно выступающий нос, у черепа № 1 угол носа равен верхней границе калалы-гырских черепов, у черепа № 2 превышает ее. Другие признаки, выходящие за предел вариаций калалы-гырской серии, распределяются довольно своеобразно. В целом асарские черепа, бесспорно, европеоидные (монголоидная примесь не прослеживается); черепа № 2 (мужской) и № 3 (женский) могут быть отнесены к восточносредиземноморскому типу, в то время как мужской череп № 1 обнаруживает, как указывалось выше, черты, сближающие его с хорасанским типом (по Ошанину) или длинноголовым «арменоидом» современного населения.

²⁰ В. Н. Ягодин, Т. К. Ходжайов. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.

²¹ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. Указ. раб., с. 95. Могильник Тагискен имеет два комплекса: мавзолей Северного Тагискена IX—VIII вв. до н. э. и сакские курганы Южного Тагискена VII—V вв. до н. э. (см. С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 80, 81).

²² Т. А. Трофимова. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии, с. 73.

Широко распространенное на территории Казахстана население протоевропейского «андроновского» типа, известного здесь с эпохи андроновской культуры²³, прослеживается и в эпоху античности²⁴. Черепа андроновской культуры из Хабарного²⁵ и Тасты-Бутака²⁶ хотя и отличаются от типичных «андроновцев», обнаруживая сходство с «средиземноморцами», особенно черепа из Тасты-Бутака, однако их трудно сопоставить с асарскими черепами. Таким образом, по имеющемуся краниологическому материалу из склепа № 1 курганного могильника вблизи Джеты-асар 2 создается впечатление, что жившее здесь население в I—II вв. н. э. резко отличалось от окружающего населения эпохи античности.

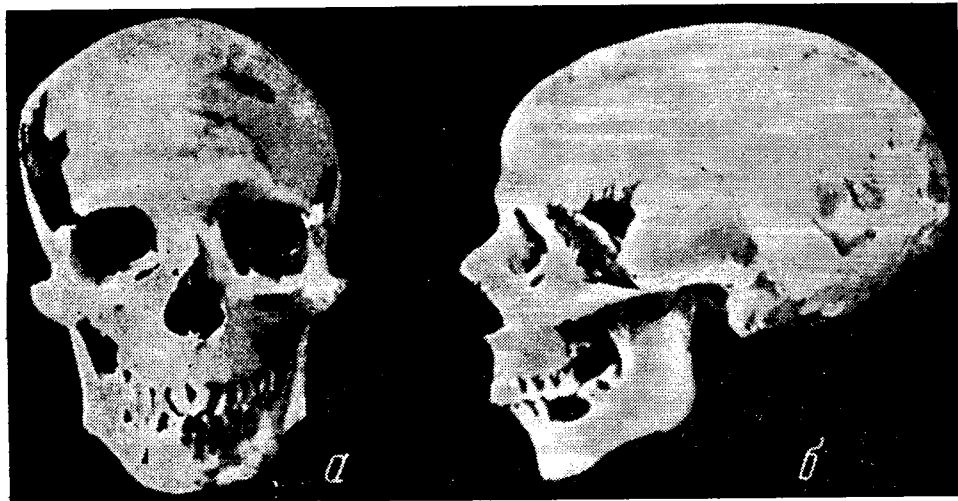

Рис. 5. Череп из Алишара (по Кругману)

Мы уже писали, что черепа из алтын-асарских курганных групп IV—V вв. н. э. (два мужских и два женских, причем один мужской и один женский очень плохой сохранности) мезо-долихокранные, относительно высоколицые, имеют черты монголоидной примеси, что выражается в уплощенном лицевом скелете, значительно меньших величинах дакриального и симотического указателей, малом угле выступания носовых костей (21° на одном женском черепе) и небольшом развитии носовой ости на всех четырех черепах²⁷.

²³ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР.— «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее — ТИЭ), т. IV, М.—Л., 1948; В. В. Гинзбург. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным.— «Антропологический сборник», I (ТИЭ, т. 33), М., 1956; О. Исмагулов. Палеоантропология Казахстана эпохи бронзы.— «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 18, Алма-Ата, 1963.

²⁴ В. В. Гинзбург. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР; О. Исмагулов. Проблемы формирования антропологического типа казахов по данным краниологии древнего и современного населения Казахстана. Автореф. канд. дис. М., 1965.

²⁵ В. П. Алексеев. Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры.— «Труды Ташкентского ун-та», т. 235, 1964.

²⁶ В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы.— «Материалы и исследования по археологии СССР», № 120, М., 1962.

²⁷ Т. А. Трофимова. Материалы по палеоантропологии Хорезма..., с. 639—649. Уместно вспомнить, что сакские черепа из погребений в низовьях Сырдарьи также содержали монголоидную примесь (см. Т. А. Трофимова. Ранние саки Приаралья по данным палеоантропологии.— «Anthropos», 19, п. s 11, Врно, 1967; В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. Указ. раб., с. 111—119).

Возвращаясь к черепам из погребений близ Джеты-асар 2, заметим, что особый интерес представляет мужской череп № 1, характеризующийся чертами современного хорасанского или длинноголового «арменоидного» типа (рис. 4). Выше мы уже отмечали его сходство с черепами из Алишара (рис. 5). Любопытно, что среди изображений «царей» Хорезма на монетах привлекает внимание лицо царя «Африга» (V в. н. э.). Это лицо человека переднеазиатского типа с деформированной, возможно искусственно, головой. Лица, изображенные на остальных монетах, по антропологическому типу относятся к одному из вариантов средиземноморской расы, отличавшемуся выпуклой спинкой носа, и сопоставляются с хорасанским типом²⁸.

В. В. Бунак в одной из своих ранних работ связывал происхождение арменоидного типа с народами Передней и Малой Азии, в частности с расовым типом хеттов²⁹. Особое внимание он обращал на расовый тип хеттов, известный по барельефам на египетских памятниках, изображавших толпы «хеттских пленников», взятых войсками фараона. Ссылаясь на Лушана, В. В. Бунак писал, что последний констатировал у хеттов ряд признаков, характерных для армян, а именно — убегающий лоб, выпуклый нос, особой формы высокое, средней ширины лицо, плоский затылок. Подобный тип, как отмечал В. В. Бунак, известен и в Ассирии³⁰. По-видимому, ряд признаков, отмеченных для хеттов, характерен и для джеты-асарского мужского черепа № 1. Наряду с хорасанским типом в Междуречье в течение долгого времени прослеживается (по скульптурным материалам) и другой расовый тип, в широком смысле — медитеранский. Широкое распространение восточносредиземноморского типа в Передней Азии подтверждают новые краниологические материалы, относящиеся к VI—V тысячелетиям до н. э.

Новые раскопки в урочище Джеты-асар, исследованные нами черепа из склепов близ Джеты-асар 2 еще раз подтвердили принадлежность населения северо-восточного района древней Сырдарьинской дельты к особой этнокультурной группе. По идентификации С. П. Толстова, памятники джеты-асарской культуры оставлены сырдарьинскими тохарами³¹. Лингвистические связи между тохарским языком и языком фракийских киммерийцев, вхождение джеты-асарской культуры на ранних этапах ее развития в ареал культур киммерийского типа — все это доводы в пользу такой идентификации. Сходство спиральной планировки некоторых асарских городищ с хеттской, близость хорасанского антропологического типа, обнаруженного на одном из асарских черепов, с хеттским и арменоидным, греческий и армянский языки как одно из направлений лингвистических связей тохарского языка — тоже как будто бы доказательства правомерности гипотезы С. П. Толстова. Однако тохарская проблема столь значительна и пути ее возможного решения столь многообразны³², что мы можем рассматривать проанализированные нами новые, но, к сожалению, немногочисленные материалы лишь как новый вклад в сумму фактов, дальнейшее накопление которых так необходимо.

²⁸ Т. А. Трофимова. Краниологические материалы из античных крепостей Калалы-тыр 1 и 2, с. 605, рис. 1—6.

²⁹ В. В. Бунак. *Crania armenica*, М., 1927, с. 199.

³⁰ Там же, с. 201.

³¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 137—140; *его же*. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 186—189.

³² См., например, Э. А. Грантовский. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, с. 20, 360; В. И. Абазов. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965, с. 136—139; Б. Г. Гафуров. Таджики. М., 1972, с. 38, 39; «История таджикского народа», т. I, М., 1963, с. 127, 128.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

А. Д. Дридзе

«БРАТСТВО ПО КОРАБЛЮ»

Внимание исследователей систем родства уже сравнительно давно привлекает так называемое «псевдородство» («pseudo-kinship»), или «ритуальное родство» («ritual kinship»). Сводку работ по этой проблеме на конец 60-х годов опубликовал Дж. Питт-Риверс в «Интернациональной энциклопедии социальных наук». Автор выделяет здесь следующие основные моменты. Возникшее на основе «псевдородства» товарищество, во-первых, зависит от индивидуальной воли участников (хотя и не всегда: в ряде случаев членство наследуется от родителей или, по крайней мере, требует их одобрения). Во-вторых, оно предполагает целый комплекс взаимных обязательств, прежде всего по оказанию помощи (материальной и моральной). В-третьих, появляется подчас довольно сложная система брачных запретов, иногда превращающая товарищество в экзогамный организм и действующая как для первого, так и для последующих поколений; иногда же, наоборот, предпочитают эндогамные браки¹.

Однако, хотя литература по этой проблеме не так уж скудна, исследователи, оказывается, никогда не обращались специально к такому виду «псевдородства», как «братство по кораблю». Речь идет об отношениях, возникших между рабами (или законтрактованными рабочими), которых перевозили на одном и том же корабле. Отношения эти мало известны. Не только монографии, но даже и специальных статей о них, насколько удалось установить, не существует. Не упоминает о них в своем обзоре и Питт-Риверс.

Все те немногие авторы, которые пишут о «братстве», — англоязычны. За редким исключением (об этом позднее), все они применяют для обозначения связанных им людей один и тот же термин — «shipmate». «Mate» означает, собственно, «товарищ», «друг», однако, как мы сейчас увидим, правильное было бы говорить именно «брат».

Вопрос о происхождении «братств» пока даже не ставился. Можно предполагать, что возникли они в сравнительно недавнее время. Во всяком случае, античных параллелей им не существует². Не существует и параллелей африканских³.

Материал, который пока удалось выявить, достаточно однороден как географически (преимущественно вест-индский регион), так и хронологически (XIX в.). Однако есть указания, что эти отношения сложились раньше. Так, ямайский плантатор (он же довольно известный в свое время писатель и политический деятель) М. Г. Льюис (1775—1818) оста-

¹ Подробнее см.: J. Pitt-Rivers. Pseudo-kinship.— «The International Encyclopaedia of Social Sciences», v. 8, 1968, p. 410 сл. Там же приведена основная литература вопроса.

² См., в частности: А. Валлон. История рабства в античном мире. М., 1941.

³ См., например, С. Абрамова. История работорговли на Верхне-Гвинейском побережье в XV—XVIII вв. М., 1966. Там же приведена более ранняя литература.

вил такую запись в своем дневнике за 1817 г.: «Я спросил сегодня одного из моих слуг-негров, не родственник ли ему старый Льюк.— Да,— ответил он.— Дядя или двоюродный брат?— Нет, масса.— Так кто же?— Они с моим отцом братья по кораблю, масса»⁴.

Несколькими годами позже появляется следующее свидетельство: «Между африканцами, привезенными с родины на одном и том же корабле, возникает дружба, которая продолжается обычно до конца жизни. „Брат по кораблю“— такое между ними существует обращение,— по-видимому, воспринимается ими как нечто синонимичное брату или сестре»⁵.

«„Брат по кораблю“— пишет наблюдатель спустя 10 лет,— это самое дорогое слово, обозначающее узы самых нежных чувств среди африканцев... Они рассматривают детей друг друга как своих собственных»⁶.

Современные исследователи упоминают еще об обычае гостеприимства и о каких-то еще иных «признанных обязательствах»⁷, а также о том, что «между братьями и сестрами по кораблю были столь крепкие узы, что половые отношения между ними считались, как замечает один наблюдатель, incestом»⁸.

При крайней скудости источников каждый из них приобретает особую ценность. Это в свою очередь налагает на каждого исследователя обязанность быть скрупулезно точным. К сожалению, в работе О. Паттерсона, в целом чрезвычайно интересной⁹, это правило соблюдается не всегда. Так, сообщая, что дети называли тех, с кем совершили переезд их родители, «дядя» и «тетя», исследователь ссылается в подтверждение на М. Г. Льюиса, и именно на то место, которое процитировано нами выше и, как, видит читатель, ничего подобного не содержит¹⁰.

Можно ли считать случайным то обстоятельство, что все выявленные материалы относятся к о. Ямайка? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Во-первых, на протяжении многих и многих десятилетий Ямайка была крупнейшим невольничьим рынком Западного полушария, через который прошло, видимо, не менее миллиона африканцев. Во-вторых, как справедливо указывает О. Паттерсон, на острове долгое время существовало совершенно уникальное соотношение негров и белых— 10:1 (максимум на других островах составлял 8:1, на Барбадосе— 4:1, а в США только Южная Каролина и Миссисипи имели превышение негритянского населения над белым). В-третьих, для Ямайки характерен необычно большой процент рожденных свободными африканцев (примерно 50% в середине XVIII в. и более 25% к концу столетия)¹¹.

Вместе с тем уже известный нам М. Смит подчеркивает, что социальное значение братства «было ограниченным, ибо рабы после высадки обычно широко распылялись по всему острову»¹². Очевидно, здесь

⁴ M. G. Lewis. A journal of a West India proprietor. London, 1845, p. 350.

⁵ J. Stewart. A view on past and present state of the island of Jamaica. Edinburgh, 1823, p. 250 n.

⁶ F. Kelly. Voyage to Jamaica and narrative of 17 years residence in that island. London, 1838, p. 45 (цит. по: O. Patterson. The sociology of slavery. London, 1967, p. 150). Книги Ф. Келли в наших библиотеках нет, удалось установить, однако, что вышла она не в Лондоне, а в Белфасте.

⁷ M. G. Smith. The plural society in the British West Indies. Berkeley and Los Angeles, 1965, p. 107.

⁸ O. Patterson. Указ. раб., с. 150.

⁹ Нам приходилось уже указывать в печати на это обстоятельство (А. Д. Дридзе. Ямайские маруны. М., 1971, с. 7, 36).

¹⁰ См.: O. Patterson. Указ. раб., с. 150; M. G. Lewis. Указ. раб., с. 350. Просмотр книги Льюиса показал, что никаких других материалов о братьях по кораблю в ней нет. Кроме того, надо добавить, что Паттерсон датирует эту работу 1816 г., в то время как она вышла несколько десятилетий спустя, а стр. 350, на которую он ссылается, содержит данные за 1817 г.

¹¹ Подробнее см.: O. Patterson. Указ. раб., с. 274—278; А. Д. Дридзе. Указ. раб., с. 49.

¹² M. G. Smith. Указ. раб., с. 107.

и надо искать ключ к тому, что сведения по интересующему нас вопросу отличаются крайней скудостью, что такие крупнейшие историки острова, как Э. Лонг и Б. Эдвардс¹³ вообще о братстве не упоминают.

Но если даже по Ямайке мы располагаем столь малым числом данных, то по Соединенным Штатам, например, указаний на братство вообще не встречается. Не связано ли это с тем, что значительная часть рабов поступала на материк через Ямайку, невольничий рынок которой «распылял» попавших в рабство африканцев на многие и многие тысячи миль друг от друга?

Таким образом, налицо тесные узы, выходящие за пределы первого поколения, предусматривающие определенные обязательства (гостеприимство) и определенные табу. Несмотря на скудость имеющихся данных, они заслуживают внимательного рассмотрения. М. Г. Смит, разумеется, прав, объясняя специфику братства теми условиями, в которые попадали рабы по приезде на Ямайку. Поддерживать отношения были в состоянии только те, кто оказывался на одной плантации или хотя бы по соседству. Добавим, что если братство запрещало половые отношения между пассажирами одного и того же корабля, то влиять на выбор брачного партнера, как правило, не могло, ибо рабы в этом отношении целиком зависели от хозяев. Любопытно, что хотя некоторые авторы (Дж. Стюарт, М. Г. Смит) ограничивают братство по кораблю одним (первым) поколением, интересные сообщения М. Г. Льюиса и Ф. Келли говорят о том, что эти отношения выходили за пределы указанного поколения...

Существовали ли какие-то организационные формы, объединявшие всех невольных пассажиров одного и того же корабля? Пока свидетельств этому мы не обнаружили. Если они и существовали, то в силу указанных выше причин функционировать им было весьма трудно.

Чрезвычайно интересно, однако, что описанные отношения и связи возникли вновь уже на несколько иной основе и несколько позднее: в связи с ввозом на вест-индские острова законтрактованных рабочих из Индии.

Следует сразу же сказать, что влияние негритянского варианта здесь полностью исключено: формировались индийские «братства» еще до высадки в Вест-Индии, следовательно, до встречи с неграми; кроме того, обоюдное незнание языков еще долгое время делало общение индийцев и негров невозможным. Нельзя забывать и об антагонизме, разделявшем тех и других.

Другой момент, привлекающий внимание, состоит в том, что можно точно датировать время появления индийских братств, ибо хорошо известны как начало ввоза на Антильские острова рабочих из Индии (середина 40-х годов XIX в.), так и время прекращения этого миграционного потока (начало XX в.), а еще точнее — 1845—1917 гг. (с небольшим перерывом в первое десятилетие)¹⁴. Всего было набрано более 150 тыс. чел. Львиная доля — 143,9 тыс. — пришлось на Тринидад (и только по Тринидаду у нас есть сведения о «братьях»). Подавляющее большинство иммигрантов происходило из отдельных районов Индии (нынешние штаты Уттар-Прадеш, Бихар и прилегающие местности). После истечения срока контракта рабочие имели право бесплатного возвращения на родину. Этим правом, однако, воспользовалось не более трети из них. В настоящее время потомки законтрактованных рабочих из Индии составляют, видимо, не менее 40% населения Тринидада (по переписи 1960 г. — около 37%, перепись 1970 г. данных об этническом составе не содержит).

¹³ См.: *E. Long. History of Jamaica*, v. I. London, 1774; *B. Edwards. A history, civil and commercial of the West Indies*, v. I—III. London, 1801—1802.

¹⁴ Подробнее см.: *А. Д. Дрицко. Начало иммиграции индийцев в Вест-Индию.* — В сб.: «Страны и народы Востока», вып. XIV. М., 1972, с. 267—277.

Неплохо изучены и обстоятельства вербовки и переезда, в частности то влияние, которое они оказали на многие существеннейшие стороны социально-кастовой организации переселенцев.

Так, уже самый факт переезда через море означал потерю касты (во всяком случае, для индусов высокой кастовой принадлежности). Помимо этого, условия, сложившиеся на корабле, полностью исключали возможность соблюдения кастовой сегрегации: ни жить, ни есть отдельно люди разных каст во время переезда не могли. Единственное исключение, на которое пошли колонизаторы, было связано с разделением во время еды индусов и мусульман; обусловлено это, думается, прежде всего боязнью беспорядков в очень сложной обстановке невольничьего корабля.

Однако, вступив на тринидадскую землю, индусы моментально восстанавливали кастовую иерархию, по крайней мере в большинстве ее проявлений. И если для оставшихся на родине ортодоксов переселенцы представляли собой просто сборище людей, лишенных касты, то среди самих переселенцев кастовые нормы возродились и (хотя и не в такой степени, как в XIX в.) соблюдаются до сих пор¹⁵.

Переезд и все с ним связанное не могли не повлиять на социальную организацию иммигрантов и в другом плане. Действительно, все эти резкие изменения условий их жизни породили некоторые новые формы, никогда не встречавшиеся на их родине. Мы имеем в виду именно упомянутые выше «братства по кораблю».

Об этих «братствах» говорят многие исследователи¹⁶, однако весьма лаконично и почти без всяких подробностей. Связано это, видимо, прежде всего с тем, что в процессе полевых исследований проблеме «братств» уделялось минимальное внимание. Наиболее подробное описание принадлежит американке Джоан Косс. Оно опубликовано в малораспространенном этнографическом журнале¹⁷ и осталось неизвестным даже составителю капитальной библиографии по Вест-Индии за 1900—1965 гг.¹⁸ Однако и эта работа очень невелика по объему, а интересующему нас вопросу отведено всего полстраницы.

То, что к настоящему времени известно о «корабельных братствах», сводится к следующему.

Принадлежность к «братству» определялась переездом на одном корабле. Те, кто такой переезд совершил, становились в глазах друг друга как бы родственниками, притом весьма близкими — братьями и сестрами. Так же рассматривали друг друга и их дети, а родители каждого воспринимались ими как классификационные отцы и матери. Более того, молодые пассажиры относились к женщинам, совершавшим с ними переезд, как к матерям.

Путешествие на одном и том же корабле было определяющим фактором. Время же путешествия такой роли не играло. Если люди прибывали на остров примерно в одно и то же время, это их ничем не объединяло. Но переезд на одном корабле, пусть даже не в одно время, имел определяющее значение; в этом случае принималось во внимание и время, но уже как вторичный фактор.

¹⁵ Проблема каст среди тринидадских индийцев исследовалась в последнее время довольно интенсивно. Помимо разделов в общих работах, см. статьи, вошедшие в сборник: B. Schwartz (ed.) *Caste in Overseas Indian Communities*. San Francisco, 1967; Y. K. Malik. *East Indians in Trinidad*. London—New York—Toronto, 1971.

¹⁶ См., например: M. Klass. *East Indians in Trinidad*. N. Y., 1961, p. 107; J. Jha. *Indian heritage in Trinidad*.—«Journal of Social Research», v. XV, № 2, 1972, p. 341; *его же*. *East Indian pressure groups in Trinidad, 1891—1921*.—«5-th Conference of Caribbean Historians», St. Augustine, 1973, p. 9.

¹⁷ J. Koss. *Cultural conservation among East Indians in Trinidad*.—«Bulletin of the Philadelphia Anthropological Society», v. 12, № 3, 1959.

¹⁸ L. Comitas. *Caribbeana 1900—1965*. A topical bibliography. Seattle and London, 1968.

Наиболее близким считалось «братство» тех, кто прибыл на Тринидад одним и тем же рейсом одного и того же корабля. Примерно так же котирировалось прибытие тем же кораблем, но уже другим рейсом, однако на протяжении того же года; правда, здесь существовали некоторые отенки, но не они определяли суть отношений. Те же, кого привозили все на том же корабле, но уже год, два, три спустя также считались «братьями», но рассматривались уже как более дальние родственники.

Все это очень отчетливо проявлялось в установленных «братствами» брачных нормах.

Для близких «братьев» правилом была экзогамия. Для дальних она не исключалась, но возможными были и эндогамные браки, по крайней мере для их сыновей и дочерей. Такие браки даже поощрялись «братством», которое видело в них средство упрочения «братских» связей и отношений.

Принадлежность к «братству» становилась для человека определяющей, особенно в первые годы и даже десятилетия после начала индийской иммиграции на Тринидад. Семья не играла такой роли — ведь именно «братство» регламентировало важнейшие правила ее создания. Не играла такой роли и каста: границы «братства» перекрывали кастовые границы, и внутри него они, насколько можно судить, теряли свое значение. При этом надо иметь в виду, что кастовый состав иммигрантов был довольно разнообразен (в среднем за вторую половину XIX в. можно опереться на следующие данные: брахманы и другие высшие касты — 13—18%, земледельческие касты — 25—32%, низшие касты (включая неприкасаемых) — 40—48%; менее всего были представлены ремесленные касты)¹⁹.

Законом и основной целью создания «братства» была взаимопомощь. Выбитые из колеи, разорвавшие все прежние связи, попавшие в чужие, неведомые края, иммигранты стихийно объединились в организацию, позволявшую им хоть на что-то опереться в трудной жизни, которая ждала их за двумя океанами.

Каждый член «братства» мог рассчитывать на совет, содействие, экономическую поддержку остальных. Каждое поколение «братьев» оказывало помощь не только друг другу, но и «братьям» следующего поколения. Потерявший отца обращался к его «братьям», и они всегда шли ему навстречу. Если кто-то из «братьев» подвергался оскорблению или на него, скажем, кто-то нападал, то остальные тут же вставали на его защиту. Этот обычай подчас находил отражение даже в такой сфере, как классовая борьба. Так, современный тринидадский исследователь профессор Дж. Джха, индеец по происхождению, обнаружил в «Порт-оф-Спэйн Газетт» за 1894 г. описание следующего эпизода, не попавшего ранее в поле зрения специалистов. Летом этого года на тринидадской плантации Мондезир вспыхнули волнения рабочих-индийцев. Четверо их руководителей обратились к плантатору Юджину Лэнджу с требованием выплатить им жалование в договоренном объеме. Лэндж предложил рабочим подать заявление протектору иммигрантов (так назывался чиновник, ведавший делами индийцев). Они, однако, отказались это сделать и заявили хозяину, что «пусть их хоть расстреляют, но пока не заплатят, они из его дома не уйдут». Затем, с криком «маррах!» (бей!) они и присоединившиеся к ним несколько их товарищей по кораблю («джахаджи бхай» или «ship-mate») бросились на плантатора и на надсмотрщика. Как того, так и другого спасли «другие индийцы», присутствовавшие при этом. По-видимому, не все рабочие Мондезира были склонны поддержать выступление, может быть, даже «бунтовщики» оказались в меньшинстве... Однако братья по кораблю сразу бросились к ним на помощь даже в такой си-

¹⁹ Подробнее см.: А. Д. Дридзе. Начало иммиграции индийцев в Вест-Индию с. 272—277.

туации. Суд приговорил зачинщиков к четырем месяцам каторжных работ каждого²⁰.

Особенностью «корабельных братств» является и система регулярных встреч в масштабе всего острова. Сами «братья» первого поколения (сейчас на Тринидаде еще насчитывается несколько тысяч индийцев, лично совершивших переезд), а также их потомки поддерживали связи между собой и тогда, когда срок работы на плантациях подошел к концу, и бывшие контрактованные рабочие стали расселяться по деревням, а затем постепенно мигрировать в города. Присутствие братьев на всех семейных торжествах, а также на похоронах продолжало оставаться обязательным. Постепенно из-за больших расстояний собираться регулярно становилось все труднее, и тогда возникло новое обыкновение: встречаться раз в год, когда на ипподроме Порт-оф-Спэйна, главного города Тринидада, проводятся скачки. На этих встречах происходит обмен новостями, поддерживаются и расширяются традиционные связи.

Наблюдения Дж. Косс позволяют прийти к выводу, что даже если «братья» принадлежат к разным партиям или местным соперничающим политическим группам, связь между ними не прерывается. Эта же исследовательница считает, что создание «братств» должно было заполнить вакуум, остро ощущавшийся иммигрантами, нормой для которых была большая семья (правда, постепенно такая семья появилась и в условиях Тринидада, но, как мы это уже знаем, это не привело к отмиранию «братств»). Затем, отмечает она, создание «братств» восстановило на новой почве экзогамные и, отчасти, эндогамные группы, связь с которыми иммигранты утратили, покинув Индию. По ее мнению, «братства» становились ядром при создании индийских деревень, возникавших по мере ухода с плантаций рабочих, отслуживших срок. С этим, однако, трудно согласиться. Хотя тринидадская индийская деревня изучена пока еще мало (это делалось только супругами Найхофф, М. Классом и затем Б. Сварцем, из них последние двое посвятили работы лишь одной определенной деревне каждый), никто из этих исследователей и никто из остальных специалистов, занимавшихся этой проблемой, к подобному выводу не пришел. Кроме того, если бы деревни возникали так, как предполагает Дж. Косс, то обычай посещений и встреч, о котором она пишет, лишался всякого смысла. По-видимому, при расселении по деревням «братья» не ставили перед собой задачи непременно объединиться.

Любопытно было бы сопоставить то, что нам известно об индийских корабельных братствах, с достаточно обширным материалом по другим районам, куда также в XIX в. ввозили контрактованных рабочих из Индии. В масштабе региона речь здесь может идти либо о Гвиане (прежде всего о Гайяне), либо о Ямайке (хронологические рамки иммиграции там примерно те же, что и на Тринидаде).

Индийцы Ямайки изучены пока слабо. Им посвящены лишь три работы²¹. В процессе подготовки последней из них автор постарался собрать об этой этнической группе все, что только было возможно, но о «братстве по кораблю» не встретилось даже упоминания. Не удалось ничего найти и по другим вест-индским островам.

Индийское население Гайяны исследовано лучше. Но и здесь ничего найти не удалось²².

²⁰ J. C. Iha. East Indian Pressure Groups in Trinidad, p. 8, 9.

²¹ M. Beckwith. The Hussay festival in Jamaica.—«Publications of the Folk-lore Foundation (Vassar College)». N. Y., 1924; A. S. Ehrlich. History, ecology, and demography in the British Caribbean: an analysis of East Indian Ethnicity.—«Southwestern Journal of Anthropology», v. 27, № 2, 1971; А. Д. Дридзо. Индийцы Ямайки. К проблеме малых этнических групп в Карибском регионе.—«Расы и народы», вып. 5, М., 1975.

²² См., в частности: D. Nath. History of Indians In British Guiana. London, 1970.

Известно, что значительная эмиграция индийцев происходила не только в Западное, но и в пределы Восточного полушария. Данные по Юго-Восточной и Южной Азии, однако, не содержат нужных нам материалов.

Сравнительно рано (с 1829 г.) началась и сравнительно долго (1835—1907, 1922—1923 гг.) продолжалась эмиграция индийцев на Маврикий. Всего там индийцев сейчас 450 тыс. чел. (67% населения). Однако «братства по кораблю» среди маврикийских индийцев неизвестны²³.

Несколько позднее началась эмиграция индийских рабочих на Фиджи. В 1879—1916 гг. за 87 рейсов туда было перевезено 60,9 тыс. чел. Сейчас в этом государстве индийцев насчитывается 260 тыс., т. е. почти половина населения. Поиски данных о братствах по кораблю в фиджийских материалах оказались более плодотворными.

Так, в одной из работ по фиджийским индийцам находим следующие данные. «Самыми важными узами среди иммигрантов (кроме приехавших к родственникам) были связи между братьями по кораблю, или „джехази“, и эти связи сильны даже в наше время. Хозяева жаловались, что эти братья по кораблю отказывались давать показания друг против друга или противились разделению при переводе на другие плантации. «Джехази» заняли место родственников в некоторых обстоятельствах, связанных с соблюдением обычаев»²⁴.

Мы встречаем здесь интересные оттенки отношений по «братству». Показательно, однако, что и тут перед нами — весьма краткое упоминание, причем Джиллион, по-видимому, единственный автор, уделивший внимание интересующему нас вопросу. Показательно и то обстоятельство, что он ссылается не на монографию или статью кого-либо из своих предшественников, но непосредственно на архив. Обычно этот исследователь делает так лишь в том случае, если никто из писавших до него не упоминает приводимых им данных.

Известно, наконец, что происходили и довольно значительные миграции индийцев в Африку — преимущественно Восточную и Южную. Однако в первом случае «братства» возникнуть попросту не могли, ибо вербовка по контрактам, хотя и происходила, но масштабы ее были сравнительно невелики; большая часть индийцев прибывала сюда в гораздо менее стесненных условиях, чем это происходило при миграции в Америку или на Фиджи²⁵. Между тем именно несвобода в период переезда оказывается существенно важным условием возникновения «братства».

Несколько иначе должно было бы обстоять дело с индийцами Южной Африки. Однако, как справедливо отмечает советский исследователь А. Б. Давидсон, «вообще о первых десятилетиях жизни индийцев на Юге Африки известно не так уж много»²⁶, причем «этот вопрос изучен очень неравномерно. Почти вся существующая литература относится к двум темам. Одна тема — расовая дискриминация... Другая тема — Ганди»²⁷. Просмотр работ советских исследователей по южноафриканским индийцам, а также тех работ зарубежных авторов, которые были там использованы, не дал искомых результатов.

Таким образом, то немногое, что пока удалось установить, позволяет прийти к следующим выводам. «Братства» появляются только там, где имеет место морской переезд, причем непременно длительный. В Вест-Индию, например, парусник шел из Индии около пяти месяцев. Эти дан-

²³ B. Benedict. Indians in a plural society. London, 1961; *его же*. Mauritius. Problems of a plural society. London, 1965.

²⁴ K. L. Gillion. Fiji's Indian Migrants. Melbourne, 1973, p. 126.

²⁵ Подробнее см. Л. А. Демкина. Национальные меньшинства в странах Восточной Африки. М., 1972.

²⁶ А. Б. Давидсон. Южная Африка. Становление сил протеста. 1870—1924. М., 1972, с. 188.

²⁷ Там же, с. 187, 188. Среди работ по первой теме есть две монографии советских ученых: П. Шаститко. Сто лет бесправия. М., 1963; Д. Мухамедова. Из истории расовой дискриминации индийцев в Южной Африке. Ташкент, 1965.

ные приходится на одно из «пиковых» десятилетий иммиграции — 70-е годы XIX в., а в более раннее время переезд мог быть и еще продолжительнее²⁸. Парусный корабль доходил из Индии до Фиджи в среднем за 73 дня, т. е. почти за 2,5 месяца²⁹. Пароходы же для перевозки иммигрантов стали использовать лишь в начале XX в., когда миграция переживала уже не подъем, а упадок. Достаточно долгим был и переезд в Южную Африку.

Разумеется, перевозка рабов из Африки в Америку также требовала длительного времени. В то же время на Маврикий можно было добраться максимум за 2 месяца (в те же 70-е годы)³⁰, а в Юго-Восточную Азию и Восточную Африку и того быстрее (добавим, что в последнем направлении иммиграция началась уже в эпоху значительно более высоких скоростей).

Далее, переезд должен был совершиться в страну сравнительно небольшой площади, иначе дальнейшие связи между пассажирами одного и того же корабля оказывались невозможными (может быть, здесь и надо искать объяснение отсутствию «братств» у негров США?). Переезд, наконец, должен был быть совершен в условиях хотя бы некоторой неслободы, спланивавшей пассажиров невольничьего или почти невольничьего корабля.

Перечисленным условиям удовлетворяют лишь несколько стран (или регионов) назначения. Теперь становится ясной причина отсутствия параллелей в античное время (когда морские переезды, да и то на короткое расстояние, были довольно редким исключением). То же самое можно сказать и о внутриафриканской работорговле.

В то же время, как нам представляется, дальнейшие поиски могут принести результаты при обращении к гвианскому, островному вест-индскому, южноафриканскому материалу (в первом и втором случае как по неграм, так и по индийцам). Условия, о которых только что шла речь, в этих районах — налицо. Не совсем безнадежными могут оказаться и поиски на материале США и Бразилии.

И наконец, изложив все, что пока удалось обнаружить по вопросу о «корабельных братствах», можно попытаться определить причины их возникновения.

Уже упоминалось о том, какую роль играл для ортодоксального индуиста переезд через море. Это была своего рода смерть — если не физическая, то моральная, религиозная. Даже если кастовая принадлежность человека была невысокой, и переезд через море был для него «несмертелен», он все равно оказывался в тяжелейшем положении из-за того, что не смог соблюдать сегрегации, что принимал пищу у тех, кто по догмам индуизма ее осквернял. Люди, которых эта «смерть» объединяла, достигали неведомого берега и, высаживаясь на него, начинали новую жизнь — уже по ту сторону «смерти». Они, по удачному выражению С. Я. Серова, «как бы рождались заново из чрева корабля». Это, вероятно, и объясняет те отношения братства, которые между ними возникали.

Приложимо ли такое объяснение к более раннему материалу, связанному с рабством негров?

Насколько нам известно, специально вопрос о «морских суевериях» в этой плоскости не изучался. Однако Д. А. Ольдерогге обратил внимание автора этих строк на то обстоятельство, что обитатели Западного побережья Африки никогда не выходили в открытое море: даже лодки, которыми они пользовались для прибрежной рыбной ловли, не были рассчитаны на подобные плавания. Когда африканцы впервые увидели мор-

²⁸ P. Saha. Emigration of Indian Labour. 1834—1900. Delhi — Allahabad — Bombay, 1970, p. 99.

²⁹ K. L. Gillion. Указ. раб., с. 59.

³⁰ P. Saha. Указ. раб., с. 99.

ские суда, то восприняли их как своего рода живые существа, а люди на этих судах составляли, в представлении африканцев, единое целое со своими кораблями и даже двигаться без них не могли³¹. Более того, многие африканские народы восприняли первых европейских колонизаторов не как людей, но как духов с того света; это нашло даже отражение в некоторых языках банту.

На этой почве вполне могли развиваться те суеверия, о которых мы только что говорили. Показательно, что у некоторых народов Африки соответствующие представления были выражены еще отчетливее. Так, в Кайоре (одно из государств волофов на атлантическом побережье Сенегала, между р. Сенегал на севере и п-овом Зеленого мыса на юге) «дамель»³² и народ... верят, что дамель неминуемо умрет в течение года, если он пересечет реку или проплывет по морю. Поэтому дамель всегда живет на континенте и никогда не бывает в Горе и Сен-Луи»³³ (острова близ Зеленого мыса и в дельте р. Сенегал). Это сообщение, относящееся к 1785—1788 гг., проливает дополнительный свет на механизм возникновения интересующих нас суеверий. Сопряженные с ужасами работорговли, эти предпосылки, безусловно, могли вызвать к жизни те представления о путешествии за море, о которых у нас идет речь.

Думается, что дальнейшие поиски в этом направлении позволят существенно увеличить число примеров — прежде всего на материале народов Западной Африки — района, откуда родом было подавляющее большинство рабов.

³¹ *Em. G. Waterlot. Les bas-reliefs des bâtiments royaux d'Abomey (Dahomey). Paris, 1926, planche V (texte).*

³² Дамель — титул верховного правителя.

³³ *J.-B.-L. Durand. Voyage au Sénégal. Paris, 1802, t. I, p. 98, 99.* Указано Е. Н. Кальщиковым.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ

(К ИТОГАМ МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА)

С 18 по 25 июля в замке Вартенштейн (Австрия) под эгидой фонда Веннер-Грена по антропологическим исследованиям проходил международный симпозиум на тему «Место этнографии („антропологии“) в системе наук (советская и западная точки зрения)»¹. В состав советской делегации входили Ю. В. Бромлей (руководитель делегации), С. А. Арутюнов, В. Н. Башилов, Л. М. Дробизева, В. И. Козлов, А. И. Першиц, Ю. П. Петрова-Аверкиева (Ин-т этнографии АН СССР), Ю. И. Семенов (Министерство высшего и среднего специального образования СССР). Группа зарубежных ученых состояла из 10 человек. В нее входили организатор симпозиума, известный английский ученый Э. Геллнер (Лондонский ин-т экономических и политических наук), М. Фортес — один из крупнейших представителей английской социальной антропологии (Королевский колледж, Кембриджский ун-т), Л. Крейдер (директор Ин-та этнологии, Западный Берлин) — генеральный секретарь Международного союза антропологов и этнографов, видный специалист в области структурной антропологии Ж. Пуйон (Лаборатория социальной антропологии при Коллеж де Франс, Париж), социолог Т. Шанин (Отдел социологии при Манчестерском ун-те), антрополог Д. Гуди (Колледж Св. Иоанна, Кембриджский ун-т); особо следует отметить участие известного французского этнографа-марксиста М. Годелье (Высшая школа социальных наук, Париж). Активно участвовали в симпозиуме и представители сравнительно молодого поколения английских антропологов — Д. Вудбэрн (Ин-т экономических и политических наук, Лондон), Т. Драгадзе (Ин-т социальной антропологии при Оксфордском ун-те), К. Хэмфри (Ин-т полярных исследований в Кембридже)². В заседаниях симпозиума, главным образом по организационным вопросам, деятельное участие принимала директор фонда Веннер-Грена Л. Омундсен.

На симпозиум были вынесены следующие основные проблемы: 1. Общеметодологические вопросы этнографии. 2. Закономерности развития первобытного общества и образования государств. 3. Этнография и смежные науки (психология, лингвистика, социология, демография, религиоведение).

Организация и проведение симпозиума имели свои особенности. Почти все доклады были подготовлены заранее и переведены соответственно на русский или английский языки — основные языки симпозиума. Участники симпозиума имели возможность ознакомиться с ними еще до начала заседаний, поэтому рабочее время было уделено обсуждению докладов. Исключение составляли лишь доклады французских ученых — Ж. Пуйона и М. Годелье, приглашенных на симпозиум незадолго до его начала. Кроме того, для более эффективного обсуждения докладов они были разбиты тематически на группы в два-три доклада, причем каждый советский автор имел своего «оппонента» и наоборот. Обсуждение начиналось с выступления «оппонента», который задавал вопросы и излагал свое мнение по обсуждаемой теме; после этого с вопросами и замечаниями выступали все желающие.

Немаловажной особенностью симпозиума было и то, что научная дискуссия велась за круглым столом путем непосредственного общения. Это стало возможным как благодаря знанию языка (часть зарубежных ученых знала в той или иной степени

¹ В зарубежной литературе термины «социальная» или «культурная» антропология близки нашему термину «этнография». Ниже во избежание путаницы мы будем пользоваться последним.

² В таком подборе участников несомненная заслуга Э. Геллнера, а также директора фонда Л. Омундсен.

русский язык, часть советских ученых владела английским), так и благодаря работе переводчиков. Такое общение допускало возможность при особой необходимости даже прервать выступавшего, чтобы тот пояснил свою недостаточно понятую участниками симпозиума мысль или смысловое содержание употребленного им термина. Необходимость усиления взаимопонимания обуславливалась тем, что на симпозиуме встретились ученые, не только говорившие и думавшие на разных языках и придерживавшиеся различных научных взглядов, но и имевшие в значительной степени различные системы мышления, каждая со своей методологической базой и понятийно-терминологическим аппаратом, а также с традициями ведения научных дискуссий. Немалое время потребовалось для согласования одной лишь терминологии, так как наряду с различным пониманием отдельных слов (например, «нации» и «национализм») были случаи, когда за терминологическими различиями (например, «надстройка» и «суперструктура») скрывались различные концепции. Однако затраченное на это время окупалось повышением научной продуктивности дискуссии.

Еще до начала симпозиума обнаружились существенные различия в подходе к тематике докладов со стороны советских и зарубежных ученых. Советские ученые приняли тематику в ее методологически значимом содержании и представили доклады с охватом широкого круга вопросов, касающихся задач этнографии и ее соотношения с другими науками. Большинство же западных ученых представило доклады либо на узкие темы (например, не о взаимоотношении этнографии и религиоведения, а по вопросу о происхождении северосибирского шаманства и т. п.), либо по вопросам, лишь косвенно связанным с тематикой симпозиума (например, о национализме, о роли грамотности и т. п.). В этой ситуации советские ученые могли оказаться в положении стороны, которая в случае методологических разногласий должна обороняться по широкому фронту, в то время как их оппоненты сконцентрировали силы на узких направлениях. Задача советских ученых состояла в том, чтобы нацеленными вопросами и замечаниями предложить зарубежным коллегам изложить взгляды по более широкому кругу вопросов, связанных с тематикой симпозиума.

По первому кругу проблем, обсуждавшихся на симпозиуме, с советской стороны были представлены два доклада: Ю. В. Бромлея «К вопросу об объекте и предмете этнографической науки», Ю. П. Петровой-Аверкиевой «Историзм советской этнографической науки»; с западной стороны: Т. Драгадзе «Некоторые замечания к пониманию теории „этноса“», Э. Геллнера «Национализм», Ж. Пуйона «Структурализм и антропологические исследования».

В докладе Ю. В. Бромлея было показано, что объектом этнографии являются прежде всего этносы, которые подразделяются на этникосы и этносоциальные организмы (ЭСО). Главный критерий для определения предмета этнографии находится среди типологизирующих свойств этноса, т. е. его специфических функций (этнодифференцирующих и этноинтегрирующих). Рассмотрение компонентов этноса сквозь призму выполнения ими этих функций может служить основанием для выделения предметной области этнографических исследований. Ядро предмета этнографии составляет традиционно-бытовая культура, ибо чаще всего именно она выполняет основные этнические функции. Указанный критерий помогает разграничению этнографии и смежных с нею дисциплин. Вместе с тем необходимость всестороннего освещения этнических общностей обусловила появление пограничных дисциплин на стыке этнографии со смежными науками (географией, антропологией, демографией, социологией, лингвистикой и др.). Историзм этнографии определяется прежде всего тем, что этносы — динамическая, изменяющаяся во времени система.

Э. Геллнер, выступая по докладу Ю. В. Бромлея, сказал, что английские этнографы также придерживаются принципа историзма. В последнее время они отступили от традиций, сформировавшихся еще при Малиновском, а также расширили фронт работы, включив в сферу исследования и жителей развитых стран. Однако в отличие от советских этнографов они делают больший упор на полевые, а не на литературные источники, на структуру изучаемых явлений, а не на культуру вообще.

Доклад Т. Драгадзе по существу дополнял доклад Ю. В. Бромлея, так как основное внимание в нем было уделено интерпретации взглядов советских ученых по теории этноса. В докладе отмечено, что для советской этнографии характерен историзм; история человечества рассматривается советскими учеными как процесс после-

довательной смены универсальных стадий развития. Этнос как социальная единица является важным аналитическим понятием, ибо он прослеживается на всех стадиях истории, хотя и принимает различные формы в зависимости от типа общества, в котором он существует. По мнению Т. Драгадзе, основную константу этноса составляет самоназвание входящих в него людей — этноним.

В своем выступлении Т. Драгадзе подчеркнула важность понятийного аппарата для этнографической науки. Она попросила Ю. В. Бромлея уточнить сущность классового и этнического аспектов в культуре, а М. Форте — уточнить сущность этнической принадлежности. М. Годелье сообщил, что во время полевой работы среди папуасов баруйя он столкнулся с существованием представления об определенном культурном единстве групп племен без общего самоназвания.

Отвечая на выступления и замечания, Ю. В. Бромлей отметил, что методика науки не имеет прямого отношения к определению ее предмета. В этнографии мы не противопоставляем полевых источников литературным; те и другие требуют критического анализа. Каждая наука изучает определенные стороны реальности. При выделении этноса как объекта исследования мы обращаем главное внимание на этнические аспекты культуры. Подходя к этому функционально, можно сказать, что искусствоведы изучают эстетические аспекты культуры, этнографы — этнические аспекты, по своей сущности традиционные. Опираясь на мысль В. И. Ленина о существовании двух культур в буржуазных нациях, можно сказать, что в каждом ЭСО классового общества есть различия в культуре. Однако это не исключает и общности по некоторым параметрам культуры; для этнографов в отличие от социологов важно именно это общее в культуре членов ЭСО. При определении этника следует учитывать, что культура (например, в случае миграций частей этноса) может быть более устойчивой, чем социальная структура. Своеобразие этноса обычно устанавливается при сравнении его с другими. Представление об этническом единстве и этнической принадлежности опирается на объективную реальность, хотя и не всегда совпадает с ней. Если у группы людей нет самосознания, то существование этноса спорно. При этом в самосознании может отразиться иерархичность этносов. Возможно, что упомянутые М. Годелье новогвинейские племена объединяются в этнокультурную общность более высокого уровня; следует проверить, нет ли для этой общности специального этнонима у ее соседей.

В докладе Э. Геллнера о национализме говорилось о необходимости изучения этого важного для современного мира явления. По мнению автора, современное общество централизовано в политическом отношении и отличается от примитивных обществ четким разделением социальных и экономических ролей; вместе с тем в нем нет прежней замкнутости производственных групп, существует большая мобильность, сдерживаемая необходимостью специального образования. Свободное предпринимательство постепенно уступает место государственно контролируемой экономике. При этом государство неизбежно пользуется набором ценностных ориентаций, связанных с национализмом, с языковой и культурной общностью его граждан.

Отвечая на вопросы Ю. В. Бромлея о соотношении понятий «нация» и «национализм», «национализм» и «этноцентризм», а также на вопрос Т. Драгадзе о связи национализма с конфликтной ситуацией, Э. Геллнер пояснил, что он связывает национализм не с понятием «нация» в принятой на Западе его трактовке, а с понятием «этничность», которое охватывает все этнические группы нового времени. Вместе с тем «этноцентризм» — иное понятие, нежели «национализм»: первое относится ко всем типам этносов и обусловлено отрицательным отношением к другим народам, второе связано с политической доктриной, согласно которой государственные границы должны совпадать с языково-культурными, а господствующие и угнетенные группы должны принадлежать к одной нации. Промышленное общество с его активной горизонтальной и вертикальной мобильностью легче терпит социальное неравенство, если оно не связано с этническим. В доклассовом обществе нет проблемы национализма, но и в классовом он возникает не всегда. В Османской империи, например, различные этносы (турки, греки, болгары, арабы и др.) сосуществовали под единой властью. Только в буржуазную промышленную эпоху, когда решающее значение приобрела социальная мобильность, встал национальный вопрос, требующий разделения этносов, образования национальных государств. По мнению Э. Геллнера, этнические конфликты суще-

ствовали во все времена, но только в новую эпоху, когда на первый план, по его словам, выдвинулась «конкуренция аттестатов», они переросли в национализм.

При обсуждении доклада Э. Геллнера Т. Шанин связал возникновение национализма со случаями, когда государство препятствует развитию языка и культуры некоторых этносов. Он счел проблематичной саму идею о разделении социологии и этнографии при изучении современности. Концепция национализма, предложенная Э. Геллнером, по мнению Т. Шанина, не дает ответа на вопрос о причинах роста национализма в современном мире. В. И. Козлов обратил внимание на особую роль этнографов в изучении национализма. М. Фортес высказал мнение о возможности существования национализма и в феодальную эпоху. По его убеждению, этнографы в отличие от социологов должны акцентировать внимание на явлениях этничности в различных социальных слоях, например, при изучении классов — на стиль, образ жизни и т. п. М. Годелье указал на специфику развития национализма в бывших колониальных странах (например, на Новой Гвинее), где с получением независимости началось формирование административной элиты; в этих странах государство формирует нацию, а не наоборот. Ю. В. Бромлей отметил связь национализма с развитием средств массовой коммуникации, способствующих осознанию этнического неравенства на уровне этноса. Поскольку в западноевропейских языках смысловое содержание термина «нация» близко к «государству», целесообразно различать национализм этатический (государственный) и этнический; этнографы должны изучать последний. Дialeктика современной эпохи выражается в том, что рост национализма сочетается с ростом межэтнической интеграции.

В докладе Ю. П. Петровой-Аверкиевой были охарактеризованы методологические принципы советской этнографической науки как исторической дисциплины, основанной на марксистском материалистическом понимании истории. Понимание исторического процесса как прогрессивной смены общественно-экономических формаций было противопоставлено эволюционизму. Критикуя неверные трактовки такого подхода в западной литературе, Ю. П. Петрова-Аверкиева показала диалектическое сочетание в работах советских этнографов эмпирического и теоретического знания при решении проблем периодизации этнической истории и типологии этнических общностей.

Выступивший в качестве «оппонента» Ж. Пуйон попросил объяснить отличие схемы Ю. П. Петровой-Аверкиевой, предполагающей, по его мнению, однонаправленное развитие всех обществ, от эволюционизма. Он отметил переплетение внутренних факторов исторического развития с внешними и предположил, что однонаправленное развитие бывших колониальных народов (например, в Африке) обусловлено внешними факторами. По его мнению, один лишь экономический базис не объясняет причины различий в политических, религиозных и других надстроечных явлениях. Следует более четко показать, в чем состоит определяющее влияние базиса: в том, что он порождает те или иные надстроечные явления, или в том, что он препятствует появлению других форм надстройки. В связи с «неотчетливостью» механизма влияния базиса Ж. Пуйон предложил обозначить его термином «нижняя структура», а надстройку — «верхняя структура», объединив то и другое в понятии «структура».

Отвечая на эти замечания, Ю. П. Петрова-Аверкиева пояснила, что эволюционизм признает лишь постепенные изменения, одно- или многолинейные, а марксизм учитывает и наличие скачкообразного перехода из одного состояния в другое. Марксизм считает определяющей роль внутренних факторов развития, но не отрицает существенного значения и внешних факторов, которые воздействуют на характер социальных институтов и на другие надстроечные явления. Можно предположить, что африканские народы достигли бы уровня наций и без внешнего влияния, сохранив при этом больше своеобразия в социальных институтах и культуре. Типология общественно-экономических формаций не предопределяет особенностей конкретных обществ, в частности политических и религиозных институтов.

Э. Геллнер, отметив, что развернувшаяся дискуссия частично связана с недостаточно ясным пониманием учеными Запада позиции советских ученых и различиями в терминологии, предложил советским участникам симпозиума вкратце изложить главные положения исторического материализма. По этому вопросу выступил Ю. И. Семенов, раскрывший содержание основных категорий материалистического понимания истории. Особое внимание было уделено им обоснованию марксистского взгляда на

историю человечества как на естественноисторический процесс развития и смены общественно-экономических формаций. Выступление Ю. И. Семенова вызвало большой интерес, и Э. Геллнер внес предложение опубликовать его полный текст среди материалов симпозиума в качестве дополнительного доклада.

В своем выступлении М. Годелье сказал, что поставленный Ж. Пуйоном вопрос о различных сторонах определяющей роли базиса заслуживает более тщательного рассмотрения. Следует показать, что лежит в основе автономии тех или иных надстроечных явлений. По мнению М. Годелье, различия между базисом и надстройкой более функциональны, нежели институциональны. Поясняя свою мысль, он остановился на относительной самостоятельности систем родства, которые выполняют две основные функции: определяют порядок наследования и правила брака; то и другое не может быть выведено непосредственно из экономики; представленческая часть отношений родства не является адекватным отражением базиса.

Ю. П. Петрова-Аверкиева отметила, что такая позиция в принципе не расходится с позицией советских ученых. Для понимания природы тех отношений родства, которые не вытекают непосредственно из существующих социально-экономических отношений, важно помнить, что в своем развитии отношения родства отстают от развития производства, могут отражать уже исчезнувшие общественные отношения. Так, известные факты наследования власти в раннеклассовом обществе по материнской линии являются функционирующим в узкой сфере пережитком давно минувшей эпохи. В качестве примера анализа отношения базиса и надстройки Ю. П. Петрова-Аверкиева привела бытовавший среди североамериканских индейцев обычай потлача, где за религиозным праздником скрываются социально-экономические отношения в обществе на этапе его перехода от родового к классовому.

Ю. И. Семенов отметил, что как базис, так и надстройка в известном смысле являются структурами, но все дело в том, что первая из них — определяющая. Это не означает, что базис автоматически определяет все особенности надстройки. Так, при буржуазных экономических отношениях могут существовать различные формы правления: монархия, республика, фашистская диктатура. Родственные отношения не выводятся прямо из производственных отношений, но в их основе в конечном счете лежат все же последние.

В докладе Ж. Пуйона о структурализме, основанном главным образом на работах К. Леви-Стросса, были заложены основные принципы структурного анализа, широко применяемого для установления различий как в мифологии, так и во многих других областях культуры. Одной из центральных задач при этом является определение основных элементов структуры тех или иных явлений с тем, чтобы изучить различия в композициях и преобразованиях. По К. Леви-Строссу, структурализм нацелен на изучение надстройки, однако докладчик считает, что он может быть использован и для изучения базиса, тем самым структурным анализом охватывается все общество.

В замечаниях по этому докладу Ю. И. Семенов отметил элементы идеализма в воззрениях К. Леви-Стросса: в одной из статей тот прямо заявил, что социальные структуры существуют не в реальности, а лишь в сознании ученого. Кроме того, К. Леви-Стросс считает выделенные им структуры неизменными, что делает структурный подход мало совместимым с историзмом.

М. Годелье высказал ряд соображений о соотношении структурализма с марксизмом. По его мнению, обвинения в адрес К. Леви-Стросса основаны на недоразумениях. Социальные структуры действительно представляют собой определенные модели, которые строит исследователь, однако за ними стоит реальность. К. Леви-Стросс — атеист и материалист. На определенном этапе развития науки приходится переходить от диахронного (исторического) анализа к синхронному (структурному). В лингвистике этот метод был использован Ф. Соссюром. Так по существу работал и К. Маркс, который дал не историю капитализма, а анализ капитала. Характерно, что лежащее в основе этого анализа понятие прибавочной стоимости или неоплаченного труда тоже является своего рода моделью, ибо обычно люди видят оплаченный труд. К. Леви-Стросс стоял на пути к марксизму, однако не смог объяснить соотношение надстройки с базисом. Что же касается структурного подхода, то в нем есть позитивное содержание, которое, конечно, следует использовать.

М. Фортес заметил, что он сам пришел к структурализму еще в 1947 г., развивая взгляды А. Радклифф-Брауна, в то время как К. Леви-Стросс развивал взгляды Л. Г. Моргана. Структурализм был порожден необходимостью дополнить исторический анализ синхронным. По мнению М. Фортеса, проведенные им полевые исследования по казывают, что экономические отношения влияют на структуру отношений родства и правила наследования, но не определяют их.

Д. Гуди заявил, что установленные Ж. Пуйоном при помощи структурного анализа закономерности сочетания религиозной и политической власти у хаджерайя (Чад) могли быть получены и другим путем; кроме того, они верны лишь при специфических условиях. Чтобы понять трансформацию явлений, логико-математический подход структурализма недостаточен; следует учитывать факторы, которыми эти изменения определяют-ся. Если К. Леви-Стросс и материалист, то он не исторический материалист.

Ю. В. Бромлей отметил, что при рассмотрении мифов (или систем родства) структуралистами в действительности изучаются не отдельные структуры, а их системы. Поэтому фактически речь идет не о структурном, а о системном анализе.

По второму кругу проблем симпозиума — «Закономерности развития первобытного общества и образование государств» — с советской стороны были представлены два доклада: Ю. И. Семенова «Теоретические проблемы этноэкономики» и А. И. Першица «Задачи и возможности этнографической реконструкции истории первобытного общества»; с западной: Л. Крейдера «Происхождение государства у кочевников Азии», Э. Геллнера «Класс до государства. Советская трактовка африканского феодализма».

Доклад Ю. И. Семенова был посвящен теоретическим проблемам экономики первобытного общества. В нем были подвергнуты критике взгляды, согласно которым марксистское положение о материальности социально-экономических отношений и их примате над всеми прочими социальными связями верно по отношению лишь к капитализму и неприменимо к докапиталистическим обществам вообще, к первобытному в частности. В докладе было показано, что производственные отношения были материальными и соответственно играли решающую роль и в первобытном обществе, однако они детерминировали экономическую деятельность людей иначе, чем при капитализме. Если капиталистические производственные связи, выступая как общественные отношения вещей, прямо, непосредственно, определяют экономические действия людей, то первобытные социально-экономические отношения определяли эти действия не прямо, а через посредство морали, что с неизбежностью создавало иллюзию первичности морали по отношению к экономике. В докладе был подвергнут критике взгляд, согласно которому в первобытном обществе родственные отношения были одновременно производственными, базисными. Как подчеркивалось в докладе, родственные отношения во всех обществах, в том числе и первобытном, являются надстроечными, идеологическими. Специфика родственных отношений в первобытном обществе состояла в том, что они были одной из форм фиксации материальных производственных отношений, это и порождает иллюзию их совпадения с последними.

Выступая «оппонентом» по этим вопросам, М. Годелье заявил, что, по его мнению, система родства относительно автономна и может входить как в базис, так и в надстройку. Под базисом он понимает: 1) природную среду, которая подвергается воздействию человека; 2) производительные силы, при помощи которых человек воздействует на среду, включая в них не только технику, но и мышление, а также язык как средство социального общения; 3) общественные отношения, связанные с собственностью на средства производства, на результаты труда, а также с распределением рабочей силы между отраслями производства. У ряда народов, например, у австралийцев, общественные производственные отношения обусловлены отношениями родства; последнее нельзя отнести к надстройке, так как за ним стоит определенное экономическое содержание, тем самым родство входит в базис.

М. Фортес поддержал мысль М. Годелье об автономности родства, заметив, что родство определяется рождением в определенной семье, вне прямой зависимости от системы экономических отношений. По словам М. Фортеса, было бы, конечно, удобно отослать к надстройке все, что не укладывается в экономико-материалистические схемы, например, религию, и, как бы отделавшись от них, заняться анализом экономического базиса. Но религия — это тоже реальность, с которой следует считаться. Д. Гуди напомнил, что

Ф. Энгельс, говоря об определяющих факторах истории, разделит производство материальных благ и производство самого человека, обусловленное семейной организацией.

В ответе на эти замечания Ю. И. Семенов сказал, что в обществе, в том числе и на первобытной его стадии, всегда господствуют экономические, материальные отношения, которые одни только всегда и образовывали его базис. Тот факт, что система родства относится к надстройке, не исключает ее реальности и возможности ее влияния на базис. Что же касается мысли Ф. Энгельса, то он, видимо, имел в виду биологическое, а не социальное воспроизводство людей.

Доклад Л. Крейдера о становлении государства у кочевых скотоводов Азии содержал общие замечания о предпосылках образования классов и государства; считая таковыми возникновение прибавочного продукта и эксплуатации, Л. Крейдер сделал вывод, что государство формировалось одновременно со становлением классов. Далее он, в основном на примере монголов, рассмотрел основные этапы складывания политической организации кочевников, возникшей у них спонтанно, без влияния соседних земледельческих государств. Особое внимание он уделил «асимметричности» этой организации: возникновению наверху индивидуализированных дружинных отношений при сохранении внизу общинно-родственной организации. Характер социально-экономических отношений в государстве монголов докладчик отнес скорее к «азиатскому», нежели к «феодальному» типу.

Ю. П. Петрова-Аверкиева поддержала историзм в подходе Л. Крейдера к проблеме, отметив вместе с тем недооценку базисных процессов и причин классовой дифференциации в монгольском кочевом обществе и переоценку значения родовых отношений. Она обратила внимание на то, что материалы по индейцам прерий, подобно монгольским материалам, позволяют проследить как зачатки зарождения классов, так и появление элементов государственности в интересах классов эксплуататоров. А. И. Першиц также поддержал в целом концепцию Л. Крейдера, но рассматривал азиатский способ производства лишь как вариант феодализма. М. Годелье сказал, что основное различие между феодальным и азиатским способом производства состоит в форме коллективной собственности: при феодализме это ассоциация помещиков, при азиатском способе производства — властитель и его управленческий аппарат.

Оживленно шло обсуждение доклада Э. Геллнера, который использовал в нем отдельные положения книги Л. Е. Куббеля «Сонгайская держава» (М., 1974). Основная идея доклада заключалась в том, что государственная власть возникает ранее классов и сама служит фактором классообразования. По мнению докладчика, этнографы-марксисты так или иначе склоняются к этой концепции, заимствуют отдельные положения функционализма, диффузионизма и других западных школ. Докладчик также высказал упрек советским исследователям в том, что они занимают якобы антигуманистическую позицию, считая прогрессом появление на смену первобытнообщинному строю антагонистического классового общества; по его мнению, уместнее было бы принять западную точку зрения, согласно которой эксплуатация — естественное явление, существовавшее и в первобытную эпоху. Вместе с тем Э. Геллнер в целом положительно оценил советские работы по истории перехода от родового общества к классовому. В дальнейшем, отвечая на вопросы, Э. Геллнер сказал, что ему неясна марксистская концепция классообразования как основы образования государства. Западному читателю странно, что советский автор пишет о власти, которая не эксплуатировала, а занималась организацией торговли. Это приближается к концепции, связывающей происхождение государства с необходимостью поддержания порядка.

Выступая по этому докладу, А. И. Першиц упрекнул Э. Геллнера в неточном понимании работы Л. Е. Куббеля. Классы и государство вырастают одновременно, но класс есть прежде всего базисное явление, а государство представляет собой надстройку. Следует учитывать также, что оформившемуся государству предшествуют предгосударственные структуры, которые Ю. В. Бромлей называет «потестарными»; эти структуры, разумеется, способствуют классообразованию. Существуют объективные законы истории, по которым первобытное общество сменяется антагонистическим, классовым, способствующим дальнейшему развитию производства. Поэтому важнее делать акцент не на моральных оценках этого перехода, а на прогрессе общественного производства.

Ю. И. Семенов отметил, что организация для поддержания порядка действительно существовала и в первобытном обществе, но она не была государственной. Между соб-

ственно первобытным и классовым обществами лежит переходный период, когда формируются классы и возникает государство. Процессы эти идут одновременно, но определяющим моментом является образование классов.

Доклад А. И. Першица был посвящен задачам и возможностям этнографической реконструкции первобытного общества. Остановившись на мировоззренческом, научно-познавательном и практическом значении изучения первобытной истории, докладчик уделит внимание ее месту в системе наук. Возможны, отметил он, либо формально историко-ведческий, либо содержательный подход к классификации. Первый, господствующий на Западе, ведет к пониманию первобытной истории не только как дописменной, но и по существу как раздела археологии. Второй, принятый учеными-марксистами, предполагает ее понимание как органической части истории. Сама первобытная история распадается на два этапа, границей между которыми является возникновение на Земле ареала цивилизаций. Соответствующие этим этапам конкретные первобытные общества однотипны по формационной принадлежности, но различны по характеру развития. В связи с этим возникают особые сложности в их исторической реконструкции по археологическим и этнографическим данным, повышается роль методики такой реконструкции. В докладе был рассмотрен метод этнографических аналогов и метод пережитков и сделана попытка их дальнейшего уточнения. Основной из них — первый метод, состоящий в том, что первобытное прошлое реконструируется путем сравнения со стадияльно соответствующим ему настоящим отставших в своем развитии народов. Применение метода пережитков, как и само понятие пережитка, вызывает споры, однако думается, что этот метод сохранит свое значение, если понимать пережиток как наполненную новым содержанием старую форму и стремиться выявить ее стадияльную глубину.

При обсуждении доклада Д. Вудбэрн отметил, что этнографам приходится иметь дело не с первобытными, а с примитивными обществами, обычно находящимися в контакте с классовыми и изменяющимися под их влиянием. Ему представляется неправильным относить к пережиткам те явления духовной культуры (например, обычаи избегания), которые продолжают играть видную роль в жизни; другое дело — пережитки в материальной культуре, например, в одежде. А. И. Першиц ответил, что изменения базиса могут не сопровождаться полным изменением надстройки; у бушменов возрастных классов уже нет, а у австралийцев, при том же базисе, они сохранились и могут быть использованы для реконструкции первобытного общества. Пережитком можно считать всякое явление, если породившие его условия уже исчезли. При использовании метода пережитков следует быть осторожными; метод аналогов в целом надежнее.

Д. Вудбэрн представил доклад, посвященный особенностям экономической жизни охотников и собирателей, главным образом на примере бушменов хадза, среди которых он проводил полевые исследования. Хадза охарактеризованы как атомизированное общество без сколько-нибудь четко очерченных производственных коллективов. Женщины собирают растительную пищу для себя и детей, мужчины занимаются охотой, потребляя единолично мелкую добычу и делясь, однако без твердо определенных правил, крупной. В теоретической части доклада Д. Вудбэрн предложил различать два экономических типа обществ: с «непосредственной отдачей» (примитивное присваивающее хозяйство) и с «отложенной отдачей» (специализированное присваивающее и главным образом производящее хозяйство). К обществам второго типа он отнес и такие, где мужчины обеспечивают себе отложенную отдачу путем «выращивания» женщин. В качестве примера обществ такого типа он привел общество австралийских аборигенов Арнхемленда, у которых отцы получают за «выращиваемых» ими дочерей долю охотничьей добычи их будущих мужей.

Выступая с замечаниями по этому докладу, А. И. Першиц отметил, что общества с немедленной и отложенной отдачей представляют собой не два варианта, а две стадии развития первобытнообщинного способа производства, причем ни к одной из них неприменимо понятие «выращивание женщин» или «женоводство». М. Годелье сказал, что общества с немедленной отдачей обычно представлены закрытыми группами. С. А. Арутюнов предположил, что в палеолите были охотники с оседлым образом жизни и достаточной добычей. Возможно, что такие группы были и в Австралии до установления там термического максимума; поэтому специфические социальные отношения австралийцев могут отражать прежний уровень производства. Л. Крейдер высказал мнение,

что вопрос об обществах с различной формой отдачи следовало бы отразить и в докладе Ю. И. Семенова о первобытной экономике.

Д. Вудбэрн отметил, что образный термин «женоводство», возможно, не вполне удачен, однако сама экономическая компенсация за сестру или дочь имеет немаловажное значение в хозяйстве. Вообще же группы, занятые охотой и собирательством, дают больше социально-экономических вариаций, чем земледельческие общества. Система непосредственной отдачи, когда пища распределяется в тот же день, может сочетаться с отложенной отдачей, и они представляют собой не две стадии, а два вида первобытной экономики.

Третьей группе проблем — «Этнография и смежные науки» — было посвящено пять докладов советских ученых: И. С. Кона «Этнография и психология», С. А. Арутюнова «Этнография и лингвистика», Л. М. Дробижевой «Этносоциологические исследования современности», В. И. Козлова «Этнография и демография», В. Н. Басилова «Исследование религий в советской этнографии». С западной стороны были представлены три доклада: М. Фортеса «Антропология и психологические науки», Д. Гуди «Письменность, критика и рост знаний», Т. Шанина «Концептуальное переосмысление проблемы крестьянства в социальных науках англосаксонских стран: 60-е годы и далее». К данной группе докладов примыкало и сообщение М. Годелье о состоянии этнографической науки во Франции.

В своем сообщении М. Годелье подразделил этнографические учреждения во Франции на те, в которых ведется только преподавание этнографии (Парижский и местные университеты), те, в которых преподавание сочетается с исследованиями (Высшая школа социальных наук и колледжи), и чисто исследовательские (Служба национальных и технических исследований за границей и Национальный центр научных исследований). Издавна существовало четкое деление на физическую антропологию, археологию и социально-культурную антропологию (этнографию); связи между этими науками стали укрепляться лишь недавно. Этнография до 1960-х годов преподавалась в рамках философии, что задержало ее развитие. Некоторые ученые левого толка считают эту науку орудием колониализма; французские этнографы, работающие в Африке, вообще предпочитают называть себя «социологами». В настоящее время этнография характеризуется повышением внимания к изучению религии, к структурализму К. Леви-Стросса, психоаналитическому подходу, а также, что особо знаменательно, — к марксизму. К советам этнографов прибегают не только историки, но и правительственные чиновники, связанные с проблемами развития африканских стран. Большое положительное значение имело стремление марксистов объединить социально-культурную антропологию и историю в «историческую антропологию». Успешно развиваются промежуточные дисциплины: этноэкология, этноботаника, этнобиология (изучение генофонда), этнография города и др. На вопрос Ю. В. Бромлея о предмете французской этнографии М. Годелье ответил, что этнографы занимаются прежде всего структурными целостностями, которые имеют внутреннюю логику, часто не осознаваемую самими людьми. Задача этнографов — выявить эту логику, используя методы, развитые в работах К. Леви-Стросса.

В докладе И. С. Кона подчеркивалась необходимость сотрудничества этнографии и психологии при оценке этнически специфичных, объективизированных главным образом в культуре, явлений как со стороны самих их носителей, так и соседящих с ними этносов. В докладе освещены два круга проблем: 1) изучение национального характера, особенностей психического склада этноса и производных от него черт культуры, морально-этических норм и ценностных ориентаций; это проявляется как в собственно идеологических формах (искусство, религия и т. д.), так и опосредованно — в специфике передачи культуры, воспитания детей и т. д.; 2) изучение этнического самосознания, способов и форм осознания этнической принадлежности, ее значения, содержания этнических стереотипов, механизмов их изменения под влиянием межэтнических контактов и т. д. Обращено также внимание на нерешенные вопросы этнической психологии, особенности понятийного аппарата и т. д.

При обсуждении этого доклада М. Фортес отметил его высокий научный уровень, а также видную роль этнографов в деле изучения этнической специфики духовной культуры. Л. М. Дробижева указала на трудность изучения духовного мира, большая часть которого недоступна прямому наблюдению. Это вызывает необходимость использовать специальные методы, особенно при проведении полевых исследований. Ю. В. Бромлей

указал на две крайности в оценке этнопсихических явлений: одна из них сводится к абсолютизации этнопсихических черт, другая — к их отрицанию. Опасность раздувания психических различий у этносов заставляет нас относиться к этнопсихологическим исследованиям особенно осторожно. В СССР они начинают развиваться главным образом на стыке с этносоциологией.

В докладе М. Фортеса проводилась мысль, что для анализа и объяснения этнографических явлений, например обрядов, не нужно искать особые психологические различия народов. Описание как таковое улавливает модели мышления, верований и поведения, социальные системы и отношения; анализ же дает возможность поставить факты в контексты общих понятий, определить модели механизма комбинаций. Важно установить условия и механизм работы той или иной системы, но интересно также ответить на вопрос, почему в этой системе имеются те или иные институты, убеждения, модели поведения. Межкультурные исследования подтвердили, что познавательные и «восприимательные» (по Пиаже) способности являются универсальными человеческими способностями и варьируют в зависимости от культурного опыта. Различается лишь «культурная» окраска убеждений, иллюзий и моделей поведения. Обычай имеет смысл только в контексте социальных отношений; для полного объяснения обычая требуется обращение к психологии. На примере таллензи (Гана) докладчик пытался показать действие фрейдовского «эдипова комплекса», в обычаях, регулирующих взаимоотношения между отцом и первым сыном, матерью и старшей дочерью.

Ж. Пуйон, выступая по докладу, согласился с выводами М. Фортеса. Конфликт поколений существует во всех обществах, каждое разрешает его по-своему, но есть и нечто общее, что Фортес именует «эдиповым комплексом». Общечеловеческое, по его мнению, не есть простое культурное сходство; скорее это общий набор возможностей, потенций, из которых каждый народ реализует ту или иную часть.

Ю. В. Бромлей отметил, что этнография и психология связаны не только в методике, но и в предметных зонах — центральных и периферийных. Если конфликт поколений и имеется, то он обусловлен не биологическими причинами, как это можно понять из термина «эдипов комплекс», а социальным. Ю. П. Петрова-Аверкиева просила объяснить, каким образом «эдипов комплекс» может возникнуть в матрилинейном обществе, и есть ли вообще общества, в которых сын действительно «претендует» на мать в эдиповом смысле. В. Н. Басилов заметил, что в докладе термин «эдипов комплекс» употребляется как во фрейдистском его понимании, так и в совершенно ином смысле. Это лишает доклад четкой концепции. Кроме того, странно, что «эдипов комплекс» приписывается только первенцу. А. И. Першиц сказал, что психологическое объяснение обычаев избегания плодотворно и разделяется некоторыми советскими исследователями, но «эдипов комплекс» мало что дает в этом отношении.

М. Фортес пояснил, что его интересует прежде всего вопрос о передаче и преемственности различных традиций. Он заключен в рамки общественного воспроизводства человека и сводится к отношениям двух поколений. Это важно для понимания сохранности этноса, этнической преемственности. Термин «эдипов комплекс» используется им метафорически, выражая идею, что любовь между родителями и детьми всегда сочетается с чувством, что дети вытесняют родителей. В обычаях избегания имеются элементы сексуальных ограничений, но суть дела — в межпоколенной борьбе. Конфликт начинается с соперничества отца и сына из-за внимания матери, а затем переходит в соперничество из-за имущества и власти. При анализе межпоколенных отношений особую роль играет первенец, так как именно его появление делает мужа и жену родителями; рождение других детей вносит количественные, а не качественные изменения. Люди с самого рождения оказываются в рамках социальных отношений, ядром которых является семья. Конфликт поколений возникает внутри этого ядра, и должны существовать какие-то установки, чтобы такой конфликт не разрушил социальных связей.

В. Н. Басилов заявил, что М. Фортес хорошо показал социальные корни проанализированных им обычаев, и попытки прибавить к этим объяснениям еще и понятие «эдипов комплекс» лишь затемняют сущность вопроса. Конфликт поколений имеет социальную, а не сексуальную обусловленность, да и деление на поколения не самое важное в анализе социальной жизни; конфликты между классами и отдельными социальными группами неизмеримо значительнее, чем противоречия между поколениями.

В докладе С. А. Арутюнова на материале трудов советских ученых рассматривалось соотношение между этнографией, изучающей этнические специфические компоненты культуры, и лингвистикой, как наукой о языках, являющихся также частью культуры и вместе с тем основным средством коммуникации. Были выделены сферы взаимодействия обеих наук. Это прежде всего комплекс проблем изучения этноязыковой ситуации, одним из частных случаев которой является двуязычие. Далее это проблема дешифровки древних памятников, где отправной точкой является анализ культурных реалий. Было охарактеризовано также изучение культурных систем, которые отражаются в ономастике и системах родства. С последними связана возможность переноса понятийного аппарата из лингвистики в этнографию. Такова разработка кодов фиксации культурных реалий, параллелизм в закономерностях переключения языкового и внеязыкового культурного кода в межэтнических контактах, ареальные исследования и картографирование с изучением соотношения изоглосс и изопрагов и т. д. В целом области интересов обеих наук разграничены достаточно четко, чтобы избежать их смешения; в то же время они обладают достаточной общностью для плодотворного сотрудничества и взаимообогащения.

Выступивший в обсуждении Д. Гуди отметил, что в докладе подняты важные вопросы, в частности вопрос об историческом анализе, который не разработан в западной этнографии. В докладе раскрыто сходство и различие между языком и другими элементами культуры. Но в докладе не уделено внимания первым работам В. Я. Проппа и П. Г. Богатырева, а также лингвистическому анализу, примененному в работах А. Р. Лурия и Л. С. Выгодского. Большой интерес представляет проблема использования лексико-статистического анализа для понимания динамики культуры.

В своем ответе С. А. Арутюнов охарактеризовал работы упомянутых лингвистов и значение структурного анализа. Он указал на необходимость проявлять осторожность при перенесении приемов исследования языка на изучение внеязыковых элементов культуры.

В докладе Д. Гуди было показано, что возникновение письменности существенно способствовало развитию процесса познания. Появилась возможность фиксации текста и сличения его вариантов, возможность подробного анализа, а следовательно, и более критического отношения к информации. Письменность способствовала переходу от донаучного мышления и познания к научному. Дальнейшее развитие научной мысли позволяет выделить последующие важные этапы, связанные с переходом от иероглифической письменности и алфавитной и с изобретением книгопечатания.

С. А. Арутюнов отметил, что при всей важности письменности необходимо учитывать и другие системы накопления информации, играющие видную роль в развитии культуры. Хотя Д. Гуди и отказывается от концепции «великих граней», выдвинутые им положения можно использовать для обоснования связи развития информации с историческими типами этносов. Дописьменному обществу с ограниченной информацией: соответствовала такая форма ЭСО, как племя. Переход к раннеклассовому обществу обычно влечет за собой возникновение письменности; с этим рубежом связано и формирование народностей. Переход к буржуазному способу производства сопровождается распространением грамотности; возникают национальные литературные языки и книгопечатание; происходит переход от народности к нации. Возможно, что НТР будет способствовать возникновению каких-то новых форм этноса. Появление алфавита не следует считать «великой гранью» в развитии знания; японцы, например, смогли создать современное индустриальное общество, не отказываясь от иероглифического письма. Алфавит имеет и свои недостатки.

К. Хэмфри указала, что письменность не всегда заставляет людей сопоставлять, рассуждать и критиковать. Есть догматические тексты, в которых верят каждой букве. Поэтому письменность может иметь не только положительный, но и отрицательный эффект консервации. М. Фортез отметил особое значение письменности для юриспруденции, Л. Крейдер — повышение роли письменности с интеллектуальным развитием общества, влияние орфографии на орфоэпию, Ж. Пуйон — связь письменности с государством. Т. Драгадзе обратила внимание на роль художественных произведений с полусказочной фабулой в культурном развитии общества; так, некоторые группы трузин, к которым грамотность проникла лишь при Советской власти, стали широко использовать в этических ситуациях цитаты из «Витязя в тигровой шкуре» Руставели.

Д. Гуди пояснил, что его больше всего интересовало развитие мышления, а оно связано со способами коммуникаций и социально-экономическими изменениями. В число важных ступеней следует включить и появление алфавита; оно сократило время, необходимое для изучения письменности, обеспечило возможность прогресса коммуникации. Не исключены ситуации, когда письменность, книги играют консервативную роль. Однако это не меняет того факта, что письменность создает условия для анализа текстов, для выявления в них противоречий и т. п. Письменность способствует упорядочению системы категорий, понятий, сохранению знаний и т. п.

Т. Шанин в своем докладе выделил три основных этапа в историографии крестьянства. Первый — начало XX в. Сельская социология в США в то время ставила задачу изучить капиталистическое развитие фермерства, ликвидацию «следов «отсталости» в сельской местности. В Центральной и Восточной Европе центры по изучению крестьянства сложились в начале 1920-х годов. С конца 1920-х годов в течение почти 30 лет крестьянскому вопросу не уделялось внимания. Докладчик связывает это с экономическим кризисом в западных странах, а в Германии — с фашизмом, подавившим все радикальные течения. В СССР, по его мнению, это объясняется упразднением мелкого крестьянского хозяйства в связи с коллективизацией. С 1960-х годов в англосаксонской литературе наблюдается «взрыв» исследований по крестьянскому вопросу, что связано с крушением теории модернизации, с осознанием того факта, что развивающиеся общества «третьего мира» не в состоянии догнать индустриальные страны, а также с прагматическими потребностями и даже с интеллектуальной модой. Важны признания специфичности проблемы крестьянства, оценка результатов аграрных реформ, проводимых во многих странах. Т. Шанин отстаивал необходимость выработки интегрального подхода к изучению крестьянства, несмотря на его различия в конкретных районах; изолированное изучение крестьянства экономистами, социологами, антропологами и историками не позволяет создать полную картины. Наука не может уйти от решения вопроса о причинах нищеты крестьянства в «третьем мире» и о соотношении этих стран с капиталистическими и социалистическими.

Л. М. Дробизева отметила связь доклада Т. Шанина с обсуждаемыми проблемами симпозиума, ибо крестьянство в наибольшей степени несет этническую специфику. Уменьшение интереса к изучению индивидуального крестьянского хозяйства в СССР не привело к полному прекращению исследований сельского населения в 1930-х годах. Усиление интереса к этой тематике с середины 1950-х годов было связано не с «романтикой» деревенской жизни, а с проведением мероприятий по дальнейшей перестройке сельского быта. В последние десятилетия в республиках, где идет ускоренный рост интеллигенции (например, в Средней Азии), она формировалась в значительной степени за счет недавних сельских жителей, сильнее сохраняющих этнические особенности. Это накладывало свой отпечаток на облик интеллигенции и в какой-то мере с этим связан подъем интереса к национальной культуре.

В. И. Козлов выразил согласие с основными выводами доклада о факторах, вызвавших интерес к крестьянству. Крестьянство составляет большинство населения мира и играет важную роль в обществе. Однако необходимо отметить изменение этнической роли крестьянства. В XIX в. в русской литературе крестьянство считалось основой этноса; горожан и особенно рабочих соотносили с этносом лишь постольку, поскольку они были связаны с крестьянством. Теперь положение изменилось. Центр этничности перемещается в города. Все это вызывает необходимость пересмотра некоторых старых положений. Т. Драгадзе указала на безуспешность попытки этнографов США объяснить бедность крестьянства стран Южной Европы и «третьего мира» психологическими особенностями, подчеркнула необходимость учета социальных условий. Ю. В. Бромлей отметил, что возрождение интереса к национальной культуре учитывает лишь одну из двух объективно существующих тенденций в современном развитии культуры. Поэтому значительное внимание советские ученые обращают на протекающий процесс этнокультурной интеграции.

Т. Шанин выразил согласие с тезисом об изменении этнической роли крестьянства. Но его социальная роль еще очень велика. Крестьянство исчезает гораздо медленнее, чем думали Г. В. Плеханов и К. Каутский. Более того, развитие промышленного капитализма в одном обществе может способствовать воспроизводству крестьянства в другом. Работы восточноевропейских, в частности русских и советских, исследователей

крестьянства продолжают оставаться образцом для западных ученых, однако и советские, ученые, по его мнению, недостаточно используют доставшиеся им в наследие материалы обследований крестьян во второй половине XIX — начале XX в. Самое важное в научном отношении — признать экономическую и социальную специфику крестьянства.

В докладе Л. М. Дробижевой отмечено, что этносоциология изучает современность, взаимодействие этнических, собственно социальных и социально-психологических явлений, прежде всего механизм этого взаимодействия, в отличие от исторической социологии, которая обращена в прошлое и занимается всеми аспектами жизни этноса. В докладе были показаны основные направления и особенности методики этносоциологических исследований в СССР. Оспаривалось мнение о том, что этнография отличается от этносоциологии методами познания. Круг вопросов, исследуемых советскими этносоциологами, близок к тем, которые рассматриваются этнографами и социологами Запада, изучающими межгрупповые этнические отношения («классический пример — работа Томаса Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке»). Но если в подобных исследованиях внимание концентрируется на этнических меньшинствах, то в СССР объектом исследования являются прежде всего крупные народы союзных и автономных республик. Кроме того, этносоциология в СССР рассматривает изменения социально-культурных характеристик с целью изучения развития народов и направлений этносоциальных процессов.

В. И. Козлов попросил докладчика разъяснить, какие стороны жизни людей или какие установки на поведение определяются (по материалам этносоциологических исследований) преимущественно этническими факторами. М. Фортез заметил, что современное экономическое развитие и урбанизация повсеместно влекут за собой уменьшение этнической специфики. Э. Геллнер спросил, существуют ли в СССР механизмы, аналогичные интеграционным «плавильным тиглям» США, и этнические общности низшего по сравнению с другими статуса. Л. М. Дробижева пояснила, что этническими факторами определяется поведение в отдельных аспектах быта, особенно в установках на межэтнические браки. Урбанизация ведет к сложению у горожан различной национальности единого образа жизни, но в разных социальных слоях этот процесс идет неодинаково. Активно он протекает в среде квалифицированных потомственных рабочих. Более своеобразно он идет среди интеллигенции, которая по своему образу жизни интернациональна. Однако художественно-творческая интеллигенция сильнее всего ориентирована в этническом отношении. Это связано с ее ролью в воспроизводстве национальной культуры. Процесс «сплавления» национальностей в городах СССР является естественным и добровольным. Что же касается статуса различных этносов, то в СССР с самого начала проводилась политика их выравнивания (в области образования, социального представительства и т. д.). Л. М. Дробижева охарактеризовала итоги этой политики, выразившиеся в росте рабочего класса и интеллигенции у всех народов, в том числе в прошлом отсталых.

Ю. В. Бромлей обратил внимание на то, что в «плавильных тиглях» городов СССР нивелируются не религиозные различия (в условиях атеизма уже несущественные), а культурные различия, отчасти связанные с былой религиозной принадлежностью. Такие «тигли» действуют как в региональном (Кавказ, Средняя Азия и т. д.), так и во все-союзном масштабе; большое значение в этих процессах имеет распространение двуязычия — 3/4 населения страны говорит сейчас по-русски или пользуется русским языком. Однако нивелировка одних элементов национальных культур сопровождается возрождением некоторых других элементов, получающих как бы «вторую жизнь».

В докладе В. И. Козлова были подробно показаны различные стороны и механизмы взаимодействия этнографии с демографией, прежде всего при учете количественной стороны этнических явлений (т. е. по вопросам этнической статистики) и при изучении этнодемографических процессов. Со стороны этнографии такое взаимодействие вызвано необходимостью изучения динамики численности народов (как основных объектов этой науки), а также динамики этнографических, расовых и религиозных групп; со стороны демографии — необходимостью углубленного анализа этнических аспектов процесса воспроизводства населения и влияния на этот процесс отдельных этнических факторов. Учитывая большое значение в современном мире проблем народонаселения, В. И. Козлов рассмотрел взаимодействие этнографии и демографии при ис-

следовании причин дифференциации рождаемости и смертности у различных народов мира.

При обсуждении этого доклада Т. Драгадзе поставила вопрос о причинах долголетия в ряде областей СССР и необходимости изучения этих причин этнографами. Л. М. Дробижева отметила роль этнических факторов в миграционных процессах, а Ю. В. Бромлей высказал мнение о целесообразности изучения миграций в рамках демографии. Д. Вудбэрн сообщил, что авторы последних работ по обществам с присваивающим типом хозяйства (например, бушменам) отмечают сравнительную легкость самообеспечения их лицей, а также низкую заболеваемость; в связи с этим встает вопрос о причинах небольших темпов роста их численности.

В. И. Козлов отметил, что долголетие обусловлено как генетическими, так и социальными, в том числе культурно-бытовыми, факторами, в связи с чем оно может иметь этнический аспект. Миграции, по его мнению, входят в предметную зону не демографии, а уже сформировавшейся научной дисциплины — географии населения; демографы учитывают их лишь постольку, поскольку они влияют на естественное воспроизводство населения. Вместе с тем он отметил важность изучения миграций и для этнографии, а также влияние, оказываемое на миграции этническими факторами, в частности различием языка и культурно-бытовых характеристик в местах выхода и местах оседания мигрантов. Слабые темпы роста численности населения в доземледельческих обществах В. И. Козлов объяснил бродячим образом жизни, при котором мать может носить только одного младенца, и длительным периодом лактации, что влияло на увеличение послеродовой стерильности женщины. Возможности для расширенного воспроизводства населения создаются лишь с переходом к оседлости и развитием земледелия и скотоводства.

В. Н. Б а с и л о в в своем докладе дал обзор основных работ советских этнографов, посвященных исследованию религиозных верований. Этнографы изучают религию как часть духовной культуры народов, тесно связанную с другими ее элементами. Этнография дает материал для сравнительного изучения религиозных верований в рамках общего религиоведения. За последние десятилетия собраны обширные сведения о верованиях каждого народа страны, разработаны различные классификации религий (С. А. Токарев, И. А. Крывелев).

К. Хэмфри спросила, как советские ученые согласуют концепцию зависимости надстройки от базиса с тезисом об относительной самостоятельности религии. Ее интересовали также причины живучести некоторых архаических верований у народов СССР и значение изучения шаманства в Средней Азии. Ж. Пуйон предложил докладчику разъяснить тезис об отражении религиозной потребности некоторых общественных групп. По мнению Ж. Пуйона, религия удовлетворяет потребности общества в целом, ибо всем людям нужны целостные представления об окружающем мире, а последние составляют важную часть религии. Ж. Пуйон сказал также, что хотя магия — часть религии, их полезно различать; можно видеть в магии предшественницу науки, а в религии — предшественницу философии.

В. Н. Б а с и л о в пояснил, что, изучая конкретные религиозные явления, нетрудно выделить как черты, непосредственно обусловленные базисом, так и элементы, коренящиеся лишь в культурной традиции. Он привел пример по шаманству в одном из районов Узбекистана: функция шамана передавалась по наследству в пределах родственной группы, шаман (шаманка) обслуживал в первую очередь эту группу. Здесь видна связь культа с общественной структурой. Но почти вся совокупность сохранившихся верований и ритуалов имеет лишь исторические корни: так, образы духов-помощников шаманов сформировались в глубокой древности. Далее, в настоящее время этнографами отмечена тенденция верующих отбирать из религиозного мировоззрения то, что им кажется более подходящим в новых условиях жизни. При этом в быту еще сохраняются некоторые архаические верования и обряды. Это не новое явление в истории религии. И раньше у каждого народа примитивные верования и ритуалы сосуществовали с идеями поздних религий, придавая им этническую специфику. Сейчас, в ходе общего отрицания религии, забываются и архаические поверья. В религии отражены социальные потребности разных уровней — от небольших общин до классов (например, потребности угнетенных классов отражены в некоторых идеях христианства). Конечно, определенная система идей должна удовлетворять все общество в целом, но эта система необя-

зательно должна быть религией. Магия как элемент религии основана на представлениях о сверхъестественном; отношение между ними есть отношение между частью и целым.

Доклад К. Хэмфри был посвящен главным образом шаманству среди монголов и их северных соседей — бурят и тунгусов. Рассматривались различные формы шаманства и концепции его происхождения (по Элиаде, Широкогорову и другим ученым) с выделением еще нерешенных вопросов. Появление шаманства докладчик отнес к древне-монгольскому периоду; отмечалось, что ламаистская форма буддизма, которая проникла в XVII в. из Тибета в Монголию, а в XVIII в. в Бурятию, была синкретической, содержала элементы тибетского шаманства. Сохранение шаманства у западных бурят в отличие от восточных, принявших ламаизм, К. Хэмфри объясняет медленным экономическим развитием первых, сохранением среди них культа предков, клановой системы. Отвечая на уточняющие вопросы В. Н. Басилова и Л. Крейдера, К. Хэмфри пояснила, что под шаманизмом понимает религиозный культ со специальным служителем, который общается с духами в состоянии транса; характерна вера во вселение духов в тело шамана или в выход души шамана из тела. По мнению К. Хэмфри, функционально шаманизм является средством преодоления несчастий. В нем нет системы иерархий духов, закрепленных правил; шаманы не объединены организационно, не имеют общей собственности. Обычно шаманизм сосуществует с другими верованиями (культом предков, буддизмом, исламом и т. п.).

В ходе прений Ж. Пуйон выразил несогласие с тезисом В. Н. Басилова об универсальности шаманства и с тезисом К. Хэмфри о связи одержимости с шаманством. По мнению Ж. Пуйона, при взаимоотношениях с духами шаман является не объектом, а субъектом; он борется с ними. В. Н. Басилов счел наиболее правильным определение И. А. Крывелева, по которому шаманство является культом, характерным для эпохи полидемонизма. В. Н. Басилов нашел неточными определения шаманства, данные К. Хэмфри, в частности указание на функцию борьбы с несчастиями, ибо последняя присуща всем религиям. Основная идея шаманства — посредничество между группой людей и духами, причем характерно, что шамана, согласно поверьям, в качестве «посредника» выбирают духи, а не назначает коллектив, в котором он живет. Не обязательно, чтобы у всех африканских народов было шаманство, близкое по форме к сибирскому, но закономерно ожидать на определенной стадии религиозного развития культа с эквивалентными шаманству функциями. В этом смысле шаманизм универсален.

Итоги работы симпозиума были подведены в заключительных выступлениях М. Фортеза и Ю. В. Бромлея.

В целом симпозиум сыграл важную роль в деле показа достижений советской этнографической науки и вместе с тем способствовал более глубокому пониманию современного состояния зарубежной этнографии, критическому анализу ряда ее методологических положений, в частности структурализма. Выяснилось, что западные ученые, накопив обширный фактический материал, стремятся к его концептуальному осмыслению; чувствуя при этом недостаточность принятых в буржуазной науке общеметодологических положений, они все чаще обращались в связи с этим к марксизму, к теории исторического материализма. Такое стремление, естественно, находит поддержку у советских ученых, однако усиление эффективности их влияния на западных ученых требует более широкой популяризации достижений советской этнографической науки, а также дальнейшей разработки ряда проблем, в частности более глубокого изучения механизма взаимодействия базиса и надстройки в генезисе этнических явлений для объяснения этнокультурной специфики народов мира. Дискуссии на симпозиуме несомненно способствовали взаимному уяснению взглядов по многим обсуждавшимся вопросам. По отдельным проблемам, включая такие важные, как признание этноса основным объектом этнографии, необходимость историзма (даже при структурном подходе) и т. п. было достигнуто единство точек зрения. Все это создало хорошую базу для продолжения таких плодотворных дискуссий в будущем.

В. И. Козлов

22 сентября 1975 г. Еще немногим более двух часов тому назад мы были на московской земле, а теперь нас встречает по-осеннему прекрасная Вена. Мы — это кандидат исторических наук Е. А. Дудзинская и автор этих строк, прибывшие в Австрию для участия в Седьмой ежегодной международной научной конференции по проблемам истории культурных связей в Центральной и Восточной Европе. Организатором подобных рабочих встреч является Центр по изучению культурных взаимоотношений в Центральной и Восточной Европе (далее Центр), находящийся в Льебурге (ФРГ); Центр проводит также конференции обычно в сотрудничестве с университетами ФРГ и Австрии. На прошедших конференциях обсуждались такие вопросы, как положение крестьянства, особенности эпохи Просвещения, деятельность академий и научных обществ, кодификация национальных языков и литератур у народов названного региона в XVIII — первой половине XIX в. На этот раз в организации конференции наряду с Центром участвовали Историческая комиссия Союза западногерманских книготорговцев и Институт восточноевропейских и балканских исследований Венского университета. Главной же темой явилось рассмотрение роли книжного дела в укреплении культурных контактов в том же регионе и в тех же хронологических пределах.

Не буду специально касаться хода конференции, проходившей в г. Айзенштадт. Следует, однако, отметить ее примечательные особенности. Независимо от различий в исходных позициях ее участников, все более утверждается идея о существовании тесных связей между культурными и социально-экономическими процессами. Один из руководителей Центра и его ответственный секретарь д-р Х. Ишрайт неоднократно подчеркивал, что без учета таких связей невозможно плодотворное изучение истории культурных контактов. Исходя из этого, он, в частности, говорил о целесообразности специального рассмотрения теории культурных связей. Проблемы культурных связей в той или иной степени нашли отражение в представленных на конференции докладах ученых из ФРГ, Австрии, США, Италии и Швейцарии, а также в докладах ученых из социалистических стран — ВНР, ПНР, СРР, СССР, СФРЮ и ЧССР.

Делегаты конференции были приняты в венской правительственной резиденции Хофбург президентом Австрийской республики доктором Р. Кирхшлегером, а также руководителями правительства федеральной земли Бургенланд, в столице которой, Айзенштадте, проходила конференция.

Несмотря на сравнительно короткий срок командировки (10 дней), пребывание в Австрии дало нам возможность ознакомиться с основами организации и состоянием исследований в области исторических наук, в частности этнографии. Правда, впечатления наши отнюдь не отражают всего, что делается в этой области австрийскими учеными. По необходимости мы должны были ограничиться рамками научных учреждений, работающих при Венском университете, а точнее — при историческом отделении его философского факультета.

Надо сказать, что в Австрии, как и в ряде других европейских университетов, функционирует так называемая институтская система, при которой родственные кафедры образуют соответствующие институты как комплексные научно-педагогические центры. В их задачи входит не только непосредственная педагогическая работа (чтение лекций, проведение семинарских и практических занятий), но и развитие исследований по проблематике тех или иных кафедр.

Этнографические проблемы разрабатываются тремя институтами — австрийской и европейской этнографии (Institut für Volkskunde), внеевропейской этнографии (Institut für Völkerkunde), исключая этнографию Китая и Японии, сосредоточенную в Институте синологии и японоведения. В двух первых институтах автору этих строк удалось побывать.

В Институте внеевропейской этнографии имеются две кафедры — этнографии и африканистики: последняя также занимается общетеоретическими проблемами этнологии. Кафедру этнографии возглавляет Вальтер Досталь, который одновременно являет-

ся и директором института. Во главе второй кафедры до последнего времени стоял известный венский этнограф-африканист Вальтер Хиршберг; его преемником стал Петер Фукс, тоже африканист, специализирующийся по культуре народов Сахары.

В беседе со мной В. Хиршберг рассказал о содержании и направлениях научно-исследовательской работы института вневропейской этнографии и дал возможность познакомиться с его основными публикациями. Прежде всего это хорошо известные специалистам «Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik», выпускаемые с 1930 г. В 1974 г. был издан 18-й том. Кроме того, от имени института д-р Штигельмайер, специалист по общим проблемам этнологии, редактирует «Acta Ethnologica et Linguistica», выходящий с 1950 г., и «Review of Ethnology», выходящий с 1968 г., впрочем, нерегулярно. Кафедра африканистики издает «Wiener ethnohistorische Blätter», редактором которого является доцент К. Вернхард. Он одновременно возглавляет публикацию приложений к этому изданию. К 70-летию со дня рождения В. Хиршберга вышел в свет сборник «Из теории и практики этнологии», содержащий ряд интересных материалов, в том числе статью И. Салата «Исторический партикуляризм и венская школа этнической истории» и К. Вернхарда «Культуристория, этноистория и история культуры»¹. В. Хиршберг подчеркнул, что в настоящее время в австрийской этнографической науке происходит борьба двух направлений — традиционного для венской школы культурно-исторического и нового, все более распространяющегося и в других западных этнологических центрах — социологического. При этом одновременно усиливается внимание к современным этнокультурным процессам. Сам В. Хиршберг, воспитанный в традициях старой культурно-исторической школы, полагает, что самым плодотворным был бы научный синтез обоих направлений. Наиболее удачным примером такого синтеза он считает тюбингенскую этнологическую школу.

Институт австрийской и европейской этнографии состоит из одной кафедры того же названия. Ее руководитель Кароли Гааль одновременно является и директором института, занимающего несколько обширных помещений в здании неподалеку от знаменитой Венской оперы. Главное внимание в исследовательской работе институт уделяет изучению современных процессов развития народной культуры Австрии и воздействия на нее социальных и культурно-политических факторов, в том числе средств массовой информации. Одновременно в поле зрения его сотрудников находятся общие теоретические проблемы.

Успешное развитие этнографических исследований в Австрии невозможно без деловых контактов с этнографическими центрами соседних стран, включая Советский Союз. Примером плодотворности сотрудничества с учеными социалистических стран была выставка, организованная совместно с венгерским музеем в г. Байя — «Рыболовство в венгерской части Дуная». Этим же целям призван служить международный проект «Этнография панноника», осуществление которого началось с 1971 г. на основе кооперирования усилий университетов, музеев и других научных центров Австрии, ВНР, ЧССР и СФРЮ. В связи с этим большой интерес проявляется к достижениям советской школы этнографии. Австрийские ученые выразили пожелание, чтобы главные работы советских этнографов, в особенности по вопросам теории, регулярно издавались в переводах на основные европейские языки. Оценивая перспективы такого научного сотрудничества, К. Гааль писал: «Этнология как европейская наука должна искать не то, что разобщает, а то, что сближает народы Европы»². Хорошие слова, которые ко многому обязывают! Особенно актуальны они для современной Австрии.

В настоящее время в австрийской исторической и этнографической литературе оживленно обсуждаются такие проблемы, как пути складывания австрийской нации и ее особенности, формы проявления и характер австрийского самосознания. Вопросы эти действительно актуальны, если вспомнить не столь уж отдаленное время, когда отрицание австрийской нации было использовано сторонниками «аншлюса» для оправдания нацистской оккупации страны. И не случайно эти сюжеты занимают сегодня не только ученых, но и политиков, публицистов различных направлений. С другой сто-

¹ «Wiener ethnohistorische Blätter», Beiheft 3. Wien, 1974.

² K. Gaál. Zur Ethnographia pannonica. — «Burgenländische Forschungen», 1971, N 61, S. 5.

роны, как известно на территории современной Австрии проживают компактные группы славянского населения — хорваты в Бургенланде и словенцы в Штирии и Каринтии, а также некоторая часть венгров. Это обстоятельство временами оказывало определенное воздействие на общественно-политическую жизнь страны, а национальное соперничество и трения (как, например, случалось в округах населенных словенцами) охотно стимулировались и разжигались реакционными силами, хотевшими дискредитировать и подорвать государственные институты нейтральной Австрии. В этих условиях изучение этнических процессов и фольклора народов современной Австрии приобретает особую актуальность. Начиная с 1963 г. ведутся регулярные записи народной музыки и фольклорных произведений; обработанные материалы передаются в звуковой архив Австрийской Академии наук. Число таких записей велико — свыше 10 тыс. единиц³. Мне удалось прослушать некоторые образцы. Среди них преимущественно свадебные песни, колядки и плачи бургенландских хорватов, а также сказки, баллады и легенды. Они производят большое впечатление а, например, плач «Хельга, моя Хельга» необычайно напоминает по мелодии и структуре песни Русского Севера.

Историко-культурное значение таких записей несомненно. Любопытно, что при проведении повторных записей в тех же местностях, где они впервые были сделаны в 1963 г., спустя 10 лет, выяснилось, что сохранилось не более 30% ранее зафиксированных текстов. Остальные были забыты и даже полностью вытеснены под влиянием средств массовой информации, прежде всего радио и телевидения. Полевая деятельность Института австрийской этнографии основана на комплексном подходе к сбору фольклорных материалов, бытующих как у собственно австрийцев, так и у национальных меньшинств — хорватов, словенцев и венгров. Несомненный интерес представляют также опыты популяризации произведений народного творчества через австрийское радио — некоторые народные славянские и венгерские мелодии в обработке прозвучали уже в эфире. При этом обращается внимание на среду бытования фольклора и на выявление его индивидуальных носителей. Этим целям, например, служит очерк К. Гаала о трех сказочниках, с чьим творчеством он познакомился во время этнографических экспедиций — И. Рибариче, М. Киризиц и И. Бишофе⁴.

Накануне поездки в Австрию я решил познакомиться с положением и культурой хорватов Бургенланда — Восточной Австрии, где они проживают с XVI в. И вот, во время нашего пребывания в Айзенштадте, нам представилась удобная возможность хотя бы частично это намерение осуществить. Этот небольшой — менее 10 тыс. жителей — городок вошел в историю мировой культуры прежде всего потому, что здесь на протяжении нескольких десятилетий жил и творил великий Гайдн. С большой любовью хранят память о нем жители города. Об этом свидетельствуют дом-музей, расположенный на одной из центральных улиц, носящей имя композитора, Гайдновский зал в бывшем замке Эстергази, где он выступал, гробница Гайдна в местном соборе, сооруженном в стиле барокко в XVII в.

Утром 28 сентября мы встретились с председателем Культурного союза бургенландских хорватов Иво Мюллером. Сам он — юрист по образованию и служит в технической компании, в прошлые годы дважды избирался депутатом парламента земли Бургенланд. Культурный союз состоит из трех зональных организаций — северной, средней и южной. Практически хорватское население имеется только в первых двух зонах. Во главе союза стоит правление, в состав которого входят и председатели зональных организаций. Союз проводит работу по сохранению и пропаганде хорватских национальных традиций. В хорватских деревнях существуют музыкальные, театральные и хореографические ансамбли, участники которых выступают, как правило, по праздничным дням. Издательскую работу, весьма ограниченную вследствие финансовых трудностей, ведет связанное с Культурным союзом издательское объединение. Ежегодно выпускаются одна-две книги на диалекте бургенландских хорватов, несколько отличающемся от современного хорватского литературного языка в Югославии. Вообще, как сообщил И. Мюллер, в настоящее время в Бургенланде хорваты составляют примерно 12% всего населения, причем по большей части употребляют чакавский диалект; в южных районах можно встретить и штокавский диалект. Изуче-

³ «Katalog der Tonbandaufnahmen des Phonogrammarchives des Österreichischen Akademie der Wissenschaften in Wien». Wien, 1970, S. 126, 127.

⁴ K. Gaál. Drei Märchenerzähler aus Pannonien.— «Pannonia», 1974, N 2, S. 19.

ние хорватских диалектов Бургенланда необычайно интересно для лингвистов. В настоящее время видный австрийский славист Иосиф Хамм работает над грамматикой хорватских диалектов и бургенландско-хорватско-немецким словарем.

Тем не менее в среде бургенландских хорватов имеет место неуклонный процесс ассимиляции, который проявляется и в смешении славянских и немецких слов в разговорном языке (это можно наблюдать на материалах записей народных сказок), и в отходе населения от традиционных обычаев и обрядов. Этому способствует непрерывный процесс разорения мелких крестьянских хозяйств, переход самостоятельного хорватского населения в города, рост кулацких ферм с расширяющимся использованием наемного труда. Наряду с этим часть хорватского населения порывает с традиционным влиянием католической церкви.

Некоторое представление о масштабах этих перемен дают тиражи периодических изданий на хорватском языке в Бургенланде. Так, всего здесь, по сведениям И. Мюллера, проживает 30—35 тыс. хорватов. Тираж еженедельника «Хорватске новине» достигает 12 900 экз., а ежегодного календаря — примерно четырех тысяч. Кроме того, католическая церковь в Бургенланде, чье влияние в повседневной жизни хорватского населения еще велико, издает газету «Црквене гласник», тиражом около четырех тысяч экземпляров. В такой обстановке языковая замкнутость хорватского населения невозможна. И руководители Культурного союза считают, что в школьном обучении должен применяться принцип двуязычия.

В сопровождении секретаря правления А. Корнфеннда мы посетили расположенную поблизости от Айзенштадта хорватскую деревню Траусдорф. По своему внешнему виду деревня едва ли сильно отличается от существующего в этой части Австрии стандарта. Вдоль нескольких улиц стоят каменные дома, оштукатуренные или облицованные. На стенах некоторых зданий встречаются цветные украшения. Население деревни либо занято крестьянским трудом, либо работает на мелких промышленных предприятиях, расположенных в Айзенштадте и его округе. Процессы социальной дифференциации, происходящие в деревне, заметно сказываются на общем облике улиц и отдельных домов, среди которых выделяются хозяйства зажиточных крестьян.

Меня, естественно, занимали вопросы, связанные с сохранением традиций, взаимодействием традиционных элементов с современной культурой и с особенностями национального самосознания хорватского населения. По мнению некоторых австрийских ученых, у хорватов и венгров Бургенланда преобладают скорее формы деревенского или местного локального самосознания. Во всяком случае беседы с местными жителями лишь подтвердили представление о все более усиливающемся воздействии общеавстрийских культурных тенденций. Среди представителей молодого поколения, в принципе двуязычного, немецкий язык получает большее распространение.

Национальные костюмы хорваты в деревнях надевают, как правило, по праздникам, хотя лица пожилого возраста нередко носят их и в повседневной жизни. На улицах Траусдорфа, например, встречаются старики, одетые в темные цветные рубашки, а порой в вышитые жилеты; они носят высокие сапоги и характерные фетровые шляпы с короткими полями. Женщины пожилого возраста часто повязывают головы темными платками, иногда чем-то напоминающими тюрбаны, и одеваются в платья темных тонов. Эта одежда носит специфический «деревенский» характер и не встречается у горожан. К слову сказать, в Вене обращают на себя внимание мужчины в национальных австрийских костюмах (чаще всего тирольских) и женщины в цветных передниках. Впрочем, в сущности это дань моде.

Ознакомление с некоторыми чертами современной этнографической науки в Австрии, дополненное личным знакомством с жизнью современной хорватской бургенландской деревни, свидетельствует, что здесь сохранился богатый и по-настоящему еще не освоенный материал, охватывающий разные аспекты этнокультурного развития и взаимодействия культуры с большими историческими традициями. Вместе с тем очевидно, что дальнейшее укрепление научных контактов между советскими и австрийскими исследователями не только плодотворно для развития успешных научных исследований, но и будет полезно для дальнейшего международного и культурного сотрудничества.

ВСЕСОЮЗНАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1976 ГОДА

В целях дальнейшего развития научно-исследовательской работы студентов гуманитарных факультетов вузов страны с 10 по 12 марта 1976 г. на базе исторического факультета МГУ была проведена Всесоюзная этнографическая студенческая конференция «Вопросы этнографии».

В ее работе приняли участие студенческие делегации и отдельные представители от 18 вузов РСФСР, Украины, Литвы, Молдавии, Грузии, Армении, Азербайджана, Казахстана, Туркмении, Таджикистана, Киргизии. Наиболее представительными были делегации от Московского, Ленинградского, Киевского, Тбилисского, Ижевского государственных университетов.

Конференция заслушала 34 доклада, подвела итоги полевой и научно-исследовательской работы студентов-этнографов названных вузов, обсудила формы развития и углубления этой работы, вынесла решение по конкретным вопросам организации следующей Всесоюзной конференции студентов-этнографов в Киеве на базе исторического факультета Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

На пленарные заседания было вынесено шесть наиболее важных докладов: М. Попов (Ижевск) «Теоретические проблемы этноса в советской этнографической литературе», В. Олейник (Киев) «К вопросу о современных этнолингвистических процессах в Украинской ССР», Ш. Кадыров (Ашхабад) «Некоторые аспекты этнодемографических процессов в Туркмении XIX в.», И. Асцартян (Ереван) «Традиционные способы воспитания детей у армян», О. Опарина (Москва) «Похоронный обряд чукчей и коряков Камчатки как признак этнической специфики», Н. Зотов (Москва) «Статус вождей в доколониальной и колониальной Анголе».

Остановимся на наиболее интересных из них. Так, в открывшем пленарное заседание докладе М. Попова говорилось об основных направлениях в изучении этноса как этносоциального организма, обладающего интегральной и динамической совокупностью специфических признаков и свойств, передаваемых посредством традиции от поколения к поколению. Определенный акцент делался на попытках выделения структурных компонентов и функциональных механизмов исторического бытия этноса. При этом указывалось на необходимость разработки единого понятийного аппарата такого исследования.

Интересные соображения о применении методов современной демографии к проблеме воспроизводства туркменского населения в историческом прошлом представлены в докладе Ш. Кадырова «Некоторые аспекты этнодемографических процессов в Туркмении XIX в.». Заново изученные факты не позволяют согласиться с существующим мнением о примерно «сбалансированном» естественными и социальными причинами «традиционном» (без заметной численной прибыли и качественных изменений) демографическом уровне народонаселения этого среднеазиатского региона. Автор анализирует конкретные изменения в хозяйственном (в связи с начавшимся переходом к оседлости), экономическом (в связи с расширением общественного разделения труда и углублением классовых противоречий) и социально-бытовом (в связи с расширением культурных отношений с Россией) развитии Туркмении на протяжении почти всего XIX в. Это позволяет выделить реально возникшие в процессе указанного развития новые социально-экономические факторы, которые в совокупности с действием традиций (устойчивой ориентацией на многодетность) в «демографическом поведении» туркмен в целом благоприятствовали не только простому, но и расширенному воспроизводству населения, особенно усилившемуся после вхождения Туркмении в социально-экономическую систему Российского государства.

Важной, но сравнительно редко исследуемой проблематике этнопедагогики был посвящен доклад И. Асцартян «Традиционные способы воспитания детей у армян». Используя собственный полевой материал и записи предшествующих исследователей в северо-восточных районах Армении, она проследила особенности всего цикла воспитания мальчиков и девочек в аспекте трех последовательных (в онтогенезе) этапов восприятия и усвоения норм социального поведения: а) познавательно-игрового;

б) познавательно-трудового; в) периода включения в самостоятельную трудовую и социально-бытовую деятельность. В докладе отмечено, что важной составной частью этого процесса социализации было воспитание молодежи в духе этнических традиций армянского народа.

Остальные доклады (28) были заслушаны на заседаниях трех параллельно работавших секций: «Этническая история и этнические особенности культуры» (11 докладов); «Социальная организация и семейный быт» (7 докладов); «Материальная и духовная культура» (10 докладов). Отдельные доклады вызвали оживленный обмен мнениями.

Целый ряд докладов был посвящен характеристике специфических форм взаимодействия традиций и новаций в семейном быту и свадебной обрядности у различных народов СССР. Назовем, например, доклад Г. Макенбаевой (Фрунзе) «Изменения в численном составе киргизской семьи за годы Советской власти», в котором со ссылкой на современные этносоциологические исследования показаны различия в динамике численного состава киргизской семьи по хронологическим периодам и социодемографическому (отдельно для городского и сельского населения) признаку. При этом Г. Макенбаева указала, что в селах семьи наиболее многодетны и приверженность их этническим традициям и обычаям значительнее. Среди киргизов-горожан влияние старых семейных обрядов и привычек уже сильно ослаблено, в частности, вполне сознательно, исходя из реальных жизненных возможностей, регулируется количество детей в семье, возрастает забота об их здоровье и образовании.

Воздействию новых форм быта на очень замкнутые в недавнем прошлом микрогруппы среднеазиатских цыган был посвящен доклад А. Маджидова (Душанбе) «Некоторые семейно-бытовые обычаи и обряды цыган Таджикистана (Яванский р-н)», написанный на полевых материалах, собранных им в 1973—1975 гг. Докладчик отметил, что несмотря на сохранение в свадебной, родильной, похоронной обрядности и в семейно-брачных отношениях некоторых архаических элементов, во взаимоотношениях супругов младшего поколения наблюдается стремление к преодолению этих пережитков, повышение самостоятельности жены и уважительного отношения к ней со стороны мужа. А. Маджидов привел много фактов, свидетельствующих о ставшем обычным включении цыганских семей в производственную и бытовую сферы жизни местных колхозов и совхозов.

О труде и семейном быте енисейских кетов рассказывалось в докладе Ю. Карпова (Ленинград). Материалы, полученные им во время экспедиции 1975 г., убедительно свидетельствуют о развитии хозяйственной деятельности в технически модернизированных формах и заметном повышении материального благосостояния небольшого кетского народа, о его численном росте, в том числе за счет смешанных браков (до 10%) с селькупам, эвенками, русскими и другими народами (дети от таких браков часто записываются кетами по национальности).

Внимание участников конференции привлек доклад Н. Ушакова (Ленинград), в котором подведены основные итоги этнографического изучения жилища восточных славян и сделан упор на перспективность применения в этой области новой методики — исследования зависимости типа жилища от его функционального назначения, которое исторически изменялось в соответствии с развитием культурно-бытовых потребностей народа.

Методике и программе изучения традиционных похоронно-обрядовых комплексов разных этнических групп Камчатки, тесно соприкасающихся друг с другом, был посвящен доклад О. Опариной (Ленинград) «Похоронный обряд чукчей и коряков Камчатки как признак этнической специфики».

Подводя общий итог работы конференции, можно сделать следующие выводы: а) интерес студентов-этнографов к научным исследованиям на местах, как правило, остается неизменным и живым; б) выросли местные кадры преподавателей-этнографов и заметно повысились уровень знаний студентов и их инициатива; в) эффективность этнографических исследований на местах была бы еще выше при условии тесных контактов вузов страны с кафедрами этнографии МГУ и ЛГУ, на которых сосредоточены научные кадры, принимающие активное участие в разработке проблем и методики советской этнографической науки; г) характерным в студенческой научно-исследовательской работе является то, что наряду с глубоким вниманием к традиционной этногра-

фической тематике обнаруживается серьезный интерес к современным этническим процессам у народов СССР и стремление овладеть новейшей методикой комплексного историко-культурного и этносоциологического анализа. Наконец, следует подчеркнуть, что, исследуя этнографическую проблематику, студенты стараются использовать данные смежных наук — демографии, социолингвистики и социологии.

При обсуждении докладов на заключительном заседании конференции председатель оргкомитета проф. Г. Е. Марков, а также профессора Р. Ф. Итс, К. И. Козлова, Л. П. Лашук отметили важность и новизну научных сообщений студентов и высказали пожелание, чтобы в дальнейшем внимание молодых исследователей было сосредоточено не только на разработке традиционной тематики, но и на изучении этнографическими и этносоциологическими методами характерных особенностей развивающегося социалистического образа жизни и интернациональных отношений народов СССР.

Л. П. Лашук

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Летом 1976 года кафедра русской литературы Горьковского Государственного университета продолжила изучение фольклорной традиции в Заволжье¹. С 5 по 19 июля группа студентов (17 человек) под руководством К. Е. Кореповой работала в Ковернинском районе, расположенном на северо-западе Горьковской области, в прошлом входившем в состав Костромской губернии. Экспедиция побывала во всех 11 сельсоветах района и обследовала 68 деревень, починок и выселков. Было записано около 2000 текстов, в том числе 895 частушек.

Экспедиция подтвердила вывод, сделанный в начале XX века местным краеведом, собирателем фольклора М. М. Зиминным о том, что в крае более развита прозаическая традиция, чем песенная. В материалах экспедиции около 300 текстов песен, но 118 из них «жестокие» романсы и авторские песни. Традиционные семейные, любовные, хороводные, плясовые, солдатские песни представлены лишь несколькими сюжетами (с большим количеством вариантов каждый). Записаны тексты баллад: «Сестра и братья-разбойники», «Казак жену губил», «Оклеветанная жена», «Ванька-ключник», а также ряд новейших баллад. Из исторических песен записан один вариант сюжета «Битва с французами», имеющий зачин: «Вы кусты, мои кусточки, вы таловые мои...».

Участники экспедиции записали 45 сказок: 17 волшебных (сюжеты АА 313,

327 С, 480 *В, 780), 17 бытовых (АА *1425, 1535 А *В, 1539, 1600 А, 1643, 1696 А), 11 сказок о животных (АА 20 С, *61 II, 120, 122, 130, *161, *171). Среди них несколько восточных сказок, усвоенных исполнителями, сейчас людьми уже пожилыми, во время службы в армии. Зафиксированы случаи, когда в функции сказки выступают былички, рассказывающиеся с установкой на вымысел и с отрывом от конкретного факта.

В материалах экспедиции 66 преданий, большинство из них топонимические, некоторые связаны с историей заселения района старообрядцами, выходцами с Севера. Записано 7 легенд религиозного содержания, 74 былички: о дворовом (домовом), полевом, лешем, черте, змее, проклятых людях, пережинахе, которая, пробегая жнивой, срезает колосья и оставляет после себя черный след (подобное поверье в 1975 году зафиксировано в Шахунской районе: там первый сноп выставляли около дома стриге, чтобы она не «стригла» колосья).

Экспедицией сделано 17 описаний свадебного обряда. Обнаружилось, что в Ковернинском районе был распространен иной тип свадебного обряда, чем в обследованных ранее районах, расположенных по реке Ветлуге (Ветлужском, Варнавинском, Краснобаковском и Воскресенском). Причитания здесь, по-видимому, не играли такой важной роли, как в Поветлужье; не было и бани для невесты, но устраивалась баня для молодых после брачной ночи; символом девичества была елка

¹ Отчет о предыдущей экспедиции см. «Сов. этнография», 1976, № 2.

(«цветок», «свет»). Установление ареала данного типа свадебного обряда — одна из задач экспедиции следующего года.

Из календарных обрядов в Ковернинском районе, как и в соседнем Поветлужье, были распространены обходы дворов и поздравление хозяев на святки, в середине великого поста, в первое воскресенье после пасхи, и кроме того, еще в заговенье. Участники экспедиции записали 11 колядок, 3 текста окликий молодых, выкрики при поздравлении хозяев в заговенье и сборе крестов в середине поста. Сделаны описания святочных увеселений, в том числе игр, гаданий (47 номеров), ряжения, интермедий, связанных с ряжением в покойника, черного барина и медведя и др.

Записаны произведения малых жанров: пословицы, поговорки, загадки (220 номеров), заговоры (2 номера), детский фольклор (118 номеров), приметы (95 номеров).

Сделаны фотоснимки исполнителей фольклора, а также этнографических объектов.

Материалы хранятся в фольклорном архиве кафедры русской литературы Горьковского государственного университета.

К. Е. Корепова

* * *

С 15 июля по 29 августа 1976 г. в Каракалпакской АССР работала этнографическая экспедиция, организованная Институтом истории, языка и литературы имени Н. Давкараева Каракалпакского филиала АН УзССР, Институтом этнографии АН СССР.

Экспедиция работала в следующем составе: А. В. Оськин (нач. экспедиции); Л. А. Оськина, Х. Есбергенов, А. Утемисов, П. Файзуллаев. Маршрут экспедиции проходил почти по всем районам республики.

Основная задача экспедиции — киносъемка этнографических сюжетов по теме «Социалистические преобразования в быту сельского населения Каракалпакии» (авторы сценария А. В. Оськин и Х. Есбергенов).

Участники экспедиции зарисовали и сняли на черно-белую и цветную киноплёнки жилые и хозяйственные постройки, сельскохозяйственные орудия и способы их использования, орудия традиционного ремесла, различные виды пищи и способы ее приготовления.

Были засняты традиционные способы посева, уборки, обмолота зерновых культур, работа животноводов в совхозе им. Ильича Кунградского и совхоза «Каракалпак» Чимбайского районов, а также верблюдоводов в колхозе им. М. Горького Турткульского района и т. д.

Зафиксированы традиционные способы рыболовства в Аральском море. Традиционные способы производства показаны на фоне работы с помощью современной сельскохозяйственной техники. Так, например, был продемонстрирован традиционный способ обмолота зерна с помощью животных и работа современного комбайна; традиционную выпечку лепешек в тандыре мы фиксировали параллельно с работой колхозной пекарни, оснащенной новой техникой; примитивный способ ловли рыбы в «каза», специально для нас восстановленный, мы снимали после съемок лова рыбы на судне «Эстония» в Аральском море и т. д.

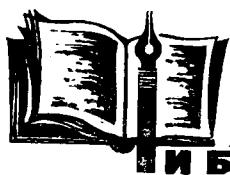
Зафиксированы также орудия труда, которые в силу своей специфики продолжают сохранять важное значение в современном государственном и частном хозяйстве (серп, кетмень, лопата).

Весьма сложными для освещения оказались вопросы, связанные с духовной культурой, и, в частности, с религиозными верованиями. Поэтому мы ограничились лишь съемкой сюжетов, связанных с музыкальным фольклором (художественной самодетельностью и народными исполнителями) и традиционных музыкальных инструментов (каракалпакские кобыз, шын-кобыз, дутар, казахская домбра).

За время полевых работ было отснято около 4500 м. цветной киноплёнки.

После обработки фильм будет храниться в Институте этнографии АН СССР.

А. В. Оськин, Х. Есбергенов

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Ю. В. Маретин

ЭТНОГРАФИЯ В ВОСТОЧНОЙ КОМИССИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

(ОБЗОР РАБОТЫ ЗА ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ)

Восточная комиссия — одна из самых молодых в составе Географического общества. Она была основана в декабре 1955 г. по инициативе акад. В. В. Струве и старейшего члена Географического общества, географа и историка А. В. Королева, а также ряда ленинградских энтузиастов — географов, востоковедов, этнографов и др. Разъясняя причины ее создания, первый председатель Бюро Восточной комиссии акад. В. В. Струве отметил возрастающую роль Востока в современной жизни, усиление интереса широких кругов общественности к странам Азии и Африки и, наконец, необходимость координировать усилия ученых разных специальностей, изучающих Восток как в научных учреждениях Ленинграда, и других городов Советского Союза, так и самостоятельно.

Очень скоро рамки работы комиссии значительно расширились и вышли за пределы собственно географии Востока, так как в комиссию пришли специалисты, занимающиеся изучением Востока в разных аспектах. Комплексность подхода была всегда отличительной чертой русского востоковедения. Кроме того, подобная широта объясняется комплексностью самой географии, теснейшим образом связанной с этнографией и рядом других наук.

За 21 год своего существования, с декабря 1955 по декабрь 1976 г., комиссия провела около 270 заседаний, на которых было заслушано более 490 докладов и сообщений. Комиссия также выпускает ряд изданий: с 1959 г. — «Страны и народы Востока»¹, с 1965 г. — «Материалы Восточной комиссии», которые со второго номера получили название «Доклады

¹ «Страны и народы Востока» (далее — СНВ), вып. I, М., 1959; вып. XVIII, М., 1976; общий их объем более 450 печ. л.; в них опубликовано свыше 400 статей и сообщений; кроме того, два выпуска находятся в издательстве и еще один утвержден к печати. Из опубликованных выпусков шесть имеют комплексный характер: вып. I, 1959; II, 1961; III, 1964; IV, 1965; VIII, 1969; XVIII, 1976 — их подзаголовки «География. Этнография. История»; остальные регионально-тематические: вып. V, 1967; XII, 1972; XIV, 1972 — «Индия — страна и народ» (книги 1, 2, 3); вып. VI, 1968; XIII, 1972; XVII, 1975 — «Страны и народы бассейна Тихого океана» (книги 1, 2, 3); выпуски VII и IX, оба 1969 — «Страны и народы Африки»; вып. X, 1971 — «Средняя и Центральная Азия»; вып. XI, 1971 — «Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии»; вып. XVI, 1973 — «Памир». В сборниках этой серии печатаются как работы, доложенные на заседаниях комиссии, так и статьи, предложенные специально для издания.

Восточной комиссии» и продолжались под этим названием². Были изданы также сборник избранных работ членов Восточной комиссии из первых семи выпусков названных серий (в переводе на английский язык³), сборник кратких вариантов статей выпуска XIII этой серии (в переводе на английский⁴), а также материалы конференций, проводимых Комиссией совместно с другими научными учреждениями, отдельные сборники и монографии⁵.

Следует отметить, что вся деятельность Восточной комиссии, включая и издательскую, осуществляется только на добровольных началах.

В Восточной комиссии больше, чем в любой другой комиссии или отделении Географического общества, география представлена в своем страноведческом аспекте, а не узкоспециализированном. Например, весьма широко представлена разносторонняя тематика страноведческого характера в докладах об Индии — стране, которой в целом посвящено больше докладов, чем любой другой стране мира и даже группе стран⁶. Это объясняется как повышенным интересом научной общественности к Индии, многообразием проблем, связанных с нею, так и наличием значительной группы энтузиастов-индологов, сплотившихся вокруг Восточной комиссии.

Такой широкий подход имеет то несомненное достоинство, что Восток изучается в комплексе — от физической географии до сложнейших проблем духовной культуры. В этом отношении можно сказать, что работа Восточной комиссии продолжает деятельность Восточного отделения Русского географического общества, которое всегда в равной мере интересовалось как Природой, так и Человеком, всячески поощряя этнографическое направление. Это направление еще более усилилось, когда в 1965 г. председателем Бюро после кончины акад. В. В. Струве стал один

² «Материалы Восточной комиссии» (далее МВК), вып. I, Л., 1962; продолжались как «Доклады Восточной комиссии» (далее — ДВК). Вып. 1 (2), — 1965, вып. 3 — 1966, вып. 4 — 1967; в них напечатаны только обсужденные доклады, изданы ротاپринтом.

³ «The countries and peoples of the East. Selected Articles». Moscow, 1974, 342 p. В сборнике опубликовано 25 статей.

⁴ «Countries and peoples of the Pacific Basin. Summaries of articles by Soviet scholars. For the XII International Congress of the Pacific Science Association (Canberra, August 1971)». Moscow, 1971, 152 p. Опубликовано 22 статьи.

⁵ Например, Восточная комиссия была одним из основных подразделений Географического общества при организации и проведении ряда конференций, подготовленных этим последним в сотрудничестве с другими институтами и учреждениями. Материалы многих из этих конференций были опубликованы: «Экономическое районирование развивающихся стран». М., 1968 («Вопросы географии», сб. 76), 222 с.; одновременно этот сборник с несколько измененным авторским составом вышел на английском языке под грифом Восточной комиссии, Московского филиала Географического общества и Института географии АН СССР: «Problems of regionalisation in the developing countries». Moscow, 1968; далее вышли: «Современные проблемы развития и размещения производительных сил в Африке. Сборник докладов на научной конференции, состоявшейся 3—4 февраля 1969 г. в г. Ленинграде», М., 1969, ч. I, 178 с.; ч. II, 175 с.; «География и развивающиеся страны (проблемы использования природных и трудовых ресурсов). Тезисы докладов (29 января — 3 февраля 1970 г.)». М., 1970; «География и развивающиеся страны (современные проблемы развития и размещения производительных сил). Материалы конференции. Ленинград, 25—27 сентября 1973 г.». М., 1973, 158 с. Из отдельных изданий назовем «Проблемы населения и хозяйства стран Африки. Сборник статей», Л., 1973, 146 с.; Н. С. Бабинцева. Экономические очерки современной Африки. М., 1970, 199 с. Важно подчеркнуть, что в названных изданиях и соответственно на упомянутых конференциях содержится значительное количество докладов, связанных самым прямым образом с этнографией в ее этноэкономическом и демографическом аспектах.

⁶ Подробную библиографию см.: И. В. Сахаров. Восточная комиссия Географического общества Союза ССР и ее работа по изучению Индии, СНВ, IV, 1967, с. 5—22; *его же*. Изучение Индии в географическом обществе СССР (1917—1968), «Изв. Всесоюзного географического общества», т. 100, 1968, вып. 5, с. 393—419; *его же*. Хроника работы Восточной комиссии ГО СССР по изучению Индии (1967—1971), СНВ XII, 1972; с. 298—301; *его же*. Indian studies at the Oriental commission of the Geographical Society of the USSR, pt. I, List of meetings, pt. II. Summaries of the articles published in «India — Land and Peoples» Series, books 1—3, СНВ, XIV, 1972, p. 285—329.

из виднейших этнографов нашей страны, член-кор. АН СССР Д. А. Ольдерогге. В настоящее время в рядах Комиссии активно работает большой отряд этнографов, в том числе сотрудники Института этнографии АН СССР, а результаты некоторых работ публикуются под двойным грифом (например, 13-й выпуск серии «Страны и народы Востока», посвященный 125-летию со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая и 100-летию со дня его первой высадки на Новой Гвинее).

Не касаясь работы комиссии во всем ее объеме⁷, ибо анализ всех произнесенных докладов и опубликованных работ потребует серии статей, остановимся на этнографической тематике, так или иначе затронутой в докладах и выступлениях, состоявшихся на ее заседаниях или заседаниях, проведенных совместно с другими отделениями или комиссиями Географического общества⁸. Без преувеличения можно сказать, что этнография в широком смысле этого термина занимает преобладающее место в работе комиссии. Более половины заслушанных докладов и печатных работ посвящено либо непосредственно этнографическим проблемам, либо тесно связаны с тем или иным смежным разделом других наук.

Теория и методология этнографических исследований была затронута в нескольких докладах. Ошибки в применении метода пережитков подверг критике В. Р. Кабо, который, в частности, показал (преимущественно на австралийском материале), что многие так называемые пережитки в действительности являются полноценными институтами данного общества и играют существенную функциональную роль⁹.

Сложную проблему применения семиотических методов в этнографии поднял М. В. Воробьев на примере палеоэтнографии японцев; автор полагает, что семиотика открывает новые широкие возможности для интерпретации многих этнографических явлений, особенно на так называемом неявном уровне, т. е. тогда, когда значение тех или иных ритуалов или действий забылось и они совершаются по традиции. Ю. В. Маретин в двух докладах, используя индонезийский материал, стремился показать, что и с помощью традиционных методов ученые могут достигнуть положительных результатов и что любые обряды, являющиеся концентрированным выражением «знаковости», объясняются без семиотической методики, хотя эта последняя, как и семиотическая терминология, может служить полезным инструментом не столько для собственно этнографии, сколько для анализа структуры мышления той или иной группы, племени, этноса. На примере этой дискуссии видно, что нередко региональная тематика служит удобным средством для того, чтобы поднять важные общетеоретические вопросы.

Одна из актуальнейших научных и практических проблем настоящего времени — проблема «Человек и окружающая среда», или, что то же, «Общество и природа», проблема комплексная, имеющая многогранные

⁷ См. Б. А. Вальская. Летопись Восточной комиссии Географического общества СССР за 10 лет (1955—1965).— СНВ, VIII, с. 292—310; И. В. Сахаров. Десять лет работы Восточной комиссии Географического общества Союза ССР.— «Народы Азии и Африки» (далее — НАА), 1967, № 2, с. 230—235; «Восточная комиссия Географического общества СССР в 1966—1972 гг.» (составила Б. А. Вальская при участии И. В. Сахарова).— СНВ, XV, с. 5—17.

⁸ Далее в сносках мы указываем на публикацию, если доклад полностью, частично или в переработанном виде появился в печати. Если формулировка темы доклада повторяет его заглавие, в сносках мы не приводим его. Возможно, автор пропустил некоторые опубликованные доклады, особенно если они напечатаны под иным заглавием и в малотиражных или периферийных изданиях или изданиях неэтнографического характера; автор просит не усматривать в этом ничего, кроме отсутствия у него достаточной информации.

⁹ Первоначально опубликован в ДВК, 1(2), с. 51—61; в дополненном виде вошел в статью «История первобытного общества и этнография (К проблеме реконструкции прошлого по данным этнографии)»,— В сб. «Охотники, собиратели, рыболовы», Л., 1972, с. 53—67.

аспекты, начиная с роли географической среды в процессе антропо- и этногенеза и кончая практическими взаимоотношениями человека и общества с ландшафтом. Этот последний аспект включает и вопросы охраны и восстановления природных ресурсов. О важности сохранения окружающей среды говорил на XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев¹⁰. В Резолюции VI съезда Географического общества, состоявшегося в декабре 1975 г., неоднократно подчеркивается важность как научного изучения проблем, связанных с взаимоотношением человека и среды, в том числе и в историко-этнографическом отношении, так и разработка практических предложений¹¹.

Восточная комиссия обсуждала как чисто географические, так и этнографические аспекты этой широкой проблемы: роль географической среды в становлении производящего хозяйства древнего Индостана¹², взаимоотношение географической среды, хозяйства и общественного строя у народов Ассама, а также влияние природного окружения на хозяйственную жизнь даяков Калимантана¹³, взаимодействие этно-, экономико- и политико-географических аспектов в Африке (Ю. Д. Дмитриевский), мировые экологические проблемы, со всей остротой вставшие в связи с трагической сахельской засухой 1970-х годов в Африке (И. Н. Олейников). Чрезвычайно важные географические и этнографические аспекты понятия «развивающиеся страны» рассмотрел Л. Ф. Блохин¹⁴; он и С. А. Маретина (в названных выше докладах) вскрыли сложнейшие зависимости народов развивающихся стран, особенно тропического и субтропического пояса, от географической среды, подчеркнув, что без учета этих факторов невозможно понять особенности хозяйства этих народов, а также некоторые черты их социальной организации.

На заседании Восточной комиссии обсуждались сложнейшие вопросы этногенеза и его связи с географической средой, а также проблемы первоначальной прародины человечества и роль Центральной Азии в становлении человека. Так, эти сюжеты неоднократно рассматривал в своих выступлениях А. В. Королев, который, опираясь на гипотезу акад. П. П. Сушкина, горячо отстаивал идею становления человека в предгорных районах Центральной Азии. Дискуссия содержала ценную информацию, но сама идея, защищаемая А. В. Королевым (в первую очередь о существовании «снежного человека»), не вышла за рамки гипотезы, к тому же не подтверждаемой современными палеоантропологическими открытиями.

Члены комиссии приняли активное участие в дискуссии, развернувшейся вокруг серии докладов Л. Н. Гумилева, доказывающего обусловленность этнического развития географической средой на всех этапах этногенеза и этнической истории¹⁵. По его мнению, этнос — это явление

¹⁰ «Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева 24 февраля 1976 г.».— «Материалы XXV съезда КПСС», М., 1976, с. 53.

¹¹ «Материалы VI съезда Географического общества Союза ССР. Решения VI съезда Географического общества СССР», Л., 1976, с. 10—19.

¹² А. Я. Шетенко. Древнейшие земледельческие культуры Декана. Л., 1965.

¹³ С. А. Маретина. Взаимоотношение естественных условий труда, хозяйства и общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии.— НАА, 1971, № 6, с. 45—56; *её же*. Роль природной среды в хозяйственной жизни даяков Калимантана.— СНВ, XV, с. 173—182.

¹⁴ Положения доклада Л. Ф. Блохина частично вошли в его статью «Влияние за- лежной системы земледелия на размещение сельского населения Западной Африки».— СНВ, VII, с. 95—110.

¹⁵ Начата докладами «О термине „этнос“ и «Этнос как явление» в 1966 г., эта тема была им затем изложена в серии других докладов и печатных работ: Л. Н. Гумилев. Этногенез и биосфера Земли. Автореферат докт. дис. Л., 1974 (здесь же полная библиография); Л. Н. Гумилев. Ethnogenèse et biosphère de la terre.— «Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae», 1975, t. 24, № 1—2, p. 27—46).

прежде всего биосферное и геосферное (согласно терминологии акад. В. И. Вернадского). Раскрывая данное положение, Л. Н. Гумилев утверждает, что этнос — это сочетание био- и социозлементов, объединяемых географией, т. е. физической средой — ландшафтом, когда именно ландшафту принадлежит ведущая роль в «этногенетическом первотолчке». Соглашаясь с Л. Н. Гумилевым в том, что в процессе этногенеза и этнической истории географические и биологические факторы очень важны и что эти факторы часто не привлекали необходимого внимания этнографов, многие участники дискуссий не согласились с выдвиганием на первый план именно этих сторон при отведении факторам социальным и экономическим, играющим важнейшую роль, второстепенного места; возражения вызвало также выделение «стереотипа поведения» в качестве определяющего признака этноса.

В ряде докладов были рассмотрены конкретные сюжеты, связанные с древней этнической историей Индии: Ю. А. Заднепровского — о культуре Ахар в Южном Раджастане, относящейся к 2000—1000 гг. до н. э. и являющейся плодом смешения местных элементов с хараппскими и другими внешними влияниями¹⁶; Н. В. Гурова — о прародине дравидов в связи с новыми данными по расшифровке протоиндийских письмен и о дравидийских элементах в языке этой письменности. Проблемы этнической истории Африки осветил Д. А. Ольдерогге в докладе «Новая этническая классификация народов Южной Африки», показав, что существующая классификация неосновательно выделяет койсанскую группу языков, в которой оказываются языки разных структур. Отталкиваясь от последних исследований английского ученого Вестфала и вводя этнографический материал, докладчик показал, что в так называемой койсанской группе оказываются смешанными не только лингвистические, но и расовые и этнографические критерии, и предложил выделять две лингвистические группы — готтентотскую и палеоафриканскую. А. И. Собченко доложил о влиянии рабства на этнические процессы в Конго. При рассмотрении региональных этнографических проблем докладчики касались также и вопросов этногенеза некоторых народов (об этом см. ниже, в разделе о региональной тематике).

Интенсивно разрабатывается этногеография (и раздел ее — этнолингвогеография) прежде всего на материале Индии. Один из активно работающих этногеографов — И. В. Сахаров; основные задачи этой науки он формулировал так: определение национального состава, этнонациональное районирование, комплексные этногеографические характеристики, исследование связей между этносами и природной средой¹⁷.

Важный раздел работы комиссии — изучение национального вопроса как в историко-политическом, так и этнографическом аспектах. Серьезнейшую теоретическую и практическую проблему поднял Д. А. Ольдерогге в докладе «Этнолингвистическое и политическое деление Африки»; он показал, что этнолингвистическая карта Африки весьма существенно отличается от политической, главным образом из-за колониального раздела континента, но что попытки «перекроить» политическую карту чреваты самыми трагическими последствиями¹⁸.

Вопросу с роли внутреннего рынка как одного из мощных факторов этнонациональной консолидации в полиэтнических развивающихся странах было посвящено совместное заседание комиссии с Ленинградским филиалом Института Африки и Городским семинаром по развивающим-

¹⁶ СНВ, XIV, с. 190—210.

¹⁷ См., например, И. В. Сахаров. Основные задачи и перспективы в области изучения этногеографии Индии. СНВ, XV, с. 157—168 (здесь же библиография).

¹⁸ Д. А. Ольдерогге. О некоторых этнолингвистических проблемах Африки. — «Вопросы социальной лингвистики». Л., 1969, с. 135—157.

ся странам 15 мая 1970 г.; тема была рассмотрена на примере Индонезии¹⁹.

Помимо названных докладов, было проведено специальное заседание 27 декабря 1972 г., посвященное 50-летию образования СССР. После вступительного слова Д. А. Ольдерогге, охарактеризовавшего всемирно-историческое значение образования многонационального Советского Союза, с докладами выступили Е. П. Орлова («Культурное строительство у народов Советского Севера»), В. А. Ромодин («Ученые-востоковеды советских республик Средней Азии») и А. Г. Шпринцин («Работа Комиссии нового алфавита по реформе и созданию письменности для народов СССР (1922—1937)»). Ю. Д. Дмитриевский рассказал о Международной конференции в Ташкенте, посвященной 50-летию образования СССР. Из сообщений по этой проблематике, сделанных на других заседаниях, следует отметить доклад с анализом значения опыта СССР в решении национального вопроса для Индии (С. А. Маретина) и доклад о национально-языковых проблемах народов Индии на примере положения в штате Махараштра (В. И. Казаков)²⁰; докладчики и участники дискуссии обсуждали сложнейшие вопросы о связи региональных движений этнического характера с общиндийской национально-освободительной борьбой.

Различные аспекты демографии, включая миграции населения и урбанизацию, продовольственную проблему и развитие ресурсов в связи с ростом населения и др., занимают значительное место в работе комиссии. Особенно тщательно рассматривались демографические проблемы Индии (Л. И. Бонифатьева, Л. А. Княжинская, И. В. Сахаров и др.), в том числе и с участием ученых из Индии (Б. К. Рой Берман — заместитель Генерального регистратора Индии, Фулрани Сенгупта — руководитель Отдела географии и картографии в ведомстве Генерального регистратора, т. е. Службе переписи). Особо следует отметить этнодемографическую серию докладов И. В. Сахарова о миграциях населения Индии (в первую очередь в Западной и Восточной Бенгалии), о формировании этнического состава современных штатов²¹. Проблемам расовой дискриминации и ее влиянию на демографические процессы в Южно-Африканской Республике и особенностям урбанизации Южной Африки посвятил свои выступления А. Д. Юров, а Э. А. Лалаянц рассказал о перспективах индустриализации Юго-Восточной Азии в связи с демографическим фактором в этих странах, отметив, что именно индустриализация может разрешить или смягчить проблему аграрного перенаселения. Г. Н. Озерова доложила об изучении плотности населения Африки²². На значительном полевом материале был построен доклад о закономерностях расселения русских цыган в связи с их миграциями (И. М. Андроникова).

Языкознание — достаточно представительный раздел работы комиссии. Из языковедческих докладов для этнографа представляют интерес следующие: «Общие тенденции развития синитических языков»²³, «Вновь обнаруженный словарь из коллекции П. К. Козлова (из собрания ЛО ИВ АН СССР)»²⁴, «Каталог киданьских графем по системе Василье-

¹⁹ Ю. В. Маретин. Значение внутреннего рынка для Индонезии и трудности его формирования. — В сб. «„Третий мир“: стратегия развития и управление экономикой», М., 1971, с. 47—91.

²⁰ В. И. Казаков. Борьба за создание национальных штатов в независимой Индии. М., 1967 (особенно гл. VII — «Национальное движение маратхов»).

²¹ Большинство этих работ опубликовано на страницах сборников «Страны и народы Востока» (вып. V, XII, XIV). Обзор докладов см. в работах, указанных в сн. 6 на с. 141.

²² Г. Н. Озерова. Картографическая изученность размещения населения Африки. — СНВ, VII, 1969, с. 9—30.

²³ С. Е. Яхонтов. СНВ, XI, с. 268—279.

²⁴ Е. И. Кычанов. — СНВ, II, с. 231—242.

ва—Розенберга—Колоколова»²⁵, «Китайское иероглифическое письмо на современном этапе»²⁶, «Японцы в России в XVIII в. (из истории русско-японской лексикографии)»²⁷. Особое внимание комиссия уделила языковым проблемам Индии: многоязычию в Индии, в том числе степени распространения узко местных, региональных языков и общиндийского хинди, а также английского (Г. А. Зограф, П. А. Баранников), новым данным о национально-языковом составе Индии (И. В. Сахаров); с докладами выступили и индийские ученые (А. Р. Десаи — руководитель фак-та социологии Бомбейского университета, доктор М. Р. Ранганатха — сотрудник отдела языков ведомства Генерального регистратора Индии). Из других регионов этнолингвистическому рассмотрению подверглись Афганистан, Советский Памир (А. Л. Грюнберг²⁸, И. М. Стеблин-Каменский).

Проблемам ономастики и в первую очередь топонимики посвящено значительное число докладов: это обобщающий доклад «Из истории изучения топонимики в Географическом обществе» (Б. А. Вальская); обсуждались также такие темы, как происхождение некоторых географических названий Зарубежной Азии²⁹, этноним и этническая история Средней Азии (В. А. Ромодин), этнотопонимический словарь Средней и Центральной Азии, этимология географического названия «Бухара» (О. И. Смирнова), топонимика современного Нуристана (А. Л. Грюнберг), происхождение и содержание терминов «Индия», «Индостан», «Индийский субконтинент», «индийцы», «индусы», «индуисты» (А. В. Королев), происхождение и значение главнейших китайских географических названий и терминов (М. Ф. Хван), иноязычная ономастика в иероглифике, обозначение топонимов «Средняя Азия» и «Центральная Азия» в разных языках (А. Г. Шпринцин), вопросы японской топонимики (В. П. Яценко).

Среди докладов, имеющих характер этнографического описания отдельного региона, страны или этноса, были заслушаны и обсуждены такие доклады, как этнический состав населения Таиланда³⁰, население о. Ява³¹, государство и город Сингапур и его население³², население Сянгана (И. П. Труфанов), маньчжуры в КНР и народность сибо в Китае (В. С. Стариков), айны о. Хоккайдо³³, этнические проблемы населения о. Маврикия³⁴. Особенно большое внимание уделялось малым народам Индии — их общей характеристике, анализу их общественного строя, языкам, культуре, хозяйству и другим вопросам (выступления М. К. Кудрявцева, С. А. Маретиной, Б. П. Супруновича и др.). Широко обсуждалась также тема «Индийцы за рубежом» (А. Д. Дридзо³⁵, Ю. В. Маретин, А. П. Раскин, И. В. Сахаров, И. П. Труфанов, А. Д. Юров). Подобные обзорные этнографические доклады были прочитаны и по народам Советского Востока: о малых народах Южного Сахалина³⁶, о курдах Туркмении (М. Б. Руденко). Большинство назван-

²⁵ V. S. Starikov. Catalogue of craphems of the Kitan script (first variant).—XI Pacific Science Congress, 1966, Moscow, 1966.

²⁶ А. Г. Шпринцин.—МВК, I, с. 55—60 и др.

²⁷ Частично материал доклада вошел в статью А. Г. Шпринцина «Японский язык в России в первой половине XVIII в.».—НАА, 1965, № 1, с. 163—177.

²⁸ «Опыт лингвистической карты Нуристана».—СНВ, X, с. 288, 289.

²⁹ И. Я. Слоним.—СНВ, I, с. 336—347.

³⁰ Е. В. Иванова. К истории формирования современного этнического состава населения Таиланда, СНВ, IV, с. 25—38.

³¹ Э. А. Лалаянц.—СНВ, I, с. 30—49.

³² И. П. Труфанов. Население Сингапура.—СНВ, IV, с. 39—56.

³³ Т. К. Шафрановская.—ДВК, I (2), 1965, с. 65—72.

³⁴ И. В. Сахаров. Этнический состав населения Маврикия.—«Проблемы населения и хозяйства стран Африки». Л., 1973, с. 55—58.

³⁵ «Индийцы острова Тринидад».—СНВ, II, с. 89—102.

³⁶ Ч. М. Таксами.—ДВК, I (2), с. 73—81; 4, с. 33—58.

ных докладов содержали новую и часто уникальную информацию о народах.

Проблемы развивающихся стран — один из важнейших аспектов работы комиссии. Это естественно, ибо подавляющее большинство стран Азии и Африки относится к числу так называемых развивающихся стран. Однако в нашу задачу не входит рассмотрение всех сюжетов, связанных с развивающимися странами, ибо значительное число обсужденных тем имели географический или экономический характер. Этнографические же темы включены в соответствующие проблемные разделы.

Важные для этнографии вопросы материальной культуры в работе комиссии отражены недостаточно: доклады об истории земледелия в Малой Азии и об орошении в Турции³⁷, о скважинной ирригации в Южной Азии (В. А. Пуляркин), об архитектуре жилищ горных таджиков и об архитектуре мадаров Пенджикента (Л. А. Гуревич), о типах поселений и жилищ Западного Памира (М. Х. Маматназаров), — вот и весь перечень. Из этих докладов особого внимания заслуживает работа Л. А. Гуревича о специфике жилищ горных таджиков, в котором гармонично сочетаются высокая экономичность и чрезвычайная практичность, отвечающие как природным условиям, так и эстетическим представлениям народа.

Зато весьма основательно изучались вопросы общественного строя — община, род, каста и др. Большое теоретическое значение имеют доклады Д. А. Ольдерогге «Род и община (К проблеме типологии общины по материалам Африки и Востока)» и «Матрилинейный род и община (на примере Западной Африки)», в которых автор выдвинул и обосновал ряд положений, показывающих тесную взаимосвязь названных подразделений при наличии между ними принципиальных различий, не позволяющих смешивать их ни на одном этапе их развития³⁸.

Отталкиваясь от индонезийского этнографического материала, Ю. В. Маретин стремился обосновать наличие особого типа общины — общины соседско-большесемейного типа, соответствующей определенной стадии общественного развития³⁹. Были рассмотрены сельская община-деса у яванцев⁴⁰, индийская «община каст» (по определению Л. Б. Алаева) и ее место в типологии общины сельского типа⁴¹, так называемые касты на Бали, являющиеся трансформацией индийских варн в специфических условиях этого индонезийского острова⁴².

Чрезвычайно интересный материал для изучения социально-экономических проблем монархического Йемена, обнаруженный в хозяйственном архиве одного из бежавших правителей, представил О. Г. Пересыпкин. Он же доложил о племенном составе Йемена и политике двух йеменских государств в вопросах ликвидации племенных пережитков. В прениях по докладу о некоторых пережитках матриархата в Турции было высказано мнение, что это черты материнского рода, а не «матриархата», и что предстоит большая работа по их отождествлению именно с тюркскими

³⁷ В. П. Курылев. К истории земледелия в Малой Азии. — ДВК, 4, с. 15—32; см. также СНВ, VIII, с. 230—247.

³⁸ Положения этих докладов были развиты автором в статьях «Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин» и «Типы домашней общины и матрилинейный род у народов Экваториальной Африки». — В сб. «Социальная организация народов Азии и Африки», М., 1975, с. 6—59.

³⁹ Наиболее полно положения доклада отражены в статье «Община соседско-большесемейного типа у минангабау (Западная Суматра)». — В сб. «Социальная организация народов Азии и Африки», с. 60—132.

⁴⁰ Э. А. Лалаянц. Разложение сельской общины у яванцев (конец XIX — первая половина XX в.). СНВ, IV, с. 57—94; тезисы см.: МВК, I, с. 18—21.

⁴¹ Л. Б. Алаев. Типология индийской общины. — НАА, 1971, № 5, с. 63—78.

⁴² С. А. Маретина. Трансформация индийских варн на острове Бали. — В сб. «Касты в Индии», 1965, с. 185—198.

народами, а не с какими-либо из народов, подпадавшими под господство турок⁴³.

Многие темы, имеющие этнографический интерес, были рассмотрены в рамках раздела работы комиссии по истории культуры народов Востока. Отметим следующие темы: циклическая хронология у народов Азии⁴⁴, некоторые вопросы культурной истории кушан (в связи с работами акад. Р. И. Щербатского)⁴⁵, анализ индийских влияний на о. Бали, где, по мнению автора, имело место не простое заимствование элементов, пришедших извне, а синтез элементов местной культуры и тех элементов индийской культуры, в которых развивающееся балийское общество чувствовало органическую потребность⁴⁶; анализ особенностей искусства аборигенов Австралии⁴⁷.

В докладах А. П. Терентьева-Катанского был освещен ряд вопросов истории культуры народов Восточной Азии, таких, как отражение расовых и социальных типов в искусстве Востока, внешний вид, одежда и утварь тангутов (по материалам Ленинградского отделения Института востоковедения и Эрмитажа), представление о диких людях и фантастических племенах в древности у народов Дальнего Востока, иллюстрации в старинных китайских географических книгах⁴⁸, вопрос о происхождении изображений дракона в китайском фольклоре, литературе и иконографии⁴⁹. Были заслушаны также доклады о китайской игрушке⁵⁰, о производстве железных цветов в Китае⁵¹, о праве и быте китайцев в начале XVII в. (Е. В. Бунаков), об истории древнекитайских письменных памятников⁵², о Хара-Хото по данным письменных и археологических источников⁵³, о некоторых памятниках искусства Закавказья эпохи ранней и развитой бронзы (III—I тысячелетия до н. э.)⁵⁴, о народной астрономии на Памире (И. М. Стеблин-Каменский), о происхождении магических чисел у народов Древнего Востока (Египет, Месопотамия, Индия) и о зарождении геометрических понятий у народов Востока⁵⁵, о деньгах-раковинах на о. Новая Британия (В. О. Гурецкий).

Такая широкая этнографическая тема, как духовная культура народов Востока представлена в ряде докладов религиоведческого и фольклористического характера. Это доклады об анимистической религии пинпу — аборигенов Тайваня — по свидетельствам голландцев XVII в. (М. Ф. Чигринский), культ гор и деревьев у корейцев⁵⁶, религиозные представления у древних монголов (Л. Л. Викторова), так называемые иранские божества в буддийском пантеоне в Хотане (Н. В. Дьяконова).

⁴³ М. Н. Серебрякова. О некоторых пережитках материнского рода и ранних формах семейно-брачных отношений у турок Малой Азии, СНВ, VIII, с. 248—258.

⁴⁴ А. Н. Зелинский. «Колесо времени» в циклической хронологии Азии.— НАА, 1975, № 2, с. 104—117.

⁴⁵ А. Н. Зелинский.— СНВ, V, с. 236—257.

⁴⁶ Ю. В. Маретин. По поводу индийских влияний в балийской культуре.— СНВ, V, с. 129—149.

⁴⁷ В. Р. Кабо. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969, с. 289—319.

⁴⁸ СНВ, VIII, с. 85—98.

⁴⁹ «Китайская легенда о драконе».— СНВ, XI, с. 119—126.

⁵⁰ В. С. Стариков. Современная северокитайская глиняная игрушка (Пекин и провинция Хэбэй).— СНВ, I, с. 314—335.

⁵¹ В. С. Стариков. «Техуа» (Малоизвестная отрасль китайского прикладного искусства).— СНВ, III, с. 79—82.

⁵² К. В. Васильева. Из истории древнекитайских письменных памятников.— СНВ, XI, с. 15—23.

⁵³ Е. И. Лубо-Лесниченко, Т. К. Шафрановская. Мертвый город Хара-Хото. М., 1968; см. также СНВ, XI, с. 49—54.

⁵⁴ Частично опубликован в статье: В. Б. Блэк. Некоторые памятники искусства Закавказья эпохи развитой бронзы (первая половина и середина II тысячелетия до н. э.).— СНВ, XV, с. 282—287.

⁵⁵ М. Я. Носелева. Происхождение магических чисел.— СНВ, IV, с. 239—241.

⁵⁶ Ю. В. Ионова. К вопросу о культе медведя, пещер и гор у корейцев.— СНВ, VI, с. 154—157.

По фольклору, обычаям и обрядам народов Востока были заслушаны следующие доклады и сообщения: предания гаошаньских племен Тайваня (М. Ф. Чигринский), новые историко-географические данные о киргизах в связи с вопросом о происхождении эпоса «Манас» (В. А. Ромодин), записи фольклора и другие материалы, характеризующие древние Пенджикент, Бухару и Хорезм (Н. Л. Барташева), вопрос об устойчивости и преемственности традиций свадебных обрядов у народов Передней Азии на материале тюрок-огузов XI—XII в.⁵⁷

Несколько докладов о народной медицине было заслушано на совместных заседаниях Комиссии медицинской географии и Восточной, например, о лекарственных растениях тибетской медицины (А. Ф. Гаммерман) и об экспедиции за ними (К. Ф. Блинов), о некоторых вопросах медицинской географии Индии (В. И. Филимонов) и Эфиопии (В. А. Елизаров), наконец, о некоторых итогах медико-географического изучения Памира к 1958 г. (В. П. Бяков).

Ряд проблем исторической этнографии Африки и Азии был затронут в докладах о новых исследованиях по истории и археологии Африки, о загадках страны Пунт, об архитектурных памятниках Томбукту (Д. А. Ольдерогге), о малоизвестных сведениях арабских авторов X—XII вв. по этнографии Восточной Африки и о городах мзамбитов Гардайе и Гераре (В. В. Матвеев), о географических открытиях арабов в Индийском и западной части Тихого океанов в связи с данными арабской морской энциклопедии 1490 г. и о других темах, связанных с арабским мореходством и культурными влияниями арабов в Южной и Юго-Восточной Азии и в Африке (Т. А. Шумовский)⁵⁸. Некоторые вопросы исторической этнографии Сибири и стран Дальнего Востока освещены в докладах о дневниках Лоренца Ланга (XVIII в.) и содержащихся в них сведениях о Сибири⁵⁹, о дневнике Джона Кестля как источнике по истории и этнографии казахов XVIII в. (Г. И. Семенюк), о первом знакомстве голландцев с аборигенами Тайваня⁶⁰, о некоторых малоизвестных источниках по этнографии Тайваня эпохи позднего средневековья⁶¹, о путешествии Юй Юн-хэ на Тайвань в конце XVIII в. (М. Ф. Чигринский). Интересными были дискуссии по проблемам, связанным с тюрками, хазарами и булгарами: методы интерпретации тюркских этнографических памятников⁶², рассмотрение взаимоотношений Хазарии с районом Каспия с использованием материалов экспедиций 1961—1962 гг.⁶³, обсуждение книги И. И. Артамонова «История хазар» (Москва, 1962), вопрос о происхождении аспаруховых болгар (М. Ф. Хван), черты мусульманства в обрядах волжских болгар (М. А. Салахетдинова). Была представлена неопубликованная работа С. У. Ремезова «О калмыках как весьма известном в Сибири народе».

Прекрасной традицией Восточной комиссии стала постановка докладов и отчетов о путешествиях и командировках в страны Востока.

⁵⁷ Р. А. Гусейнов.— ДВК, 1 (2), с. 87—93.

⁵⁸ Ряд докладов Т. А. Шумовского опубликован в сборнике «Страны и народы Востока» (вып. I, с. 162—193; III, с. 142—163; XVIII, с. 173—179, и др.); свои изыскания он обобщил в монографии «Арабы и море», М., 1967.

⁵⁹ Т. К. Шафрановская. Дневники Лоренца Ланга как исторический источник (Из истории изучения народов Сибири, Монголии и Китая в первой половине XVIII в.), Автореферат канд. дис., Л., 1972 (в работе большая библиография, включая и работы, опубликованные в изданиях Восточной комиссии).

⁶⁰ М. Ф. Чигринский. Ранние голландские известия о пинпу — аборигенах Тайваня.— СНВ, XV, с. 263—271.

⁶¹ М. Ф. Чигринский. Из исторической географии и этнографии Тайваня.— СНВ. XIII, 1972, с. 199—214.

⁶² Положения доклада отражены в книге: Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967.

⁶³ Л. Н. Гумилев. Открытие Хазарии (Историко-географический этюд). М., 1966

Ю. Н. Рерих сделал два доклада — «Научно-исследовательские работы в Монголии, Тибетском районе Китая и Гималаях, в 1923—1957 гг.» и «О кочевниках Тибета»⁶⁴. О Китае рассказывали: В. С. Стариков — «Города Северо-Восточного Китая (Дунбэя) по личным впечатлениям», О. П. Петрова — «Города Китая — Шанхай, Нанкин, Ханчжоу — по личным впечатлениям», А. М. Дзенс-Литовский — «По провинциям нового Китая — Юньнани и Сычуани», Б. Б. Вахтин — «Китайская Народная Республика (по личным впечатлениям — сентябрь-октябрь 1966 г.)». Япония предстала в сообщениях В. Н. Горегляда «По Японии в 1962—1967 гг.», В. Т. Дашкевич «Впечатления о поездке в Японию (осень 1966 г.)», Л. В. Зениной «Год в Японии (сентябрь 1974 — август 1975)», Д. А. Ольдерогге поделился впечатлениями о стране и о VIII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, состоявшемся в Японии в 1968 г. О пребывании в Сингапуре в 1971—1972 гг., рассказал С. Е. Яхонтов.

О поездках в Индию сделали доклады: В. И. Кальянов, Г. А. Зограф (дважды), М. К. Кудрявцев (который сделал также сообщение об антропологической службе в Индии)⁶⁵, Л. И. Бонифатьева, А. М. Рябчиков, Т. В. Грек, И. В. Сахаров (дважды), рассказавший также и о Непале, Л. Б. Алаев, проводивший весь 1970 г. в Индии по командировке от ЮНЕСКО, Е. И. Лубо-Лесниченко. Последний рассказал также о поездках в Индонезию, Бирму и Непал. Калимантан предстал в насыщенном фактами изложении Л. М. Демина, которому в бытность его корреспондентом «Правды» в Юго-Восточной Азии в 1967—1969 гг., удалось побывать в индонезийской и в малайзийской его частях, включая Сабах, а также в Брунее⁶⁶. О пребывании в Афганистане рассказали О. Ф. Акимущикин и А. Л. Грюнберг, который провел там несколько лет (1963—1967, 1974 гг.) и совершил труднейшие экспедиции в районы Нуристана и Мунджана в Восточном Гиндукуше, где ему часто приходилось быть первопроходцем, так как европейцы не бывали во многих посещенных им местах⁶⁷; дополнением к этому рассказу явился его доклад совместно с Т. А. Абаевой «Новые материалы и исследования о Восточном Гиндукуше».

О путешествии по Йемену, об открытии новых, не известных науке древних текстов, о посещении разрушенных городов древности, в которых не бывали еще европейцы, дважды ярко рассказал П. А. Грязневич. Доклады о своих поездках по Йемену и новых находках сделали также О. Г. Пересыпкин (с показом коллекций). А. П. Окладников и Б. Б. Пиотровский изложили результаты научной экспедиции в Египет; Н. С. Петровский рассказал о путешествии по Египту, Нубии и Северному Судану; А. А. Богданов — о памятниках древнего искусства и о современном искусстве, что было целью его поездки в Египет. Серию докладов о своих поездках в страны Африки сделал Д. А. Ольдерогге: о Сенегале (дважды) и Мали, о Томбукту, об Эфиопии, А. А. Жуков рассказал о Танзании 1972 г., а Ф. Х. Бахтеев — о путешествиях дореволюционных русских и советских ученых по странам Африки и т. д.

Советский Восток нашел отражение в докладах и сообщениях об экспедициях в Среднюю Азию и районы Дальнего Востока: наскальные изображения, обнаруженные в Саймалы-Таш в Киргизии⁶⁸, археологи-

⁶⁴ «Кочевые племена Тибета». — СНВ, II, с. 7—12.

⁶⁵ «Антропологическая служба в Индии». — СНВ, V, с. 100—105.

⁶⁶ Л. Демин. Над Мерапи облака (Очерки об Индонезии). М., 1971, с. 103—114; его же. Малайзия экзотическая и будничная, М., 1971, с. 86—122; его же. Бруней, М., 1973.

⁶⁷ «Нуристан. Этнографические и лингвистические заметки». — СНВ, X, с. 264—287.

⁶⁸ Н. А. Подольский. О классификации наскальных изображений Саймалы-Таш Ферганского хребта. — ДВК, 3, с. 24—41.

ческая разведка в Ваханской долине Южного Памира (А. Н. Зелинский), тибетские надписи, найденные в районе Иссык-Куля в Киргизии и свидетельствующие о буддийских влияниях в этом регионе⁶⁹, этнографические наблюдения в Тарбагатайском районе Восточного Казахстана (Г. В. Пионтек), воспоминания о поездке к тазам Приморья (А. Г. Шпринцин).

Этнографические сюжеты обсуждались также во время отчетов членов Восточной комиссии о всесоюзных конференциях, на разнообразных симпозиумах и иных научных встречах, как организованных при участии комиссии, так и состоявшихся под эгидой других учреждений, а также об участии в международных конгрессах.

История географических и этнографических исследований — одно из основных направлений работы комиссии. Особое внимание уделяется изучению роли российских и собственно русских исследований в истории изучения Востока. Перечисленные ниже названия и темы докладов могут дать представление об этом участке работы: «Роль Российской Академии наук в изучении стран Востока», «Академические материалы для познания России и сопредельных стран Азии в 1839—1896 гг.», «К 150-летию выхода в свет сборника „Архив азиатской литературы, истории и языкознания“, изданного в Санкт-Петербурге в 1810 г. Академией наук России», «„Сибирский вестник“ и „Азиатский вестник“ и их издатель Г. И. Спасский» (автор всех — Т. К. Шафрановская) «Вклад Русского Географического общества в изучение Казахстана» (С. К. Джорылгасова); цикл докладов, всесторонне освещающих роль Е. П. Ковалевского в изучении Востока⁷⁰, а также Черногории (Н. С. Мартинович, Югославия); «Новые данные о Я. В. Виткевиче и его путешествии в Бухару и Афганистан» (В. П. Грицкевич); «Путешествие Филиппа Назарова в Коканд в 1812—1813 гг.»⁷¹; русские путешественники в Индию — Петр Триногин, побывавший в Средней Азии и Индии в XVII в., полузабытый путешественник П. И. Пашино, а также ряд других неизвестных и малоизвестных имен (серия докладов Г. Н. Куриленко); Рафаил Данибегов, побывавший в Индии в конце XVIII в.⁷², русские этнографы на Цейлоне (Н. Г. Краснодембская).

Были подготовлены также следующие доклады: «Забытые русские путешественники по арабским странам (Египет, Сирия, Ливан)»⁷³, новые материалы о первом сообщении сибирских казаков о японцах (1652—1653)⁷⁴, об А. К. Булатовиче — исследователе Африки (три доклада: Д. А. Ольдерогге, Б. А. Вальской, И. С. Кацнельсона), о русских путешественниках в Томбукту (Д. А. Ольдерогге), «Два забытых русских путешествия в Африку в 70-х годах XIX в. — А. Куропаткин и С. Шольц-Рагозинский», «Необычайные приключения Василия Полозова в Африке и на Востоке в XVIII в.», «Русский дипломат-путешественник в Эфиопию в начале XX в. Б. А. Чемерзин» (все — Г. П. Куриленко), «Путешествие В. А. Догеля и И. И. Соколова в Кению и Уганду в 1914 г.» (Б. А. Вальская), «Исследователь Северо-Восточной Африки И. И. Пузанов»

⁶⁹ А. Н. Зелинский, Б. И. Кузнецов. — СНВ, VIII, с. 183—185.

⁷⁰ См. Б. А. Вальская. Путешествия Егора Петровича Ковалевского, М., 1956. Новые изыскания об этом замечательном путешественнике опубликованы ею в разных выпусках серии СНВ (I, с. 263—265; IV, с. 180—197; XV, с. 126—143); МВК (I, с. 29—33; ДВК, I (2), с. 36—50; 3, с. 5—27).

⁷¹ Ф. Назаров. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии (текст подготовил В. А. Ромодин. Примеч. В. А. Ромодина и В. А. Урвалова). М., 1968.

⁷² Р. Р. Орбели. К литературной истории «Путешествия в Индию» Рафаила Данибегова. — СНВ, V, с. 209—219.

⁷³ Частично материал доклада А. М. Любарской опубликован в СНВ, I, с. 148—161.

⁷⁴ Резюме доклада Б. Н. Полевого опубликовано в сб. «Краткое содержание докладов годичной сессии Института этнографии АН СССР, 1970». Л., 1971, с. 55—57.

(Ю. Д. Дмитриевский), «Африка в русских учебниках географии за два столетия» (М. Б. Горнунг).

Этнографические сюжеты широко представлены также в докладах, посвященных памятным датам, связанным с жизнью и деятельностью отдельных ученых-востоковедов. Широкая представительность комиссии позволяет ее членам отмечать почти все даты, приметные в востоковедении и этнографии. Так, большое внимание было обращено на научное творчество Н. Н. Миклухо-Маклая: поставлены отдельные доклады — «Н. Н. Миклухо-Маклай — знаменитый путешественник и исследователь народов Океании», о неизданной переписке ученого (Б. А. Вальская, В. О. Гурецкий)⁷⁵, сделан обзор архивных материалов, хранящихся в Центральном гос. архиве Военно-Морского флота (И. Н. Соловьев); комиссия приняла активное участие в торжественном заседании, посвященном 125-летию со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая и выпустила специальный сборник, посвященный этой дате, совпавшей со столетней годовщиной его первой высадки на Новой Гвинее (СНВ, вып. XIII).

Комиссия приняла также участие в праздновании столетия со дня рождения выдающегося русского художника, гуманиста, ученого Н. К. Рериха. Были проведены специальные заседания по поводу столетия со дня рождения исследователя Африки А. К. Булатовича и 200 летия со дня рождения академика Ф. П. Аделунга, 50-летия со дня кончины выдающегося этнографа, путешественника и революционного деятеля П. А. Ровинского (среди докладчиков был югославский ученый Н. С. Мартинович с темой «П. А. Ровинский как этнограф»), 120 лет со дня рождения академика К. М. Бэра.

Были проведены также заседания в честь ученых, работавших уже в наши дни, — знаменитого исследователя Дальнего Востока В. К. Арсеньева (доклады Б. П. Полевого, А. Г. Шпринцина, Е. П. Орловой, В. С. Старикова и др.) и индолога академика Р. И. Щербатского (оба заседания в связи со столетием со дня их рождения), а также 40-летия со дня смерти исследователя Центральной Азии Г. Е. Грумм-Гржимайло. Комиссия почтила память академиков И. Ю. Крачковского, В. М. Алексеева, создателей Комиссии академика В. В. Струве (ему посвящен VIII выпуск СНВ) и А. В. Королева (посвятив ему XVIII выпуск СНВ), выдающегося тибетолога Ю. Н. Рериха (с докладами о нем выступили Б. И. Панкратов, Л. Н. Гумилев и А. В. Королев). Состоялись доклады о других безвременно ушедших наших современниках — арабисте А. П. Ковалевском, экономгеографе и историке культуры В. М. Штейне, историке и антропологе Ю. И. Мережинском, индологе В. С. Воробьеве-Десятовском, китаисте А. Г. Шпринцине.

Комиссия отмечает и юбилеи своих здравствующих ко времени проведения заседания сочленов, среди которых многие являются этнографами или соприкасаются с этнографией. Так, были отмечены юбилеи А. В. Королева, Б. И. Панкратова, В. В. Струве, Д. А. Ольдерогге, В. С. Колоколова и др. Все эти ученые внесли большой вклад в науку, в том числе и в этнографию.

Ряд докладов был посвящен известным ученым прошлых эпох, а также зарубежным ученым. Так, комиссия отметила специальной сессией 1000-летие со дня рождения Абу Рейхана Бируни, столетие со дня рождения выдающегося французского востоковеда Г. Феррана.

Восточная комиссия не прошла мимо вопросов музейного дела, обсуждая их обычно совместно с Комиссией по организации музеев в при-

⁷⁵ Б. А. Вальская, кроме того, опубликовала несколько статей о Н. Н. Миклухо-Маклае: «Борьба Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов берега Маклая» (СНВ, I, с. 130—147), «Неопубликованные материалы о подготовке экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею в 1871 году и о плавании корвета «Скобелев» к этому острову в 1883 году» (СНВ, XIII, с. 7—40) и др.

роде. Ряд докладов сделал председатель последней, неутомимый энтузиаст этого дела Г. В. Пионтек: «Предложения по организации системы этнографических парков-музеев в республиках Кавказа и Средней Азии», «Тбилисский историко-этнографический музей Грузинской ССР под открытым небом» и др.⁷⁶ Значительный интерес представил доклад Л. А. Гуревича «Городище древнего Пенджикента как потенциальный музей под открытым небом». История собирания в первой половине XVIII в. китайских коллекций Петербургской Кунсткамеры — ныне Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР — пример другого направления музееведческой тематики (Т. К. Шафрановская); состоялся доклад о китайской коллекции академика В. М. Алексеева⁷⁷.

Этнографическая тематика широко представлена также и на специальных заседаниях, посвященных обсуждению новой литературы по той или иной стране Востока, и в библиографических докладах по общим вопросам, например в докладах «Комплектование библиотек Москвы и Ленинграда иностранной литературой по географии, экономике, истории и этнографии стран Азии и Африки» (И. В. Сахаров), «Литература по географии, истории и этнографии Африки южнее Сахары в библиотеках Таллина и Тарту»⁷⁸ и ряде других. Комиссия неоднократно обсуждала книги по географии и этнографии Востока, вышедшие на русском языке, а также проспекты новых изданий, например, проспект 20-томной серии «Страны и народы мира», которую готовит издательство «Мысль» совместно с Институтом этнографии и Институтом географии АН СССР, проспект аннотированного библиографического указателя по Индии⁷⁹ и другие издания.

Работа Восточной комиссии получила признание в среде востоковедов, этнографов, географов как в нашей стране, так и за рубежом. Свидетельством международного признания комиссии служит не только участие в ее работе ученых из других стран, но и печатные отклики на ее издания. Например, ряд сборников из серии «Страны и народы Востока» был отрецензирован на страницах не только советских, но и иностранных научных журналов, причем неоднократно⁸⁰.

Заключая этот краткий обзор работы Восточной комиссии в области этнографии и смежных с нею наук, можно отметить, что за короткий срок своего существования — 20 лет — она стала одним из центров не только ленинградских этнографов, но и их коллег из Москвы и других

⁷⁶ На страницах изданий Восточной комиссии опубликованы его статьи: «Культура народов Востока и музеи на лоне природы», СНВ, III, с. 175—181, «Типы этнопарков и музеев на открытом воздухе и их организации в республиках Советского Востока», ДВК, I (2), с. 94—103; «Некоторые предложения по организации маршрутов по музеям на открытом воздухе», ДВК, 3, с. 72—83.

⁷⁷ Л. Н. Меньшиков. — СНВ, I, с. 303—313.

⁷⁸ А. Д. Дридзо. — ДВК, I (2), с. 82—86; СНВ, IV, с. 232—238.

⁷⁹ И. В. Сахаров. Индия. Рекомендательный указатель литературы. М., 1974.

⁸⁰ Например, V, XII и XIV выпуски серии были отрецензированы в «Известиях Всесоюзного географического общества» (т. 100, 1968, вып. 6, с. 566—569; т. 105, 1973, вып. I, с. 76—79; т. 106, 1974, вып. 2, с. 169—170), а выпуск V еще и в «Советской этнографии» (1969, № 2, с. 149—151); X выпуск был отрецензирован в «Советской археологии» (1974, № 2, с. 313—315), а также в нескольких журналах за рубежом («Asia Major», v. XVIII, 1973, pt. 2, p. 212—219; «Shigaku — Dzaschi», Tokyo, v. LXXXI, № 2, p. 77—86; «Bulletin of the School of Oriental and African Studies» (далее — BSOAS), v. XXXV, 1972, pt. 3, p. 650—651; «Ural-Altische Jahrbücher», B. 44, 1972, S. 317—318; специальный выпуск «Страны и народы бассейна Тихого океана» (на английском языке) получил отклики в голландском журнале «Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde» (v. 129, 1973, № 2—3, p. 363—364), в чехословацком «Asian and African Studies» (v. IX, 1973, p. 194—195); XIII выпуск имел рецензии в английских журналах «Man» (v. 8, 1973, № 3—4, p. 505) и BSOAS (v. 37, 1974, № 1, p. 282) и т. д. Кроме того, есть рецензии на несколько сборников одновременно (например, в журнале «East and West», v. XXIV, 1974, № 3—4, p. 421—431), а также отклики и аннотации на отдельные статьи, помещенные в сборниках серии «Страны и народы Востока».

городов, включая далекую Сибирь, республики Средней Азии и иные районы нашей страны. Ленинградские востоковеды, этнографы, географы, работающие в тесном контакте с Институтом этнографии АН СССР, так же как ученые из других городов, получили не только дополнительный форум для обсуждения интересующих их проблем, но и возможности для публикации своих изысканий в серийном сборнике «Страны и народы Востока» и в других изданиях комиссии.

С. А. Арутюнов

НОВЫЕ КНИГИ О РАННИХ ФОРМАХ РЕЛИГИИ

За последние годы советская этнографическая наука обогатилась рядом книг, посвященных проблемам религиозных верований разных народов. Книги эти по тематике и региональной специфике распадаются на ряд групп. Так, два очень близких по духу сборника, которые даже по названию и внешнему оформлению выглядят почти как два тома единой работы, «Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии» (М. 1970) и «Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии» (М., 1973), посвящены в основном традиционным верованиям народов этих регионов, являющихся потенциально или реально субстратными для распространенных здесь мировых религий — буддизма, ислама, христианства. В книгах Г. П. Снесарева «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма» (М., 1969), В. Н. Басилова «Культ святых в исламе» (М., 1970), сборнике «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии» (М., 1975) также анализируются аналогичные субстратные пережитки в контексте среднеазиатского ислама. Наконец, при всем различии своей проблематики, такие книги, как работа Э. В. Померанцевой «Мифологические персонажи в русском фольклоре» (М., 1975) и коллективная монография «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы — зимние праздники» (М., 1973), также главным образом рассматривают функционирование пережитков дохристианских верований у европейских народов, где эти верования подавлялись христианством в течение многих веков.

В настоящем обзоре мы рассмотрим те книги, где проанализированы некоторые ранние формы религиозных верований и культовой практики, бытовавшие до недавнего времени у тех народов, которых влияние высокоразвитых мировых религий практически совсем или почти совсем не коснулось. Книги эти написаны главным образом на материале верований коренных народов Сибири.

Опыт монографического исследования различных аспектов религиозных представлений конкретного этноса является книга Н. А. Алексеева «Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX вв.» (Новосибирск, 1975). Она состоит из трех глав. Первая глава содержит сжатый, но исчерпывающий очерк существующей по проблеме якутской религии литературы. Две другие главы излагают концепции автора. Особенно содержательна, с нашей точки зрения, II глава — «Характеристика ранних и пережиточных культов». В ней демонстрируется преобладание анимистических и магических представлений. Она тем нагляднее, что по якутски словом *иччи* обозначается как таинственная безликая сила, типа меланезийской *мана*, так и персонализированный дух-хозяин предмета (переводит *иччи* автор по-разному, в зависимости от контекста, как правило, не оставляющего сомнений в конкретной семантике слова). Следует лишь отметить, что наряду с бесспорно магическими представлениями типа волшебного камня *сата*, вызывающего

ветер, дождь и снег, автор относит сюда же и представления, которые могли иметь эмпирически материалистический, хотя порой и ошибочный характер. Таковы представления о целебной силе муравьиного масла или супа из мяса дятлов. В чем магический характер таких средств, осталось в книге нераскрытым. Подробно описаны и проанализированы в книге пережитки тотемизма у якутов. Отмечая, что наиболее часто тотемными животными у якутов были орел, лебедь и ворон, автор пишет, что их почитание переросло рамки тотемизма и приобрело общеякутский характер. Между тем культ этих птиц чрезвычайно широко распространен вообще во многих ареалах северной Евразии и Северной Америки и не обязательно должен генетически возводиться к тотемизму. Они могли становиться тотемами новых родов (и новыми тотемами старых родов) именно в силу своей популярности в общеплеменных и даже межплеменных культах.

Третьим объектом рассмотрения в этой части книги, помимо магически-анимистического и тотемического комплексов, является комплекс верований, связанных с идеей убитого и воскресающего зверя, с почтением к его останкам, с избеганием нанесения зверю (духу зверя) обиды, распространяющимся и на домашних животных — быков, жеребцов. На наш взгляд, есть основания не включать эти представления в раздел «Промысловый культ», хотя они с ним близко соприкасаются. В первом случае объектом религиозной просьбы является благосостояние и благо-расположение самого мира животных, а во втором расположение стоящих выше и вне этого мира духов, могущих ниспослать охотничью удачу. Н. А. Алексеев полемизирует с широко распространенным мнением, что весь комплекс промысловых культов был заимствован якутами от более давних обитателей таежной зоны, и показывает, какие компоненты в нем являются исконно якутскими, а какие могут быть объяснены эвенкийскими или другими заимствованиями.

В особый раздел выделен кузнечный культ. Кроме кузнецов, у якутов до XX века не было других четко оформленных профессий и соответственно профессиональных культов, комплекс же кузнечных культов в какой-то мере модернизировался как параллель и одновременно антитеза шаманским культам. В этот комплекс входит заболевание кандидата «от предков», искупление, посвящение, а прошедший посвящение кузнец по своим магическим возможностям стоял кое в чем выше шаманов.

Пожалуй, наиболее интересны в книге страницы, повествующие о культе божеств айыы и о тесно связанной с этим культом теме умиротствления духов-покровителей семьи (очага, коновязи, хлева, родовой территории и земли вообще, понимаемой, как этническая территория, отчизна). Культ айыы известен больше под названием «белого шаманства». Оно во многих отношениях было полярно и антагонистично «черному», т. е. обычному шаманству и вообще терминологически мало подходит под это понятие. Видимо, прав Н. А. Алексеев, считающий, что «белые шаманы» в сущности, были жрецами общеплеменного культа божеств айыы, в который многое было принесено якутами со своей южной прародины.

Почти половина книги (вся третья глава) посвящена собственно шаманству. В этой главе много ценных материалов, и в целом она должна быть определена как еще один вклад в построение общего корпуса материалов по сибирскому шаманству. Н. А. Алексеев подчеркивает, что социально шаманы примыкали к слою эксплуататоров. Можно предполагать, что «черное шаманство» у якутов шло по пути эволюции в религию классового общества, вытесняя родоплеменную религию первобытности — так называемое «белое шаманство». Исчезновению последнего способствовали, очевидно, в равной мере и «черное шаманство», и христианство.

Научную ценность книги Н. А. Алексеева повышает имеющийся в ней обильный документальный материал, — тексты *албысов* (молений), религиозный ономастикон, терминологический перечень и др.

Важному аспекту изучения шаманства — типологии эволюции и семантике шаманского костюма — посвящена работа Е. Д. Прокофьевой «Шаманские костюмы народов Сибири», крупнейшая из статей, вошедших в сборник «Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века» («Сборник Музея антропологии и этнографии», т. 27, Л., 1971). Изучение этого вопроса имеет большое значение для понимания идеологии и практики шаманства. Исследования Е. Д. Прокофьевой выявили также ряд фактов, весьма существенных для изучения этнической истории Сибири. Так, весьма любопытно, что из пяти выделенных автором покровов шаманского кафтана наиболее примитивный (цельношкурный) покроем связан с кето-самодийскими группами, прямоспинный покроем — с тюркоязычными группами, и покроем кимоно с монгольскими и маньчжурскими группами.

В помещенной в этом же сборнике статье Н. Ф. Прытковой «Один из источников изучения одежды народов Сибири (на материалах обских угров)» рассматриваются специфические культовые формы одежды, которые по своему покрою были сходны с повседневной старинной одеждой обских угров, но изготовлялись не для ношения, а в культовых целях. Это — одежды, надеваемые на изображения семейных духов-предков, в ряде случаев сохраняющие реликтовые архаические черты, уже утраченные в повседневной одежде; модели одежды, изготовлявшиеся в очистительных целях, если кто-либо из сородичей кончал жизнь неестественной смертью; одежда, специально шившаяся для жертвоприношений, подвешиваемая на деревьях или сжигаемая, отличающаяся от обычной (при сохранении размеров и покроя) непригнанностью по фигуре и наметочным швом; гигантская одежда, делавшаяся в честь предков-богатырей и так далее. Сохранившиеся архаические детали на этих типах одежды имеют немалую ценность для решения вопросов культурно-исторических связей народов Западной Сибири. Ряд других статей сборника посвящен отдельным религиозным обрядам. Так, Ф. А. Сатлаев описывает эротически окрашенный обряд испрашивания плодородия, бытующий у кумандинцев и называемый *кочакан*. С. В. Иванов пишет о старинном якутском обряде, связанном с рождением ребенка. Статья Г. М. Василевич посвящена обрядам, имеющим отношение к культу медведя у эвенков. В статье В. И. Цинциус описываются различные обряды негидальцев, связанные с промысловым культом, но и здесь культ медведя занимает важнейшее место, так же, как и в статье З. П. Соколовой о пережитках религиозных верований у обских угров.

Очень интересны данные, приводимые В. И. Цинциус, о поверьях, связанных у негидальцев с талисманами *сингкон*. Сильнейшими талисманами считаются шкуры животных, выделяющихся среди своего вида, так называемых хозяев, затем части тела разных животных; большинство других талисманов так или иначе связано с волосами, шерстью и так далее.

Отняв талисман — мешочек с шерстью у духа *калгам*, можно обратиться этого духа в свою прислугу. Любопытно сопоставить эти поверья с таджикскими поверьями об *аджина*, которых тоже можно обратиться в рабство, отняв их талисман; кстати их сила также воплощена в волосах или шерсти¹. В таких поверьях можно отыскать древнейшие религиозные представления, свойственные широкому кругу народов Центральной и Северной Евразии.

¹ О. Муродов. Традиционные представления таджиков об аджина. — «Сов. этнография», 1975, № 5, с. 100.

В сборнике имеются также весьма интересные материалы о ненецких и кетских культовых изображениях, в которых большую роль играла одежда. Это *мяд пухуця*, *мяд хэхэ* — домашние божества, *нытарма*, *сид-рянг* — изображения, связанные с культом предков у ненцев, описываемые Л. В. Хомич; кетские женские божества *алэл*, и изображения особо почитаемых умерших — *дангольс* (последние состояли нередко из одной лишь модели одежды). Эти материалы имеют преимущественно описательный характер, но из всех них, взятых в совокупности, вытекает один важный вывод: изображение духа или предка может быть сделано из дерева, может быть представлено камнем необычной формы или другим предметом, может и просто отсутствовать. Однако обязательным компонентом фетиша является одежда более или менее определенного типа, которая, собственно, и придает фетишу индивидуальность или типологическую характеристику.

Большой интерес представляет заключающая сборник статья И. С. Вдовина «Жертвенные места коряков». Эти места, выполняющие роль своеобразных храмов (или *теменосов*), называются *аппапиль* или *ыллаапиль*, что означает соответственно «старик, дед», или «старуха, бабка». Восходят они к реальным или легендарным личностям, к местам, где они были захоронены или «ушли под землю». Их отмечают скопления черепов оленей, моржей и других животных, наслоения наконечников стрел и других жертвоприношений. Заветы, связанные с аппапилями, как указывает И. С. Вдовин, сложились в эпоху, когда основой хозяйства коряков была охота. Любопытно, что аналогичные культовые места с той же семантикой названия, имеются и у чукчей. Возможно этот обычай восходит еще к эпохе, когда эти этнические общности были едины. В целом сборник является хорошим источником информации как по деталям религиозной обрядности народов Сибири, так и еще более по проблемам этногенеза и этнокультурных связей.

Третья книга, которую необходимо отметить в нашем обзоре — это книга З. П. Соколовой «Культы животных в религиях». Вышедшая в серии «Научно-атеистическая литература», она задумана как научно-популярная работа, которая должна охватить все формы проявления культового отношения к животным в различных религиях, начиная от самых первобытных и кончая пережитками этих культов в развитых религиях классового общества. Автором обобщен обширный круг материалов, как литературных, так и в значительной мере почерпнутых из непосредственного полевого наблюдения этнографических фактов у народов Сибири. Изложение древнейших форм почитания животных начинается с тотемизма, описанного преимущественно на австралийских примерах, но далее идут интереснейшие примеры его пережитков у народов Сибири. На примерах верований нивхов, эвенков, коряков и других народов разобраны различные проявления промыслового культа. Автор анализирует различные концепции происхождения тотемизма, некоторых аспектов промыслового культа и соотносённость этого культа с генезисом понятия духов-хозяев и относящейся к ним обрядности. Много места уделено медвежьему культу, особенно в его обско-угорском и амуро-сахалинском вариантах.

Вторая глава книги — «Почитание животных в эпоху разложения первобытно-общинных отношений» особенно интересна описанием места животных в шаманской обрядности, поверий, касающихся оборотничества, перевоплощения душ, животных предков, животных черт в образах богов и культурных героев. Очень ценным аспектом изложения является планомерный показ тенденций к постепенной антропоморфизации животных образов, к отмиранию и переходу в косвенные атрибуты и намеки специфичных животных черт. Третья глава книги, посвященная зоолатрическим представлениям в развитых религиях, носит более компилятивный и мозаичный характер, так как здесь автор по необходимости дол-

жен был коснуться весьма разнородных явлений — жертвоприношений животных, «козла отпущения», посвященных животных и так далее. Однако везде, где возможно, автор прослеживает глубокие корни этих моментов культа в представлениях религий первобытного общества.

Восприятию книги массовым читателем весьма способствует оригинально продуманная форма изложения, где содержащий научную информацию основной текст чередуется с набранными петитом повествовательными вставками — эпизодами, дающими живые картины тех или иных обрядов, праздников, церемоний. Особенно увлекательно читаются те из них, которые написаны от лица автора как непосредственного наблюдателя и участника описываемых событий.

К сожалению, приходится констатировать, что во всех работах, освещающих различные аспекты культуры, и особенно религии, в мировом масштабе, практически никогда, даже при самом тщательном редактировании, не удается полностью избежать досадных неточностей и ошибок, возникающих тогда, когда автор пересказывает материал, далекий от непосредственно им исследуемого региона. Прокрались они и в эту книгу. Там говорится (стр. 87), что «термин нагуализм происходит от нагуа, что на языке индейцев Южной Америки (вероятно, майя) означает животное — двойник человека». На самом же деле слово это не из языка майя, а из ацтекского. Кстати, как майя, так и ацтеки — это жители Центральной, а не Южной Америки, как совершенно правильно пишет сам автор на стр. 102. Зато тут написано, что парагвайские колдуны будто бы могли обращаться в тигров — на самом деле в Южной Америке, где тигров, разумеется, нет, испанским словом *el tigre* обозначают ягуара.

Хотя такого рода погрешностей в книге немного, и они не влияют на правильность ее методологических концепций и не снижают существенно ее познавательную ценность, их все же надо отметить, тем более, что значение книги З. П. Соколовой не ограничено одними лишь популяризаторскими задачами: проделанная ею работа по обобщению и сводке данных о разных религиях настолько значительна, что в ряде случаев обращение к этой книге как справочному пособию может быть полезно и для специалиста, тем более, что книга снабжена довольно обширным аппаратом ссылок.

Как можно видеть, этнографы-религиоведы внесли за последние годы значительный вклад в отечественную литературу по первобытным религиям. Надо надеяться, что эти проблемы и в дальнейшем будут пользоваться углубленным вниманием исследователей. Последнее тем более важно, что по существу в их распоряжении остается не более 10—20 лет, в течение которых еще можно будет собирать материал по этим верованиям среди народов Сибири и Севера, так как в сферу знаний не только молодого, но и среднего поколения представителей этих народов сведения о традиционных религиозных культах практически уже никак не входят.

Коммунистическое воспитание тружеников села и вопросы повышения культуры сельского быта. По материалам Всесоюзной научно-практической конференции в Ташкенте (май 1975 г.) М., 1975, 316 с.

Проблемы культуры сельского населения, сельского быта, традиционны для этнографической науки. Вместе с тем их исследование долгое время отставало от нужд современности. Этнографов больше интересовали генетические корни и историческая трансформация народной бытовой культуры, наиболее отчетливо выражающей этническую специфику и сравнительно устойчиво сохраняющейся в деревне. Хотя известный поворот этнографии к современному селу наметился уже в 50-е годы¹, все же основное внимание этнографы продолжали уделять изучению традиционной культуры, что не могло не создавать несколько одностороннее представление об облике изучаемого народа².

Исследование культуры и быта современного села имеет большое практическое значение. Еще в начале социалистического строительства в нашей стране В. И. Ленин указывал: «...вопрос об устройстве быта громадного большинства населения — крестьянского населения — для нас вопрос коренной»³. Хотя в настоящее время сельское население, а тем более крестьянство уже не составляет большую часть населения страны, однако и сейчас речь идет об интересах более чем 100 миллионов человек.

В связи с необходимостью ускорения социального развития деревни в условиях развернувшейся научно-технической революции значение повышения культуры и быта сельского населения в практике коммунистического строительства все возрастает. Не случайно этим проблемам была посвящена Всесоюзная научно-практическая конференция, созванная в Ташкенте по инициативе ЦК КПСС. В конференции участвовали руководящие партийные работники союзных и автономных республик, краев и областей, а также научные работники, занимающиеся проблемами культуры и быта села. Доклады и сообщения, прочитанные на конференции, составляют основу рецензируемого сборника. Мы остановимся в первую очередь на тех вопросах, которые имеют, на наш взгляд, наибольшее значение для этнографической науки.

Первый раздел «Аграрная политика КПСС и воспитание сельских тружеников» открывается статьей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Узбекистана Ш. Р. Рашидова. В ней подчеркивается исключительная актуальность поднятых на конференции проблем. В центре внимания Ш. Р. Рашидова анализ практической деятельности учреждений культуры по улучшению культурного обслуживания сельского населения, ликвидации культурного неравенства города и села. В современных условиях, отметил автор, все больше развивается интернационализация быта, в основе которой лежит возникновение новой исторической общности — советского народа и советского образа жизни. Интернационализация проявляется во всех сферах культуры и быта — в жилище, интерьере, в новых традициях и обрядах, в утверждении новых норм жизни, в распространении русского языка — языка межнационального общения. Вместе с тем самой непримиримой борьбы требуют сохранившиеся проявления старого бытового уклада, религиозные пережитки и вредные обычаи.

В остальных статьях первого раздела развивались отдельные проблемы, затронутые Ш. Р. Рашидовым.

Второй раздел — «Технический прогресс и развитие социалистических общественных отношений в деревне» открывается статьей секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Молдавской ССР П. К. Лучинского. Он подробно характеризует влияние научно-технической революции на молдавское село, в частности, на культурно-бытовую сферу его жизни. В условиях аграрно-промышленной интеграции, расширения экономических связей, отмечает в частности П. К. Лучинский, усиливается необходимость в овладении русским языком, что в свою очередь позволяет сельскому населению шире приобщаться к русской и мировой культуре.

Авторы других статей раздела рассматривают влияние научно-технической революции на отдельные стороны жизни села. Так, секретарь Марийского обкома КПСС И. С. Гусев и секретарь Ставропольского крайкома КПСС И. К. Лихота останавливаются на проблемах школьного обучения в сельской местности. Секретарь Ташкентского обкома Коммунистической партии Узбекистана А. М. Ходжаев отмечает влия-

¹ См., например, кн.: «Село Вирятино в прошлом и настоящем», — «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XLI, М., 1958; «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан», ТИЭ, т. XXXVII, М., 1958 и др.

² Об этом см. С. А. Токарев. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран. — «Сов. этнография», 1967, № 5, стр. 134.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 248.

ние научно-технического прогресса на социально-классовую структуру сельского населения. Директор Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики Ю. Б. Соловьев рассказывает о современных технических достижениях, позволяющих активно совершенствовать сельский быт, не нарушая специфики последнего.

Статья заведующего Сектором конкретных социальных исследований Института этнографии АН СССР Ю. В. Арутюняна посвящена некоторым сторонам изменения психологии сельского населения разных регионов страны. Необходимость изучения не только общих тенденций изменения психологии, но и многообразия психологических ориентаций людей различных регионов, разных социальных и национальных групп, автор показывает на примере сельского населения Калининской области РСФСР, Узбекской ССР. Значительные различия в ориентациях населения этих районов на городскую и сельскую жизнь, которые нередко противоречат объективным требованиям народного хозяйства названных районов, автор объясняет совокупностью факторов, выходящих за рамки экономических признаков, стимулирующих то или иное поведение. Так, большая связь с сельской средой узбекского населения объясняется обширными родственными связями, большим размером семьи. Адаптация узбекского населения в городах частично затруднена культурными (в частности языковыми) различиями города и села (в городах значительно шире распространен русский язык). Вместе с тем автор ставит вопрос о возможности изменения ориентаций населения, что может стать необходимым в связи с дальнейшим социально-экономическим развитием указанных регионов.

Третий раздел сборника «Проблемы повышения культуры быта и социально-политической активности трудящихся» открывается статьей секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Литовской ССР А. С. Баркаускаса. Автор останавливается на проблеме комплексного переустройства культуры и быта литовского села, предусматривающего научно обоснованную и планомерно осуществляемую систему мер, направленную на дальнейшее интенсивное развитие всех сторон сельской жизни. В статье секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Киргизской ССР К. Н. Кулматова отмечается, что одним из важных участков идеологической работы в киргизском селе является преодоление пережитков прошлого в быту, где они зачастую тесно переплетаются с националистическими предрассудками, с религиозными пережитками, частнособственнической психологией. Огромное значение в интернациональном воспитании трудящихся имеет атеистическое воспитание, важное еще и потому, что многие верующие отождествляют национальное и конфессиональное.

О преобразовании сельского быта, совершенствовании семейно-бытовых отношений, интернационализации быта и освобождении его от религиозно-бытовых пережитков как необходимым условием повышения социальной активности женщин в узбекском селе говорится в статье секретаря Ферганского обкома Коммунистической партии Узбекистана Р. У. Касымовой.

Секретарь ЦК Коммунистической партии Таджикистана И. Р. Рахимов говорит в своей статье о развитии социальной активности женщин, особенно в отдаленных горных населенных пунктах республики. Ответственным участком остается, по ее словам, борьба с религиозными предрассудками, различными суевериями. И. Р. Рахимов обратил внимание на то, что в связи с индустриализацией сельского хозяйства, высвобождается часть труженников, которые прежде были заняты на ручных работах. Возникает проблема обеспечения занятости этой части населения квалифицированным трудом, который бы способствовал росту культуры людей, совершенствованию их быта.

Вопросам интернационального воспитания в многонациональных сельских производственных коллективах, посвящена статья секретаря Дагестанского обкома КПСС Ш. А. Исмаилова. Автор считает, что в условиях Дагестана большую роль в ломке национальных границ и создании многонациональных сельских производственных коллективов играет планомерное переселение горцев на равнину. На вопросах интернационального воспитания трудящихся останавливается и секретарь Абхазского обкома Коммунистической партии Грузии А. П. Сакварелидзе. Заведующий сектором пропаганды и агитации Северо-Осетинского обкома КПСС А. Г. Тотров рассказывает об опыте использования в борьбе с пережитками прошлого такого своеобразного социального института как совет старейшин.

Секретарь Бухарского обкома Коммунистической партии Узбекистана Х. Н. Муминов посвящает свою статью опыту атеистического воспитания сельского населения. Он рассказывает о внедрении советских праздников и обрядов в Бухарской области, центр которой до Великой Октябрьской социалистической революции был рассадником религиозного фанатизма.

Следует отметить, что некоторые вопросы, поднятые в сборнике, в настоящее время активно разрабатываются этнографами. Такие проблемы, как интернационализация быта и культуры, влияние научно-технического прогресса на социально-классовую структуру сельского населения, его расселение, семейно-бытовые отношения, роль элементов старого бытового уклада, в том числе и религии, в быту современного сельского населения, названные в сборнике в числе важнейших, прочно входят в тематику исследований советских этнографов. Особенно интенсивно эти проблемы разрабатываются Сектором конкретных социальных исследований Института этнографии АН

СССР. Результаты этой работы получили отражение в ряде монографий и сборников⁴, во многих статьях⁵. Широкая разработка названных проблем предусмотрена и в исследованиях, проводимом сектором в настоящее время в основных регионах страны⁶.

Заканчивая обзор книги, хотелось бы еще раз подчеркнуть какое значение придается во многих статьях научному исследованию затронутых проблем и выработке на их основе аргументированных рекомендаций. Многие авторы (П. К. Лучинский, А. С. Баркаускас, И. С. Гусев, И. К. Лихота, Х. Н. Муминов) ссылались на результаты социологических исследований, которые помогли решить вопросы, стоявшие перед партийными организациями. Вместе с тем в ряде статей отмечалась необходимость более активной помощи партийным организациям со стороны ученых.

С. С. Савоскул

⁴ Ю. В. Арутюнян. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971; «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР». М., 1973; «Социологические проблемы сельского расселения». М., 1970.

⁵ Ю. В. Арутюнян. О некоторых тенденциях в изменении культурного облика нации — «Сов. этнография», 1973, № 4; Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробизева. Советский образ жизни: общее и национально-особенное. — «Сов. этнография», 1976, № 3 и др.

⁶ Ю. В. Арутюнян. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР. Программа, методика и перспективы исследования. — «Сов. этнография», 1972, № 3.

История Эстонской ССР. Таллин, т. I, 1961, 955 стр.; т. II, 1966, 793 стр.; т. III, 1974, 855 стр.

В 1974 г. вышел в свет III том «Истории Эстонской ССР» на русском языке — плод многолетнего труда большого коллектива эстонских ученых.

Работа заслуженно получила положительные рецензии в ряде периодических изданий¹. Ниже мы остановимся только на одной стороне этого исследования — этнографических очерках, которым рецензенты не уделяли специального внимания. При мечательной чертой этого капитального труда, в котором впервые с таким размахом и полнотой описывается история эстонского народа, является систематическое, проведенное через все три тома, обращение к этнографическому материалу. Благодаря этому гражданская история Эстонии как бы обретает плоть и кровь, читатель получает возможность заглянуть в повседневную жизнь народа, эстонского крестьянства, а позже и рабочего класса.

Рассматривая вопрос об этнографическом материале в «Истории Эстонской ССР», следует помнить об одном весьма важном обстоятельстве: нормальное течение исторического развития Эстонии было прервано в начале XIII в. вторжением немецко-скандинавских завоевателей и установлением их господства на долгие века. Это вторжение и введение захватчиками режима беспощадной, граничащей с рабством феодальной эксплуатации имели глубочайшее влияние на судьбы народа и его культуры. Между культурой господствующего класса, культурой завоевателей, и культурой коренного населения страны (которое на 99% было крестьянским), культурой непосредственных производителей, образовался громадный разрыв.

Завоеватели и народ говорили на разных языках, носили разную одежду, придерживались разных обычаев. Господствующий класс презирал народ и его культуру, народ люто ненавидел завоевателей и их обычаи. Тем самым диффузия культурных элементов из одной среды в другую была предельно затруднена. Это, однако, не мешало немецким историкам националистического толка, как и некоторым эстонским буржуазно-националистическим исследователям превозносить культуру регерскую роль немцев в Прибалтике и утверждать, что они принесли с собой более развитый общественный строй — феодализм, более высокую культуру и, наконец, христианство. Авторы «Истории Эстонской ССР» на основе систематического анализа уровня развития производительных сил и общественных отношений в Эстонии накануне немецкого завоевания доказали несостоятельность этих теорий. Ими показан и провинциальный

¹ Рец. на кн. «История Эстонской ССР», т. I, Таллин, 1961 г. см.: А. Зимин, Н. Казаков. «Известия Академии наук Эстонской ССР», Серия обществ. наук 1962, № 3, с. 294—301; И. Шаскольский. «Коммунист Эстонии», 1962, № 5; Н. М. Павленко, В. Т. Пашуто, В. К. Яцунский. «Вопросы истории», 1963, № 3, с. 132—138; Рец. на кн. «История Эстонской ССР», т. II, Таллин, 1966, см.: Э. Кауп, Э. Сыгел. «Коммунист Эстонии», 1963, № 9. H. Palamets, K. Siilivask. Kolmeköitelise «Eesti NSV ajaloo», II köide, «Известия Академии наук Эстонской ССР», Серия общественных наук, 1964, № 2, с. 155—159. Michael H. Halizel. «Kritika». Cambridge, Mass. 1968, № 1, p. 39—47.

характер культуры остзейских немцев, и то обстоятельство, что речь может идти лишь о некотором, к стати сказать весьма ограниченном, взаимодействии культур, причем только в определенных областях жизни и лишь на некоторых этапах.

Этнографический материал включен в ткань исторического повествования органично, и крупные исторические разделы заключаются достаточно подробными, учитывая размеры издания, очерками, освещающими те особенности и изменения в условиях быта, приемах труда, его организации и т. д., которые вызывались социально-экономическими переменами в истории или были опосредованными откликами на них.

Разумеется, не всегда просто, а иногда и невозможно указать на прямую генетическую связь между тем или иным изменением в базисе и новыми явлениями в материальной или духовной культуре народа. Следует заметить, что авторам удалось избежать опасностей такого упрощенного примитивно механистического подхода к явлениям, связь между которыми в действительности сложна и тонка и осуществляется путем многоступенчатых переходов.

Сведения о материальной и духовной культуре народа в трех томах «Истории Эстонской ССР» — не считая раздела «Родовое общество» — содержатся в шести специальных очерках. Кроме того, этнографические материалы умело вкраплены в исторические разделы, но на них останавливаться отдельно мы не будем.

В первом томе (с древнейших времен до середины XIX в.) очерк о духовной и материальной культуре IX—XII вв. (автор Х. А. Моора) написан частью на археологических материалах, частью на ранних письменных источниках и служит переходом к чисто этнографическим разделам, в которые включен материал, начиная с XIII в.

Глава, относящаяся к XIII—XVII вв., содержит два очерка, написанных Э. Эпик: «Быт и материальная культура в XIII—XVII веках» и «Устное народное творчество, обычаи и верования». Следует заметить, что в дальнейшем фольклору отводятся особые разделы, так как появляется возможность дифференцированно давать фольклорные и этнографические материалы. Названный раздел невелик, хотя и охватывает пять веков. Известно, что этот период всегда труден для этнографического изучения из-за отсутствия чисто этнографических материалов, в исторических источниках их еще очень мало и они не всегда надежны.

Э. Эпик проделала большую скрупулезную работу по собиранию этих сведений и созданию из них стройной картины.

Несмотря на то, что натуральное хозяйство и быт крестьян в период феодализма уже в силу специфики этого строя относительно консервативны, советские этнографы, как известно, отнюдь не принадлежат к сторонникам идеи их «окаменелости» в этот период и не отказываются от плодотворных попыток показать пути развития народной культуры на ранних этапах и установить соответствующую периодизацию. Так, например, в настоящее время благодаря новым исследованиям эстонских археологов и медиевистов мы знаем о том, что северо-западная часть страны на ранних этапах развития сельского хозяйства благодаря особенностям почв играла гораздо большую роль в земледелии, чем в последующий период. С изменениями в агротехнике и переносом центра тяжести зерноводства в центральные и южные части страны меняется и плотность населения в этих районах, что в свою очередь отражается на формах поселений. Эти данные еще отсутствовали во время написания первого тома. Есть все основания полагать, что с течением времени в результате новых археологических исследований, дальнейшего изучения архивных материалов и нового прочтения нарративных источников этнографы сумеют внести уточнения и дополнения в анализ этого периода.

Этнографический очерк, характеризующий быт и культуру конца XVIII и первой половины XIX в. (авторы А. Моора и Х. Моора), в разделе «Разложение крепостничества и формирование капиталистических отношений» содержит хорошо разработанный материал. Здесь читатель найдет всестороннее описание крестьянской жизни — от хозяйственных занятий до народной медицины, от общественного быта деревни до семейных обрядов.

В период безусловного господства натуральных форм в крестьянском хозяйстве мы встречаемся с классическими формами народной культуры и можем говорить о еще сравнительно однородной крестьянской культуре: в эстонской деревне было уже имущественное расслоение, но оно не приобрело еще классового характера. С другой стороны, этнографический материал хорошо показывает локальные отличия, которые сложились в ходе длительного исторического процесса, корни некоторых из них уходят в далекое прошлое и обусловлены древним племенным делением эстонцев. На следующем этапе существенные изменения социально-экономического характера уже нарушат эту картину.

Во втором томе, который охватывает период с 1850-х годов до начала 1917 г., есть только один этнографический раздел «Быт эстонского крестьянства во второй половине XIX и в начале XX в.», написанный А. Моора. Он состоит из следующих очерков: «Поселения и постройки», «Развитие отраслей производства» (вероятно, лучше звучало бы «хозяйства»), «Коллективные работы, взаимопомощь и другие обычаи деревни», «Пища», «Крестьянская одежда», «Сохранность старого быта и новые явления культурной жизни эстонской деревни». Таким образом, автор обстоятельно рассматривает те области народной жизни, в которых происходили наибольшие изменения, вызванные развитием капиталистических отношений в деревне, и подводит им итог.

В третьем томе (март 1917 — начало 1950-х годов) — два этнографических раздела, написанных А. Вийресом: один посвящен материальной культуре периода буржуазной республики в Эстонии, второй — быту населения Советской Эстонии.

Нет возможности подробно рассмотреть весь представленный в трех томах этнографический материал, и нет необходимости останавливаться на некоторых неточностях и мелких фактических ошибках. Нам представляется более важным отметить то основное в этнографических разделах, что обеспечило успех работы.

Прежде всего отметим одно весьма существенное обстоятельство: весь этнографический материал в «Истории Эстонской ССР» дается внутри исторического исследования, он включен в систематическое изложение истории Эстонии, выполненное на высоком профессиональном уровне. Данные этнографических разделов читатель имеет возможность сопоставить также с очерками о формировании литературного языка, развитии письменности, формировании национальной литературы, искусства и других отраслей культуры, что в свою очередь позволяет лучше понять процессы, происходящие в быту народа.

При рассмотрении каждой из этнографических тем в историческом аспекте можно, разумеется, заметить, что одни из них раскрыты лучше, другие менее удачно, что отражает в основном состояние изученности вопроса.

Так, например, один из наиболее удачных — раздел об одежде. Это, несомненно, объясняется в значительной мере хорошей изученностью вопроса и, в частности, той большой работой, которая была проделана авторским коллективом — в основном сотрудниками Государственного этнографического музея ЭССР (Тарту) под руководством Х. Моора при подготовке альбома «Эстонская народная одежда» (1960 г.), который по содержанию значительно глубже и интереснее, чем обычные издания этого типа.

Развитие одежды дано очень выразительно и благодаря богатым археологическим находкам, в числе которых есть и текстильные изделия, а также некоторым сообщениям ранних авторов (А. Олеария, Т. Хьярна и др.) и архивным источникам. Так, например, приводимое Э. Эпик свидетельство о том, что в XVIII в. в жалование служанки пастора входило 2 фунта олова в год (из него изготавливались украшения для одежды), сразу показывает, сколь они были многочисленны и популярны в то время. На материалах XVIII — первой половины XIX в. А. Моора обрисовывает всю сложность и пестроту локальных вариантов в народной одежде той эпохи. Как известно, в феодальный период различия в одежде отражали не только принадлежность человека к той или иной возрастной группе, но и определяли социальную принадлежность ее носителя. Одежда имела локальные отличия в различных частях страны, приходах, иногда даже деревнях, служа своеобразным паспортом человеку. Эти различия, уходящие корнями в эпоху племенного деления и отражающие различные культурные воздействия соседних народов, сохранялись весьма устойчиво до начала процесса национальной консолидации.

Следующий раздел освещает изменения в крестьянской одежде, вызванные развитием товарно-денежных отношений в деревне и проникновением в нее промышленных текстильных товаров. Хорошо показано, как в связи с неравномерностью экономического развития разных районов Эстонии новое проникало в них в различном темпе и кроме того с неодинаковой быстротой воспринималось разными слоями крестьянства. В некоторых местах (на островах, на юго-востоке, в сетуских районах) народная одежда не только еще сохранялась, но и продолжала развиваться. В целом же в это время происходит постепенное исчезновение из обихода старых форм одежды и замена их новыми, близкими к городским.

Вопрос о народной одежде удачно завершен в разделе, относящемся к годам буржуазной диктатуры (автор А. Вийрес). Характеризуя движение за «самобытную культуру», автор рассматривает вопрос об использовании народной одежды после исчезновения ее из повседневного ношения. Отметив, сколь неудачны и безуспешны были попытки приспособить народные формы к модным покроям, автор констатирует, что сохранение народного костюма в качестве праздничного соответствовало стремлениям народа, и потому его использование на народных праздниках имело успех. Как справедливо заключает автор, «народ сам своим безошибочным чутьем определял верные формы возрождения старинной самобытной культуры, отсеивая ее националистические извращения» (стр. 837).

На примере подробного разбора материала по народной одежде, содержащегося во всех очерках, виден подлинно исторический подход авторов к теме, проведенный с освещением факторов, влиявших на развитие этого элемента народной культуры и менявшихся в веках.

Принцип историзма последовательно соблюдается при освещении и других сторон быта и народной культуры. Правда, в изложении некоторых вопросов есть пробы и недостатки. Так, например, в материалах по поселению опущен (с отсылкой к предыдущей и последующей по времени частям) период XIII—XVII вв. Как раз для XVII в. мы располагаем интересным и важным картографическим материалом, к тому же хорошо известным автору, так что приходится предположить, что этот пропуск связан с малым объемом данного этнографического очерка.

В тексте, посвященном истории жилища и построек, вероятно, стоило бы уделить несколько больше внимания локальным различиям в них, хотя они не столь существенны, как в одежде. Несомненно, более детального освещения требуют некоторые вопросы

духовной культуры, в частности семейной обрядности. Определенная скудость данных по последнему вопросу в «Истории Эстонской ССР» отражает недостаточную его изученность этнографами.

Наряду с этим во всех трех томах очень удачно освещена общественная жизнь деревни. В этнографических разделах рассматривается вопрос о взаимоотношениях крестьян с помещиками и их приспешниками, раскрывается сложность состава населения крестьянского двора. Известно, что население крестьянского двора феодального времени в большинстве случаев состояло не только из дворохозяина и его семьи. В нем жили различные родственники хозяев, батраки и принятые на разных условиях в дом посторонние люди. В рецензируемой работе хорошо можно проследить, как взаимоотношения внутри этого небольшого коллектива менялись с разрушением патриархального уклада и ростом противоречий внутри крестьянского сословия.

Рассмотрен еще один важный вопрос — взаимоотношения в деревне, связанные с пережитками общинного строя. Одни из них сохранялись благодаря специфике форм землепользования, которые заставляли крестьян следовать общему для всей деревни порядку обработки земли и принудительному севообороту. Сохранение общих выгонов объясняло живучесть традиции коллективного выпаса стада и выгона лошадей в ночное одним табуном.

В условиях феодальной деревни, при полном бесправии крестьянина, при низкой технике труда стойко сохранялись старинные традиции взаимопомощи, способствовавшие выполнению особенно трудоемких работ. Помощь оказывалась не только в различных сельскохозяйственных работах, но и в случаях семейных несчастий и стихийных бедствий, например пожаров. Нельзя забывать, что эти пережитки общинных традиций служили некоторой, пусть и не всегда эффективной, преградой помещицкому произволу.

Эти материалы в сочетании с данными исторических разделов служат иллюстрацией того, что рано распавшаяся сельская община в Эстонии еще долго прослеживается по сохранившимся традициям.

Необходимо остановиться еще на одном вопросе, столь актуальном в наши дни, — изучении быта народа в новейшее время. Материалы, относящиеся к концу XIX — началу XX в., показывают нам те перемены, которые наступают в деревне в связи с развитием там капиталистических отношений, классового расслоения. Это вычет изменений во всех областях жизни крестьянина. С изменением форм хозяйства исчезают старые формы сельскохозяйственных работ, развивается подвижность населения, в том числе отток его в город. Начинается быстрый рост городов и рабочего класса. Уже в 1922 г. городское население Эстонии составляло 29% всего населения республики.

В связи с этим возникает вопрос об особенностях быта городского населения, в частности рабочего класса. Следует сказать, что в раздел о быте эстонцев в годы буржуазной диктатуры А. Вийрес включил некоторые материалы о жилище и бытовых условиях рабочих, упомянул о перенесении некоторых традиций из деревни в город. Но, конечно, этот вопрос в целом так мало изучен, что рано говорить о возможности написания специального раздела о рабочем быте.

«История Эстонской ССР» заканчивается описанием быта начала 1950-х годов. Поэтому автор этнографического раздела мог поставить перед собой лишь ограниченную задачу — осветить те моменты, в которых уже отразился тот коренной переворот, который произошел в жизни населения с восстановлением Советской власти и с вхождением Эстонии в состав Советского Союза. Конец 40-х — начало 50-х годов был временем восстановления народного хозяйства после второй мировой войны и немецкой оккупации, периодом построения социализма (напомним, что коллективизация сельского хозяйства была закончена в Эстонии в 1949 г.). Именно коллективизация заложила основу перемен в жизни крестьянства и, конечно, подводить им итог в разделе, относящемся к началу 50-х годов, еще рано.

Автор очерка особо останавливается на тех мероприятиях партии и правительства, которые способствовали принципиальному преобразованию быта. А. Вийрес отмечает своеобразную роль некоторых традиций. Так, говоря об общественных работах, проводившихся с целью скорейшей ликвидации последствий войны и восстановления хозяйства, он отмечает, что в городах они были абсолютно новым явлением, а в деревне народ воспринял их как старинную форму взаимопомощи, получившую новое содержание. В очерке отмечен тот известный факт, что новые коллективные формы труда были быстро восприняты рыбаковскими артелями и бригадами, так как в силу специфики рыболовства в нем сохранялись разного рода рабочие коллективы — в сельскохозяйственных бригадах коллективные формы труда осваивались медленнее и сложнее.

В очерке большое внимание уделено вопросам преобразования культуры, традиционных форм народного искусства и др. Несмотря на то что заключительный этнографический очерк может быть оценен как удачный, именно он помогает понять, как много еще предстоит сделать эстонским этнографам для освещения быта страны в наши дни, выяснения взаимосвязей культуры городского и сельского населения, соотношения старых традиционных и новых социалистических черт культуры, анализа тех изменений, которые происходят в семье и в семейном быте, и т. д.

В целом же можно поздравить как эстонских этнографов, так и весь авторский коллектив с завершением трудной и сложной работы.

Н. В. Шлыгина

«Сближение культуры народов Севера с культурами других народов нашей страны, их взаимное обогащение идет также по пути роста национальных кадров... Из среды народов Севера выдвинулись научные работники: Н. И. Терешкин, М. П. Вахрушева, Е. И. Ромбандеева, А. И. Сайнахова, Н. А. Свешников, А. Т. Мотышева и другие. 12 ученых имеют теперь народы ханты и манси». Это цитата из рецензируемой книги Л. Е. Киселева (стр. 258), к стати также ханта по национальности, первого историка, кандидата исторических наук, из среды хантыйского народа, исследователя процессов социалистических преобразований у народов Севера, огромных перемен, происшедших у них за годы Советской власти. Проблеме социалистических преобразований у народов Обско-го Севера посвящена и рецензируемая книга.

Работа Л. Е. Киселева состоит из семи глав, введения и заключения.

В первой главе приведены высказывания классиков марксизма-ленинизма о возможности некапиталистического развития социально архаичных народов в условиях победившего социализма. Автор особенно подчеркивает значение работ В. И. Ленина, теоретически обосновавшего положение о том, что «с помощью пролетариата передовых стран остальные народы могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹.

Во второй главе освещается дореволюционное прошлое народов Обского Севера. Отмечая прогрессивное значение присоединения народов Крайнего Севера к Русскому государству, автор вместе с тем выявляет отрицательные стороны колониционной политики царизма, консервировавшей отсталость ясачного населения.

Нельзя не отметить отдельные неточности этой главы. Так на стр. 34 говорится, что ханты и манси переселились в низовья Оби и Иртыша с гор Алтая и Саян; при этом Л. Е. Киселев утверждает, что такая точка зрения является общепризнанной. В настоящее время известно, что формирование обских угров представляло сложный этногенетический процесс, в основе которого лежал синтез культуры степных кочевников — угров и автохтонов таежной полосы Приобья — урало-язычных охотников и рыболовов. Сводить этот процесс к элементарному перемещению уже сформировавшегося народа из одной географической зоны в другую в корне неправильно. В этой же главе селькупы отнесены к тундровому населению, хотя большинство их проживает в таежной зоне. Обдорск, Березово, Сургут и другие форпосты русских, созданные на путях продвижения их в Западную Сибирь, названы «городами», а не традиционным термином «городки». Здесь же утверждается, что «остатки родового строя у народов Севера проявились в общем пользовании землей, угодыми, пастбищами» (стр. 45), т. е. смешиваются хотя и взаимосвязанные, но совершенно самостоятельные социальные институты.

Нельзя согласиться и с утверждением автора о том, что хантыйские и мансийские «княжества» XVI—XVII вв. представляли собой племенные образования (стр. 40). Как правило, эти «княжества» были административными единицами — более или менее искусственно объединявшими территориальные группы обских угров.

В последующих главах работы излагается история социалистического строительства на Обском Севере. Автор приводит чрезвычайно интересные данные об участии коренного населения в борьбе за установление и упрочение Советской власти против белогвардейцев и кулацко-эсеровских банд (гл. III), рассказывает об огромном внимании Коммунистической партии и Советского правительства к восстановлению и реконструкции разрушенного гражданской войной и интервенцией хозяйства хантов, манси, ненцев и других обитателей Севера, об организации на Севере коллективных производственных объединений охотников, оленеводов и рыбаков, создании сети органов культуры и здравоохранения (главы IV—V).

В этих же главах говорится о создании первых органов советского самоуправления у народов Крайнего Севера — родовых и туземных советов, освещается большая и многосторонняя работа Комитета Севера при Президиуме ВЦИК СССР, при непосредственном участии которого были образованы органы государственной автономии — национальные округа Крайнего Севера.

Недостатком этой части работы является лишь то, что автор не уделил должного внимания вопросу об особенностях органов самоуправления у конкретных этнографических групп Обского Севера, не раскрыл специфики различных форм советов — родовых, юртовых, ватажных, которые были характерны для Севера Западной Сибири.

Воинским и трудовым подвигам народов Обского Севера в годы Великой Отечественной войны, их вкладу в общее дело разгрома фашизма посвящена VI глава.

В послевоенные годы и особенно в девятой пятилетке Обский Север стал крупнейшим центром нефтяной и газовой промышленности. Тайгу и тундру прорезали стальные нити нефте- и газопроводов, выросли десятки новых поселков, на месте прежних поселений возникли города, такие как Надым, Нефтеюганск... Комфортабельные теплоходы, быстроходные «Ракеты» бороздят великие реки Сибири, авиация связала северные поселки с промышленными центрами страны, успешно ведется строительство железной дороги, которая соединит основные районы нефтедобычи с транссибирской магистралью.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.

В этой великой стройке, которую ведет вся наша страна, есть осязаемая доля и народов Севера. Их участию в этих преобразованиях и посвящена заключительная глава книги — «На пути к коммунизму». Из среды хантов, манси, ненцев, вышли уже первые инженеры, сварщики, бурильщики. Только за последние шесть лет Сургутское строительное училище окончили 270 человек представителей малых народов Севера (стр. 233).

К сожалению, и в этой части книги имеются отдельные обидные недочеты, являющиеся следствием недостаточно критического подхода к источникам. Так, в числе ненцев фигурируют А. Фирсов и М. Киселев (стр. 127, 135), хотя первая фамилия принадлежит коми, а вторая — ханту. В. Шехов в одном месте назван ненцем (стр. 140), а в другом — хантом (стр. 160). В книге искажены некоторые ненецкие, селькупские и хантыйские фамилии: Теседа (вместо Тэседа), Панде (вместо Пандо), Каткалев (вместо Каткилев) и др.

В целом, однако, Л. Е. Киселев написал нужную, полезную книгу, расширяющую и дополняющую уже довольно обширный список литературы, посвященной истории социалистических преобразований у народов Крайнего Севера СССР. Эти работы пользуются интересом и вниманием не только в нашей стране, но и за рубежом, особенно в развивающихся странах Африки, Азии и Латинской Америки, где сегодня на практике решаются вопросы некапиталистического развития экономики и культуры в условиях победившей народной власти. И опыт народов Крайнего Севера СССР, шагнувших от первобытнообщинного строя в социализм, с этой точки зрения, поистине неocenим.

В. И. Васильев, Ю. Б. Симченко

Б. А. Фролов. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974, 239 с.

За последние годы как в советской, так и в зарубежной науке заметно возрос интерес к первой и самой продолжительной эпохе в истории культуры — палеолитической. При этом, пожалуй, особенно интересными, привлекающими пристальное внимание не только археологов, но и этнографов, антропологов, социологов, психологов являются проблемы, связанные с искусством эпохи палеолита. Достаточно в этой связи назвать труды по палеолитическому искусству А. П. Окладникова, З. А. Абрамовой, А. А. Формозова, А. Д. Столяра и других, хорошо известные в нашей исторической науке.

С изучением произведений палеолитического искусства были, в частности, связаны первые попытки найти истоки математических понятий в представлениях людей древнекаменного века. Еще в XIX в. эти вопросы привлекали внимание и получили некоторую разработку в трудах таких крупных ученых, как Бужэ де Перт, Эдуард Лартэ и других. В наше время поисками истоков астрономических знаний в палеолите путем скрупулезного, вплоть до микроскопического, исследования отдельных палеолитических предметов занимался американский ученый А. Маршак¹. Рецензируемый труд Б. А. Фролова, в котором привлечен и проанализирован более полный круг источников и проблем, является новым этапом в развитии наших знаний о глубочайших корнях современной цивилизации. Б. А. Фролов успешно применил предложенную им новую методику изучения орнаментики палеолита прежде всего с целью выявления преднамеренности нанесения отдельных орнаментальных элементов и связанных с этим закономерностей. Он изучил в сущности все известные памятники палеолитической графики на территории СССР и основные из них, открытые за рубежом. Анализу были подвергнуты все изображения — от, казалось бы, случайных, но ритмичных зарубок и даже царапин до очень сложных и подчас загадочных орнаментальных композиций.

Рецензируемая книга состоит из предисловия, введения, трех глав, иллюстративного приложения и послесловия Б. М. Кедрова и А. П. Окладникова. В ней рассмотрены история открытия палеолитических изображений и дискуссии в связи с проблемами их содержания; проанализированы числовые закономерности в графике палеолита и обобщены результаты анализа, причем не только в историко-культурном, но и в социально-психологическом аспектах.

Ряд проблем, поставленных в рецензируемой книге, представляет значительный интерес для этнографии. Прежде всего это вопрос о возможности проведения аналогий между этнографическими свидетельствами и археологическими документами о первобытном обществе эпохи палеолита. В литературе существуют различные мнения — от бесспорной правомерности сопоставления этнографических материалов с культурами верхнего палеолита до почти полного отрицания какой-либо ценности таковых. Обе крайности, конечно, неприемлемы, они не ведут к конструктивному решению проблемы. Совершенно очевидно, что без привлечения живого этнографического материала и выделения из него древнейшего историко-генетического слоя находимые археологами фрагменты ценнейших культур палеолита останутся немymi.

Автор монографии вполне обоснованно обращается к опыту изучения богатейших материалов сибирской этнографии и археологии, без которых теперь вряд ли возможно

¹ А. Marshack. The roots of civilization. N. Y., 1972.

реальное продвижение в указанной проблематике. Рецензируемое исследование еще раз подтвердило справедливость гипотезы, выдвинутой в середине XIX в., о том, что палеоазиатские народы — живые носители древнейшей культуры Сибири. Однако если при выделении палеоазиатов исходили из данных их языков, то в свете достижений современной исторической этнографии сибирских народов все больше обнаруживается относительность этого критерия. Современные исследования убедительно показали, что многие автохтонные группы Сибири утратили свою прежнюю древнюю речь и восприняли языки смешавшихся с ними суперстратных компонентов, но сохранили при этом глубокий архаичный пласт в своей культуре, в своем хозяйственно-культурном типе. И это позволяет в определенной мере рассматривать эти народы как палеоазиатские, искать в их культуре ответы на загадки, которые ставят перед исследователем немые памятники древнейшего прошлого Северной Азии.

По существу Сибирь оказывается единственным уникальным районом земного шара, где мы можем проследить в какой-то мере более или менее непрерывную линию культурной эволюции от палеолита до недавнего прошлого. Б. А. Фролов приводит яркие доказательства этих связей в сфере искусства (стр. 113—145).

Очень важной для этнографии представляется проблема происхождения и начального (палеолитического) развития ряда исходных понятий математики и космологии. Существование и использование операций счета, понятий о числах в палеолитических коллективах автор доказывает на основе изучения около 300 произведений палеолитической графики, живописи, скульптуры (стр. 27—92). Итоги этого анализа есть и в иллюстративном разделе, и в статистических таблицах рецензируемой работы (первые 53 таблицы в Приложении). Заключение автора о систематическом применении ряда чисел и операций счисления различных единиц в художественной деятельности палеолитических людей вполне обосновано и вряд ли может оспариваться.

При этом читатель постоянно ощущает своего рода дистанцию между привычными для человека XX в. понятиями о счете и числе и теми счетно-числовыми операциями, которые выявляются в графике палеолита. По сложившейся в свое время в этнографии традиции, идущей от Л. Леви-Брюля, такого рода дистанцию, казалось бы, можно было объяснить как результат пралогичности мышления первобытного человека. Подобные взгляды поныне отстаиваются рядом этнографов и психологов. Автор решительно выступает против подобного решения этой сложной проблемы. Обобщая археологические материалы нижнего и верхнего палеолита (стр. 94—118), Б. А. Фролов убедительно показывает, сколь сложными многоступенчатыми путями на протяжении многих тысячелетий происходило постепенное становление абстрагированной категории числа в сознании палеолитических людей. И то, что к концу палеолита этот процесс ознаменовался беспорными достижениями в первичных математических представлениях, в логике их построения, со всей очевидностью выявленной в искусстве палеолита, — этот факт, наряду с рядом других, уже привлекавших исследователей первобытности, убедительно доказывает неприемлемость концепции пралогичности первобытного мышления, созданной Леви-Брюлем (стр. 111, 112).

В кругу рассматриваемых в монографии проблем затронуты и вопросы этнокультурных различий в первобытных обществах эпохи палеолита. Как известно, определяющий вклад советских ученых в решение этой проблемы связан с исследованиями палеолитических поселений в бассейнах Дона, Десны, Ангары. Полученные Б. А. Фроловым данные при статистическом анализе ритмов палеолитической графики в наиболее полных комплексах находок на этих поселениях прекрасно дополняют уже известную картину локальных и этнокультурных различий палеолитического населения приледниковой Евразии. Наряду с «основными» ритмами, общими для всех стоянок (ритмы, кратные пяти и семи), выявились «дополнительные» ритмы, кратные четырем (в стоянках Авдево, Костенки-1 на Дону), либо кратные трем (в стоянках Мезин на Десне, Мальта и Буреть на Ангаре). Разница ритмической организации произведений искусства — очень тонкий и важный показатель этнической специфики разных популяций. Автор впервые вводит этот показатель для характеристики различий этнокультурных традиций разных групп палеолитического населения Евразии. Через сопоставления типов ритмической организации орнаментов и типов пластических изображений фауны в искусстве разных палеолитических стоянок он обнаруживает связь этнических и космологических традиций в первобытных охотничьих коллективах ледниковой эпохи. Так, трехкратные ритмы орнаментов появляются вместе с изображениями птиц и змей, т. е. обитателей верхнего и нижнего миров архаической космологии. Напротив, четырехкратные ритмы сопутствуют исключительно изображениям обитателей среднего мира, наземных млекопитающих. В последнем случае в орнаментации появляется четырехконечный крестик, связанный с символической передачей горизонтальной оси космоса и четырех сторон света, четырех ветров и т. д.

Восстановление духовной культуры и мировоззрения палеолитических обитателей Сибири по аналогии их искусства с искусством народов Сибири, продвинутое благодаря исследованиям автора (продолжающим работы А. П. Окладникова, М. М. Герасимова, С. В. Иванова и др.), при всех несомненных успехах обнаружило и чрезвычайную сложность задачи, хотя эта аналогия оправдана для Северной Азии более, чем для любого другого района мира. Обратимся хотя бы к характерным особенностям космологических представлений древнейших сибиряков — обитателей стоянок Мальта и Буреть на Ангаре. Разделение вселенной по вертикали на три мира, отражение этого разделения в искус-

стве через образы птиц (верхний мир) и змей (нижний мир), через троекратные ритмы орнаментов у палеолитических охотников на мамонта в Мальте и Бурети такое же, как и через многие тысячелетия в дошаманских и шаманских верованиях ряда сибирских народов. Местное, сибирское происхождение этой весьма сложной системы воззрений на строение мира нашло весомые доказательства.

Столь же интересным и ценным является вывод автора относительно семиричной «модели мира» в традиционной культуре народов всех языковых групп Северной Азии, которая, по его мнению, восходит к палеолитическому охотничьему населению этой же территории, а не является плодом позднейшего заимствования из культур цивилизаций Передней и Восточной Азии. Тем самым первоначальные предположения такого рода о самобытности космогонических представлений у аборигенов Сибири, намечавшиеся в работах Л. Я. Штернберга, Б. О. Долгих, Е. А. Крейновича и др., получили в монографии новое подтверждение.

Высказанное в свое время Б. О. Долгих мнение о том, что образы семи матерей-прародительниц, составившие основу пантеона у нганасан, могли сложиться лишь в эпоху материнского родового строя, также нашло подтверждение в монографии. При этом выявленная автором в графике и скульптуре мальта-буретской палеолитической культуры роль женского лунного календаря, связанная с исчислением беременности и срока родов, в определенной мере разъясняет особую роль мифологического образа Луны-матери у нганасан и их соседей. Наконец, нельзя не отметить установленное автором тождество оформления годового календаря на палеолитической пряжке из бивня мамонта в Мальте на Ангаре и на деревянном «вечном» календаре якутов (стр. 125). В итоге рассматриваются не, казалось бы, случайные, изолированные аналогии, а уже целые комплексы аналогий между традиционными культурами ряда современных сибирских этносов и культурами палеолита в Северной Азии. Монография Б. А. Фролова убедительно доказывает наличие в традиционных культурах народов Сибири древнейших историко-генетических слоев, восходящих к палеолитической эпохе. Выявление пока еще очень мало изученных древнейших историко-генетических слоев является необходимым этапом в исследовании этногенетических и этноисторических процессов в этой огромной части Евразийского материка.

Наряду с бесспорными, очевидными достоинствами, книга не лишена и отдельных недостатков и спорных положений. Привлекая этнографические материалы по сибирским народам, автор недостаточно учитывал различия в их происхождении — то, что одни из них — эскимосы, эвенки, нивхи и некоторые другие более или менее исконные жители Северной Азии, тогда как буряты, тувинцы, якуты и ряд других народов сложились в Сибири сравнительно поздно, на основе компонентов главным образом более южного происхождения. Поэтому далеко не все архаические черты в культуре последних могут рассматриваться как непосредственное наследие далеких палеолитических традиций населения Северной Азии.

На фоне уже упомянутого совпадения троичных ритмов и характерных черт архаических космологических представлений у народов Сибири (сохранившихся вплоть до начала XX в.) и в палеолите Сибири несколько загадочной остается отмеченная автором в книге, без какой-либо попытки ее интерпретации, аналогия четырехтактных счетно-ритмических построений в палеолите Восточной Европы и у американских индейцев (стр. 142). Не является ли последнее примером конвергентного и независимого развития определенных представлений у культурно и генетически не связанных групп человечества? Все это требует чрезвычайной осторожности при подборе аналогий, что не в полной мере осуществлено в рецензируемой книге.

Следует также отметить, что, несколько увлекаясь, автор подчас выделяет лишь те изображения в рассматриваемой им графике, которые содержат определенные числовые наборы, хотя наряду с ними в тех же группах изображений встречаются и другие числовые сочетания изобразительных элементов, что делает подобное выделение малооправданным. Отметим это на примере рисунков в приложении к книге. Так, на табл. 60 (рис. 3) приведена группа из семи антропоморфных фигур на одной из писаниц Забайкалья. Однако среди тех же писаниц совершенно аналогичные фигуры образуют группы не только из семи, но и из двух, трех, четырех, шести, девяти фигур². На табл. 56 (рис. 2) приведены узоры «солнца» у тувинцев в виде спиралей с семью кольцами, однако не так уж редко у тувинцев встречаются спирали и с большим и с меньшим числом колец и никакого определенного смысла мастера в число таких колец не вкладывают, рассматривая их лишь как элементы узора. Вполне вероятно, что и в графических изображениях палеолитического времени число отдельных элементов далеко не всегда было связано с теми или иными математическими представлениями. Однако спорность обоснованности некоторых из приведенных в работе графических материалов никоим образом не служит препятствием к принятию основных выводов автора.

Как показала рецензируемая книга, продолжающая труды ряда других советских и зарубежных исследователей, использование сибирских этнографических материалов, а также данных этнографии коренного населения Северной Америки (эскимосов и индейцев) для познания духовной культуры палеолитического человека приледниковой зоны Евразии весьма продуктивно. Вместе с тем возникает необходимость выделения опреде-

² А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Петроглифы Забайкалья, ч. 1. Л., 1969, табл. 79 сл.

ленных и достаточно строгих критериев в привлечении этнографических материалов для указанных целей, чего пока нет ни в книге Б. А. Фролова, ни в работах других исследователей. Хотелось бы надеяться, что эта проблема обратит на себя внимание специалистов, работающих в области теоретической этнографии и археологии.

Несмотря на отдельные частные недочеты, рецензируемый труд, вводящий читателя в целую область сложнейших и малоисследованных проблем ранней истории человечества, написанный глубоко и интересно, — несомненный вклад в советскую историческую науку. И нельзя не поддержать ту высокую оценку книги, которую дали ей в послесловии академики Б. М. Кедров и А. П. Окладников (стр. 237, 238).

Остается лишь выразить сожаление, что эта книга, которая, несомненно, представляет большой интерес для специалистов ряда наук, вышла столь незначительным тиражом — всего 2200 экземпляров и почти сразу после выхода стала библиографической редкостью. Есть все основания рассмотреть вопрос о ее втором издании.

С. И. Вайнштейн

В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Избранные труды. Подготовила Н. А. Жирмунская. Л., 1974, 722 с.

Эта книга написана одним из крупнейших ученых XX в., синтезировавшим в своей многогранной, поразительной по широте диапазона исследовательской деятельности лучшие традиции отечественной науки. Сотни опубликованных трудов являются итогом его более чем полувековой творческой биографии, и, пожалуй, трудно назвать область современной филологии, в которую бы не был сделан вклад капитальными работами В. М. Жирмунского — действительного члена Академии наук СССР, члена-корреспондента и почетного члена пяти иностранных академий, почетного доктора трех зарубежных университетов. Это история и теория литературы (поэтика, стилистика, стихосложение), языкознание и фольклористика.

Путь В. М. Жирмунского к изучению народного эпоса шел через германистику. Он издавна занимался фольклором (немецкие песни и баллады) и книжным германским эпосом — как в русле историко-литературных исследований, так и в сравнительно-типологическом плане. Последний аспект закономерно приводил к предельному расширению круга рассматриваемых произведений, а работа по выявлению общих закономерностей развития эпического творчества вовлекала в этот круг живые эпические традиции (славянских, финских, тюркских народов). Однако тюркский эпос никоим образом не был лишь одним из источников для сопоставительного анализа. Начиная с середины 40-х годов он несомненно находится в центре научных интересов В. М. Жирмунского, написавшего в этот период ряд книг и большое количество статей, посвященных данной теме.

Это совершенно особый случай, когда ученый с мировым именем и огромной филологической эрудицией приходит в область, совершенно для него новую. Приходит не с тем, чтобы заимствовать отсюда ряд примеров, подтверждающих выработанные ранее концепции, но с тем, чтобы именно в данной области, опираясь на свой богатейший исследовательский опыт, создать основополагающие, капитальные труды, без которых ее дальнейшее развитие становится просто немисланным. Такова как раз была роль В. М. Жирмунского в изучении тюркского повествовательного фольклора. Основные из этих работ (но далеко не все!) собраны в рецензируемой книге. Помимо статей и монографий, уже выходящих в свет, в нее включено не публиковавшееся ранее капитальное исследование «Эпические сказания о ногайских богатырях в свете исторических источников». Том в целом представляет собой планомерное, фронтальное исследование тюркской эпики — от архаических образцов до типологические поздних форм, включая основные эпические традиции и крупнейшие эпические памятники.

Бурные процессы государственно-племенных консолидаций, связанные с ними этногенетические перестройки, социально-экономические трансформации при долговременном сохранении кочевого скотоводческого уклада, в недрах которого в основном складывался и развивался героический эпос, — все это обусловило специфический облик тюркского эпоса, разветвление и обособление повествовательно-фольклорных традиций, полистадиальный характер отдельных памятников и многообразие их редакций.

Помимо углубленного изучения фольклорного материала и исторических источников, автор опирался на эпосоведческие исследования своих предшественников и коллег, в то время не столь уж многочисленных и подчас посвященные лишь отдельным аспектам анализа тех или иных памятников и фольклорных традиций. Критическое рассмотрение и сопоставление различных, зачастую противоречивых и полемических, точек зрения на генезис и историю тюркского эпоса, тщательная проверка целого ряда гипотез дали возможность внести значительно большую ясность в представление о литературной истории таких произведений, как «Манас», «Китаб-и дэдэм Коркут» и др.

Книга, открывающаяся небольшим библиографическим очерком, посвященным истории собирания и изучения тюркского эпоса, состоит из пяти больших частей, в каждой

из которых последовательно рассматриваются крупнейшие памятники тюркского эпоса: «Манас», «Алпамыш», эпическое сказание об Идиге, цикл богатырских поэм о ногайских богатырях и книжно-эпический памятник «Китаб-и дэдэм Коркут». Исследование этих произведений дополняется статьями о среднеазиатских народных сказителях и о тюркском народном стихе.

Эпос о Манасе существует только в киргизской фольклорной традиции, являясь важнейшим (хотя и не единственным) ее произведением; эпические поэмы о ногайских богатырях сохранились как в казахской, так и в ногайской традициях; сказания, отраженные в «Китаб-и дэдэм Коркут», восходят к традициям народов огузской группы (нынешних туркмен, азербайджанцев и турок). Значительно шире ареал распространения относительно поздней поэмы об Идиге и, в особенности, весьма архаического эпоса об Алпамыше. Они встречаются у большинства тюркских народов, проживающих в настоящее время на огромной территории — от предгорий Алтая до Поволжья и Малой Азии. Именно сравнительное исследование этих крупнейших эпических произведений во всем разнообразии их национальных и областных редакций позволило вплотную подойти к выделению ряда важнейших эпических традиций тюркских народов средневековья, к проблемам их исторического сложения, разветвления, обособления, стадийно-типологических трансформаций и географического распространения.

Исторические корни киргизской эпической традиции восходят, по мнению В. М. Жирмунского, к эпохе «героического подъема и первого расцвета государственного объединения киргизских племен в IX—X вв.» (стр. 71) в Южной Сибири и на западе Центральной Азии, однако дальнейшее ее развитие — уже в районах Тянь-Шаня и Исык-Куля — происходит в XV—XVII вв., в обстановке непрекращающихся столкновений с калмыками; к тому же периоду относится и военно-политическая консолидация с казахскими племенами, обусловившая интенсивные фольклорные взаимопроникновения и взаимосвязи (киргизско-казахско-ногайские), отразившиеся и в эпическом творчестве этих народов. Наконец, «последний, самый поздний слой, с XVII по XIX в., определил собой мусульманизацию эпоса» (стр. 91).

Наиболее ранняя огузская эпическая традиция также относится к IX—X вв. Она локализовалась в низовьях Сырдарьи (стр. 531), еще до разделения огузских племен на три ветви при их продвижении в Малую Азию и Закавказье (тюркские суперстратные компоненты, принявшие участие в этногенезе турок и азербайджанцев), в причерноморских степях («тороки» русских летописей), на западе Средней Азии (туркмены). Древние этнокультурные связи с другими народами обусловили сохранение сюжетов и имен огузского эпоса не только у туркмен, но и у казахов, каракалпаков, кочевых и полукочевых узбеков (стр. 531). Сложение эпического цикла, известного нам по «Китаб-и дэдэм Коркут», завершилось уже в Закавказье и Малой Азии в XII—XV вв. в период военных кампаний коалиции огузских племен под гегемонией племени баюндур (стр. 530, 531).

В русле огузской эпической традиции оформилась и одна из древнейших редакций сказания об Алпамыше, сохраненная в модернизированном виде в «Китаб-и дэдэм Коркут» и в современном сказочном фольклоре анатолийских турок (стр. 155—168). Другой его вариант сложился, по мнению В. М. Жирмунского, внутри кунгратской эпической традиции в верховьях Амударьи, в Байсуне, после прихода в Среднюю Азию кочевых узбеков Шейбани-хана в XVI в. (стр. 142, 143). Более позднюю разработку эпоса определила (как и в «Манасе») тематика войн с калмыками (XV—XVIII вв.). Этот вариант сохранился в узбекской, казахской и каракалпакской редакциях, каждая из которых представляет собой самобытную, хотя и довольно близкую интерпретацию данного сюжета.

В связи со сказанием об Алпамыше В. М. Жирмунский выделяет также кыпчакскую эпическую традицию (башкирская и казанско-татарская редакции данного сюжета; ряд казахских эпических повествований), своими историческими судьбами связанную с ногайской эпической традицией, в которой возник ряд значительно более поздних произведений: сказание об Идиге и генеалогически связанный с ним цикл эпических поэм о ногайских богатырях. Построенные в значительной мере на воспоминаниях о кровавых междоусобицах, сопровождающих распад Золотой Орды и Ногайского улуса, они представляют собой как бы последнюю ступень «историзации» героического эпоса, которому, в казахском фольклоре, например, стадийно и хронологически наследуют, с одной стороны, новеллистические (стр. 390), а также «романтические» сюжеты, в основном книжного происхождения (стр. 391), с другой — исторические песни (стр. 392). При этом «историзованный» эпос (сказания об Идиге и о ногайских богатырях, а также ряд других богатырских поэм) сложился прежде всего среди казахов Младшего жуза, куда влилась и часть ногайцев. Однако, кроме того, в казахском фольклоре сохранился эпос более древних формаций: одна из версий кунгратской редакции сказания об Алпамыше; произведения, восходящие к кыпчакской исторической традиции; наконец, сюжеты уже совсем архаического характера («богатырская сказка»). Казахский фольклор оказывается поэтому чрезвычайно «многослойным», полистадийным.

Такова в общих чертах «историко-географическая» панорама развития тюркских эпических традиций, представленная в книге В. М. Жирмунского.

Два сюжета из всех рассмотренных позволяют поставить вопрос о несравнимо большей их древности: это завершающая часть «Алпамыша» («муж на свадьбе своей

жены») и рассказ об ослеплении циклопа богатырем Бисатом (в огузском эпосе). Наличие весьма близких вариантов этих сюжетов, включая чрезвычайно древние редакции (прежде всего в «Одиссее»), позволяет обсудить их в контексте более широких фольклорных взаимосвязей и вынести проблему их происхождения за рамки тюркского фольклора. Впрочем, в этом отношении данные сюжеты стоят несколько особняком; генезис тюркского эпоса практически во всех рассмотренных в книге образцах возводится к традициям архаического фольклора, прямо отраженным или переосмысленным в них, составляющим арсенал образов и мотивов для эпических новообразований, для интерпретации исторического факта и некоторых заимствованных сюжетов. Их историческая локализация — эпоха Тюркского каганата. В VI—XI вв. в предгорьях Алтая и в северо-западной Монголии, где складывались киргизская и огузская эпические традиции (да и традиции других тюркских народов средневековья), могли соседствовать древнейшие редакции «Манаса» и «Алпамыша», что как будто подтверждается, с одной стороны, существованием в алтайском фольклоре архаической богатырской поэмы «Алып-Манап», и с другой — совпадением имен самих центральных персонажей: Алпамыш — Алып-Манап — Алып-Манап — Манас (стр. 78, 79). По мнению В. М. Жирмунского, именно эта алтайская поэма восходит к наиболее ранней версии эпоса об Алпамыше, перенесенного огузами в Среднюю Азию, а затем в Закавказье и Малую Азию, но до этого самостоятельно разработанного сначала в кыпчакской и позднее — в кунгратской эпических традициях.

Конечно, как это уже отмечалось ранее, нельзя «полностью исключить точку зрения, согласно которой данный сюжет возник в Средней Азии и впоследствии распространился в Малую Азию, на Волгу и на Алтай»¹. Она тем более имеет основания, что, по весьма аргументированному предположению В. М. Жирмунского, один из основных сюжетов «Алпамыша» («возвращение мужа») имеет ближневосточные корни (стр. 333, 334), как и, может быть, сюжет об «огузском циклопе» (стр. 598). То же косвенно подтверждается и приводимыми в книге фактами проникновения произведений среднеазиатского (казахского) фольклора на Волгу и на Алтай: например, казахская стихотворная повесть «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» (стр. 201), причем распространение популярных сюжетов могло происходить и в форме народной книги «кысса». «Эта книжная форма эпического сказания получила в Казахстане широкое распространение» (стр. 138). Не исключено, что ряд архаических по своему облику редакций возник в результате процесса своеобразной «реставрации», хорошо прослеживаемого, например, при вхождении эпического сказания о Гесере в фольклор бурят. По тем же причинам не безусловно причисление к «докунгратской версии» таких богатырских повествований, как «Джелкилдек» и «Орак, сын Алеуко» (стр. 182—188) — влияние на них «Алпамыша» могло быть и более поздним, особенно если учесть, что расхождения с башкирской и татарской сказками, относимыми к «докунгратской» (кыпчакской) традиции, все-таки остаются значительными (стр. 188).

Впрочем, данные коррективы, касающиеся сказания об Алпамыше, ничего не меняют по существу в общей концепции В. М. Жирмунского. Эволюция тюркского эпоса — от архаических формаций, построенных на сказочно-мифологической основе и отражающих древнейшие родо-племенные отношения, до поздних «историзованных» образцов — представляется весьма убедительной.

Чрезвычайно ценен и анализ архаического эпоса («богатырской сказки», по терминологии В. М. Жирмунского), производимый также в связи с сюжетом «Алпамыша» (стр. 222—348). Здесь рассматривается повествовательный фольклор саяно-алтайских тюрков (алтайцев, хакасов, шорцев), якутов, а также некоторых монгольских народов. Это исследование носит сугубо типологический характер и несколько отличается в методологическом отношении. Отдельные эпические традиции не выделены, а сопоставительное изучение строится по основным сюжетным циклам повествования и составляющим их мотивам с целью выявления в них отражения первобытных мифологических верований и социальных институтов. Следует отметить, что эта часть работы В. М. Жирмунского открывает широкий простор для дальнейшего исследования семантики и генезиса сюжетов и мотивов архаического фольклора.

Несомненно, основным объектом исследования для В. М. Жирмунского был тюркский эпос Средней Азии с его многочисленными ответвлениями (у волжских, крымских, кавказских и малозападных тюрков). Повествовательный фольклор тюркских народов Сибири занимает несравненно меньшее место в книге. Естественное для архаического эпоса отсутствие исторических реминисценций и напластований не дает возможности для его уверенной исторической интерпретации, да это и не входило в задачу автора. Следует добавить, что именно по этим причинам разработанный и блестяще примененный В. М. Жирмунским метод исследования «историзованных» эпических формаций может быть использован для анализа тюрко-монгольского повествовательного фольклора Сибири и Центральной Азии лишь отчасти и с большой осторожностью, ибо в противном случае возникнет опасность искусственного приписывания архаическому фольклору отражения исторических событий, к которым он на этой древнейшей стадии по своим основным жанрово-типологическим свойствам остается глух. Это, разумеется,

¹ Е. М. Мелетинский. В. М. Жирмунский. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. — «Проблемы востоковедения», 1961, № 2, с. 176.

не исключает необходимости исторического (в широком смысле этого слова) исследования данного материала и выделения в нем различных эпических традиций, ареалов эпической общности и различных стадияльно-типологических формаций в тесной связи с обстоятельствами известной нам истории отдельных племен, племенных групп и народов, их географических перемещений и этнокультурных связей. Напротив, именно после работ В. М. Жирмунского следующим шагом должно быть столь же широкое, обобщающее исследование тюрко-монгольской эпики Центральной Азии и Сибири, естественно, с учетом специфики данного материала.

Трудно переоценить общее значение этих трудов. Они обогатили фольклористические дисциплины теоретико-методологическими построениями, сделанными на материале не знающих себе равных по богатству, разнообразию и монументальным масштабам тюркских эпических традиций, сохранившихся в живом бытовании до нашего времени. Последнее обстоятельство немаловажно, так как основы эпосоведения закладывались на базе изучения древнейших письменных памятников, и кардинальная перестройка старых взглядов на народное эпическое творчество, как это подчеркнуто и В. М. Жирмунским (стр. 632), стала возможна лишь после открытия и исследования живых эпических традиций — у народов славянских, кавказских, тюркских, монгольских. Тюркский эпос по своим художественным достоинствам, по широте диапазона представленных в нем стадияльно-типологических формаций занимает среди них одно из важнейших мест.

В заключение хочется отметить чрезвычайно удачный состав и композицию рецензируемого тома. Как уже было сказано, в него вошли далеко не все тюркологические исследования В. М. Жирмунского — отобраны только наиболее ценные и важные. Сделано это таким образом, что вся книга в целом совершенно не выглядит простым сборником работ; включенные в нее труды укладываются в стройную логическую последовательность, представляя собой как бы части и главы одной монографии, поражающей не только охватом поистине необъятного материала, но и удивительным теоретико-методологическим единством его рассмотрения, строгой согласованностью концептуальных построений и выводов. Это и естественно. В. М. Жирмунский был исследователем не отдельных памятников, образцов или фольклорных традиций, но всей тюркской эпики в целом, идущим через доскональное изучение материала к такому уровню синтеза и обобщения, который доступен лишь ученым его класса и масштаба.

С. Ю. Неклюдов

И. Земцовский. Мелодика календарных песен. Л., 1975, 224 с.

В современной науке пока еще редки исследования, которые бы органично и с одинаковой глубиной охватывали все главные стороны песенно-фольклорных жанров — этнографические связи, идейно-поэтическое содержание, музыкальную природу. Рецензируемая книга привлекает внимание в первую очередь отчетливым стремлением именно к такому охвату: автор ее соединяет в себе фольклориста-этнографа и этномузыковеда. Календарный песенный фольклор для него — единство функционально-бытового, поэтического и музыкального начала, глубоко специфическое явление народной трудовой практики, системы представлений, музыкально-словесной художественной культуры. Такое понимание не просто декларируется, а определяет методические принципы, построение книги, отношение к источникам.

Рецензируемую книгу отличает последовательный интерес к большим теоретическим проблемам и особое внимание к методологическим аспектам. Однако меньше всего ей присуща теоретическая отвлеченность, напротив, — она радует читателя обилием фактов, живых примеров, ссылок на конкретные тексты. В книге дается последовательная и целостная характеристика отдельных обрядовых циклов, праздников и системы годового календаря в целом и, естественно, связанного с ними фольклора. Особенно надо отметить библиографическое приложение (более тысячи названий); в сущности, это первый у нас наиболее полный указатель европейской литературы по обрядовому фольклору.

Одна из главных задач книги — выявление закономерностей «музыкального мышления», того, как оно проявляется в мелодике календарных песен. Эти закономерности справедливо включаются в более широкий круг отношений, связанных с возникновением, развитием, функционированием обрядового фольклора в целом. С точки зрения автора книги, большие и эффективные возможности для выявления закономерностей и происхождения в суть конкретных фактов обрядового фольклора содержатся в современном сравнительно-типологическом методе. Рецензируемый труд, несомненно, обратит на себя внимание как чрезвычайно успешный опыт развития принципов сравнительно-типологического изучения фольклора. Автор рассматривает такие важные методологические вопросы, как соотношение генетических и типологических аспектов исследования, общее и специфическое в типологически соотносимых явлениях, типология и контактные связи и др. Особое значение приобретает вопрос об отборе сравнительного материала, который

в количественном отношении почти не поддается учету. И. И. Земцовский преимущественно анализирует факты, касающиеся славянского фольклора и фольклора «основных европейских соседей» славян. В плане общеметодологическом этот принцип не кажется бесспорным: ведь типологические отношения, в том числе и типологическая общность, вовсе не предполагают этнического соседства и взаимных контактов. Они основываются на иных началах и могут обнаруживаться в весьма удаленных географически и исторически друг от друга пунктах. Может быть, за «соседством» славянских, балтских, финно-угорских и других европейских народов стоит нечто большее, что делает неизбежным и продуктивным сравнительно-типологическое исследование их обрядового фольклора?

Во всяком случае, книга в целом и особенно ее Предисловие содержат много актуальных теоретических положений и высказываний, дискуссия вокруг которых будет способствовать развитию историко-типологического метода в современной фольклористике.

Невероятная трудность музыковедческого исследования обрядового фольклора объясняется, кроме всего прочего, как гигантским объемом привлеченного материала (сам автор, не уточняя числа, называет «несколько десятков тысяч календарных напевов разных народов Европы, в первую очередь восточных и южных славян», стр. 19), так и тем, что весь этот пестрый материал до сих пор не только не изучен, но даже и не систематизирован. По русской календарной песенности, например, нет ни общих работ, ни монографических исследований диалектных стилей, ни даже сводной библиографии. Записей календарных напевов мало, причем опубликованы они далеко не полностью — значительная часть находится еще в архивах и частных коллекциях.

Автор видит свою задачу отнюдь не в том, чтобы дать «сколько-нибудь исчерпывающий анализ музыки календарного фольклора... затрагиваемых в книге народов», а в том, чтобы «вскрыть некоторые существенные закономерности мелодики исследуемого типа, которые в принципе могут быть иллюстрированы разнотипическим материалом» (стр. 18, 19). Опираясь в первую очередь на методические принципы В. Я. Проппа, автор отказывается от сплошного описания материала. Он выделяет и рассматривает те песенные формы и «их существенные элементы, которые служат сквозными для годового календарного цикла и связывают данный цикл с другими песенными жанрами» (стр. 10). Единство «музыкального словаря» календарных напевов блестяще доказывается и подтверждается на протяжении всей книги, по мере того как автор пропускает сквозь «типологические сита» громадный по объему и пестрый по составу материал, последовательно рассматривая его по годовому кругу, от зимних коляд до осенних живых песен. Особо следует выделить цикл жатвенных песен, завершающих обрядово-трудовой год земледельца, — именно в этом цикле, по утверждению автора, «словарь» календарной песенности представлен почти с исчерпывающей полнотой» (стр. 156). Систематически демонстрируемые типологические параллели и схождения русских и общеславянских мелодических типов с календарными напевами иноязычных народов Европы дают автору полное основание утверждать: «Перед нами постепенно вырисовывается не что иное, как музыкальный «словарь» древнерусской песенности, связанный со словарем других европейских народов. Ни один календарный праздник, взятый изолированно, по имеющимся сегодня материалам, не может дать представление о всем музыкально-словарном богатстве календарных песен... На протяжении хозяйственного года народ говорит о своих нуждах на одном, едином языке, пользуется одним, единым музыкально-интонационным словарем» (стр. 156).

Музыкальные связи календаря с другими песенными жанрами, естественно, не могли быть рассмотрены с такой же полнотой и последовательностью, однако автор постоянно учитывает и по возможности показывает их взаимодействие. Особо выделены связи календарных напевов со свадебными, чему посвящено фактически все заключенные работы («Взаимосвязи и параллели»).

Первостепенное значение имеет предложенная И. И. Земцовским методика анализа фольклорного мелоса. О принципах ее говорится и в предисловии, и в послесловии. Разумеется, выработка аналитического метода и последовательное его применение к конкретному материалу — одна из наиболее сложных задач, стоявших перед автором. Единой развернутой теории и метода анализа русских календарных напевов (кроме некоторой систематизации ладо-звукорядовых схем-проекций) в музыковедении не было. Автор рецензируемого труда впервые предложил достаточно стройную систему категорий, понятий и аналитических приемов, позволяющих всесторонне проанализировать и вскрыть некоторые общие закономерности специфической мелодики календарных песен. К наиболее важным в авторской концепции следует отнести понятия «ладовая формула», «критическая формула» и «мелодический тип», определяющие иерархию музыкально-песенной структуры как в каждом конкретном случае, так и при более широком типологическом подходе. Традиционность первых двух понятий только кажущаяся, так как в отношении всех трех структурных уровней действует специфически фольклорная закономерность, которую автор называет «интонационным полем» — «закономерность, определяющая специфическую природу реализации всех элементов и компонентов музыкальной формы в фольклоре, их принципиальную мобильность, и в то же время указывающая *предел* этой мобильности» (стр. 21). Хотя сама эта идея представляется весьма перспективной и безусловно новаторской, практическая «технология» анализа требует, на наш взгляд, моментами более тщательной и существенной проработки. Так,

например, к метрической структуре троицких песен, в напевах которых, вопреки общей закономерности, не обнаруживается повторяемых ритмических формул, автор пытается применить понятие интонационного поля, а также метод «микрометрического анализа» с целым аналитическим аппаратом. Однако в процессе анализа напевы песен постепенно ускользают, они упоминаются лишь попутно и в общем виде. Заканчивает же автор свой анализ проблемой «свободы выбора» и указанием на вариантную природу музыкального фольклора вообще. К тому же и сами аналитические термины недостаточно четки, так что терминологический «инструментарий» для анализа, да еще принципиально нового по методике, оказывается слишком громоздким и расплывчатым, и не всегда по тексту ясно, какие именно конкретные явления имеются в виду (см., например, стр. 61, 89, 117, 119, 126, 127).

Одна из центральных идей автора, безусловно заслуживающая поддержки, — определяющая роль манеры исполнения, которая «служит одним из многих связующих звеньев между обрядовой функцией и музыкальной структурой песни» (стр. 160). Можно заметить, что признак этот в различных местах книги получает достаточно разные по смыслу определения — «стиль исполнения», «исполнительский контекст», «тип интонирования (шестие, приплясывание, закливание, зов и т. п.)», а кроме того, включает в себя интонирование нейтральных интервалов, особенно терции, и специфические «гуканья» (стр. 88, 89, 136, 137 и др.) или даже разные мелодии тождественного ритмического строения как результат «разностилевого прочтения одной стереотипной формулы» (стр. 49, 68).

Эти замечания имеют, однако, частный характер и скорее свидетельствуют о дискуссионном характере книги, многие разделы которой вызывают желание поспорить с автором, проверить, развить или уточнить некоторые его положения и гипотезы.

Последний упрек адресован уже не автору, а издательству «Музыка». По количеству проработанного и систематизированного нотного материала книга могла бы оказаться ценнейшим источником для музыкально-фольклористических исследований. Увы, этот материал почти наполовину «закрыт» для читателя и «работает» в полной мере только на автора. Мы вынуждены часто верить ему на слово. Дело в том, что издательство отказалось печатать подтекстовки в нотных примерах, сделав исключение только для 30 из 600! Разобраться в анализах поэтому чрезвычайно трудно, хотя автор иногда и пытается помочь читателю, приводя соответствующие песенные тексты в скобках или в сносках. Трудно понять логику издательства, выпустившего в таком виде первый капитальный труд, посвященный мелодике народных песен, а не инструментальных наигрышей.

В книге высказано немало плодотворных идей, подчас далеко выходящих за рамки календарного фольклора, например о связи ритмо-интонационных структур с различными типами движения, сопровождавшего исполнение песен; о соотношении диалектных и наддиалектных свойств фольклора; об историческом и генетическом соотношении и степени устойчивости разных типов ладовых и ритмических формул; о специфике «функциональной семантики» в календарных напевах; о возможности на фольклорно-музыкальной основе получения некоторых выводов «из области этнической истории русских, болгар и ряда поволжских народов» (стр. 123) и т. д. Что касается собственно календарных песен, то, заканчивая анализ напевов годового круга и показывая его многочисленные внутренние взаимосвязи, автор тут же ограничивает этот анализ выходами к песням семейной обрядности и указывает на перспективы дальнейшего изучения «календарной мелодики в истории народной музыки вообще, взятой как целое» (стр. 169).

Книга И. И. Земцовского — итог его многолетней работы в области европейского обрядового фольклора. Вместе с тем это и существенный этап в современном, основанном на новейшей фольклористической теории и на вдумчивом методологическом поиске исследовании закономерностей одной большой системы фольклорных жанров.

После хорошо известных фундаментальных монографий В. И. Чичерова и В. Я. Проппа, во многом определивших новые пути в исследовании календарного обрядового фольклора народов Европы, интерес к этой теме сильно возрос, и только за последние годы появился ряд исследований, публикаций, сборников и статей, существенно продвинувших ее изучение. Вышли сводные издания по календарным песням в составе серий памятников белорусского и украинского народного творчества; вместе с антологией русских календарных песен, подготовленных И. И. Земцовским и изданных в большой серии «Библиотека поэта», эти книги составляют весьма содержательную библиотеку восточнославянского календарного песенного фольклора. Из исследовательских работ можно назвать здесь коллективный труд Института этнографии АН СССР «Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы XIX — начала XX в. Зимние праздники» (1973 г.); сборник «Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор» (1974 г.); книги по молдавской календарной обрядности (Ю. Поповича) и белорусским купальским песням (А. Лиса); статьи, опубликованные в журнале «Советская этнография» (С. А. Токарева, Т. А. Колевой, Р. Д. Дражевой и др.). В этом ряду значительное место займет теперь монография И. И. Земцовского.

В. А. Лапин, Б. Н. Путилов

Русское народное искусство, привлекавшее к себе внимание собирателей и исследователей еще во второй половине XIX в., в настоящее время вызывает все больший интерес не только искусствоведов, этнографов и историков, но и широких кругов населения как в нашей стране, так и за рубежом. Этот интерес вызван гармоническим сочетанием в предметах народного изобразительного искусства утилитарной и декоративной функций, оптимальными художественными решениями, проявляющимися в совершенстве форм предметов обихода и их декора, в глубоком чувстве материала. Этнографов и историков привлекает также то, что в образах традиционного крестьянского искусства отражается этническая история народа и его мировоззрение. Это позволяет использовать предметы народного искусства как источник для исследования истории культуры России.

Работа С. К. Жегаловой посвящена одной из интереснейших отраслей народного искусства — истории русской народной росписи по дереву XVII—XX вв. Основываясь на богатейших коллекциях Государственного Исторического музея, автор рассматривает особенности отдельных исторически сложившихся школ народной живописи, раскрывает своеобразие художественного языка мастеров народного искусства.

С. К. Жегалова выделила два основных периода в развитии русской народной живописи, и соответственно книга делится на две части. Первая знакомит читателя с произведениями XVII — первой половины XVIII в., вторая — с живописью конца XVIII — XIX в. Заключает книгу обзорная глава о народном изобразительном искусстве наших дней.

Традиционное крестьянское искусство, придававшее художественный облик костюму, жилищу, орудиям труда и средствам передвижения, имело бытовой характер. Поэтому предметы народного искусства, будучи вещами, служившими людям в повседневном обиходе или в праздничной обрядности, изнашивались, разрушались, исчезали. Лишь немногие из них дожили до наших дней. Представить по ним всю полноту и многогранность народного изобразительного творчества — одна из трудных задач его изучения. Не менее сложен и вопрос атрибуции предметов народного искусства, собранных во второй половине XIX в. (относящихся к XIX, XVIII и XVII вв.) и хранящихся в музейных собраниях без каких бы то ни было сведений о месте и времени их создания. Определить, когда, где, кем и для чего был сделан тот или иной предмет народного искусства, — сложная исследовательская работа, требующая привлечения массы самых разнообразных источников. В итоге этой работы предмет народного искусства становится вещью определенного исторического периода, определенной социальной среды, а в отдельных случаях находит и своего творца. Без «паспортизации» музейных памятников немыслимо развитие науки. Книга С. К. Жегаловой ценна, в частности, именно тем, что вводит в научный оборот много новых материалов из коллекций Государственного Исторического музея, тщательно исследованных и в значительной части «паспортизованных» автором.

Книга вышла в издательстве «Просвещение». Она обращена к юному читателю — молодежи и подросткам. Это определило ее популярный характер, особую повествовательную манеру изложения.

С. К. Жегалова раскрывает для молодежи далекий мир прошлого, в котором жили и творили народные художники; она как бы приглашает читателя вместе с нею проникнуть в тайны безымянных вещей, научиться их определять; и с первых же страниц сам читатель становится как бы участником исследования. Пристально вглядываясь в то или иное изображение, читатель замечает и своеобразие одежды определенной эпохи, и особые приемы письма, знакомится с содержанием той или иной бытовой сценки. В ходе изложения становятся понятными загадочные изображения, оживают исторические события и легенды далекого от нас времени, на конкретных примерах раскрываются глубокие связи живописного искусства с фольклором, с литературными произведениями, проникнувшими в городскую и сельскую среду. В итоге напрашивается вывод, что русское народное искусство, на первый взгляд наполненное фантастическими образами, в действительности было глубоко реалистичным; оно было связано с конкретными историческими событиями и персонажами, а главное, отражало богатый духовный мир русского крестьянства XVII—XIX в.

Убедительно показана автором органическая связь народного изобразительного искусства со всем комплексом материальной и духовной культуры народа, с семейным и общественным бытом.

Для широкого читателя большой интерес представляют заключающие книгу советы юным краеведам и словарь незнакомых слов, встречающихся в тексте.

В настоящее время, когда эстетическое воспитание детей и подростков становится одной из важных проблем, знакомство с произведениями русского народного искусства будет способствовать воспитанию патриотизма, создавая представление о корнях русской традиционной народной культуры.

С. Б. Рождественская

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

В. И. Кочнев. *Шри Ланка. Этническая история и социально-экономические отношения до начала XX в.* М., 1976, 367 с.

Проблемы этнического формирования населения Шри Ланка и особенности развития общественных отношений внутри отдельных этносов острова привлекали внимание ученых еще с прошлого века, и по этим вопросам имеется уже обширная литература. Однако труда обобщающего характера, в котором этническая история рассматривалась бы в тесной связи с социально-экономической, до последнего времени не было ни в советской, ни в зарубежной литературе. Между тем многие десятилетия плодотворной работы ученых разных стран мира закономерно поставили на повестку дня задачу создания монографии, которая подытожила бы результаты многочисленных исследований, посвященных отдельным аспектам этнического и этносоциального развития ланкийского народа. По-видимому, не случайно, что подобная задача была выполнена советским ученым В. И. Кочневым, который в послевоенные годы первым в нашей стране приступил к изучению этнографии острова Шри Ланка и долгое время оставался единственным представителем данного направления отечественного ланковедения.

В предыдущей монографии В. И. Кочнева «Население Цейлона» (М., 1965) были рассмотрены многие аспекты ланкийской этнографии, причем и эту первую книгу характеризовал исторический подход к рассматриваемым проблемам. В новой книге автор сосредоточил внимание на взаимодействии процессов этнического, политического, социального, культурного и экономического развития ланкийского общества, которые до этого не были предметом специального исследования.

Стремление автора охватить все важнейшие стороны ланкийской этнографии, подкрепленное глубоким знанием имеющихся по исследуемым им вопросам источников и научной литературы, оказалось весьма результативным и позволило ему создать научные труды обобщающего характера, которые, несомненно, окажут значительную помощь в дальнейшем изучении Шри Ланка.

Новая книга В. И. Кочнева состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении автор аргументированно обосновывает необходимость исследования проблем этнического и социального развития Шри Ланка, поскольку в прошлом заключается один из ключей к пониманию особенностей сложившихся к настоящему времени общественных отношений в этой стране, включая национальный вопрос. Здесь же содержится критический обзор литературы по рассматриваемой в монографии проблематике и подчеркивается значение трудов основоположников марксизма-ленинизма для изучения исторического прошлого ланкийского народа.

В главе I характеризуются основные этапы этнической, политической, социальной, культурной и экономической истории острова Шри Ланка с древнейших времен до начала XX в.

Исходя из данных археологии, антропологии и этнографии, В. И. Кочнев разделяет мнение тех ученых, которые автохтонными жителями Шри Ланка считают веддов — представителей веддоидной расы, входящей в экваториальную (австралоидную) большую расу (стр. 14—16). Что же касается этносов, поселившихся на острове после веддов, то автор признает аргументированное мнение С. Ф. де Сильвы, Н. Д. Виджесекеры и А. Дженнингса, которые полагают, что отдельные дравидские поселения возникли на острове еще до прибытия сюда первых индоарийцев — сингалов (стр. 16, 17). В то же время автор полемизирует с ланкийским ученым Г. Мендисом, утверждающим, что сингалы, хотя и говорили на одном из индоевропейских языков, в действительности не являлись индоарийским народом. К подобному заключению Г. Мендис пришел на основании того, что названия сингальских племен, вторгшихся на остров, носили тотемический характер, а это, по его мнению, было чуждо арийским племенам, но зато встречалось у народов Южной Индии. Ссылаясь на труды А. М. Осипова, доказавшего, что многие индоарийские племена и роды носили тотемные названия, и исходя из данных не только сравнительной лингвистики, но и антропологии, В. И. Кочнев отвергает подобное утверждение Г. Мендиса как необоснованное (стр. 18, 19).

Интересна, на наш взгляд, гипотеза В. И. Кочнева о том, что различные борознившиеся между собой племена, упоминаемые в древнесингальской хронике «Махавамса», могли принадлежать не к собственно сингалам, а к двум этносам — к более ранним пришельцам — дравидам и индоарийцам — сингалам, которые, одержав победу, «ассимилировали дравидов и постепенно дали название как самому народу и языку, так и всему острову». По мнению автора, «такая возможность не исключена, поскольку даже значительно позже «целые дравидоязычные группы органически входили в сингальскую социальную структуру» (стр. 19). Однако основное влияние на этногенез сингалов на первом этапе, по мнению автора, оказали ведды (стр. 19—21), что не

исключает последующей ассимиляции сингалами новых групп дравидов, главным образом тамиллов, а также малайцев и представителей некоторых других этносов (стр. 23, 24—26). Таким образом, по справедливому замечанию В. И. Кочнева, «в формировании сингальской народности принимали участие многие этнические компоненты» (стр. 20).

Автор подробно останавливается на воздействии португальских и голландских колонизаторов, господствовавших на острове с начала XVI до конца XVIII в., на традиционную социальную организацию сингальского общества и этнообразующие процессы. Под влиянием христианства произошло некоторое ослабление кастовых барьеров, а также сокращение числа матрилокальных и полиандрических браков (стр. 59). Этот период знаменуется также частичным ассимилированием сингалами португальцев и голландцев, т. е. очередным этапом этногенеза сингалов, особенно живущих в прибрежной зоне, и появлением новой этнической группы так называемых бюргеров — потомков от смешанных браков между португальцами и голландцами, с одной стороны, и сингалками и тамилками — с другой. Кроме того, самостоятельную этническую группу образовали и насильственно ввезенные голландцами на остров малайцы.

Важным изменением в национальной структуре ланкийского населения, происшедшим в период английского господства, явилось появление на острове индийских тамиллов, которые прибывали сюда в основном для работы на плантациях. Еще одну этническую группу образовали несколько тысяч евразийцев — потомков от смешанных браков англичан с ланкийками.

Характеризуя процессы этнического формирования населения Шри Ланка, автор не забывает и о тесно связанных с ними особенностях политической, экономической и культурной истории ланкийского народа. Творчески подойдя к изучению имеющихся материалов по этим вопросам, В. И. Кочнев сделал некоторые, на наш взгляд довольно важные, выводы и обобщения. Например, вполне обоснованным выглядит его утверждение о том, что Кандийское государство, сохранявшее независимость вплоть до 1815 г., являлось «сильно централизованной деспотией с очень развитым бюрократическим аппаратом и своеобразной системой вассалитета» (стр. 80). Подобное определение характера государственной власти в Канди ранее никогда не давалось ни в советской, ни в зарубежной литературе. Впервые в нашей научной литературе подробное освещение получило развитие аграрных отношений в древних и средневековых государствах Шри Ланка. Приводимый в книге фактический материал позволяет сделать вывод о том, что антианглийские выступления на острове начались сразу же после высадки туда английских колонизаторов, и, таким образом, эта страна никогда не была, как то утверждали апологеты английского колониализма, «спокойной» колонией.

Глава II посвящена анализу эволюции общественных и семейных отношений. Автор подробно рассматривает особенности сельской общины и ее место в общей системе социальных отношений сингалов и тамиллов. Хотя в силу сходства социально-экономических отношений и экологических условий развития сингальской сельской общины на острове в целом шло тем же путем, что и в Индии, она все же имеет отличия. Важнейшей особенностью сингальской сельской общины, называемой в книге «водоземельной» (стр. 147), автор справедливо считает отсутствие столь характерного для классической сельской общины Индии «органического и стройного взаимодействия земледелия и ремесла» (стр. 148). Ремесленники и «обслуживающие касты» — прачки, барабанщики, танцоры — жили в своих собственных деревнях, и их главным занятием, как и у собственно земледельческой касты, являлось, как правило, земледелие. Зачастую ремесло фактически даже не отделялось от земледелия, что объясняется, как показывает автор, специфическими особенностями социально-экономического развития сингальских государств.

Тамильская сельская община, встречающаяся на севере острова, более консервативна, чем сингальская, и напоминает во многом южноиндийскую. Автор выделяет три типа тамильских сельских общин, представленных следующими тремя типами деревень: состоящей из одной эндогамной кастовой группы, из нескольких эндогамных групп, принадлежащих к одной касте, и из нескольких каст, в каждой из которых несколько эндогамных групп (стр. 170—172).

Характеризуя кастовую систему в Шри Ланка, которая, как и в Индии, оказалась «наиболее устойчивым пережитком древних общественных отношений» (стр. 182), автор отмечает, что хотя касты уже перестали предопределять профессиональное занятие сингала или тамила, эндогамия, подчинение решениям кастовой администрации и система кастовых услуг сохранились в этой стране до сих пор (стр. 182). Подробно рассматриваются происхождение кастовой системы у сингалов, возникновение (или появление) в Шри Ланка отдельных каст и место кастовой системы в социально-экономической структуре древних и средневековых государств. Автор останавливается и на различиях в кастовых системах сингалов и тамиллов. В частности, он отмечает отсутствие у сингалов касты жрецов-брахманов (стр. 184, 194) и сравнительную слабость межкастовых перегородок у этого народа по сравнению с ланкийскими тамилками (стр. 186). Рассматривая особенности кастовой системы ланкийских тамиллов, В. И. Кочнев обратил внимание на следующий интересный факт: хотя в отношении «чистоты» каста брахманов стоит выше, чем каста земледельцев — веллала, в социаль-

ном и гражданском смысле самая высокая каста не брахманы, а земледельцы (стр. 213). У проживающих в сельской местности ланкийских тамиллов все еще, хотя и в ослабленной форме, сохранилась древняя феодальная система кастовых услуг «джаджмани» (стр. 220). Однако главным типом экономических связей между земледельческой кастой веллала и ремесленниками являются все же товарно-денежные отношения (стр. 221), что свидетельствует о глубоких изменениях в социально-экономической жизни этого народа. Кастовая система проживающих на острове индийских тамиллов в целом сходна с южноиндийской (стр. 223).

Большое внимание уделено автором рассмотрению семьи как формы социальной организации. В работе отмечается, что «при заключении брачных союзов» сингалами «учитываются два основных момента: кастовая принадлежность и материальное положение. Таким образом, преобладают браки по расчету» (стр. 229). Многообразие форм браков, встречавшихся или сохраняющихся до сих пор у сингалов, автор выводит из специфики экономических отношений, обусловленных, в частности, особенностями природных факторов. Так, например, распространенные среди сингалов кросскузенные браки призваны устранить происходящее вследствие билатеральной системы наследования дробление земельной собственности (стр. 156—158). Сохранению в Шри Ланка до недавнего времени полиандрии автор также находит экономическое объяснение: стремление объединить земельную собственность мужей, введение второго мужа в семью в качестве рабочей силы и существование системы государственных отработок — раджакарии, в соответствии с которой мужчинам приходилось надолго отлучаться из дома (стр. 253—256). Но не абсолютизируя значения экономических факторов в развитии системы брачных отношений, В. И. Кочнев соглашается с мнением Ю. И. Журавлева о том, что объяснение сохранения полиандрии только экономическими причинами недостаточно. Для выявления закономерностей живучести полиандрии необходимо, считает В. И. Кочнев, изучать не только специфику экономических отношений, но и культурно-исторические и культурно-бытовые традиции сингальского народа (стр. 256).

Возникновение эндогамных групп внутри одной касты автор относит к тому времени, когда «каждая сельская община, зависевшая от одного водоема, тщательно охраняла свои права на танк и орошаемые земли» (стр. 156), и эндогамия была призвана содействовать этому.

В качестве одного из показателей особенностей сингальской семьи автор характеризует положение в ней женщины. Хотя оно определяется социальной, кастовой и религиозной принадлежностью женщины (стр. 227), а главой семьи считается мужчина, сингальская женщина, как правило, пользуется большими правами, чем ланкийские тамилки и представительницы многих других народов Южной Азии. У сингалов отсутствуют обычай затворничества женщин и запрет вторичных браков при вдовстве (стр. 228).

Семейно-брачные отношения у ланкийских тамиллов значительно отличаются от сингальских, но сходны с существующими у тамиллов Индии (стр. 264). Рассматриваются в книге и семейные отношения вдовцов (стр. 271).

В главе III анализируются народные и религиозные верования и их роль в социальной жизни ланкийского населения. Несмотря на то, что, по данным переписи 1971 г., 67% населения Шри Ланка буддисты, 17% — индуисты, 8% — христиане, 7% — мусульмане и 1% — последователи других религий (стр. 272), до сих пор значительная часть ланкийцев придерживается сосуществующих с развитыми религиями древних народных верований. Они признают злых и добрых духов и богов-хранителей, и в их сознании прослеживаются пережиточные формы тотемизма, фетишизма и анимизма (стр. 275—277). Приводимые автором примеры убедительно свидетельствуют о наличии общих черт в народных верованиях сингалов, тамиллов и вдовцов (стр. 287—289).

Рассмотрев историю развития буддизма на острове, экономическую роль буддийской сангхи, особенности отдельных буддийских школ и сект, В. И. Кочнев отмечает, что «как ни велика роль буддизма в развитии сингальской культуры, главным являлось то, что под его знаменем сингальские цари объединяли разобщенные области острова, укрепляли свою власть и боролись против иноземных захватчиков» (стр. 292). Автор подчеркивает огромное влияние, которое до сих пор оказывает буддизм на сингалов.

В книге характеризуются также особенности развития индуизма в Шри Ланка. Большинство ланкийских и проживающих здесь индийских тамиллов исповедует индуизм шиваистского толка. Хотя в целом шиваизм тамиллов острова Шри Ланка мало отличается от шиваизма тамиллов индийского штата Тамилнаду, тем не менее он имеет свою специфику. Например, в Шри Ланка в отличие от Южной Индии почти не представлены секты лингаитов и шактиев (стр. 325). Кроме того, среди ланкийских тамиллов Ганеша и Сканды — сыновья Шивы и Парвати — более популярны, чем их родители (стр. 326).

Поскольку буддизм и индуизм сосуществуют в Шри Ланка в течение многих веков, автор закономерно ставит вопрос об их взаимовлиянии и делает вывод о том, «что влияние буддизма на индуизм незаметно». Воздействие же «индуизма на буддизм проявляется в столь своеобразной форме, что можно говорить лишь о признании буддистами некоторых богов индуистского пантеона». И автор дает следующую

щее объяснение этому явлению: «Сложное буддийское этико-моральное учение совершенно чуждо взглядам основной массы верующих индуистов. Боги же индуистского пантеона генетически связаны с древними добуддийскими богами, каждый из которых наделен какими-то конкретными чертами, а поэтому более понятен простому верующему человеку» (стр. 337).

В Заключении дается краткий анализ межэтнических отношений в Республике Шри Ланка, критикуются попытки реакционных сил разжечь сингало-тамильскую рознь.

Монография автора рассматривает широкий круг вопросов. Ее, как и другие работы В. И. Кочнева, характеризует глубокое понимание анализируемых им явлений, которые берутся в их диалектически сложном, неразрывном взаимодействии. Подобный подход автора к анализу явлений общественной жизни обуславливает подлинно научное осмысление исследуемых им проблем. Возможность такого подхода проистекает из тщательного изучения автором огромного фактического материала, содержащегося в многочисленных проработанных им источниках, значительная часть которых впервые вводится им в оборот в советской научной литературе.

Естественно, в работе, столь широкой по охвату вопросов, не все затрагиваемые в ней проблемы могли быть разобраны подробно. Но хорошее знание изучаемого автором предмета позволило ему в целях экономии места ограничиться в ряде случаев аргументированными обобщениями, базирующимися на результатах предшествующих исследований, проведенных как самим автором, так и другими учеными.

Новая книга В. И. Кочнева является, по нашему мнению, ценным вкладом в изучение этнической, социальной и духовной истории населения Шри Ланка и, будучи своего рода обобщением работ как самого автора, так и других исследователей, может служить показателем того высокого уровня, которого достигло в своем развитии ланковедение.

Но давая столь высокую оценку рецензируемой нами работе, мы в то же время считаем своим долгом подчеркнуть, что она, несмотря на все ее достоинства, никоим образом не может считаться «полным» освещением всех проблем этнической или этносоциальной истории Шри Ланка. Например, ограниченность объема монографии не позволила автору остановиться на некоторых загадочных, давно уже исчезнувших и ныне известных только из фольклора гипотетических этносах (в том числе племени ниттаево) или шире привлечь для сравнения материал по другим странам, что дало бы ему возможность сделать более широкие обобщения.

Однако все это отмечается нами не в укор автору, от которого никто не вправе требовать невозможного — охватить в одной работе все без исключения явления этнического и этносоциального развития Шри Ланка и к тому же в сравнении с аналогичными или сходными явлениями в других странах, но лишь затем, чтобы подчеркнуть, какую огромную и перспективную сферу исследований представляет собой этнография Республики Шри Ланка, которой до сих пор в нашей стране занимаются, к сожалению, лишь немногие ученые.

Ю. Н. Маслов

Ш. А. Богина. Иммигрантское население США. 1865—1900 гг. Л., 1976, 276 стр.

Всестороннее изучение процессов иммиграции и последующего вхождения иммигранционных контингентов в социально-этнический организм принявшей их страны имеет первостепенное значение для понимания всей этнической истории таких стран, как США, Канада, Австралия. Ведь современное их население в основном создано именно иммиграцией. Изучение иммигрантского населения необходимо и для проникновения в глубь современных этнических ситуаций и этнических процессов, идущих в подобных странах. Все это говорит об актуальности темы рецензируемой книги, а то обстоятельство, что автор ее давно занимается проблемами иммиграции в США и стала знатоком вопроса, позволяет ожидать, что в ее новой книге мы найдем содержательный и интересно поданный материал.

И эти ожидания не обманывают читателя — книга и в самом деле превосходна. Помимо обширного круга фактических сведений в ней (иногда как бы «между строк») много ценных обобщений, важных концепционных положений.

Вполне обоснованно выбраны хронологические рамки книги — 1865 и 1900 годы. Начальный рубеж совпадает с окончанием Гражданской войны в США, конечный — с вступлением этой страны в период империализма. Временные рубежи, избранные автором, удачны и с чисто иммиграционной точки зрения: в них вмещается период как «старой», так и «новой» иммиграции. Напомню, что, анализируя межконтинентальные миграции, В. И. Ленин в 1913 г. писал: «До 1880 года преобладала так называемая старая иммиграция, из старых культурных стран, Англии, Германии, частью Швеции... С 1880 года начинается невероятно быстрый рост так называемой новой иммиграции, из восточной и южной Европы, из Австрии, Италии и России»¹.

Я сознательно напоминаю эти ленинские слова — мне придется еще к ним вернуться. Сейчас же обращаю внимание на то, что структуру своей книги Ш. А. Богина связала с «поэтапным» выходом в первый ряд иммиграционных контингентов переселенцев то из одних, то из других стран. Три первые ее главы можно определить как «микромонаграфии», посвященные соответственно немецкой («старая»), итальянской («новая») и скандинавской иммиграции; в четвертой главе рассмотрены «некоторые другие характерные иммигрантские группы» (выделенные также по этнической принадлежности). Теоретические обобщения (помимо многих сформулированных до этого, по ходу дела) собраны в заключение, которое называется «Межэтнические отношения в США». Приложением служит обстоятельная «Историография иммиграции в США», где, в частности, критически оценена и значительная часть использованной в книге американской научной литературы. Это приложение представляет самостоятельную ценность.

На протяжении всей книги Ш. А. Богина демонстрирует отличное владение материалом, и читатель получает истинное удовольствие от профессионального мастерства автора. В частности, в книге очень удачно скомпонованы разнообразные свидетельства современников и результаты обследований и сбора «мнений», рисующие социальный престиж и ступени вхождения тех или иных иммигранционных групп в американский «плави́льный котел».

Своеобразие книги в большой мере определено кругом использованных источников. Конечно, Ш. А. Богина взяла необходимые ей отправные цифры из censов и других аналогичных статистических публикаций; но, не стремясь создать историко-демографическое исследование, она не сделала подобные публикации основным своим источником (и, вероятно, извлекла из них далеко не все, что в них содержится). Зато она вскрыла целые пласты других первичных материалов, наложивших на ее обобщения и выводы печать высокой достоверности.

Иногда это письма на родину иммигрантов, поселявшихся в США. Часть таких письменных свидетельств самих участников процесса иммиграции извлекалась из подборок, публиковавшихся в разное время в зарубежных изданиях (особенно это относится к письмам эмигрантов из скандинавских стран); но в значительной мере привлечены и архивные материалы, открытые автором, и это с особенной силой сообщает всему изложению дыхание подлинности. Дело в том, что среди иммигрантов (главным образом немецких) последней трети XIX в. очень велика была прослойка связанных с социалистическим рабочим движением. Активная деятельность их в I Интернационале, сам Генеральный Совет которого под конец был переведен в США, близкие связи многих из них с вождями революционной мысли — с Энгельсом, Либкнехтом, Зорге, Дигеном и др. — все это породило громадное эпистолярное наследство, и большая часть его ныне вошла в фонды Партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 90.

Письма иммигрантов-социалистов об их судьбах и судьбах многих их товарищей, биографии и истории целых семей, оценки современниками — деятелями рабочего движения — положения иммигрантов за океаном дали Ш. А. Богиной возможность ввести в научный оборот обширный, ранее не публиковавшийся материал первостепенного значения. Чтобы добраться до него, нужны были многие условия: исключительное упорство и трудолюбивая настойчивость, отличная интуиция историка, да еще хорошее владение языками... И всеми этими качествами автор, как доказывает книга, обладает.

Третьим пластом, из которого Ш. А. Богина черпала свой материал и который «переносил» ее, словно некая машина времени, в изучаемую эпоху и даже как бы открывал ей путь чуть ли не к «личному» интервьюированию иммигрантов этой эпохи, была целая серия публикаций, отражавших итоги подобных интервью. Проведенные на месте исследователями — современниками изучаемых Богиной миграций, такие обследования также создают своеобразный «эффект присутствия». Опубликовавшие такие интервью американские ученые (среди них много натурализовавшихся иммигрантов, о чем иногда сообщает автор, иногда мы сами легко догадываемся, например, по их итальянским именам) позволили Ш. А. Богиной словно осуществлять, используя их материалы, «интервью второй степени».

И наконец, в книге не раз используются свидетельства художественной литературы, которые сообщают живые штрихи жизни иммигрантов разной этнической принадлежности.

Следует заметить, что привязка основного содержания книги к единичным свидетельствам сама по себе могла бы насторожить читателя. Можно вспомнить здесь очень важные для каждого этнографа и историка предостережения В. И. Ленина из его замечательной статьи «Статистика и социология»: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры... Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже»².

Но к изложению Ш. А. Богиной, построенному на отдельных случаях, упрек в произвольности их был бы неправомерен — как раз потому, что случаи эти берутся непременно в контексте процесса, взятого в целом, в тесной связи с самыми существенными его чертами; именно это делает их типичными, репрезентативно-характеристичными. Да и рассказывают эти «частные случаи», эти единичные факты биографий отдельных иммигрантов всегда о важных, основных аспектах вхождения их в американский социально-этнический организм.

В частности, большое внимание уделяется тому, в какой мере иммигрантам — по большей части выходцам из европейских деревень, удается воплотить свою заветную мечту: «сесть» за океаном на землю, завести собственную ферму. Это и в самом деле важнейший социальный параметр. В 1887 г. Энгельс, прекрасно осведомленный, так сказать из первых рук, о положении иммигрантов в США, писал: «Два обстоятельства долго мешали неизбежным следствиям капиталистической системы проявиться в Америке во всем своем блеске. Это — возможность легко и дешево приобретать в собственность землю и прилив иммиграции. Это позволяло в течение многих лет основной массе коренного американского населения еще в расцвете физических сил „отказываться“ от занятия наемным трудом и становиться фермерами, торговцами или предпринимателями, между тем как тяжелая работа по найму, положение пожизненного пролетария большей частью выпадало на долю иммигрантов»³. Иммигранты, обычно обладавшие недостаточными средствами для продвижения в глубь страны и создания там собственных хозяйств, оседали в портовых городах своего прибытия и пополняли контингенты рабочего населения и других городов на востоке США, а попадавшие во внутренние районы часто долгое время батрачили на чужих фермах.

Книга Ш. А. Богиной показывает, что «доля городского населения среди американских немцев во второй половине XIX в. значительно превышала соответствующую долю среди всего населения США. Особенно это относилось к крупным городам...» (стр. 20). Если так обстояло дело с немцами, которые «традиционно считались самой сельской из иммигрантских национальных групп» (стр. 19), то легко представить себе, что большинство иммигрантов из Италии (этих типичных представителей «новой» иммиграции) в США «изменило классовую принадлежность, превратившись в рабочих промышленно развитого общества» (стр. 77—78).

«Связь с целым», убедительное выявление именно типичности описываемых бесчисленных частных случаев красной нитью проведены через всю книгу. Эта связь показана и через анализ мотивов и предпосылок миграций, и через статистику занятости иммигрантов по прибытии их в США, и через рассмотрение участия их в церковной жизни на новой родине, и т. д. Иногда из отдельных штрихов, которые, впрочем, достаточно типичны, автор выводит и важную общую черту. Например, на стр. 128—129, начав со смены итальянских имен на англоязычные и с роли итальянских землячеств, она заключает появлением в условиях дискриминации «защитного механизма

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 263, 264.

итальянского патриотизма» и подводит к такому тонкому обобщению: «Таким образом, можно сказать, что только в Америке сицилийский батрак начинал сознавать себя итальянцем. Но сознательно культивируемая гордость всем итальянским сочеталась с намерением стать частью Америки и с — также сознательно культивировавшимся — американским патриотизмом. Так вырабатывалась идеология возникавшей итало-американской этнической общности».

Во всей книге мне встретились, может быть, лишь два или три примера слишком уж частных случаев, которые можно было бы оценить как «фактики» (например, чрезмерно «узкосемейные» истории, рассказанные на стр. 207 и 210). Кроме того, читатель-демограф мог бы посоветовать на то, что случаи, извлекаемые из проведенных в свое время интервью, не сопровождаются указанием числа проинтервьюированных лиц, и поэтому трудно судить о показательности итоговых количественных соотношений. Сама Ш. А. Богина лишь в одном случае упоминает о критерии достаточности числа опрошенных и признает его слишком малым (стр. 114).

Весьма дискуссионным я считаю то, что иммиграция из скандинавских стран в книге отнесена к «новой». Принятое в литературе рассмотрение ее в составе «старой» Ш. А. Богина объявляет «ходячим мнением», которое якобы выводится лишь из «положительной характеристики скандинавских выходцев в противоположность переселенцам из Южной и Восточной Европы», что в свою очередь обусловлено «внедрением в идеологию американского общества конца XIX в. расистских теорий» (стр. 138).

Если искать хронологические критерии, то гребень волны скандинавских иммигрантов (когда доля их во всей массе иммигрантов достигла 12,5%) приходится на 80-е годы, т. е. лежит как раз на стыке типичных периодов «старой» и «новой» иммиграции; так что с этой точки зрения ее в равной мере можно было бы отнести и к той и к другой. Ш. А. Богина сближает скандинавов с представителями «новой» иммиграции, исходя, как она выражается, из «существенных социальных характеристик как европейских, так и американских». Первые она видит главным образом в том, что движущими силами выталкивания с родины в значительной степени было аграрное перенаселение (но эти же силы были решающими и в «старой» иммиграции, например с Британских островов!); вторые — в том, что много скандинавских иммигрантов оседало в городах, пополняя кадры пролетариата, или первое время батрачило на чужих фермах, в частном наличии этнически обособленных шведских или норвежских общин и т. п. Указывается и на механизм «воспроизводства иммиграции» с помощью переводимых на родину «американских денег» (аналогия с итальянской иммиграцией; но этот механизм был, как известно, еще более типичен для более ранних миграций из Ирландии!).

Выражая серьезное сомнение в том, что иммиграцию из скандинавских стран следует относить к «новой», я хочу обратить внимание на то, что В. И. Ленин в приведенной выше характеристике «старой» иммиграции привязывает ее очаги к «старым культурным странам» Европы. Этот признак — качества иммигрантов, сплошь грамотных, легче, чем итальянцы или выходцы из Австро-Венгрии, закреплявшихся в квалифицированных и выше оплачиваемых профессиях, быстрее (и часто сознательно, через кружки и вечерние школы) преодолевавших языковой барьер, как мне представляется, очень существен. Скандинавские иммигранты оказывались под воздействием не, чем представители «новой» иммиграции к вхождению в индустриализованно-урбанизированную американскую социальную среду. Сама автор рецензируемой книги отмечает их высокую географическую мобильность (стр. 160), органическое участие их в процессе «общеамериканской миграции» на Дальний Запад (стр. 161), частые смешанные браки и т. п. Она правильно указывает, что значение оседания скандинавских иммигрантов в городах США преуменьшалось американской иммигрантоведческой литературой; убеждение, что они прежде всего потенциальные фермеры «было связано с характером американо-скандинавского стереотипа» (стр. 163). Замечу здесь же, что книга дает много и других ценных и весьма конкретных характеристик иммигрантов-скандинавов в США, но они, на мой взгляд, плохо вяжутся с надуманным перенесением этой этнической струи из потока «старой» иммиграции в «новую»⁴.

На стр. 239 автор, полемизируя (вполне справедливо!) с «создателем» теории двух исторических этапов иммиграции расистом Ф. Уокером, даже заявляет: «Научных оснований для принципиального противопоставления двух иммигрантских потоков не было, но оно послужило демагогическим средством разобщения американского рабочего класса и антимигрантской травли». Вполне соглашаясь со второй частью этого утверждения, я не могу никак не принять первую. Впрочем, если это сказано не в

⁴ Надо упомянуть здесь и то, что скандинавские иммигранты легче других «вписывались» в церковную жизнь США; это было связано с господствовавшим среди них протестантством. Показательно и широкое участие их в мормонском движении. Католики-итальянцы, как и католики-поляки, гораздо хуже уживались со своими единоверцами-ирландцами в рамках американской католической церкви. Ш. А. Богина справедливо уделяет достаточное внимание конфессиональным чертам иммиграции, поскольку в общественной жизни США изучаемой ею эпохи организационные формы церковной жизни играли существенную роль.

запальчивости спора, а всерьез, неясно — почему автор сочла нужным вообще поднимать вопрос о пересмотре «ходячего мнения» об отнесении скандинавской иммиграции к «старой»?

Трактовка скандинавской иммиграции в качестве «новой» — единственный, пожалуй, существенный пункт книги, вызывающий желание поспорить. Другие претензии к автору имеют второстепенный, часто лишь редакционный характер. На стр. 8 почему-то предлагается понимать термин «иммиграция» не как процесс вселения, а как совокупность самих вселившихся с их потомством (в нескольких поколениях!); к счастью, это своеобразное предложение не получило затем в книге никакого применения, и понятием иммиграции автор на деле пользуется в общепринятом смысле. Вряд ли стоило писать «городские популяции» вместо «городское население» (стр. 21). На стр. 108—109, говоря о пережитках патриархата, автор называет соответствующие общественные отношения патриархальными. Трудно не только произнести, но и прочитать прилагательное в выражении на стр. 230: «институционализированная (23 буквы!) религия» (хотя само это понятие введено метко) и т. п. Но в целом книга написана хорошо — очень живым и ясным — языком.

Мне как географу представляется, что Ш. А. Богина могла бы обогатить свой труд, уделив больше внимания анализу размещения иммигрантского населения в самих США. К данным, характеризующим это размещение, она, разумеется, обращается неоднократно (хотя бы потому, что все приводимые ею свидетельства современников всегда локализованы; есть и отдельные обобщения, например о преимущественном расселении отдельных этнических групп в том или ином районе, и т. п.). Но создание связанной общей географической картины их расселения (и последующих переселений) в качестве специальной цели в книге не поставлено. Ш. А. Богина правильно указывает на большое значение для американской историографии концепции Ф. Д. Тернера об «открытой», все время сдвигающейся на запад границе. Если бы она уделила больше внимания географической стороне расселения иммигрантов, она могла бы выигрышно рассмотреть в этой связи и аналогичную социально-географическую концепцию, с которой примерно тогда же выступал видный американский географ И. Боумен⁵.

Книга Богиней богата многими новыми методическими подходами, которые помогли ей сделать и важные теоретические выводы. Привлечение широчайшего круга конкретных свидетельств позволило показать механизмы того, как «потребности развития... этносоциального организма», в который включаются иммигранты, «вызывают перемену классовой принадлежности и рода занятий переселенцев» (стр. 223). Очень плодотворно в этой связи рассмотрение иммигрантского населения в виде не одного, но по меньшей мере двух поколений (многочисленные примеры с «полушведскими детьми» и проч.). Автор очень наглядно показывает формирование в США «переходных этнических общностей», например немецко-американской (стр. 55); эти общности выступают как «новые этнические образования, составляющие часть американского народа» (стр. 223). Неправильно считать, отмечает Ш. А. Богина, что ассимиляция иммигрантов — процесс простого «уподобления» себя жителям страны прибытия, так же как антиассимиляционные тенденции — простое «продолжение этнических традиций прежней родины» (стр. 223); нет, происходит именно формирование групп населения, обладающих новыми этническими свойствами. При этом «в американских этнических отношениях участвовали не две стороны — большинство населения и иммигрантское меньшинство, — а много; система эта включает сложные отношения между разными этническими группами... Эти отношения строились иерархически, иерархия же этнических групп определялась их положением в американском обществе» (стр. 228). Подобная концепция делает весь анализ отношений гораздо более глубоким.

Точно также введение понятия стереотипа открывает богатые возможности обогащения анализа методами социальной психологии. Автор указывает и на «возникновение у этнических групп автостереотипов... Иммигранты определенной национальности видели себя такими, какими видела их „референтская группа“ — та, на которую они ориентировались при выработке ценностей, которая служила им образцом» (стр. 230).

Очень тщательно в книге прослеживаются различия прогрессивно-демократических и реакционных тенденций в связанных с иммиграцией общественных процессах и в оценке их в исторической литературе. При этом автор не устает разоблачать органическую связь реакционных тенденций с идеологией расизма. Написанная с последовательно марксистских позиций, книга представляет хороший образец творческого применения марксистской теории к анализу важных конкретных исторических фактов.

Книга Ш. А. Богиней — заметное событие не только для нашей американистики, но и для всей теории межгосударственных миграций, динамики порождаемых ими межэтнических отношений. Ее с равным интересом, пользой и удовольствием прочтут этнографы и историки, социологи и географы.

В. В. Покищевский

⁵ The pioneer fringe. N. Y., 1931.

НАРОДЫ АФРИКИ

M. Ståhl. Ethiopia: political contradictions in agricultural development. Stockholm, 1974, 186 p.

Книга преподавателя Уппсальского университета (Швеция) Михаэля Столя представляет собой монографию, защищенную автором в качестве докторской диссертации в 1974 г. Основным материалом для исследования М. Столя послужили его полевые наблюдения 1971—1973 гг. Хронологически они относятся к предреволюционному периоду в истории Эфиопии, однако и тема работы, и выводы автора приобретают особую важность и злободневность именно сейчас, когда в этой стране проводится земельная реформа.

Книга состоит из 11 глав, приложения и библиографии. Автор скромно характеризует свою манеру исследования как «метод журналиста-аналитика», однако уже из введения, которое фактически является первой главой книги, видно, что М. Столь руководствуется глубоким анализом исторических процессов, анализом, марксистским по своему характеру. Автор подчеркивает, что «крестьянство нельзя рассматривать изолированно, а лишь в соотношении с той политической системой, в которую оно включено». При этом большое внимание исследователь уделяет существующим в Эфиопии способам производства, которых он насчитывает (принимая терминологию прогрессивного сирийского ученого С. Амина) три: полюдь, феодальный и капиталистический. Полюдь М. Столь вслед за С. Амином определяет как такой способ производства, при котором земля остается в общинном владении крестьян, ее обрабатывающих, но контроль над производством находится в руках посторонних властителей, изымающих часть прибавочного продукта, накладывая дань. Полюдь превращается в феодальный способ производства, когда властитель присваивает право собственности на землю, превращая крестьян в арендаторов, непосредственно подчиненных землевладельцу.

Во второй главе М. Столь дает краткий обзор первобытной истории региона, возникновения эфиопского феодального королевства, его социальной структуры и политической истории с начала XVI до середины XIX в. В третьей главе рассматривается история территориальной и политической экспансии феодальной Эфиопии в Шоа, завоевания южных провинций, вскрываются экономические причины, предопределившие их захват, и механизм эксплуатации завоеванной «периферии» феодальным «центром». Последние явления М. Столь разбирает в свете структурной теории империализма И. Гальтунга и пользуется его терминологией: «центр», «периферия», «плацдарм».

В небольшой по объему четвертой главе автор кратко указывает на те политические и административные изменения, которые произошли в Эфиопии с 1913 по 1941 г. Эти последние три главы не представляют самостоятельного исследования, но такие исторические материалы, изложенные на основании широкого круга самых современных работ, оказываются весьма полезными для дальнейшего разбора противоречий, характерных для современного сельского хозяйства Южной Эфиопии, и позволяют М. Столю показать, как они возникли и развились в нынешнюю свою форму.

Разбирая в пятой главе аграрную политику императорского правительства, и в частности земельные пожалования, автор на основании документальных и статистических данных показывает, что целью этих многочисленных пожалований правительства и лично императора было не столько провозглашенное «распределение земель среди безземельных и безработных эфиопов», сколько желание привлечь на свою сторону представителей верхушки эфиопского общества, которым доставалась львиная доля распределяемой по декретам земли. Иностранная же (главным образом американская) помощь, к которой широко прибегало императорское правительство, проводя свою «политику развития», использовалась главным образом с целью получения современной военной техники и кредитов для правительственных нужд, а также внедрения капиталистического способа производства и определенного стимулирования развития зарождавшейся эфиопской буржуазии. В этой области была достигнута полная гармония интересов императорского правительства и правительства США, которое, как пишет М. Столь, «получило доступ к стратегически важным пунктам на крыше Африки, а иностранные компании — дешевую рабочую силу и природные богатства при хорошем „инвестиционном климате“». Императорское правительство получало взамен современную военную технику для подавления внутренних противников, и в добавление к этому члены императорской фамилии, а также некоторые члены правительства приобретали свою долю акций в компаниях, добившихся доступа в страну» (стр. 72—73). Широко же разрекламированная «политика развития крестьянской экономики» в данном случае приносилась в жертву стимулированию капиталистического способа ведения сельского хозяйства, так как создание крупных ферм в районах распространения крестьянского производства неизбежно приводило к вытеснению или изгнанию крестьян с пахотных земель и пастбищ.

В шестой главе М. Столь подробно описывает картину землевладения и землепользования, сложившуюся в Эфиопии к началу 60-х годов. Для южных провинций страны

она при всей ее сложности характеризовалась тем, что подавляющее большинство крестьянства составляли малоземельные крестьяне, вынужденные арендовать землю на условиях издольщины, и совсем безземельные арендаторы. То, что крестьяне вынуждены были отдавать свою долю сразу же после сбора урожая, когда рыночные цены низки, а в случае нехватки зерна брать его в долг перед урожаем, когда они высоки, усугубляло зависимость арендаторов от землевладельцев. «В конечном итоге,— пишет М. Столь,— арендаторство приводит к издольщине, что в результате зачастую делает крестьян равнодушными к усовершенствованиям. Если посмотреть с другой точки зрения, то арендаторство является необходимым условием для власти и богатства землевладельцев. Внутренние противоречия в целом присущи этой структуре» (стр. 91).

В этих политико-экономических условиях и предпринимались те попытки развития крестьянской экономики, которые далее подробно рассматриваются автором. Они планировались в виде так называемых «пэкэдж-программ», которые формулировались третьим пятилетним планом «как часть долгого, медленного, экспериментального и диффузного процесса преобразования традиционной крестьянской экономики». Замедленность эта определялась недостатком государственных средств, восполнить который должна была помощь со стороны правительства Швеции. Программы следовало проводить в определенных областях, где осуществлялись предварительные исследования и куда вкладывались значительные средства для развития сельского хозяйства. Одновременно предусматривалось проведение так называемых «минимальных программ» в отдельных районах, целью которых было продемонстрировать крестьянам преимущества некоторых доступных средств современной агротехники и побудить использовать их. М. Столь подробно описывает как проекты этих программ и подготовительные мероприятия для них, так и сам процесс их проведения в жизнь, реакцию на них со стороны крестьян, землевладельцев и государственных чиновников. Автор констатирует полную неудачу «пэкэдж-программ» и дает тщательный анализ ее причин.

Главной причиной М. Столь считает политические противоречия, которые были присущи как эфиопскому обществу в целом, так и земледельческому населению южных провинций. Он отмечает, что в антагонистическом классовом обществе повышение производительности труда не влечет за собой автоматического повышения уровня жизни. То повышение производительности, к которому действительно приводит организация механизированных ферм капиталистического типа, одновременно влечет за собой сгон с земли арендаторов и лишение их средств к существованию.

Рассмотрев деятельность программы, проводившейся в области Чилало с помощью шведских специалистов, М. Столь приходит к выводу, что неудача этой программы была вызвана: 1) отрицательным отношением официальных лиц к идее крестьянской кооперации; 2) слишком технократическим уклоном шведских специалистов, оказавшихся не в состоянии правильно оценить противоречивость эфиопского общества; 3) глубоким и в общем вполне оправданным недоверием крестьян к правительственным мероприятиям. В целом же, отмечает М. Столь, «опыт Чилало показывает, что политика развития крестьянской экономики, с какими бы добрыми намерениями она ни проводилась, обречена на неудачу, так как она не в силах преодолеть той политической системы, в которой крестьянству отводится подчиненная роль» (стр. 105). Что же касается создания кооперативных обществ, то в рамках прежней политической системы оно, по мнению автора, могло привести лишь к тому, что вековая эксплуатация беднейшего крестьянства продолжалась, приспособляясь к новым техническим условиям.

Касаясь опыта проведения «минимальной программы» в другом районе Южной Эфиопии — Бако, М. Столь показывает, что попытки создать крестьянские кооперативы и через них пропагандировать и внедрять современную агрикультуру, окончились неудачей из-за яростного противодействия местных землевладельцев. В дальнейшем же, с улучшением дорожного сообщения со столицей, широкое развитие получили механизированные фермы капиталистического типа. Если «минимальная программа» оказалась бессильной сломать феодальную систему издольщины в Бако, то современному капитализму это удалось вполне. Следствием же явилось массовое изгнание арендаторов.

Рассматривая итоги проведения другой программы в области Шашамане, где основные усилия были направлены на пропаганду использования удобрений и предоставление кредитов для их покупки, М. Столь также констатирует ее неудачу. В отличие от Бако, где землевладельцы запрещали своим арендаторам участвовать в потребительских кооперативах, создаваемых программой, в Шашамане они заставляли их пользоваться кредитами на удобрения, так как использование последних действительно повышало производительность и доход землевладельцев. Однако повышение производительности привело к падению рыночных цен на зерно в Шашамане (а землевладельцы требовали арендную плату деньгами сразу после сбора урожая), и жизненный уровень арендаторов практически не изменился. Более того, резкое обогащение землевладельцев ускорило создание механизированных ферм в этом районе, что неизбежно повлекло за собой сгон арендаторов с земли. М. Столь, рассматривая эту проблему в теоретическом плане, развивает мысль С. Амина о «связи» способов производства и указывает, что в данном случае капиталистический способ оказывается тесно связанным с феодальным. Для крестьян же это означает не повышение жизненного уровня, что было целью проводимой программы, а замену одной формы эксплуатации другой, нередко еще более жестокой.

В своем исследовании М. Столь подчеркивает, что любые программы и меры, направленные на развитие сельского хозяйства и повышение уровня жизни крестьян в Эфиопии, неизбежно затрагивали как крестьян, так и землевладельцев, чьи интересы представляло и защищало императорское правительство. И здесь очень скоро обнаруживались границы широко разрекламированного императорского реформизма. Автор пишет: «Было бы неверно утверждать, что императорское правительство против социальных перемен. Но земельная и сельскохозяйственная политика, которую оно санкционирует, усиливает неравномерное развитие южных провинций. Увеличение богатства немногих и обнищание большинства ускоряется по мере внедрения товарных отношений в сельское хозяйство. Поощряя капиталистический способ производства в феодальных областях, императорское правительство привносит новые черты в вековую эксплуатацию крестьян. Южные горные районы вовлекаются в современный динамический процесс роста отсталости» (стр. 167). Под отсталостью же М. Столь понимает обнищание масс, которое происходит в результате внедрения в экономику стран «третьего мира» капиталистических отношений.

В приложении к книге, которое названо «Хенна-проект — альтернатива?», М. Столь разбирает единственный известный ему случай деятельности первого крестьянского не потребительского, а производственного кооператива в Эфиопии. Он показывает, что в районе Хенна действительно наблюдалось повышение жизненного уровня крестьян, но в то же время указывает и на ту опасную антипатию, которую вызвал этот кооператив у местных землевладельцев и государственных чиновников.

После революции 1974 г. и земельной реформы, которая началась в марте 1975 г., в стране многое изменилось. Тем не менее тот глубокий анализ социально-экономических и политических противоречий в эфиопском сельском хозяйстве, которые дает М. Столь в своей книге, не потерял актуальности и представляет значительный интерес для широкого круга специалистов, занимающихся современными проблемами развивающихся стран.

С. Б. Чернецов

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

М. С. Бутинова. Миссионерство и колониализм в Океании («Актуальные проблемы истории религии и атеизма», вып. II). Л., 1975, 167 с.

В наши дни Океания — последний крупный осколок колониальной системы империализма. Правда, и здесь появилось пять независимых государств и несколько самоуправляющихся территорий. Но их самостоятельность пока весьма относительна, так как страны-метрополии все шире применяют в этом регионе методы неоколониализма. В частности, большие надежды современные колонизаторы возлагают на христианские миссии и другие церковные организации, действующие на тихоокеанских островах. Изыскиваются пути и методы, с помощью которых миссионеры могли бы продолжать оказывать влияние на народы нынешних и бывших колоний. Для этого колонизаторы и неоконизаторы пытаются заставить эти народы забыть о связи миссионерства с колониализмом в прошлом и убедить их в отсутствии такой связи на современном этапе. Вот почему столь актуально исследование М. С. Бутиновой, в котором на примере Океании убедительно показана тесная и неразрывная связь миссионерства с колониализмом на всем протяжении существования колониальной системы.

В основу книги положена докторская диссертация, успешно защищенная М. С. Бутиновой¹. Автор привлек и критически использовал широкий круг источников и литературы — сочинения миссионеров и других церковников, публикации материалов из миссионерских архивов, книги русских и зарубежных моряков и путешественников, работы ученых разных специальностей, периодическую печать. Все эти материалы проанализированы в первой, историографической, главе диссертации, к сожалению, отсутствующей в рецензируемой книге². Автором учтен и вклад советских исследователей в изучение океанийского миссионерства. Следует, однако, сказать, что до сих пор советскими учеными не было создано работы, в которой проблема «Миссионерство и колониализм» была бы рассмотрена на материалах всех народов Океании, притом с появления здесь первых миссионеров до наших дней. Этот существенный пробел и заполнил исследование М. С. Бутиновой.

Среди целой армии английских, французских, американских, немецких и прочих миссионеров, в разное время подвизавшихся на островах Океании, встречались разные личности. Тут были и яростные фанатики, не останавливающиеся ни перед чем ради обращения в христианство «язычников, пребывающих во мраке», и миссионеры-дельцы, которые проповедь «царства небесного» совмещали с накоплением «мирских» богатств для себя и своих наследников, и отдельные образованные и любознательные люди, которые оставили хотя во многом и тенденциозные, но интересные описания культуры и быта обитателей ряда островов, и, наконец, такие (их было, пожалуй, меньше всего), кто искренне стремился помочь островитянам не только обрести «вечное блаженство» на небесах, но и улучшить их жизнь на этой грешной земле. Если взять, например, христианских «пастырей», действовавших на Гавайских островах, то тут на одном полюсе окажется Хайрем Бингхем — деспот, интриган и стяжатель, а на другом — отец Дамиен, поселившийся в колонии прокаженных на острове Ланаи, самоотверженно пытавшийся помочь этим несчастным, сам заразившийся этой, тогда неизлечимой болезнью и умерший среди своих подопечных. М. С. Бутинова не игнорирует этих индивидуальных различий. Но она совершенно справедливо концентрирует внимание не на этих субъективных факторах, не на оценке деятельности отдельных миссионеров, а на исследовании миссионерства как социально-исторического явления, неразрывно связанного с колониализмом, с колониальной политикой капиталистических держав в Океании. При таком подходе индивидуальные различия между миссионерами оказываются несущественными, ибо все они объективно, независимо от субъективных намерений (даже отец Дамиен, который подвигом своей жизни в какой-то мере поднял сильно подмоченный престиж американских миссионеров на Гавайях), служили целям колонизаторов.

Как справедливо отметила М. С. Бутинова, ее исследование находится на стыке трех наук — истории, этнографии и религиоведения. Автор удачно использовал их потенции, и такой комплексный метод дал значительные научные результаты.

В книге освещается широкий круг проблем. В ней дается краткая характеристика этнического состава коренного населения Океании, уровня его социально-экономического развития и специфики культуры ко времени появления миссионеров (гл. I), рассказывается о возникновении и эволюции миссионерских теократий на ряде архи-

¹ См. М. С. Бутинова. Миссионерство и колониализм (по материалам народов Океании). Автореф. докт. дис. М., 1975.

² Эта глава послужила основой для статьи М. С. Бутиновой «Миссионерство в Океании (историографический обзор)», опубликованной в журнале «Сов. этнография», 1977, № 1.

пелагов (гл. II), освещается роль миссионеров в подготовке и закреплении колоннальных захватов (гл. III) и влияние этих проповедников на культуру океанийцев (гл. IV), анализируются синкретические секты и культы в антиколоннальной, антимиссионерской направленностью (гл. V) и, наконец, прослеживаются современный закат миссионерства в Океании, возникновение там независимых церквей и попытки приспособления миссионеров к новым условиям (Заключение).

Все эти главы отличаются обилием фактического материала, содержат глубокие и оригинальные обобщения. Но для этнографов наибольший интерес, пожалуй, представляют главы IV и V. Хотелось бы, в частности, отметить глубокую и всестороннюю оценку «просветительской деятельности» миссионеров на островах Океании, интересный сравнительный анализ навязываемой миссионерами религии и местных верований, а также специфики океанийского христианства.

Превосходно написана глава V — «Религиозные движения в Океании». Автор обоснованно критикует в ней существующие в зарубежной науке тенденции искать причины миллениаристских движений в Океании в традиционных социальных и религиозных институтах островитян или в методах пропаганды христианской религии миссионерами. Как справедливо подчеркивает М. С. Бутинова, движения эти вызваны к жизни естественным стремлением океанийцев сбросить с себя цепи колониализма, т. е. порождены колоннальным гнетом. Другое дело причины, обусловившие различные формы этих движений. Их действительно следует искать, как отмечает автор, в традиционных социальных и религиозных институтах океанийцев, а также в методах пропаганды христианского вероучения миссионерами. Очень удачно цитируются в этой главе высказывания самих островитян о сущности местных верований и синкретических религиозных движений (стр. 111, 118, 123—125). Приятно отметить, что здесь использованы также материалы о карго-культе, собранные в 1971 г. советскими этнографами на Берегу Маклая (стр. 127, 128).

Как и всякое большое исследование, книга М. С. Бутиновой не лишена отдельных недочетов и дискуссионных положений.

Нам представляется, например, что следовало бы внести некоторые уточнения в предложенную автором периодизацию миссионерского движения в Океании. «В истории океанийского миссионерства, — пишет М. С. Бутинова, — как нам кажется, можно различать три периода (не считая начального): теократический, колониальный и послеколониальный» (стр. 134).

Нужно, однако, учесть, что теократический период (т. е. период миссионерского владычества еще до захвата соответствующего острова или архипелага одной из колониальных держав) был характерен не для всей Океании, а почти исключительно для Полинезии. Это фактически показано самим автором во второй главе. Правда, М. С. Бутинова отнесла к миссионерским теократиям и хозяйничанье иезуитов в XVII в. на расположенных в Микронезии Марианских островах. Но, как справедливо отмечается в книге, монахи действовали здесь при поддержке испанских колониальных властей, опираясь на мечи испанских солдат (стр. 25—27). Сама М. С. Бутинова называет первого испанского губернатора Марианских островов, правившего в этот период, конкистадором (стр. 26). Поэтому правильнее, на наш взгляд, в данном случае говорить не о теократическом правлении, а о типичной для испанских завоевателей XVI—XVII вв. конките, при которой христианизация и колонизация, крест и меч сливались воедино. Что же касается Новой Гвинеи и других островов Меланезии (за возможным исключением Фиджи), то, как представляется, в их истории вообще нельзя выделить теократический период. Однако М. С. Бутинова обнаружила и здесь некоторые черты теократического правления (стр. 41, 42). Но, во-первых, не следует забывать, что сколько-нибудь существенные успехи миссионеров в Меланезии, как правило, начинались после аннексии соответствующего острова или архипелага колониальной державой, т. е., по периодизации самого автора, в колониальный период. Во-вторых, как справедливо отмечает на стр. 42 М. С. Бутинова, на Новой Гвинее и в северо-западной Меланезии отсутствовали социальные структуры, необходимые для установления теократического правления миссионеров. Вот почему, как нам представляется, включать в общую периодизацию океанийского миссионерства теократический период можно только с серьезными оговорками.

Не совсем удачным кажется нам и название последнего периода в классификации М. С. Бутиновой — послеколониальный. Дело в том, что на протяжении всей книги автор последовательно показывает неразрывную связь океанийского миссионерства с колониализмом. Более того, на наш взгляд, в Океании миссионерство может исчезнуть раньше, чем будут искоренены современные модификации колониализма, ибо уже теперь на смену миссиям здесь почти повсеместно приходят другие формы христианских религиозных организаций. Как же лучше назвать этот период? На стр. 135 М. С. Бутинова подчеркивает, что в настоящее время «важную роль в осуществлении... неоколониалистических замыслов призвано сыграть миссионерство». Представляется, что этот период и следует назвать неоколониалистским.

Перед автором стояли серьезные трудности, так как в небольшой по объему книге необходимо было изложить огромный конкретно-исторический материал. М. С. Бутинова в целом успешно справилась с этой задачей. Книга имеет четкую структуру, в ней нет ничего лишнего, она написана хорошим, образным языком. Но последствия вынужденного ограничения листажа все же дают о себе знать. Это в особенности от-

носится к главе I («Океания в период появления миссионеров»), написанной крайне сжато. Например, характеристика техники океанийского земледелия здесь фактически дается в одной фразе. «Техника земледелия,— читаем мы на стр. 10,— на многих островах также была сходной: на выбранном участке рубили и сжигали деревья, обносили его забором, взрыхляли землю и производили посадку». Эта характеристика, однако, может быть отнесена главным образом к Новой Гвинее и некоторым другим меланезийским островам, так как в южной Меланезии и на большинстве полинезийских архипелагов существовали более интенсивные системы земледелия, нередко с применением удобрений и искусственного орошения. Подсечно-огневая система не была характерна и для низменных коралловых островов по всей Океании. Здесь главную роль играло выращивание плодовых деревьев, дополняемое возделыванием таро на маленьких, зачастую искусственно орошаемых участках.

При подготовке нового, дополненного издания рецензируемой книги желательно также более подробно осветить современное состояние миссионерского движения в Океании. Этот сюжет рассматривается автором в Заключении, тогда как целесообразно посвятить ему специальную главу. Попытаемся выделить некоторые характерные особенности современной ситуации.

Посетив в 1971 г. острова Океании на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев», группа советских этнографов смогла наблюдать как бы разные этапы в развитии океанийского миссионерства. На Берегу Маклая все еще действовала лютеранская миссия, возглавляемая миссионером-американцем. На о. Эфате (Новые Гебриды) мы присутствовали в деревенской церкви на богослужении, которое вел пастор-новогебридец; но руководящие должности в местной протестантской церковной организации занимали миссионеры-европейцы. На атолле Фунафути действовала формально независимая Церковь островов Эллис, все священнослужители которой — полинезийцы, но, как нам сказали, она получала тогда финансовую помощь от Конгресса рационального совета мировой миссии (так стало именоваться Лондонское миссионерское общество).

С тех пор финансовая помощь мировых миссионерских центров океанийским церквям стала более централизованной, а руководство — еще более замаскированным. Международный миссионерский совет слился с Всемирным советом церквей, а все финансовые пожертвования, поступающие в Океанию от протестантских церковных организаций, распределяются теперь через Тихоокеанскую конференцию церквей, которую в 1974—1975 гг. возглавляла жена премьер-министра Западного Самоа. Это, однако, не меняет социальной сущности современного океанийского миссионерства и связанных с ним местных церквей. «До сих пор наши церкви остаются колониальными по мышлению, взглядам и поступкам и, подобно другим группам элиты, кровно заинтересованы в сохранении status quo, в том, чтобы мы по-прежнему были кроткими, вялыми и послушными», — заявил в 1974 г. один из выдающихся представителей новой океанийской интеллигенции, самоанский поэт и драматург А. Вендт³.

Наряду с почти повсеместным свертыванием миссионерской деятельности наблюдается и другая тенденция, правда, несравненно более слабая: проникновение в те районы Меланезии, где еще недавно монополия принадлежала английским и французским миссионерам, американских «модернистских» церквей и сект. Например, в городе Порт-Вила (о. Эфате) мы наблюдали воскресную службу в американской церкви Ассамблеи бога. В зале было полно молодых меланезийцев, причем богослужение больше походило на джазовый концерт.

Изучение современной ситуации в Океании, в том числе состояния океанийского миссионерства, сопряжено с большими трудностями. Но, учитывая научное и политическое значение этой проблематики, хочется пожелать, чтобы она получила более полное отражение в советской научной литературе.

В заключение подчеркнем, что высказанные нами дискуссионные соображения и отдельные критические замечания не затрагивают существа исследования М. С. Бутиновой, составляющего значительный вклад в советскую обществоведческую науку. Вот уже четверть века М. С. Бутинова изучает религии народов Океании, историю миссионерства в этом регионе, а также общие проблемы религиоведения. В рецензируемой книге подводятся итоги ее многолетних изысканий. Эта монография представляет интерес как для историков, этнографов и религиоведов, так и для более широкого круга читателей. Поэтому достойно удивления, что она издана столь маленьким тиражом (500 экземпляров).

Д. Д. Тумаркин

³ A. Wendt. A sermon on rot. The view from Apia.— «New Guinea», v. 9, № 2, 1974, p. 21.

СОДЕРЖАНИЕ

Т. А. Жданко, М. А. Итина (Москва). Сергей Павлович Толстов	3
Ю. И. Семенов (Москва). Об изначальной форме первобытных социально-экономических отношений	15
В. А. Шнирельман (Москва). Роль домашних животных в периферийных обществах (на примере традиционных обществ Сибири и Америки)	29
В. А. Попов (Ленинград). К исторической типологии систем терминов родства: типы кроу и омаха	43
М. В. Крюков (Москва). Клановые общества китайцев-иммигрантов на Кубе в первой половине XX в. (к проблеме структуры и функций традиционных социальных институтов в инонациональной среде)	55
Г. Батнасан (Улан-Батор). Некоторые особенности перехода к оседлому образу жизни в Монгольской Народной Республике	68

Сообщения

Я. С. Смирнова (Москва). Некоторые количественные показатели отхода от обычаев избегания у кабардинцев и балкарцев	77
Н. Г. Волкова (Москва). Бацбийцы Грузии (этнографические заметки)	84
Г. С. Островский (Львов). Сценография фольклорного театра	90
Т. А. Трофимова (Москва). Черепя из склепа курганного могильника близ городища Джеты-асар 2	97

Поиски, факты, гипотезы

А. Д. Дридзо (Ленинград). «Братство по кораблю»	108
---	-----

Научная жизнь

В. И. Козлов (Москва). Методологические проблемы этнографии (к итогам международного симпозиума)	117
А. С. Мыльников (Ленинград). В гостях у австрийских этнографов (заметки и наблюдения)	132
Л. П. Лашук (Москва). Всесоюзная этнографическая студенческая конференция 1976 года	136
Коротко об экспедициях	138

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Ю. В. Маретин (Ленинград). Этнография в Восточной комиссии Географического общества СССР (обзор работы за два десятилетия)	140
С. А. Арутюнов (Москва). Новые книги о ранних формах религии	145

Народы СССР

С. С. Савоскул (Москва). Коммунистическое воспитание тружеников села и вопросы повышения культуры сельского быта	159
Н. В. Шлыгина (Москва). История Эстонской ССР, тт. I—III	161
В. И. Васильев, Ю. Б. Симченко (Москва). Л. Е. Киселев. От патриархальщины к социализму	165
С. И. Вайнштейн (Москва). Б. А. Фролов. Числа в графике палеолита	166
С. Ю. Неклюдов (Москва). В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Избранные труды	169

В. А. Лапин, Б. Н. Путилов (Ленинград). <i>И. И. Земцовский. Мелодика календарных песен</i>	172
С. Б. Рождественская (Москва). <i>С. К. Жегалова. Русская народная живопись</i>	175

Народы зарубежной Азии

Ю. Н. Маслов (Москва). <i>В. И. Кочнев. Шри Ланка. Этническая история и социально-экономические отношения до начала XX в.</i>	176
---	-----

Народы Америки

В. В. Покшишевский (Москва). <i>Ш. А. Богина. Иммигрантское население США. 1865—1900</i>	180
--	-----

Народы Африки

С. Б. Чернецов (Ленинград). <i>М. Stahl. Ethiopia: political contradictions in agricultural development</i>	184
---	-----

Народы Океании

Д. Д. Тумаркин (Москва). <i>М. С. Бутинова. Миссионерство и колониализм в Океании</i>	187
---	-----

SOMMAIRE

T. A. Jdanko, M. A. Itina (Moscou). <u>Sergueï Pavlovitch Tolstov</u>	3
Yu. I. Sémiônov (Moscou). De la forme primitive des rapports socio-économiques préhistoriques	15
V. A. Chnirielman (Moscou). Le rôle des animaux domestiques dans les sociétés périphériques (à l'exemple des sociétés traditionnelles de la Sibérie et de l'Amérique)	29
V. A. Popov (Léningrad). Contribution à une typologie historique des systèmes des termes de parenté; les types dits Crow et Omaha	43
M. V. Kriukov (Moscou). Les sociétés de clan des Chinois-immigrants à Cuba dans la 1ère moitié du XXe siècle (contribution au problème de la structure et des fonctions des institutions traditionnelles dans un milieu ethnique étranger)	55
G. Batnassan (Oulan — Bator). Quelques traits spécifiques de la sédentarisation en République Populaire de Mongolie	68

COMMUNICATIONS

Ya. S. Smirnova (Moscou). Quelques index quantitatifs de l'écart de la coutume de soustraction chez les Kabardiens et Balkariens	77
N. G. Volkova (Moscou). Les Batsbiens de la Géorgie. Notes ethnographiques	84
G. S. Ostrovski (Lvov). La scénographie d'un théâtre folklorique	90
T. A. Trofimova (Moscou). Les crânes en provenance du caveau d'un tertre funéraire près du site de Djéty-Assar 2	97

Recherches, faits, hypothèses

A. D. Dridzo (Léningrad). La «Fraternité par navire»	108
--	-----

Vie académique

V. I. Kozlov (Moscou). Problèmes méthodologiques de l'ethnographie (des résultats d'un Symposium international)	117
A. S. Mylnikov (Léningrad). En visite chez les ethnologues autrichiens (notes et observations)	132
L. P. Lachouk (Moscou). Conférence ethnographique nationale d'étudiants de 1976	136
Missions en bref	138

Critiques et bibliographie

Articles de critique et revues

Yu. V. Marétine (Léningrad). L'ethnographie à la Commission Orientale de la Société Géographique USSR (aperçu des activités à travers de vingt ans)	140
S. A. Aroutiunov (Moscou). Nouveaux livres sur les premières formes de la religion	154

Peuples de l'U.R.S.S.

S. S. Savoskouï (Moscou). <i>Education communiste des travailleurs ruraux et les problèmes de l'élévation de la culture du mode de vie à la campagne</i>	159
N. V. Chlyguina (Moscou). <i>Histoire de la R. S. S. d'Estonie, tomes I—III</i>	161
V. I. Vassiliév, Yu. B. Simtchienko (Moscou). <i>L. Ye. Kisséliov. De la vie patriarcale au socialisme</i>	165
S. I. Vaïnchteïn (Moscou). <i>B. A. Frolov. Les nombres dans l'art graphique de l'époque paléolithique</i>	166
S. Yu. Niekliudov (Moscou). <i>V. M. Jirmounski. Epopée héroïque turque. Oeuvres choisies</i>	169
V. A. Lapine, B. N. Poutilov (Léningrad). <i>I. I. Ziemtsovski. Le mélodisme des chansons dits de calendrier</i>	172
S. B. Rojdiestvienskaïa (Moscou). <i>S. K. Jégalova. Peinture populaire russe</i>	175

Peuples de l'Asie hors l'U.R.S.S.

Yu. N. Maslov (Moscou). <i>V. I. Kotchniev. Shri Lanka. Histoire ethnique et rapports socio-économiques jusqu'au début du XXe s.</i>	176
--	-----

Peuples de l'Amérique

V. V. Pokchichievski (Moscou). <i>Ch. A. Boguina. La population immigrée aux Etats-Unis. 1865—1900</i>	180
--	-----

Peuples de l'Afrique

S. B. Tchiernietsov (Léningrad). <i>M. Ståhl. Ethiopia: political contradictions in agricultural development</i>	184
--	-----

Peuples de l'Océanie

D. D. Toumarkine (Moscou). <i>M. S. Boutinova. Missions chrétiennes et colonialisme en Océanie</i>	187
--	-----

Технический редактор Т. И. Сироткина

Сдано в набор 12/1-1977 г. Т-03371. Подписано к печати 17/III-1977 г. Тираж 2715 экз.
Зак. 4429. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 16,8+1 вкл. Бум. л. 6. Уч.-изд. л. 19,8.

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10